

№ 5(17). 2016

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера:

Я каждый день живу в бою,
В атаке неприкрытой.
Я вижу Родину мою
Развенчанной, убитой.

И я с утра вступаю в бой
Со злом и фарисейством,
С чиновной сворою тупой,
С холуйством и плебейством...

Владимир Скиф

У нас нет кризиса духовного, наоборот, у нас духовное возрождение.
Я лично благодарю Бога и Запад — за санкции. И молю Бога, чтобы еще
какое-то время нас оставили в покое и не поднимали цены на нефть.

Николай Бурляев

Октябрь 2016 № 5 (17)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

- Григорий Блехман** — член Союза писателей России
Дмитрий Воронин — заместитель главного редактора, раздел «Проза»,
E-mail: pimin00@rambler.ru
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Николашин — заместитель главного редактора, ответственный
редактор
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Вадим Салеев — доктор философских наук, профессор, главный редактор
журнала «Артефакт» Белорусской государственной академии искусств
Светлана Супрунова — заместитель главного редактора по разделу «Поэзия»,
E-mail: suprunova60@rambler.ru
Владимир Шемшученко — член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014

Дата выхода номера в свет: 20 октября 2016 года

Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:

236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки — Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка — Елена Балантаева

Отпечатано в типографии ООО «График Артс»

г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Публицистика	
Князь Никита Лобанов-Ростовский. Четыре совета Владимиру Путину	8
Проза	
Александр Проханов. Востоковед. <i>Роман</i>	12
Евгений Журавли. Озеро Забвений. <i>Роман. Продолжение. Начало в № 4-2016</i>	71
Александр Чумиков. Москва-400: едем мы из Жанжибая. <i>Повесть</i>	91
Сергей Пылёв. Гололед среди лета. <i>Повесть. Часть 1. Завершение в следующем номере</i>	115
Елена Тулушева. Подъезд. <i>Рассказы</i>	138
Поэзия	
Геннадий Сазонов. Раненый бор. <i>Поэма</i>	153
Владимир Скиф. <i>Стихи</i>	159
Валентина Коростелева. <i>Стихи</i>	164
Александр Лайков. От рожденья до вечности. <i>Стихи</i>	167
Олег Захаров. <i>Пародии</i>	171
Берега памяти	
Владимир Герасимов. Солдатский колодец	176
Берега культуры и искусства	
Год кино	
В России сейчас хорошо. Интервью с Народным артистом России Николаем Бурляевым	184
Русский мир без границ	
Берега Греции	
Князь Александр Трубецкой. Речь, произнесенная на форуме «Русские дни на Лемносе» ..	188
Берега Литвы	
Эляна Суодене. Осень. Музыка. Этюды... <i>Стихи</i>	191
Берега Болгарии	
Антонина Димитрова. Трестино. <i>Отрывок из рассказа</i>	194
Берега Монако	
Лидия Довыденко. <i>Русские сны Георгия Шишкина</i>	198
История и современность	
Сергей Кириллов. Слово о Рутмане	205
Критика	
Григорий Блехман. Как хорошо идти по свету. Русские смыслы Владимира Скифа	211
Наши друзья	
Советуем почитать	215
Подписка и приобретение журнала	215

Воспринимаемое реально!

Что можно купить за деньги? Вещи, роскошь, развлечения...

Что не продается? Счастье, красота, доверие, уважение...

Мы предлагаем вам нечто большее, чем вещи. Мы делимся с вами мастерством, идеями, впечатлениями. Мы предлагаем вам отношения. Мы предлагаем вам настроение.

Мы предлагаем вам творчество. С нами вам не придется делать выбор между тем, что существует в реальности и тем, о чем вы искренне мечтаете.

С нами воображаемое становится реальным. **Кто мы?**

Мануфактура «Емельянов и сыновья» -

семейное предприятие, основанное на преемственности поколений, поддержании силы духа и кодекса чести российского предпринимателя.

Качество – это наша страсть

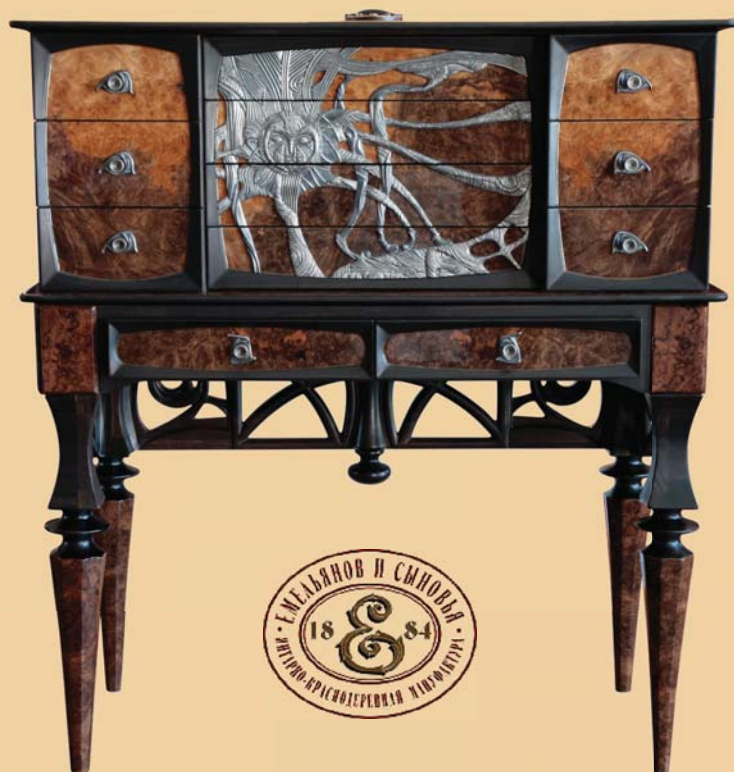
Для создания наших изделий совмещаем традиционные приемы работы с деревом, старинные техники выкладки мозаики из янтаря и инновационные современные технологии производства. Мы приглашаем к сотрудничеству только лучших дизайнеров, краснодеревщиков и мастеров по обработке янтаря. Наши отделочные материалы экологичны и безопасны. Фурнитура и комплектующие только от самых надежных производителей. Материалы и технологии, используемые на мануфактуре, обеспечивают нашим изделиям долгую жизнь.

Что нас вдохновляет? Нас вдохновляет сама природа... Песчаные пляжи и холодные волны Балтики, яркое солнце и шепот сосен на берегу... Замысловатые пейзажи на теплом янтаре и бесконечная вариативность его цветовых сочетаний... Мягкие линии и мраморные рисунки древесных текстур... Сладкий аромат смолы на свежем спиле...

Нас вдохновляете вы... Ваше желание сделать свой дом и атмосферу в нем уютной и неповторимой... Ваше стремление к творчеству и совершенству...

Нас вдохновляет искусство... Ценности и чувства, воплощенные в образе, никогда не утрачивают своей значимости. Нам нравится создавать вещи, которые не подчиняются изменчивости моды и быстротечности времени...

**Янтарно-краснодеревянная мануфактура
«Емельянов и сыновья»**

**238553, Калининградская область,
Зеленоградский район, п. Коврово,
Ул. Строительная, 49**

Тел. +7 (4012) 31-00-63, 31-00-62

www.emelyanov-amber.ru

sales1@emelyanov-amber.ru

pr@emelyanov-amber.ru

Князь Никита Лобанов–Ростовский

Портрет князя Н. Д. Лобанова-Ростовского работы Георгия Шишкина, 2014 г.

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский — Почётный председатель Координационного совета российских соотечественников в Великобритании, первый заместитель председателя Международного совета российских соотечественников в России, член Бюро «Фонда Кирилла и Мефодия» в Софии, член правления «Института современной русской культуры» в Лос-Анджелесе (Калифорния), член «Ассоциации американских учёных русского происхождения» в Нью-Йорке, член совета директоров «Международного фонда искусства и просвещения» в Вашингтоне, член «Общества коллекционеров» в Москве и Лондоне, академик Международной академии информатизации при ООН, попечитель Русского камерного оркестра в Лондоне, член комитета «Русского Славянского Искусства» в Москве, член попечительского совета «Фонд милосердия имени Анны Павловой» в Москве, член совета директоров «Ассоциации театрального музея» в Лондоне, пожизненный член Союза благотворителей музея «Метрополитен» в Нью-Йорке, Почётный доктор Санкт-Петербургской Академии художеств, действительный член Петровской академии наук и искусств.

Этот текст был написан 14 лет назад! в 2002 году и опубликован в журнале «Плацдарм», в газете «Российские вести». Цифры устарели и ничего общего с сегодняшним днем не имеют, но сами принципы остаются в силе.

Четыре совета Владимиру Путину

Никакое реальное изменение в финансово-экономическом положении России невозможно без разрушения административными и силовыми методами так называемого слоя олигархов. Это приблизительно 100 наиболее крупных частных состояний, принадлежащих государственным чиновникам и связанным с ними банкирам. Без этого условия невозможно расширение мелкого и среднего бизнеса. Следовательно, невозможно создание среднего класса, являющегося опорой любого демократичного общества со стабильно развитой экономикой.

В настоящий момент львиная доля национального капитала оказалась в руках у кучки людей, которые успешно подавили и продолжают подавлять любые попытки конкуренции во всех сферах экономической деятельности, находящиеся под их контролем.

В создавшейся ситуации можно проводить исключительно правильные меры, как, например, репатриация капитала или изменения налогового законодательства, но в итоге не добиться никакого результата, так как все эти меры будут саботироваться властями на местах или повернуты к выгоде опять же олигархов.

Таким образом, мои предложения могут быть актуальны только при условии, что среднему и мелкому бизнесу будет предоставлен доступ к рычагам экономической власти в стране.

Реальная борьба с коррупцией и беззаконием

Общий объем российского капитала, находящегося сейчас в оффшорных компаниях и на анонимных счетах, оценивается BIS (Bank for International Settlements) в 130—140 миллиардов долларов. Такое количество денег, по оценкам специалистов, невозможно присвоить без содействия верховной власти. Эти же специалисты говорят, что до 40 миллиардов долларов персонально принадлежит группе лиц, пользовавшихся протекцией Кремля и личного аппарата Ельцина. Рыба, как известно, тухнет с головы. Самым простым способом возврата хоть части этих денег может стать полицейская акция. Надо прижать этих «удачников», отиравшихся в коридорах Кремля в течение десятилетия. Их фамилии хорошо известны. Полагаю, что сделать это значительно проще, пока они находятся в России, чем добиваться потом экстрадиции, как находившихся в розыске Березовского и Гусинского, поскольку так называемая «левая пресса» будет еще раз обвинять правительство в попытках подавить свободу слова. А правительству это сейчас совсем не нужно.

До сих пор в России и за рубежом живут и процветают сотни людей, нажившихся на незаконных махинациях с государственным имуществом. Бывшие владельцы частных банков и инвестиционных фондов, укравшие у миллионов людей в буквальном смысле все сбережения, находятся на свободе. Почему? Несовершенное законодательство? Высокие покровители? Боязнь нынешних власть предержащих потревожить осиное гнездо? Все это комплекс очень сложных проблем внутренней политики и власти, которые не торопятся с карательными мерами.

Но в случае, если процесс начнется, исключительно важно разбираться только с олигархической верхушкой, но ни в коем случае не допустить расширения преследования и массовой охоты за любыми успешными представителями бизнеса. 99,9 % бизнесменов России это коснуться не должно!

Репатриация капитала

Репатриация значительных сумм из-за рубежа привлекла бы серьезный вклад в развитие экономики страны. Идет речь о тех самых 130 миллиардах, вывезенных из России за последние 10 лет. Эта сумма в полтора раза больше, чем весь зарубежный долг России. Если бы удалось репатриировать ежегодно только 5 % этой суммы, скажем, 6 миллиардов, то это уже больше, чем все иностранные инвестиции в Россию за 2001 год.

Почему же те, кто вывезли деньги, решились бы вложить часть из них обратно? Ответ не простой. Но главное то, что при наличии некоторых гарантий русские инвесторы знают, как и почему в России они могут заработать больше, чем где бы то ни было. Начнем с гарантий для инвестора. Например, Россия могла бы попытаться договориться с дочерней компанией Мирового банка, т. е. с Международной финансовой корпорацией (IFC), о создании совместной оффшорной компании. IFC, в отличие от Мирового банка, занимается только капиталовложениями в различные компании, а не одалживанием денег компаниям. И в этой области IFC оперирует удачно.

Совместная компания могла бы стать тем каналом, через который русские, обладающие вне России значительным капиталом, могли бы участвовать в партнерстве с IFC, в капиталовложении в российский бизнес. Правительство России, со своей стороны, могло бы дать IFC гарантию о неприкосновенности вложенного капитала и доходов с него.

Дополнительный вариант — это создание оффшорного фонда одним из ведущих банков мира. Основная цель фонда — капиталовложение в Россию. Чтобы придать инвестициям привлекательность, западный банк взял бы на себя управление частью капитала вне России и взамен гарантировал бы капиталовкладчику годовую ставку, скажем, в 7 %. Остальную часть капитала западный банк передал бы в распоряжение банка — структура в России, которая вкладывала бы деньги в акции русских компаний с целью — приносить инвестору привлекательную годовую прибыль.

Иногда критические ситуации заставляют принимать не совсем законные решения. Например, если попробовать ввести специальное, жестко ограниченное во времени (скажем, на 3 года!) законодательство, разрешающее репатриацию незаконно вывезенного из России капитала до 250 или 500 тысяч долларов только на нужды развития малого и среднего бизнеса. С государственными

гарантиями невмешательства налоговых или полицейских органов. Другими словами, это означало бы амнистировать стартовый капитал для десятков тысяч людей, испугавшихся инфляционной политики ельцинской администрации, которые незаконно или законно перевели сбережения за рубеж. Эта идея может оправдаться, если будет проработано необходимое законодательное обеспечение. Конечно, есть известный риск, что этим легальным каналом может воспользоваться организованная преступность. И тем не менее целевой возврат денег может сослужить хорошую службу инициативным людям, располагающим капиталом.

Преимущества немафиозных денег, с пользой возвращающихся домой, явно перевешивают соображения этического и юридического характера. Важно убедить людей в том, что по истечении установленного Думой срока этой целенаправленной финансовой амнистии, государство не будет применять ретроактивных законодательных мер в отношении лиц, поверивших нынешней администрации.

Развитие мелкого и среднего бизнеса

Главная болезнь сегодняшней России — инерция советской традиции. Людей в течение 70 лет учили тому, что с частной собственностью и частным производством надо бороться всеми силами, вплоть до расстрела. За производство частным образом сапожной ваксы или дамских штанов продолжали преследовать и при Хрущеве. Правительству, как бы ему этого ни хотелось, не удастся изменить психологию и подсознательно устоявшиеся взгляды огромной части народа на частную собственность посредством законодательного нажима. Посмотрите на проблемы с частным владением земель, которая до сих пор не разрешена. Можно принять в Думе любые указы, но от этого легче не станет. Нельзя отменить глупость или психологическую инерцию в законодательном порядке. Но, тем не менее, не надо ждать смены поколений. И проблема в данном случае даже не в Потанине или Березовском, а в социопсихологической инерции 120-миллионного народа. И это можно увидеть только извне, а не изнутри горшка со щами! Мелкий и средний бизнес в развитом состоянии может компенсировать России вынужденную продажу полезных ископаемых — нефти, стратегических металлов, алмазов и т. д. Однако вместо десятков тысяч предпринимателей русского мелкого и среднего бизнеса до сегодняшнего дня все выгоды достаются десятку олигархов. Россия экономически совершенно скособочена, но оставаться в таком положении она долго не может. Внешние экономические и внутривнутриполитические факторы могут подорвать этот неустойчивый баланс. А это незачем допускать.

Так что же делать? Например, создать «структуру», подобную ЕБРР (Европейский банк реконструкции и развития), который совместно, скажем, с РФФ (Российским федеральным фондом) одалживал бы суммы, не превышающие \$200.000, не дольше, чем на 2 года, компаниям с капиталом от \$500.000 до \$5 миллионов. В акционеры этой структуры привлечь русский зарубежный капитал и зарубежные государственные фонды.

Можно подумать и о Благотворительном фонде «Уинрок Интернэшнл» (Winrock International), который совместно с иными организациями из США занимается подготовкой исключительно женщин, желающих стать бизнеследи. На Украине, где Уинрок работает с 1997 года, им удалось перестроить сотни секретарей обкомов и райкомов в собственников дамских салонов красоты, универмагов, бухгалтерских услуг и пр.

Наведение порядка в финансовом секторе

Авторитет власти в России в значительной мере подорван известной схемой «деньги-власть-деньги» (деньги дают власть, власть дает деньги).

К сожалению, это не только проблема морали или принципов демократического государства, это уже нарушение законов макроэкономики, за которое государству приходится очень дорого платить.

Хорошо, что администрация Путина в последнее время начала «показывать зубы». Прокуратура и Казначейство начали несколько громких процессов против коррумпированных высокопоставлен-

ных чиновников и бизнесменов (например, Аксененко). Государство недавно организовало Службу финансовой разведки, наблюдающую, главным образом, за перемещением капитала внутри и вне страны, и пообещало провести реформу банковской системы. Большой русский бизнес (олигархический капитал) воспринимает эти атаки всерьез. Таким образом, олигархи уже переводят так называемые неспециализированные «авуары» в иностранные компании или под зарубежное управление или же продают их под благовидными предложениями.

Финансовый капитал, сконцентрированный в руках узкого круга в период правления Ельцина, слишком долго негативно влияет на внутреннюю и внешнюю политику России. Не хотят знать об этом только в самой России. А. Мамут перешел из МДМ-банка в финансовую часть корпорации Интеррос (Росбанк, 7-й по размеру в России). Теперь, по-видимому, задача А. Мамута — лоббировать интересы Росбанка в Правительстве при решении задач, связанных с реформой банковской системы. Эта новость имеет весьма негативную направленность в глазах зарубежных обозревателей.

Банк «Империал», созданный нефтяными и энергетическими компаниями, задолжал госбюджету многие миллионы налоговых рублей. В процессе громкого банкротства банковские «авуары» раздаются его менеджером В. Медведевым влиятельным друзьям и частным компаниям. Это невозможно даже в Нигерии. Что же будет с престижем страны? И таких примеров очень много.

«Деньги можно бить только деньгами!», т. е. сама система, обеспечивающая финансовую подпитку олигархического капитала, должна быть пересмотрена самым жестким образом в интересах демократии и экономики. Американцы в процессе контртеррористической операции прочесали 112 (!) стран. Только в Великобритании легально заморожено 157 млн. долларов, принадлежащих финансовым организациям и частным лицам, заподозренным в сотрудничестве с Аль Каидой. Даже такое демократическое государство, как США, может пойти на крайние меры в интересах граждан своей страны. А тем более Россия может и должна это сделать.

Проза

Александр Проханов

Проханов Александр Андреевич родился в 1938 году в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Автор многих книг прозы и публицистики, романов “Чеченский блюз”, “Красно-коричневый”, “Идущие в ночи”, “Господин Гексоген”, “Крейсерова соната”, “Человек звезды”, “Время золотое”, “Убийство городов”, “Губернатор”, романа «Крым», опубликованного в журнале «Берега», № 6-2014, № 1(7)-2015, № 2(8)-2015. Живет в Москве

ВОСТОКОВЕД

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Торобов очнулся, выпадая из душного сна. Белоснежное окно с рогатыми яблонями, и на ветках, повторяя каждый сучок и изгиб, — волнистая, как пух, бахрама.

После шестидесяти, выйдя в отставку, распрощавшись с сослуживцами, нанеся прощальный визит руководству, Леонид Васильевич порвал с прошлым напрочь, навсегда. Замуровал прошлое в своей изнурённой, изрытой памяти. Надвинул на него чугунную плиту, литую крышку. Заварил края, завинтил болтами.

Он больше не раскрывал стеклянный шкаф, где хранились военные атласы, книги именитых востоковедов, этнографические альбомы и справочники с перечнем арабских племён, месторождений нефти, американских военных баз.

Теперь он жил один. Дети выросли и обзавелись семьями. Он не часто встречался с ними. Они медленно, с годами, от него удалялись, и их связывало тепло, которое соединяет родные души и не требует частых свиданий.

Теперь, в белизне зимнего утра, он небрежно натянул тесный поношенный полушубок, нахлобучил высокую кожаную шапку, отороченную лисьим мехом, которую жена называла “боярской”. Сунул в карман мобильник и вышел в сад.

Белизна была восхитительной и пугающей своей целомудренной чистотой. Снег пышными подушками лежал на столе и стульях, забытых в саду с осени. Чёрные ели с малиновыми шишками опустили к земле ветви и казались сутулыми, нагнувшими плечи под тяжестью белых тюков. Любимая сосна молитвенно воздела руки с перстами, держала в объятьях огромный шар снега. Берёзы казались нарисованными на небе белым.

Сойка прилетела из леса и села на берёзу. Сверкнула ослепительной лазурью крыла. Сидела на ветке, чуткая, пугливая, поглядывая на Торобова острым глазком. Он замер от восхищения, любуясь её розово-сизой грудкой, сжатыми крыльями, в которых таилась райская лазурь, подобная той, что пламенеет на рубливской Троице, рождает несказанное счастье. Он чувствовал близость сидящей на ветке птицы. Её маленькое дышащее сердце, горячую жизнь среди прохладных снегов. Мимолётность её пребывания на берёзе, драгоценность этих секунд, когда их жизни слились в одну, и он, соединившись с птицей, соединился с божественной тайной, ради которой вышел в заснежен-

ный сад. Пугался, что сойка улетит, их жизни распадутся, и ему не откроется тайна. Всей своей душевной силой, всей молитвенной волей он удерживал птицу на ветке, продлевал их единство. Но птица начинала взлетать, бросалась в пустоту, распахивая на крыле божественную синеву. Лазурь брызнула ему в сердце, наполнила нестерпимой болью исчезающего счастья.

Голос в телефоне был вежлив, холоден:

— Леонид Васильевич, с Вами говорит порученец генерал-лейтенанта Строганова. Фёдор Фёдорович просит вас приехать.

— Разве Фёдор Фёдорович забыл, что я в отставке? — Торобов сжимал в кулаке телефон, из которого раздавался голос, и ему захотелось стиснуть кулак, придушить голос, задавить эти отшлифованные, властные звуки.

— Фёдор Фёдорович просит, чтобы Вы приехали, — голос был спокойный, гладкий, как хорошо полированная деталь, работающая в отлаженном механизме. В том, в который прежде был встроен Торобов.

— Почему Фёдор Фёдорович обо мне вспомнил?

— Мне не известны намерения руководства. Шофёр приедет за Вами через полтора часа.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приёмная, где Торобов не был несколько лет, преобразилась. Обрела фешенебельный вид, напоминала салон.

Навстречу Торобову поднялся помощник и любезным, бесстрастным голосом безупречного подчинённого произнёс:

— Генерал ждёт Вас.

Отворил тяжёлую, из дорогого дерева дверь, пропуская Торобова в кабинет. И вид этого огромного кабинета, знакомого, сохранившего своё старомодное убранство, взволновал Торобова.словно в этих стенах остановилось великое время, не подверженное порчам и роковым разрушениям. Всё те же смуглые панели, впитавшие дым исчезнувших табаков. Тяжеловесный стол под зелёным сукном, на котором мерцали хрустальные кубы чернильницы и темнели пятна давнишних чернил. Лампа под зелёным абажуром с латунной каймой, в которую были врезаны пятиконечные звёзды. В высоком шкафу с потускневшими стёклами неясно краснели тома с сочинениями основателя государства.

И только на стене висел портрет сегодняшнего президента, а не вождя с вишнёвой трубкой, дым из которой, казалось, сгустился в дальних углах кабинета.

Генерал в сером костюме и галстуке с крупным модным узлом поднялся из-за стола и пошёл навстречу Торобову. И пока шёл, Торобов заметил, как за годы, что они не виделись, усохло и осунулось его лицо, лёгкие трещинки окружили глаза, от губ к подбородку стекли две тёмные морщинки, — ручейки близкой старости. Но лицо, как и у Торобова, оставалось смуглым от несмываемого загара пустынь, ударов сухих колючих песчинок.

— Товарищ генерал-лейтенант, полковник Торобов прибыл по Вашему приказанию, — полусерьёзно он щёлкнул каблуками.

— Здравствуй, Лёня.

— Здравствуй, Федя.

Они обнялись, и Торобов почувствовал, как дрогнуло в его объятьях сухое тело Строганова, и тот чуть слышно вскрикнул от боли.

— Плечо, не отпускает который год, — виновато произнёс генерал, массируя сухожилие.

— Йеменская контузия? Я думал, она тебя отпустила.

— То легче, то ночами кричу. Клиники, врачи, целебные грязи, массажи. Даже к колдуну обращался. Здесь нашёлся один ливиец, который лечит песком Сахары. В кожаный мешочек сыплет горячий песок и прикладывает к плечу. Говорит, что песок сохраняет силу солнца. И мне, не поверишь, это помогает.

— Поезжай в Сахару и заройся в бархан.

— Я теперь, Лёня, зарылся в такой бархан, из которого, похоже, не вылезу. Садись.

Они сидели на тяжеловесных стульях с высокими дубовыми спинками, на которых были вырезаны гербы исчезнувшего государства.

— Зачем меня вызвал? Я от всего отошёл. Всё забыл. Ничего не хочу знать. Вчера читал Пушкина, “Сказку о золотом петушке”.

— А о чём сказка-то, Лёня? Куда петушок ни глянет, везде враждебная рать. Труба зовёт.

— Меня не зовёт. Руководству было угодно отправить меня в отставку. Ушёл — и дело с концом.

— Не в отставку, Лёня, а в действующий резерв. И то же самое руководство поручило мне вызвать тебя.

— В чём дело?

Строганов молчал, морщил рот, словно ждал, когда созреет на губах нужное слово. На стене жалюзи занавешивали карту Ближнего Востока, и Торобов видел сквозь их тонкие пластины лоскутную пестроту стран, каждая из которых рождала в нём зрелища городов, оливковых рощ, розовых и синих предгорий. В горячем тумане залива двигались танкеры, клубились рынки, бесновались толпы, сверкали зелёные изразцы минаретов, и он, в белой долгополой рубахе, шаркая сандалиями, шёл среди богомольцев, и истошно и пламенно звучал из лазури крик муэдзина.

— Ты, наверное, знаешь, как нелегко принималось решение бомбить ИГИЛ в Сирии. Разведка предупреждала президента, что в ответ последуют террористические акты в Москве, на Кавказе, в Поволжье. Армия и дипломаты настояли на проведении операции, и президент согласился. Спустя несколько дней, ты знаешь, после первых ударов по Алеппо и Хомсу, взорвался наш самолёт над Синаем. Двести тридцать пассажиров были первой платой, которую мы заплатили за начало боевых действий. Это был страшный удар по репутации президента. Я видел его на Совете Безопасности, он был чёрный, его лицо ходило ходуном. Он сделал открытое телевизионное заявление, где обещал уничтожить террористов, виновных в гибели самолёта. На закрытом совещании он приказал любой ценой найти террористов и истребить их, где бы те ни находились. Как это было в своё время с чеченцами, укрывшимися в Катаре. Тогда это была его личная месть. Теперь он хочет выложить перед народом фотографию с убитым главарём, совершившим подрыв самолёта. Мы знаем характер президента. Мсть должна состояться. Либо руководство в ближайшее время справится с этим, либо полетят все наши генеральские головы. На выявление главаря брошена вся наша агентура на Ближнем Востоке, задействованы все наши связи.

— Вы что-нибудь узнали?

— Террористическая группа не имеет постоянной дислокации. Носит кочующий характер. Её возглавляет бывший майор иракской разведки, который при Саддаме Хусейне ведал закупками вооружений. После падения Саддама сидел в американской тюрьме, был использован ими для создания боевых суннитских групп в борьбе с проиранскими шиитами. Потом ушёл в ИГИЛ.

— Я работал в Багдаде с офицерами иракской разведки, которые занимались поставками вооружений.

— Поэтому я тебя и вызвал, — Строганов потянулся к тоненькой папке, лежащей на зелёном сукне. Извлёк фотографию и положил перед Торобовым. — Майор Фарук Низар, каким он был во время твоей командировки в Багдад.

Красивое продолговатое лицо с влажными выпуклыми глазами. Мягкие губы с чуть заметной улыбкой. Пушистые брови. Молодцеватые офицерские усики. То особенное арабское выражение мужественной романтичности и мягкой застенчивости. Это был он, Фарук Низар, с кем они сидели на берегу Тигра в рыбной харчевне, золотая рыбина, разрезанная и раскрытая, как книга, запекалась на углях. Воздух был золотой и синий, в тончайших волокнах предательства, которое витало над Багдадом, над садами, дворцами, мечетями, и солдаты клали на перекрёстке мешки с песком, оставляя амбразуру для пулемёта.

— Я знаю его. Мы были даже приятелями. Однажды я посетил его дом. У него была милая жена и маленький сын. Неужели он теперь в ИГИЛ? Если хочешь, я могу припомнить подробности нашего общения. Могу попытаться сделать его психологический портрет.

— Этого не нужно. Лёня.

— А что же нужно? Зачем ты меня позвал?

Строганов молчал. Морщился его рот. Дрожали у глаз лучистые трещинки. У самолёта медленно

отламывался хвост, и люди сыпались, как семена из головки мака. Девочка вцепилась в мать, ветер рвал на обеих юбки, и казалось, они танцуют. Младенец летел рядом с люлькой, как крохотная личинка, выставив руки с растопыренными тонкими пальчиками. Старик нырлял с развеянной бородой и огромным лбом, на котором держались очки. Юноша с выпученными от давления глазами парил, расставив руки, и вокруг него обмотался газетный лист. Все они летели, осыпались, ударялись о землю, превращались в мокрые кляксы. И горели среди колючек листы алюминия.

— Зачем ты вызвал меня?

— Руководство считает, что только ты можешь отыскать Фарука Низара и его уничтожить. Тем самым выполнить приказ президента. На тебя будет работать вся агентура. Посольства обеспечат тебя деньгами, паспортами, каналами связи. Но лучше бы ты всем этим не пользовался. По непроверенным данным, Фарука видели недавно в Брюсселе. Ты летишь в Бельгию.

— Я не могу. Я не молод. Не хочу возвращаться к прежнему.

Торобов слышал гул громадной воронки, в которой вращались изувеченные страны и обугленные города, регулярные армии и повстанческие отряды. Турецкая артиллерия была по сирийским горам, громя позиции курдов. Курды взрывали в Стамбуле рестораны и рынки. Растерзанная Ливия походила на тушу с окровавленными костями. Ирак дымился руинами Мосула, озарялся факелами взорванный нефтепроводов. Ливан посылал отряды Хезболлы под Алеппо, получал назад завёрнутые в саваны трупы. Русская авиация взлетала из Латакии, взрывала ИГИЛ, и отряды Джабхатан-Нусра жгли христианские храмы. Агенты спецслужб сновали по воюющим странам, проводя караваны с оружием, устраняя неугодных правителей.

— Это приказ, полковник.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вечером Торобов встречался с профессором Иерусалимского университета Шимоном Брауде. Их свидание проходило в Еврейском культурном центре, где чествовали кумира российских евреев, юмориста, чьи безобидные шуточки смешили, печалили, наставляли и предостерегали евреев. Еврейские писатели, коммерсанты, учёные были странно чувствительны к этим забавным афоризмам и притчам, воспринимали юморески, как священные тексты. Торобову было непонятно это обожание, он не находил шутки смешными, но объяснял это дефектом своего восприятия, в котором отсутствовало какое-то важное звено.

Они сидели с Шимоном Брауде в кафе, за стеклянной стеной, сквозь которую был виден входящий в вестибюль люд. Это была еврейская элита Москвы. Блистали туалеты, причёски, лица, исполненные веселья, величия или пресыщенного самодовольства.

Шимон Брауде имел продолговатую голову, на которой красовалась бархатная кипа, как чашечка жёлудя. Он был худ, в чопорном пиджаке, с прямым, как у дятла, носом и белыми холёными руками, на которых переливался бриллиант. Выходец из России, он прежде служил в израильской разведке Натив, которая агитировала русских евреев иммигрировать в Израиль. Занимался археологией хазарских древностей. Написал диссертацию о “еврейском факторе” в Русской революции. А теперь курсировал между Москвой и Иерусалимом, искусно продвигая через еврейские круги политические интересы Израйля.

— Сейчас, Леонид, когда русские самолёты бомбят “исламское государство”, вы поняли, что террористы “Хамас” и “Хезболлы” мало чем отличаются от террористов ИГИЛ? Ваши пристрастия к фундаменталистам дорого обойдутся России.

— Любезный Шимон, “Хамас” открыто осудил ИГИЛ, а отряды “Хезболлы” сражаются под Алеппо и Хомсом вместе с армией Асада.

— В любом случае, у нас с Россией обнаружилось на Ближнем Востоке общее дело.

— Один из влиятельных еврейских журналистов в Москве написал, что в этой войне не должна пролиться ни одна капля еврейской крови и ни одна капля еврейского бензина. Израиль будет делать еврейское дело русскими руками.

— Всё это полемический задор, Леонид. Не более. Израильские беспилотники определяют цели для ваших бомбардировщиков. Израиль, как может, содействует вашему сближению с Америкой.

— Мы это знаем, Шимон. Мы благодарны.

Торобов сквозь стеклянную стену видел, как мимо шёл редактор крупнейшей радиостанции, которая мощно влияла на общественное сознание. Гениальный творец, он собрал на своём радио самых ярких и творческих представителей еврейской интеллигенции. Они являлись законодателями моды в политике, экономике и культуре. Создавали и разрушали репутации. Рождали интеллектуальные течения. Сложно лавировали в хитросплетениях кремлёвских групп. Радиостанция была не просто средством массовой информации, но блестяще организованной партией, собирая в сгусток энергию еврейского интеллекта и вбрасывая этот расплавленный сгусток во все области русской жизни.

— Ближний Восток, Леонид, — это родина пророков. Отсюда истекли три великие мировые религии. Здесь началась мировая история, здесь она и закончится. Кто контролирует Ближний Восток, тот контролирует историю. Христиане и евреи не должны допустить, чтобы Ближний Восток контролировался исламом. Израиль этому препятствует и несёт великие жертвы. Израиль действует на Ближнем Востоке, в том числе, и в интересах России.

— Мы знаем этот довод, Шимон. Но поверьте, Россия сама способна защищать свои интересы.

Мимо стеклянной стены двигался дирижёр изысканного струнного оркестра, мировая знаменитость, чьи виртуозы выступали во всех концертных залах мира. Его оркестр, играя европейскую классику, вносил в неё неуловимую печаль и сладостную меланхолию. Громоподобные, прилетающие с небес звуки покрывались едва заметной пылью, которая укрощала эти музыкальные бури, делала их безопасными, переносила из Космоса в салоны. Даже Вагнер, с его великолепной разрушительной мощью, смирялся, становился ручным, что позволяло играть его в концертных залах Иерусалима и Тель-Авива.

— Вы знаете мои воззрения, Леонид. Евреи и русские — два мессианских народа. Оба верят в чудо преображения. Оба верят в духовную силу, преображающую падший мир. И падший мир мстит евреям и русским за эту веру, за ту укоризну, которая исходит от евреев и русских этому греховному миру. И вас, и нас гонят, убивают, подвергают преследованиям. Среди евреев и русских больше всего мучеников за правду. Это нас роднит. Нам нужно объединиться и вместе спасти человечество.

— Как Вы это видите, Шимон?

— У нас, евреев — “Обетованная Земля”. У вас — “Святая Русь”. Но ведь это одно и то же! Это рай, в котором мы встретимся! И к этой встрече мы должны стремиться уже теперь. Мы должны забыть все разногласия, все исторические недоразумения и ошибки. И объявить духовный, метафизический союз евреев и русских. И мы будем непобедимы. Наша духовная встреча состоится в Иерусалиме, на святой земле. Или в Новом Иерусалиме, под Москвой. И это не важно. Ведь “Обетованная земля” — это “Святая Русь”. А “Святая Русь” — это “Обетованная земля”.

— В Брюсселе, Шимон, в аппарате НАТО, работает Ваш друг Джереми Апфельбаум. Он специалист по “исламскому терроризму”. Я отправляюсь в Брюссель. Посоветуйте меня ему. Мне нужна его консультация.

— Это связано со взрывом вашего самолёта над Синаем? У вас задание, Леонид?

— Вы же знаете, Шимон, я давно не у дел. Меня интересуют беженцы с Ближнего Востока. Как это подтверждает или опровергает теорию о “войне цивилизаций”.

— У Джереми Апфельбаума картотека террористических организаций от Индонезии до Нового Орлеана. Одна из лучших.

В вестибюле культурного центра появлялись всё новые посетители.

Появился вице-премьер, молодежавый, узкоплечий, с тонкими длинными руками, которые то и дело протягивал для рукопожатий. Шёл, раздаривая улыбки, никому и всем сразу. Он был противником чрезмерных военных расходов, настаивал на сближении с Западом и имел под Лондоном средневековый замок.

Прошествовали четыре хасида, одинаковые, одного роста, в чёрных сюртуках, чёрных шляпах, с чёрными бородами. Шли целеустремленно, как небольшой боевой отряд, не смешиваясь с пёстрой толпой.

— Я позвоню Джереми Апфельбауму. Вы встретитесь с ним в Брюсселе.

В вестибюле поднялся радостный ропот. Все устремились ко входу, выстраиваясь двумя шпале-

рами, оставляя в середине пустое пространство. И в этой пустоте, как по невидимому ковру, шагал маленький круглый человек со смешливым лицом, короткими руками, озорными глазами. Позволял себя обожать, славить, принимал ритуальные почести. Словно в этом маленьком толстом тельце спрятался могучий властелин, грозный повелитель, полководец несметного войска.

— Я Вам сердечно признателен, Шимон. Надеюсь снова увидеться.

В тот же вечер Торобов отбывал в Брюссель. По старой традиции, напоминавшей религиозный обряд, он на пути в аэропорт проехал по Кремлёвской набережной, восхитившись на мгновение озарённым Василием Блаженным. Храм возник, как волшебное соцветие, из которого во все стороны брызнули радуги, лучи, многоцветные искры.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Торобов остановился в Брюсселе, в отеле “Рояль Виндзор”, на рю Дукес. В холле в мягких креслах они сидели с Джереми Апфельбаумом, и служитель-араб в малиновом сюртуке с золотыми галунами разливал чай по маленьким фарфоровым чашечкам.

— Я читал Вашу работу с критикой Хантингтона, — произнёс Апфельбаум, колыхнув зыбким зобом. — Согласен, что “война цивилизаций” — это условность, которая удобна для классификации явлений, но на неё не может опираться практическая политика государств.

— Как и парадоксальное утверждение Фукуямы о “конце истории”. История замерла на одно мгновение, а потом ринулась дальше. Фукуяма уловил эту моментальную остановку, — произнёс Торобов. — Но эти волны африканских беженцев — они вторгаются в Европу и производят в ней необратимые изменения. Разве это не повод развернуть борьбу за “европейские ценности”?

— До того, как поступить на службу в НАТО, я работал в отделении “Рэнд Корпорэйшн” в Катаре, а потом преподавал в университете в Беркли. Читал курс под экстравагантным названием: “Принципы управления историческими процессами”. Иногда это называют “Теорией управляемого хаоса”. Я предложил мои модели Госдепартаменту, Совету по национальной безопасности и Объединённому комитету штабов. Мои модели применили на практике, и они себя оправдали.

— Вы хотите сказать, что наплыв арабских беженцев в Европу — это сконструированное явление?

— Я хочу сказать другое. Я называю это “эффектом квашни”. Исламский мир переживает грандиозный подъём. Он взбухает, как тесто в мировой квашне. Он должен достичь невиданного могущества. И это могущество будет опрокинуто нам на головы. Будет возмездием за долгие века оскорблений и попраний. Запад готовится к этой схватке, и я дал Западу рецепты победы. Я знаю, как удержать тесто в пределах квашни.

Джереми Апфельбаум колыхал зобом, и Торобову казалось, что розовая медуза прилипла к его подбородку.

— Прежде чем исламский мир накопит в себе энергию для решающего наступления для последней битвы Халифата с гибнущим Западом, мы должны ослабить этот удар. Должны проткнуть тесто в квашне, чтобы оно осело. В этих дырах, в этих проколах исламский мир израсходует свою энергию впустую. Тесто осядет, и мы окажемся в безопасности.

— Как вы будете протыкать тесто?

— Наша цель — создавать в недрах исламского мира неутихающие конфликты, чтобы в этих конфликтах сгорела энергия возрождения, израсходовалась неукротимая мощь. Именно этим, господин Торобов, занимается НАТО, а не мнимым противодействием России. Мы рассматриваем русских как стратегических партнёров, протыкающих вместе с нами тесто в квашне. Мы уничтожили государства Ливии и Ирака, сконцентрированная в них энергия ушла в пустоту и продолжает догорать в топке гражданских войн. Мы нанесли удар по Сирии, и чем бы ни кончилась борьба с Башаром Асадом, Сирии уже никогда не собраться в сильное государство, доминирующее на Ближнем Востоке. Мы покончили с “братьями мусульманами”, самой мощной и перспективной силой исламского возрождения. Сначала заманили их во власть, а потом позволили египетской армии их уничтожить. Мы развязали войну между шиитами и суннитами, и они будут весь век воевать, истощая друг друга. Им будет не до Запада, не до нас с вами, и эта война внутри исламского мира опровергает теорию Хантингтона о “войне цивилизаций”.

— Но ведь вы взорвали в Северной Африке сразу несколько “демографических бомб”. Взрывная волна из миллионов беженцев хлынула в Европу. Старая Европа ответит на это созданием фашистских государств, а в хаосе ближневосточных конфликтов будут возникать одно за другим террористические движения.

— Это побочные эффекты. Сейчас мы убираем мусор произведённых разрушений. Наши и ваши бомбардировщики, добывающие “исламское государство”, — это мусорщики, подбирающие сор.

Торобов почувствовал, что разговор достиг той заветной точки, когда можно отринуть все сложные предварительные построения и коснуться главного, ради чего он явился в Брюссель.

— Кстати, о мусоре, который мы подбираем. Шимон Брауде сказал, что Вы располагаете уникальной картотекой, в которой, как в таблице Менделеева, сведены воедино террористические организации от Пакистана до Франции. Что Вы знаете о Фаруке Низаре, бывшем майоре иракской военной разведки, который причастен к взрыву русского лайнера над Синаем? Его видели недавно в Брюсселе. Вам что-нибудь известно об этом?

Торобов извлёк из кармана фотографию офицера с молодцеватыми усиками, в мундире, с кокардой на цветастой фуражке. Протянул Апфельбауму. Тот взял, минуту рассматривал. Вернул Торобову.

— Шимон говорил мне о ваших специфических интересах. Рад был познакомиться. Мне пора. Меня ждёт работа, — Джереми Апфельбаум поднялся, колыхнув зобом, и пошёл к выходу, переваливаясь, как пингвин. Торобов разочарованно смотрел ему вслед. Апфельбаум дошёл до стеклянных дверей, уловивших в свои прозрачные лопасти господина в длинном пальто и шляпе. Вернулся обратно.

— Возможно, я ошибаюсь. Но этот Фарук возглавляет организацию “Сельф-эль-Расул” — “Меч пророка”. Она действует по всему Ближнему Востоку под видом торговцев древностями. Он появлялся в Брюсселе в их торговом представительстве и скоро пропал. Это в квартале Моленбек, кажется, там.

Апфельбаум повернулся и пошёл, исчез в стеклянной карусели дверей, за которыми в дожде переливался Брюссель.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Брюссель, зимний, дождливый, отливал чёрным металлическим блеском, каким отливает железный метеорит.

Квартал Моленбек был полон запахов восточных сладостей, жаровен, туалетной воды, пряностей. Так пахнут улицы в старом Багдаде или Дамаске. По тротуарам двигалась смуглая толпа, женщины в хиджабах напоминали круглоголовых птиц, мужчины то и дело перебежали улицу перед радиаторами автомобилей, и водители раздражённо сигналили. Отовсюду звучала восточная музыка, женский голос витиеватый, как арабская вязь, пел о безответной любви, о безутешной невесте, потерявшей своего жениха. Мальчишки запускали в небо сверкающих пластмассовых птиц, и те падали на крыши автомобилей, а мальчишки с криками бежали вдогонку.

Торобов шёл в толпе. Иногда его задевала развеянная накидка, обжигал из-под хиджаба чёрный огненный взгляд. Витрины маленьких магазинчиков были украшены мигающими гирляндами. В одних витринах, окружённые огоньками, лежали сладости, халва, пирожные с марципанами. В других витринах, похожие на лебедей, стояли кальяны. В третьих были вывешены образцы арабской одежды — мужской и женской. Тут же к прохожим цеплялись назойливые зазывалы, тащили в харчевни, где кормили свежей морской рыбой. В глиняных, врытых в землю печах пекли лепёшки, здесь же и продавали их. Покупатели, обжигаясь, хватали лепёшки и, не отходя от пекарен, поедали.

Район Моленбек казался куском восточного торта, который на перламутровой лопатке перенесли с одного фарфорового блюда на другое. Из ближневосточной Азии в центр Европы.

Торобов читал вывески, большинство на арабском. Начальная школа — зелёный щит с красной вязью. Аптека — зелёный полумесяц. Благотворительное общество — зелёный флаг с цитатой из священного текста.

Он искал магазин, торгующий предметами древности, и, наконец, нашёл его среди других за-

тейливых вывесок. В витрине красовался верблюд из папье-маше, окружённый мерцающими светлячками. Были разложены какие-то бусы, черепки, обломок амфоры, осколок мраморной капители. Торобов вошёл, услышав над головой звон бубенца.

— Салам алейкум! — громко произнёс он.

На его приветствие появился смуглолицый араб с седыми волнистыми волосами, в изысканном костюме, белых манжетах, с осанкой, какая бывает у аристократических профессоров Гарварда или у метрдотелей элитных ресторанов.

— Алейкум салам, — араб сдержанно улыбнулся, внимательный к гостю, не обнаруживая радости. И эта едва заметная отчуждённость заставила подумать Торобова, что коммерция, быть может, не главное для хозяина дело. — Что Вам угодно, месье?

— Меня интересуют артефакты, которые, в силу известных обстоятельств, покидают свои традиционные места в арабских музеях. Переносятся в Европу, где их могут приобрести европейские музеи и коллекционеры.

— У нас не слишком великий выбор, месье. В основном, это этнография бедуинских племён, египетская керамика, мрамор, привезённый из античных поселений Ливии.

— Мы знаем, что в результате военных действий из Пальмиры, Вавилона, Сабраты в Европу попадают статуи, капители, фрагменты римских надгробий. И их можно приобрести в вашей торговой фирме.

— Сильное преувеличение, месье. Это весьма небезопасное дело. Таможня, полиция, законы о сохранности музейных ценностей — всё это ограничивает торговлю, — араб внимательно смотрел на Торобова, ожидая, как тот откликнется на этот вежливый отказ. Повернётся и уйдёт или продолжит настаивать.

— Я профессор Майкл Фарб, сотрудник Британского музея. В мою задачу входит приобретение для музея подобных артефактов. — Торобов подал арабу визитную карточку, подтверждающую его научный статус.

— Прошу Вас. — Араб протянул Торобову свою визитку, в которой на арабском и английском указывалось, что её владелец — коммерсант Нур Азис. — Иногда к нам попадают ценности, в основном из Ливии. Но очень редко и третьего сорта. Нужен гарантированный и достойный клиент. Тогда мы можем сделать заказ нашим партнёрам в Ливии, и они подберут интересующую клиента вещь. И тогда начнётся сложная процедура доставки и оформления покупки.

Нур Азис умолк, отстранённо улыбаясь. Но Торобов чувствовал, что дистанция между ними уменьшилась, и продолжал её уменьшать.

— Я Вам не всё сказал, уважаемый доктор Нур. Я представляю не только государственный Британский музей, но и частную компанию, которая продаёт дорогую недвижимость, в основном, русским. Очень богатые русские строят себе виллы и замки где-нибудь в Альпах или на Лазурном берегу. Им хочется иметь у себя артефакты, связывающие их современные дворцы с древними культурами. Они готовы платить за это огромные деньги.

— Прошу Вас, садитесь, месье Фарб, — пригласил Нур Азис.

Торобов почувствовал, что преодолён ещё один отрезок, их разделяющий.

— Мне говорили, что у вас можно приобрести артефакты из Сирии. Там идут бои, и страдают античные постройки. Вы своей коммерческой деятельностью спасаете от исчезновения драгоценные свидетельства древности. За это вас не преследовать надо, а кланяться до земли.

— К сожалению, не все так считают, — скромно потупился Нур Азис. — Однако я должен Вас огорчить. С Сирией мы не работаем. Главным образом, с Ливией. Там есть наш представитель.

— А что вы можете предложить?

— Сейчас, увы, ничего. Но если сделать заказ, можно, например, получить рисунки из пещер в Сахаре.

— Как, знаменитые наскальные рисунки в Тадрарт-Акакус? Но ведь они нанесены на каменный монолит!

Торобов вспомнил своё посещение пещер на границе раскалённой пустыни, когда, ослеплённый жгучим солнцем, тыходишь в прохладные гроты, и на скальной породе неяркими красками из растёртых разноцветных камней нарисованы сцены охоты, бегущие стада жирафов, картины первобытной жизни, в которой уже существовали все сюжеты более поздних времён. Женщина держит

на поводке собачку, словно иллюстрация к Чехову. Два старика, мужчина и женщина, любовно поддерживают друг друга — “Старосветские помещики” Гоголя. Всё это вспомнил Торобов, слушая арабского коммерсанта.

— Но как эти рисунки можно привезти из Сахары? Должно быть, копии, а не подлинники?

— Есть особая технология снятия рисунков с камня. Ткань, пропитанную особым раствором, прикладывают к рисунку. Обрабатывают раскалённым паром. Рисунок переходит на ткань. Ткань сворачивают в рулон и везут в Европу. И на стене какого-нибудь русского миллиардера появляется рисунок неолита, изображающий охоту на гиппопотамов.

— Поразительно, доктор Нур!

Торобов вдруг остро почувствовал связь между этим чинным арабом и Фаруком Низаром, чей след незрим, как след змеи на камне.

— Но как я могу сделать заказ на такой рисунок? — Торобов одолел волнение, боясь, что Нур Азис угадает его смятение.

— Боюсь, что сейчас это невозможно, месье Фарб. Мне нужно согласовывать этот вопрос с руководителем фирмы.

— Ваш руководитель, я слышал, Фарук Низар? Разрешите мне выйти на него непосредственно, и я предложу ему цену, от которой он не откажется.

— Как Вы сказали, месье? Фарук Низар? Я такого не знаю. У нашей фирмы совсем другой собственник.

Зрочки араба чуть заметно дрогнули, словно бесшумно щёлкнул запор, и между ними возникла стена, непроницаемая, как стальная дверь. Но кое-что не успело скрыться за этой непробиваемой сталью. Как лоскут защемлённого платка. Это была Ливия. Там, в разорванной революцией стране, где грохотали пулемёты и носились дикие отряды повстанцев среди разграбленных римских поселений, на берегу лазурного моря находился Фарук Низар. Его чёрная голова и чёрные сутулые плечи, пробитые попаданиями.

— Благодарю Вас, доктор Нур. Вы позволите мне навестить вас ещё раз?

— Буду рад, месье Фарб. — Араб, изысканно кланяясь, провожал его до дверей, звякнувших бубенцом. Выпустил на улицу, где звенела арабская музыка, пахло жареной рыбой, и проходящая женщина в хиджабе бросила на него огненный взгляд.

Он шёл, обдумывая результаты визита. Араб в кожаной куртке и красном шарфе следовал за ним на небольшом расстоянии. Замирал, если Торобов останавливался. Отворачивался и рассматривал витрины, если Торобов поворачивал голову. Второй наблюдатель, тоже араб, в пальто и синей вязаной шапочке, держался в стороне от первого, не отставал от Торобова. Это была слежка, наружное наблюдение.

Торобов, не слишком взволнованный, решил оторваться. Перешёл на противоположную сторону, нырнул за угол и ждал, когда оба, в красном шарфе и синей шапочке, торопливо пройдут мимо. Вышел из-за угла и зашагал в противоположную сторону. Но скоро заметил за спиной красный шарф и синюю шапочку.

Проходил мимо рыбного ресторана, у которого назойливый зазывала схватил его за рукав:

— Месье, самая вкусная рыба! Поймана утром!

Вошёл в ресторан. Двинулся мимо столиков, за которыми ели рыбу, хрустели креветками, лакомились мидиями. В дальнем углу дверь вела на кухню, из которой выскакивали официанты с подносами. Нырнул на кухню — на сковородках жарилась рыба, бурлили в кипятке мидии, на доске повар мокрым ножом вскрывал брюхо серебряному сибасу. Увидел чёрный ход и выскользнул на дождливую улицу.

Преследователей не было. Он некоторое время шагал, окружённый многолюдьем. Но скоро за спиной обнаружился красный шарф, а на противоположной стороне — синяя шапочка.

Его преследовали опытные наблюдатели. Ему померещились в их руках рации. Слежку могли организовать люди доктора Нура. Или бельгийская полиция. Или сотрудники Джереми Апфельбаума, на всякий случай. Было впечатление, что преследователи не слишком маскировались, иначе не были бы одеты в столь приметные красный шарф и синюю шапочку. Это была “тревожащая слежка”. Ему давали понять, что его визит в Брюссель не остался незамеченным.

Он взмахнул рукой, останавливая такси:

— Куда желает месье?

— В центр. На Гран Пляс, — Торобов оглянулся на ускользящую улицу, где в морозящем тумане исчезли преследователи.

На центральной площади брусчатка маслянисто блестела, словно её помазали чёрной икрой. Здание ратуши своей хрупкой готикой, ломкими очертаниями напоминало вафлю. Столь же хрупкой выглядит окаменелая раковина, из которой исчез моллюск. Площадь была отпечатком неповторимой, канувшей жизни, и своей незащитной красотой вызывала страдание. На площади стайками стояли туристы, и экскурсоводы заученными голосами пересказывали содержание хрестоматий.

— Теперь посмотрим налево, на дома, что напротив ратуши. Каждый из этих домов неповторимо красив и носит своё имя. Дом “Пекарь”. Дом “Лебедь”. Дом “Оловянный горшок”. И далее — “Ветряная мельница”, “Золотая шляпка”, “Павлин”, “Медведь”. И вон те розовые и зелёные — “Осёл”, “Дуб”, “Лисёнок”. Как вы думаете, почему дома получили такие названия?

Торобов, не дожидаясь ответа прилежно внимавших туристов из Восточной Европы, покинул площадь.

Поколесил по окрестным улочкам, битком набитым лотками и лавками с бесчисленными сувенирами. Вышел к “Писающему мальчику”, перед которым толпились гогочущие туристы, норовя почерпнуть извергаемую мальчиком струю и омыть ею лицо. И вновь заметил красный шарф и арабское лицо под синей шапочкой.

Его охватило острое чувство опасности. Город был пронизан незримыми волокнами, уловлен в невидимые сети. По телефонам, по рациям весть о Торобове передавалась из улицы в улицу, из квартала в квартал. Брюссель со своей ратушей, супермаркетами, с Европарламентом и штабквартирой НАТО был оккупирован. На него надели “пояс шахида”, который превратит его в зловонный взрыв.

Им овладела паника. Он должен был вырваться из этого плена, исчезнуть из города, пронизанного проводками взрывателей, спастись от взрыва.

Он снова поймал такси.

— Куда угодно?

— К вокзалу!

— К Северному?

— Ну, конечно!

Быстро смеркалось. Размыто горели рекламы. Встречные фары выплёскивали кувшины водяного света. Торобов торопился к вокзалу, чтобы попасть в электричку и покинуть город до того, как тот превратится в грохот и пламя.

Очнулся, одолел приступ паники, который с ним случался и прежде. В Бейруте, когда израильские бомбардировщики громили район “Хезболлы”. В окрестностях Каира, когда вдруг подул из пустыни колючий ветерок смерти. В Багдаде, когда на город легла сусальная позолота предательства. Он был подвержен этим предчувствиям, которые, быть может, сберегали ему жизнь.

— Остановите, — приказал он шофёру.

Расплатился и вышел.

Улица, на которой он оказался, была узкой, без машин. По обе стороны стояли невысокие дома, тесно, стена к стене. На некоторых горели красные, как рубины, фонари. Нижние окна домов являли собой витрины, и в них, озарённые таинственным светом — фиолетовым, розовым, изумрудным — сидели женщины, как разноцветные рыбы в аквариуме.

Торобов шёл вдоль окон, вдыхая запах дешёвых духов, табака и едва различимого, сладковатого тления. И вдруг снова увидел красный шарф. Араб издал ему улыбку, словно радовался встрече. Торобов, скрываясь от этой ухмылки, шарахнулся в сторону, где сияла химической синевой витрина с целлулоидной красавицей. Толкнул дверь.

Женщина поднялась навстречу. Звякнула замком, уронила штору. Стояла перед ним, большая, в голубых лучах, пахнущая туалетной водой. Улыбалась сиреневыми губами, поправляла бирюзовые волосы.

Он положил на край широкого топчана сто евро, и она легко смахнула их, протянула руку, растегивая на нём пальто.

— Подожди, — сказал он. — Садись.

Она сбросила лёгкий халатик, из-под которого колыхнулись большие груди и выпуклый живот. Села на топчан.

Торобов подошёл к дверям и прислушался. Снаружи ровно шумела улица, слышался смех.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Астор.

— Здесь есть другой выход?

— Там, — она махнула рукой на занавеску.

— Проводи.

Шлёпая босыми ногами, она пустила его в коридор, куда выходили двери из других комнатушек, и стояли какие-то вёдра и щётки. Он вышел на улицу и поймал такси.

В гостиничном номере встал под горячий душ и ждал, когда шелестящая вода смывает запах дешёвых духов, табачной горечи и сладковатого тления.

Включил телевизор. На экране выла сирена, мигали санитарные машины, санитары несли окровавленные носилки, беспомощно металась полицейские с автоматами. В Триполи, у полицейского участка, произошёл террористический акт.

Торобов ещё раз, по фразам, вспомнил свой разговор с коммерсантом. След Фарука Низара вёл в Ливию. Так бабочка оставляет за собой незримую трассу, состоящую из мельчайших капель. И там, куда опускается бабочка, гремит взрыв, и лежат растерзанные фугасом тела.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В Триполи Торобов поселился в отеле “Аль Махари”, когда-то роскошном и фешенебельном. Там останавливались нефтяные магнаты, торговцы оборудованием, европейские дипломаты и арабские шейхи. В те годы над входом, украшенный зелёной мозаикой, красовался портрет Каддафи в полковничьей форме, с пышной кокардой. Теперь же отель потускнел, утратил лоск, обезлюдел. Там, где раньше висел портрет, оставалось грязное пятно от сбитой мозаики. Прислуга щеголяла всё в тех же зелёных сюртуках, отороченных серебром, но опытный глаз мог заметить едва различимую штопку.

Триполи оставался звонким, людным, пёстрым городом, в котором были почти незаметны следы войны. Лишь несколько правительственных зданий были повреждены крылатыми ракетами и чернели пустыми окнами. По улице, распугивая автомобили, прошла колонна гусеничных броневиков, и пулемётчики, стоя по пояса в люках, водили по сторонам усталыми глазами. У здания полицейского участка, где накануне произошёл взрыв, стояло оцепление автоматчиков, пестрела лента ограждения.

Торобов вспоминал, как когда-то, гуляя по весеннему Триполи, забрёл на рынок и у весёлого белозубого торговца купил серебряный браслет с голубым камнем. Привёз жене, и та радовалась подарку, любясь драгоценным обручем на своём лёгком запястье. После кончины жены браслет перешёл к дочери; та иногда надевала восточное украшение, и вид голубого камня и белого серебра рождал у Торобова сладостную боль.

Тогда он приехал в Триполи с группой военных экспертов, предлагая Каддафи купить у России комплексы радиоэлектронной борьбы. Такие комплексы, установленные в окрестностях Триполи, “ослепляли” самолёты и корабли противника, создавали непроницаемую оборону.

Каддафи отказался от сделки. Сказал, что новые отношения с Западом исключают возможность нападения. Подобная покупка может насторожить и раздосадовать новых друзей, для которых Ливия из врага превратилась в дружественное государство. Каддафи был весел, самодоволен, по его лицу пробегала лёгкая судорога. Он чистил банан, снимая лепестки кожуры, резал плод серебряным ножиком, протягивал белую мякоть гостям. На его длинных пальцах с ухоженными розовыми ногтями красовался затейливый перстень из золотых сплетённых стеблей. Когда через несколько месяцев Торобов видел на телеэкране окровавленное тело Каддафи, он разглядел его мёртвую руку, растопыренные длинные пальцы с золотым перстнем, который ещё не успели снять убийцы.

Торобов не без труда отыскал на улице Авгис скромное заведение, торгующее антиквариатом. Познакомился с его управляющим, Али Хамидом, полным отёчным ливийцем в очках, сквозь кото-

рые смотрели большие печальные глаза, какие бывают у робких ланей и антилоп. Для укрепления знакомства Торобов передал управляющему задаток в тысячу евро, и пригласил поужинать в ресторанчик вблизи площади Ат Таль.

Они угощались мясом по-левантийски, остро наперчённым, с испечёнными овощами, и рыбой бури, пойманной утром в беспокойных морских водах. Запивали острые блюда сладким морсом, одобренным травами. Курили кальяны, вдыхая сладкие пьянящие дымы.

— В Брюсселе доктор Нур говорил мне о возможности здесь, в Триполи, заключить крупную сделку на покупку петроглифов из пещер в пустыне Сахара, в Тадрарт-Акакус, и фрагментов античной архитектуры из Сабраты. Мы можем начать переговоры, доктор Али?

— Уважаемый господин Фарб, я не уполномочен заключать крупные сделки. Я скромный управляющий. Крупные сделки заключает хозяин нашей компании, действующей в Ливии, Ливане, Ираке, Сирии, Египте, Палестине. Все средства от подобных сделок собираются в одном месте и идут на поддержку несчастных беженцев из районов военных действий. Вы же знаете о неисчислимых несчастьях, упавших на их головы? — Али Хамид смотрел на Торобова влажными печальными глазами, исполненными сострадания.

— Я это знаю, доктор Али. Я готов встретиться с доктором Фаруком Низаром и провести переговоры. Устройте мне эту встречу.

— Доктор Фарук был недавно в Триполи; всего несколько дней, и уехал в Ливан. Там у компании появились клиенты в окрестностях Баальбека.

— Я буду ждать, когда он вернётся из Ливана.

— Он может вернуться очень скоро. Он не извещает нас о своём приезде. Признаться, кода он был в Триполи, я его даже не видел. Между нами слишком большая дистанция.

— Но Вы можете его известить, что Британский музей заинтересован провести неформальные переговоры? Повторяю, речь идёт об очень больших деньгах.

— Не обещаю, господин Фарб. Но Вы можете посетить Сабрату и указать фрагменты архитектуры, на которые пал ваш выбор. Мы возьмём их на учёт и при первой возможности осуществим сделку.

Торобов благодарно улыбался. След змеи скользнул по камню и исчез в Ливане, чтобы обнаружить себя взрывом фугаса. Отряды ливанской “Хезболлы” воевали в Сирии против ИГИЛ, и ответом Фарука Низара мог стать взрыв шиитской мечети Бейрута или штаб-квартиры “Хезболлы”.

— Вы очень любезны, доктор Али.

Торобов оглядывал ресторанный зал. Былолюдно, много молодёжи. Всего несколько девушек пришли в хиджабах. Видимо, шариат медленно пускал свои корни в Триполи. Другое дело Бенгази, где исламисты строили своё “исламское государство”. Туда причаливали корабли с боевиками, сгружалось оружие, оттуда велось наступление на Триполи. Молодёжь в ресторане говорила, смеялась, но не громко, вполголоса, словно недавний взрыв оглушил их, и они присмирели, осторожно оглядывались.

— У меня хорошее настроение, доктор Али. Я рад нашему знакомству.

— В прежнее время я мог бы пригласить Вас в музей, господин Фарб. Вы бы увидели бесценные экспонаты, рассказывающие о древней культуре Ливии. Но теперь, увы, музей разграблен, и я, который раньше сберегал национальные сокровища, теперь участвую в их разграблении, — печальные глаза Али наполнились слезами.

— Когда я ехал на встречу с Вами, я видел полицейский участок, где день назад произошёл взрыв. Район всё ещё оцеплен, и мне пришлось петлять по соседним улицам.

— Народ боготворил Каддафи, когда тот сверг короля и объявил нефть собственностью государства. Он посадил в пустыне райские сады, построил белые города, университеты и научные центры. Дети берберов уже учили высшую математику, когда их отцы всё ещё кочевали по Сахаре на голодных верблюдах. Так продолжалось до тех пор, пока Муаммар не сошёл с ума. Говорят, колдуны заразили его страшной болезнью, когда в человека вселяется зло. Он чувствовал приближение припадков, уезжал в пустыню, подальше от глаз. Жил в шатре, ревел, как зверь. Грыз верблюжьей шерстью, она забивала ему желудок, и его рвало кровью. Из него извергались чёрные жуки. Он стал свирепым и беспощадным. Студенты требовали больше свободы, он арестовывал их и бросал в кислоту. Наши герои заминировали, простите, господин Фарб, они заминировали английский самолёт,

и он взорвался над Локерби. Мы считали их лучшими из нас. Но Каддафи, когда стал заискивать перед Западом, отдал их в руки англичан. Он поступил, как предатель. Он думал, что стал другом французов, итальянцев и англичан. Его стали принимать в Риме, Париже и Лондоне. Он принялся сорить деньгами, одаривал нефтедолларами Берлускони и Саркози. Но они сначала целовали его щедрую руку, а потом убили его. Французы выследили его с вертолѐта и разбомбили его машину. Когда его вытащили из машины, он визжал, как собака. У него были открытые раны, и те, кто взял его в плен, мочились на эти раны. Его положили на дорогу, и ему на живот наехал тяжѐлый грузовик. Из него вылез огромный чёрный жук и убежал в пустыню. И вот теперь я тот, кто я есть. Занимаюсь расхищением драгоценностей, которые охранял всю жизнь. В меня тоже вселился чёрный жук.

Али Хамид плакал, отирал очки несвежим носовым платком. Торобов вдохнул сладкую струю из кальяна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

“Где будет труп, там соберутся орлы. Где гремят взрывы, там пролегает путь Фарука Низара”. Так думал Торобов, собираясь лететь в Бейрут. Там назревал террористический акт, туда вѐл след скользнувшей по камню змеи.

“Меч пророка” свистел по всему Ближнему Востоку. Рассѐк над Синаем русский лайнер. Пронзил парижское кафе. Сверкнул в Багдаде среди взорванной шиитской мечети. Теперь его остриѐ приближалось к Бейруту, откуда отряды “Хезболлы” уходили в Сирию, на войну с ИГИЛ.

Торобов был готов лететь в Ливан. Но прежде, чтобы не вызвать подозрений у Али Хамида, решил посетить Сабрату, осмотреть античные руины и сделать мнимый заказ на какой-нибудь мраморный камень.

В стороне от шоссе, у лазурного моря, среди пепельной пустыни высились хрупкие золотистые колонны, пролегали мощѐнные плитами улицы, круглился амфитеатр, виднелись постаменты исчезнувших статуй, зарастали мхами надгробья с римскими надписями.

Торобов не старался воскресить излетевшую жизнь. Не звал обратно плывущие по волнам галеоны, шумные торжища и громогласные шествия, театральные действия и курения фимиамов. Он был счастлив оказаться среди теней, самому стать тенью. Отрешиться от своей изнурѐнной плоти, от горьких воспоминаний, от жестоких предчувствий. Оттолкнуться от золотистого камня и полететь, вздев руки, туда, где в голубых садах гуляют блаженные мудрецы.

Он обрел развалины, фотографировал фрагменты статуй, надписи на плитах, резные листья коринфской капители. Всё это он покажет Али Хамиду, чтобы больше никогда не вспоминать.

Он увидел тѐсанный камень, одиноко лежащий среди иссохшей травы. Это был куб со стѐртыми гранями, изъеденный ветром, в шелухе лишайников. На нём едва проступал знак, то ли буква, то ли безвестный иероглиф.

Торобов услышал слабый звук, словно скрипнул щепень. Поднял голову и заметил человека, который нырнул за колонну. За ним наблюдали. Торобов поднялся и пошѐл туда, где круглился амфитеатр. Заметил другого человека, перебежавшего в развалинах. За Торобовым следили, его окружали. Он быстро зашагал туда, где на двух уцелевших колоннах держался остаток фронтона. Но и там возник человек.

Торобов был в западне. Античный город заманил его в своё дивное лоно, но оказался ловушкой. Торобов побежал к берегу моря, которое выплѐскивало на мокрый песок стеклянные волны. Увидел, как вдоль берега, с обеих сторон подбегают люди. Шагнул в воду, чувствуя, как холодный стеклянный язык лизнул ноги. Остановился.

К нему подбегали, тыкали в бок пистолетами, хватили за руки, заламывали за спину, защёлкивали наручники. Кругом были дышащие азартные лица, захватившие добычу.

— Что вам надо? Кто вы такие? Я английский профессор! Позвоните в консульство!

Его толкали, выводили из развалин туда, где в низине стояли две машины, и расхаживал человек с автоматом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Его везли не в Триполи, а в противоположную сторону. Везли среди чёрной равнины, по пустому шоссе. Водитель — с тёмной бородкой и в портупее. Сидящий под боком охранник — в кожаной курточке с кобурой под мышкой.

Машина затормозила у грязного придорожного строения, рядом с которым стоял танк, направив пушку вдоль трассы. Дорогу перегораживали бетонные бруски. За колючей проволокой расхаживали солдаты. Торобов, скованный наручниками, горько усмехнулся своему перемещению. Из нежного античного поселения с божественными алтарями и капителями его перебросили на армейский блокпост, созданный для ведения гражданской войны.

Его грубо вытащили из машины, втокнули в грязный коридор, пихнули в спину, и за ним хлопнулась дверь. Он оказался в тесной, с бетонным полом и лысыми стенами, камере. Из узкой щели под потолком лился свет. На полу валялся полосатый матрас с рыжими пятнами. На стене было начертано скверное слово.

Он сидел на матрасе со скованными руками, чувствуя кислый запах, исходящий от матраса. Останавливал в себе все мысли и чувства, берёт их до той поры, когда они остро понадобятся. Словно впал в спячку. Спал наяву, с открытыми глазами, не видя начертанное на стене безобразное слово.

Дверь растворилась, и солдат в камуфляже приказал:

— Вставай!

Его привели в другую комнату, где стояли стол, длинная скамья, над столом красовалось знамя, чёрно-красно-зелёное, с белым полумесяцем и звездой. Стяг государства, которого вчера ещё было, и которое сегодня имело рваные окровавленные границы.

За столом сидел офицер в чине капитана, в несвежем мундире, с лысеющей головой и усталым небритым лицом. В глазах его была болезненная желтизна, нос переломлен, а на лбу розовели пятна, оставленные ожогом. На столе лежал отобранный у Торобова айфон, английский паспорт и кипа визитных карточек.

— Садись! — приказал офицер, и солдат толкнул Торобова на скамью.

— Имя?

— Майкл Фарб.

— Я спрашиваю, настоящее имя?

— Майкл Фарб, профессор, научный сотрудник Британского музея в Лондоне.

— Что делал в Сабрате?

— Осматривал античные постройки. Я изучаю античные древности. В моём айфоне снимки, которые я сделал перед тем, как ваши люди меня схватили.

— Говори правду, что делал в Сабрате?

— Мне нечего больше сказать. Я профессор, специалист по античной истории. Спросите доктора Али Хамида, мы с ним вели переговоры.

— Мои люди видели, как ты подавал сигналы катеру. Это был катер с оружием и взрывчаткой. Бандиты из Бенгази хотели высадиться в Сабрате, чтобы осуществить террористический акт в Триполи.

— Какой катер? Никакого катера не было!

— Говори правду. Я передам тебя в контрразведку, и там из тебя по жилкам вытянут правду.

— Я говорю правду. Я Майкл Фарб, сотрудник Британского музея. Спросите у доктора Али Хамида.

Офицер кивнул солдату, и тот с размаху ударил Торобова по лицу. Торобов отпрянул, страшный удар в живот заставил его согнуться, и он свалился на пол.

— Имя? — кричал офицер, а солдат бил Торобова ногами, в голову, по рёбрам, в живот. Торобову казалось, всё его нутро сотрясается, лопается, взрывается кровью, и кровь готова хлынуть горлом.

— Имя? Зачем подавал сигналы?

— Никаких сигналов! Спросите доктора Али!

Удары прекратились. Он лежал, хлюпая кровью. Слышал, как тяжело дышит над ним солдат. Ждал новых ударов. Но его увели в камеру, сняли наручники. Он лежал на ржавом матрасе в сумрачной камере. Ощупывал рёбра, живот, кости ног. Всё болело.

В камеру вошёл солдат и велел встать. Его посадили в машину, ту, что доставила его на блок-пост. В ней находились всё те же двое — водитель с бородкой и охранник в кожаной курточке с кобурой. Машина вильнула между бетонных брусков и помчалась по трассе. Смеркалось, в стекло дула пыль. Они свернули с шоссе на грунт. Колыхались на выбоинах, а потом по днищу заскребли, зашуршали стебли сухой травы. Машина встала.

— Выходи!

Торобов вышел, переставляя больные ноги.

— Вперёд!

Он медленно шёл, цепляясь за колючки. Отрешённо думал, что сейчас грохнет выстрел, ударит в затылок, и исчезнет чёрная степь, низкие серые тучи, из которых дул ветер, колот песчинками щёки. И он останется лежать в мёртвой степи, на съедение лисам пустыни. Он старался в последние секунды жизни вспомнить что-нибудь драгоценное, последнее, неповторимое, с чем перенесётся в иное бытие. И не мог.

Услышал, как заурчал мотор. Оглянулся. Машина развернулась и, краснея габаритами, укатила.

Торобов, с трудом переступая, пошёл в степь, в её сумрак и ветер, подальше от шоссе, где его снова могли схватить. Ветер дул, и степь начинала свистеть. Мимо пронесло сцепленные травы, похожие на терновый венец. Прокатился, подсакивая, колючий шар, и его умчало в бесконечность. Пролетело что-то белое, летучее. Следом за ним другое. Это были пустые пластиковые мешки. Их становилось всё больше. Сонмы мешков летели, ударяли ему в грудь, прилипали, цеплялись за колючки. Их срывало и несло дальше. Было что-то призрачное, безумное и тоскливое в этих летящих мешках. Тщета и опустошённость, бессмысленность израсходованного бытия. Мешки пронеслись, и теперь летели где-нибудь в поднебесье, как стая целлофановых ангелов.

Начиналась пыльная буря. Бессчётные песчинки ударяли ему в лицо, жалили, жгли, хотели засыпать. Ветер, который дул в пустыне, был вечный, вселенский. Крутил громадное колесо, перемалывал царства, храмы, могильные склепы. В этом ветре мчались частицы разрушенных городов, остатки великих армий, прах манускриптов, пыль разорённых святынь. Этот ветер дул над землёй, сметая с насиженных мест народы, обращал их в бегство, бросал один народ на другой. Он раздувал огонь революций, топил корабли, обрушивал к земле самолёты. Торобов был подхвачен этим вселенским ветром, и его несло вместе с комьями чёрной травы, целлофановыми мешками, облаками ядовитой пыли.

Сквозь свист степи он услышал металлический вой. В коричневом облаке зажглись два огня, как размытые солнца. Огни приближались, окружённые мутными радугами. Возник грузовик. Кузов был полон людей. Над кабиной торчал пулемёт. Развевалось чёрное знамя с белым начертанием “Аллах акбар”. Грузовик, как призрак, прогремел мимо Торобова и исчез, словно его оторвало от земли и унесло в небо.

Торобов испытал помрачение, будто в его побитом теле запоздало разорвался сосуд и залил глаза кровью. Он упал на дорогу.

Очнулся ночью от холода. Его бил колотун. По дороге приближалась машина. Остановилась, едва на него не наехав. Из кабины вышли двое:

— Гляди-ка, человек. Ты живой?

Торобов что-то промычал бессвязно.

— Откуда?

— Заблудился.

— Куда тебе надо?

— В Триполи.

— Подвезём. В кабине нет места. Полезай в кузов.

Они помогли ему перелезть через борт. Кузов был полон овец, которые потеснились и дали место Торобову. Он лёг на доски, слыша, как подсакивает грузовик, и шарахаются овцы. Некоторые легли, прижимаясь к Торобову курчавыми тёплыми боками. Согрели его. Он благодарно, блаженно замер, окружённый кроткими бессловесными жизнями.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Торобов был уверен, что Фарук Низар готовит в Ливане взрывы. “Хезболла”, воюя с ИГИЛ, становилась объектом ударов. Как и русский самолёт над Синаем. Как полицейский участок в Триполи. Как шиитская мечеть в Дамаске. Как кошерный магазин в Париже. Удары возмездия в Ливане нанесёт “Меч пророка”. И надо спешить в Бейрут, предупредить друзей “Хезболлы” и обезвредить Фарука.

Он остановился в отеле “Эль Манара”, в центре Бейрута, на улицах которого не утихала ночная жизнь. Катили дорогие машины, работали рестораны, сияла набережная, волновалось море, отражая золотые огни.

Когда он мчался по белоснежному Бейруту, мчался мимо банков, особняков, пальмовых аллей, вдоль зелёного, как малахит, моря, он втискивался в сиденье машины, ожидая, что по стеклам хлестнёт автоматная очередь.

Его привезли в военный центр “Хезболлы”. Высокий бетонный забор, железные раздвижные ворота, камеры слежения. Перед воротами — пост, бетонный дот, бруски, затрудняющие движение машин. Ворота неохотно раздвинулись, пропуская автомобиль, и Торобов оказался перед одноэтажным строением штаба. Над входом развивался флаг “Хезболлы” — жёлтое полотнище с зелёным автоматом Калашникова, вплетённым в арабскую вязь: “Партия Аллаха”.

Перед входом его ждал Гассан, сердечный друг, боевой товарищ, при виде которого в душу Торобова пролился свет, и стало светло и чисто.

— Леонид, брат мой!

— Брат мой Гассан!

Они обнялись, прижимаясь щека к щеке. Торобов сквозь военную ткань чувствовал, какое крепкое у Гассана тело, с играющими мускулами. Неутомимое в ходьбе по горам. В перебежках, когда за спиной неподъёмный тюк с боеприпасами, провизией и оружием. Когда лопата прорубает мелкий окоп и звенит, и искрит о камни. Когда у товарища кровью пропитан бинт, и надо его нести, укрываясь от израильских снайперов.

— Слава Аллаху, я снова вижу тебя, Леонид.

— Слава Аллаху, Гассан!

Они выбрали ресторанчик на набережной. За окнами синело море, медленно плыл белый многопалубный корабль, оставляя белёсый след. Им принесли блюда ливанской кухни, много печёных овощей, изделия из острых сыров и кислого молока, суп из бараньей головы.

— А помнишь, брат Леонид, как мы ели в горах чёрствые лепёшки, запивая водой из ручья? — Гассан подкладывал ему на тарелку печёные помидоры и ворохи пряной зелени. — А над нами кружили израильские вертолёты, и я всё думал: ударят, не ударят.

— А помнишь, брат Гассан, как над нами кружила ворона, и я сказал, что это израильский беспилотник, и ты захохотал, и мы смеялись полчаса подряд, не могли остановиться? — Торобов с любовью смотрел на близкое, круглое лицо Гассана, вспоминая, как выглядело это лицо среди зелёных гор и рыжих откосов, по которым пролегали тайные тропы.

— А помнишь, брат Леонид, как мы разгружали первую партию “Корнетов”, и наши наводчики сначала боялись к ним прикоснуться? — Гассан с наслаждением предавался воспоминаниям, в которых все опасности и напасти были уже позади.

— Ты так и не приехал в Москву, Гассан. Приезжай, подарю тебе зимнюю шапку.

— Приеду, брат Леонид. Хочу побывать в Сталинграде.

— Почему в Сталинграде?

— Там русские люди бесстрашно умирали за Родину. Они были шахиды. Весь русский народ — это народ-шахид. Мы здесь тоже умираем за Родину.

За окнами струилась синева Средиземного моря. Белоснежно и хрупко сиял Бейрут — волшебный город, как драгоценная чаша, составленная из чудесных мозаик, населённая народами, верованиями, хранителями древних поверий.

Медленно, аккуратно, чтобы не обременять рассказ множеством подробностей, агентурных версий, собственных непроверенных домыслов, Торобов поведал Гассану о террористической группе “Меч пророка”. О Фаруке Низаре, майоре иракской разведки. О взрыве русского самолёта над Синаем. О взрыве полицейского управления в Триполи.

— Сейчас, по некоторым данным, Фарук находится в Ливане. Выдаёт себя за любителя древностей, интересуется Баальбеком. Ты отправляешь бойцов в Сирию воевать с ИГИЛ, а ИГИЛ уже здесь, в Бейруте, у тебя дома. Будет взрыв. Я его жду каждую минуту. В отеле, на улице, в этом ресторане. Фарук Низар — мастер террористических операций. Его нужно обезвредить.

Гассан молчал, думал, водил вокруг круглыми кошачьими глазами. Словно хотел разглядеть террориста в сидящих за соседними столиками посетителях, в официантах, разносящих подносы с блюдами, в старике, закотившем глаза, вдыхающем пьяный дым кальяна.

— Я сообщу нашему подразделению в Баальбек. Завтра утром выезжаем.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В отеле Торобов не мог заснуть. Отражённый в стекле огонёк далёкой рекламы казался мигающим индикатором бомбы.

Торобов думал, как странно в их отношения с Фаруком Низаром вонзился президент. И двести взорванных в небесах пассажиров. И турок Эрдоган, отдавший приказ сбить русский бомбардировщик. И крымские татары, взбаламученные турецкими агентами. И демонстранты в Москве перед турецким посольством. И его, Торобова, родовое преданье, когда его прадед на русско-турецком фронте открыл из горных орудий огонь по турецкой пехоте и получил от Великого князя “Золотое оружие”. И при этом вручении присутствовал маленький цесаревич. И тот екатеринбургский подвал, где был убит цесаревич.

Утром в холле его поджидал Гассан. На двух машинах, в сопровождении агентов безопасности “Хезболлы”, они отправились в Баальбек. Машина летела в перламутровом солнце по голубому шоссе. Чудесные белые виллы поднимались по склонам гор. Казались стеклянными сады. Долина Бекаа с её нивами, рощами, белыми селеньями драгоценно сияла сквозь голубую линзу. Вдруг блеснёт вдалеке море. Возникнет и канет, как тень, средневековый рыцарский замок.

Баальбек возник, как туманная мгlistая гора, выступавшая из зелени рощ. В горе громоздились уступы, зияли пещеры, возносились чёрные башни, похожие на хоботы громадных слонов.

— Я оповестил наших людей в Баальбеке, — сказал Гассан. — Мы встретимся с директором музея, и ты сможешь задать ему свои вопросы.

Когда Торобов показал доктору Рабаху — директору музея — фотографию Фарука Назира, тот сказал:

— Мне кажется, я видел его недавно. Но он был не в офицерской форме, а в обычной одежде. Выглядел старше. На подбородке шрам, должно быть, ранение.

Директор вернул фотографию.

— Он представился владельцем фирмы, которая печатает альбомы с памятниками архитектуры. Он сказал, что его фирма в Каире, и он хотел бы выпустить альбом шедевров Баальбека. Деньги от продажи альбома он хотел бы направить на помощь семьям патриотов, репрессированных военным режимом. Просил позволения начать фотосъёмки.

Директор достал визитку, на которой значилось: “Фарук Назир, издатель. Каир” и номера телефонов. Передал визитку Торобову.

— Уже начались съёмки? — Торобов спрятал визитку.

— Нет, для этого необходимо разрешение министерства культуры. Я направил письмо министру. Пусть делает альбом, а вырученные деньги пойдут на реставрацию.

— Он сейчас в Баальбеке?

— Он сказал, что летит в Каир, встретится с семьями репрессированных. Вернётся через несколько дней. Снял виллу в городе и поселил в ней фотографов. Они готовят аппаратуру. Как только придёт разрешение, фотографы начнут работу. И доктор Фарук приедет.

— Вы знаете, где остановились фотографы?

— Да.

Директор открыл ящик стола, достал вторую визитную карточку. Прочитал:

— Район Саддула, вилла номер 12.

— Спасибо, доктор Рабах. Быть может, мне удастся повидаться с доктором Фаруком.

Посетители музея простились с директором и вышли к машинам, где их дожидались молчаливые агенты безопасности.

Дом номер 12 не имел ограды, был окружён глянцевыми деревьями, которые расступались, открывая проход к дверям. Над ними висел старомодный бубенец.

— Возьми, это может пригодиться.

Гассан протянул Торобову пистолет, и тот, принимая оружие, почувствовал в ладони его литую тяжесть.

Гассан подошёл к дверям и позвонил. Торобов видел его руку, нажимавшую кнопку звонка, висящий над дверью бубенец. Земля под деревьями была влажной, тёмной. По ней ползла жужелица, и её хитин отливал зеленоватой медью.

Дверь не открывали, Гассан продолжал звонить. Торобов собирался выйти из-под деревьев и подойти. Дверь приоткрылась. Появилось женское лицо, окружённое розовой тканью хиджаба, чёрные брови, яркие чёрные глаза. Гассан раскланялся, прижал руку к сердцу, что-то пояснял. Дверь отворилась шире, и Гассан исчез в доме, мелькнула розовая ткань хиджаба и тёмно-зелёное долгополое платье.

Торобов нервничал. Бутоны, как плотные бусины, были полны красного сока, стискивали в глубине соцветья. Жужелица замерла, вцепилась хрупкими лапками в комочек земли. Торобов сжимал у пояса спрятанный пистолет, порываясь идти к дверям.

Ему показалось, что дрогнул и покачнулся воздух. Оглушительный грохот и треск вышиб дверь, брызнул из окна щепками, осколками, валом дыма. Взрывная волна толкнула Торобова. Из разбитого окна повалил дым, из дверей сочилась серая муть.

Он выхватил пистолет, устремился к дому. Сквозь прихожую, где люстра продолжала качаться, по тлеющему ковру ворвался в комнату. Здесь было месиво тряпья, расколотой мебели, блестя под ногами осколки стекла. Две женщины, изуродованные взрывом, в обгорелых одеждах, лежали у стены. У другой стены лежал Гассан. В дом, выставив пистолеты, вбегали бойцы “Хезболлы”. Торобов, задыхаясь от едкого дыма и запаха парного мяса, думал, что взрыв, убивший Гассана, был направлен в него, и Гассан перехватил этот взрыв, перехватил летящую в Торобова смерть, принял её удар на себя.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Каир был всё тот же, каменный, громадный, с желобами улиц, в которых ревели машины, и стояла металлическая мгла.

Торобов остановился в “Фридом отеле”. Каирские телефоны, обозначенные на визитке Фаука Низара, не откликнулись. Не покидая номер, он весь день потратил на поиски прежних знакомых из числа “братьев мусульман”. Большинство телефонов молчало. Откликнулись двое “братьев”, тех, кто не занимал руководящих постов. И ему стоило большого труда договориться о встрече.

Они встретились ночью в ресторане на берегу Нила. Ресторан был построен в виде старинного корабля, корма которого омывалась рекой. На противоположном берегу, как огромный золотой слиток, сиял небоскрёб. Его отражение струилось в реке. Когда по Нилу проплывала баржа или катер, их чёрный контур врезался в золотое отражение, дробил его, и вся река превращалась в жидкое золото, корма ресторана покачивалась, и начинала сладко плыть голова.

Их обслуживали официанты в одежде матросов. Несколько раз подходил любезный метрдотель, облачённый в мундир морского офицера.

Доктор Ибадат — тихий, щуплый, в очках с золотой оправой, сквозь которые смотрели печальные осторожные глаза с красными ободками. Казалось, эти глаза долго и много плакали и не высохли до сих пор. И доктор Табарак, маленький, нервный, с оттопыренными ушами, которые от волнения бурно краснели, и тут же гасли, словно их хозяин давил в себе бурлящие, избличающие его чувства. С обоими Торобов виделся в свой прежний приезд, но не слишком хорошо их помнил, уделяя всё внимание руководителям “братьев”, предвкушавших близкую победу.

Их стол был уставлен фаршированными баклажанами с мятой, салатами с острыми сырами, мясными ломтями с рисом, бараньими кебабами, от которых исходил горячий дух. Высились

горы трав — зелёной, розовой, фиолетовой. Торобов чувствовал на губах сладкое жжение мяты, смотрел, как колышется в реке золотой слиток небоскрёба.

— Я чрезвычайно благодарен Вам за эту встречу, — произнёс Торобов. — Я прекрасно понимаю, что нынешняя обстановка в Египте не располагает к общению. Но мне хотелось услышать голос “братьев”, который умолк после известных событий.

— Мы видим в Вас друга, доктор Леонид.

Ибадат печально посмотрел на него, повёл глаза в сторону, где вдалеке маячил метрдотель в фуражке морского офицера.

— Мы помним нашу встречу три года тому назад.

Табарак закивал круглой, с запёкшимся ртом головой, уши его запылали от прилива чувств и тут же померкли.

— За это время столько всего случилось. Египет стал другой страной. Мы вспоминаем Ваши прогнозы, которые, к сожалению, оправдались.

Глаза Ибадата в красных ободках наполнились невыплаканными слезами.

— Я днём звонил по многим телефонам, но отозвались только ваши два, — сказал Торобов. — Где доктор Забир? Он человек глубокого интеллекта.

— К сожалению, доктор Забир убит. Солдаты ворвались в его дом и застрелили на глазах жены и детей.

— А доктор Забихолла? Его размышления о исламском ренессансе, о будущем вкладе ислама в мировую культуру произвели на меня большое впечатление.

— Доктора Забихоллу похитили прямо на улице. Затолкали в машину и увезли в неизвестном направлении. Через неделю его тело, ужасно изуродованное, нашли на свалке.

Ибадат покачивал головой, как усталая лошадь, и глаза его тихо слезились.

— А доктор Язид? Кажется, он стал министром просвещения?

— Он в тюрьме. Подвергается пыткам. Его просят подписать какую-то бумагу, он отказывается, и ему перебили колени.

— Это ужасно, — сказал Торобов.

— За “братьями” идёт охота и днём, и ночью. Сто тысяч “братьев” убито, многие уехали в Иорданию и Катар. Другие продолжают борьбу. Мы не сдаёмся!

Табарак сжал кулак, поднял его над краем стола, но так, чтобы его не было видно официантам.

— Вы, доктор Леонид, — продолжал Табарак, — говорили тогда, что наш приход к власти должен сопровождаться арестом ста генералов. Как Вы были правы! Мы поставили своего президента, но армейский крокодил находился у него за спиной и скалил зубы. Мы не вырвали зубы у крокодила, и он растерзал нас. Тысячи наших “братьев” погибли мученической смертью из-за нашего легкомыслия и неопытности!

— Но ведь мы боролись против диктатуры и поэтому не могли установить собственную диктатуру! Мы хотели строить демократический Египет, в котором ислам получил бы своё высшее развитие, способствовал человеческому творчеству! Хотели, чтобы Египет превзошёл Европу в своём развитии! — Голос Ибадата умоляюще дрогнул, словно в нём зародились рыдания.

— Революцию надо защищать! Теперь же все десятилетия нашей борьбы пошли насмарку. Мы отброшены в прошлый век. Народ перестал нам верить. Мы подставили народ под удар военных. Наши лидеры оказались наивными, как дети. Им не следовало идти в политику. Американцы заманили нас во власть, захлопнули ловушку и уничтожили. Наши обожаемые лидеры оказались нашими злейшими врагами! — Уши Табарака пламенели, как огненные лепестки.

— Жестокость не может быть нашим правилом. Мечь не может быть нашим идеалом. Пророк учит нас добру и справедливости. Доброта, правда, милость и милосердие угодны Аллаху, всемирнолюбивому и милосердному.

Торобов слушал их запоздалый спор, который они вели после разгрома и попраiania их идеалов. Скелеты их друзей, обглоданные лисами и шакалам, лежали в пустыне. Других жгли железом в застенках. А третьи томились в изгнании. Это был спор проигравших, запоздалый спор под дулом врагов. Торобов испытывал к ним сострадание, чувствовал хрупкость их бытия, которое было готово в любой момент оборваться.

По Нилу проплывала баржа. Острый нос вонзился в золотое отражение, рассёк его. Чёрный кон-

тур с плоской палубой и рубкой медленно проплыл, расплёскивая жидкое золото. Ресторан колыхнуло. Колыхнулся ананасовый сок в бокалах. Баржа исчезла. Отражение на реке медленно собиралось в дрожащий слиток.

— Революцию нельзя заколоть штыками, нельзя расстрелять из пулемётов, нельзя разбомбить ракетами. Американцы подавили революцию “братьев”, но она вспыхнула в Сирии, Ираке, Ливии. ИГИЛ собирает тысячные армии бойцов. Наши “братья” сражаются под Алеппо и в Латакии. Революция ИГИЛ — это мировая исламская революция, которая неодолима!

Табарак произнёс это громко, и к столику стал приближаться метрдотель. Табарак, делая вид, что не замечает его, произнёс:

— И поэтому я люблю смотреть фильмы Голливуда, но не те, что отмечены “Оскаром”. Русские объявили войну ИГИЛ. Ваши самолёты бомбят исламских бойцов. Это ошибка. Таким образом, русские вступили в войну с исламским миром. Мы ждали от вас помощи, а вы послали к нам бомбардировщики! — уши Табарака пламенели, как красные лампы, и он не желал их тушить. — Вы, доктор Леонид, должны чувствовать эту ошибку. Повторяю, революцию нельзя заколоть штыками и разбомбить ракетами!

— Россия — не враг исламской революции! — Торобов старался говорить проникновенно, словно сказанное являлось плодом выстраданных размышлений. — Мы сожалеем, что американцам удалось поссорить шиитов и суннитов. Мы дорожим целостностью исламского мира и ожидаем в будущем его грандиозного развития.

Оба “брата” слушали его внимательно и настороженно, чуткие к неискренним и фальшивым интонациям. Они привыкли к тому, что их обманывают, вводят в заблуждение, пользуются их неосведомлённостью и наивностью.

— Россия готова исправить ошибку и отозвать самолёты из Сирии. Мы готовы установить контакты с ИГИЛ и договориться о сотрудничестве. Пусть удары возмездия исламистов будут направлены против Парижа, Берлина и Лондона, а не против Москвы. Россия так же страдает от Америки, как и исламский мир. Мы готовы объединить усилия. Это целый геополитический план, и я здесь, среди вас, чтобы способствовать его реализации.

Метрдотель в морской фуражке кружил в стороне, то приближаясь, то удаляясь. Мобильные телефоны омертвело лежали на столе, делая бесполезными системы прослушивания. Торобов, доверительно посвящая “братьев” в стратегический план, обезоруживая их своей искренностью, произнёс:

— Я здесь, чтобы установить контакты с представителями ИГИЛ, теми, кто базируется в Египте. Мне известно, что в Каире появляется бывший майор иракской военной разведки. Он выполняет delicate поручения, проводит агитацию, способствуя пополнению рядов ИГИЛ. Я знаю, он должен находиться в Каире и, по всей вероятности, встречается с “братьями”. Знакомо ли вам это имя?

Торобов достал визитку, полученную от директора музея в Баальбеке. Протянул её Ибадату. Тот осторожно принял её, поднёс к очкам и долго рассматривал своими слезящимися глазами. Передал Табараку. Тот шевелил губами, читая имя, и его уши утратили пунцовый цвет, превратились в бледные голубоватые хрящи. Вернул визитку Ибадату.

Все трое молчали. Чёрный, маслянистый, как нефть, струился Нил. Пламенело золотое отражение небоскрёба. Наконец, Ибадат произнёс:

— Вы наш друг, доктор Леонид. Мы знаем, как Вы переживаете по поводу государственного переворота в Египте, сочувствуете нашим “братьям”, павшим в борьбе. Верим в искренность Ваших слов. Этот человек был недавно в Каире, представился знатоком египетских древностей. Он искал возможность направить “братьев” в Сирию. Чтобы мы, потерпев поражение в Египте, взяли реванш в Сирии. Мы сказали ему, что это вряд ли возможно. Наши люди травмированы, ушли в подполье. Должно пройти какое-то время, чтобы прошёл шок. Теперь же мы рекомендуем ему отправиться в сектор Газа, где существует целая армия отмотелизованных палестинцев, ведущих ежедневные бои с Израилем. Там он найдёт пополнение своих рядов.

— И он отправился в Газу? — спросил Торобов.

— Да, это было пять дней назад.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Утром Торобов собирался вызвать такси и отправиться из Каира по долгой дороге через Синай к сектору Газа. Этот ломтик Палестины, находящийся под контролем “Хамас”, истерзанный израильскими бомбами, влѣк его к себе. Он знал, что все пропускные пункты были закрыты. В Газу попадали нелегально, через туннели, соединяющие палестинский анклав с Египтом. Граница с Израилем была непроницаема, укреплена бетонной стеной с видеоканерами и пулемѣтами. И он был готов, нарушая египетский закон о границе, воспользоваться туннелем.

Торобов был знаком с лидерами “Хамас”, оказывал им услуги, осуществлял контакты “Хамас” с российским МИДом и внешней разведкой. В Газе оставались его знакомцы, в их числе Хабаб Забур, один из командиров боевого крыла “Хамас”. Автор громких нападений на израильские блокпосты и диверсий на Западном берегу реки Иордан. К нему собирался пробраться Торобов и разведать местонахождение Фарука Низара.

Он уже вызвал такси, но вдруг вспомнил сообщение “братьев” о митинге студентов. Ему захотелось очутиться среди бурлящей толпы, увидеть множество коричневых, как смола, лиц, ощутить жар “арабской весны”, которая всё ещё тлела в глубинах народа. Он поддался странному искушению и отправился на площадь Тахрир.

Было солнечно. Площадь казалась огромной, с размытыми краями. Синяя дымка окутала правительственные здания, музей Египта, отель “Нил”, помпезную громаду “Могамма”. Памятник Омару Макриму плыл в голубом тумане. Стоял гул и рокот, какой бывает на море. Площадь заполнялась толпой, но оставалось ещё много свободного места. Подходили колонны. Одна изливалась из улицы Каср аль-Айн, брэнча, скандируя, взмахивая кулаками, развевая чёрно-бело-алые флаги. Другая — из улицы Талаат Харб, распевая, танцуя, неся над головами смешные чучела президента Сиси и его министров. Люди шли группами, поодиночке, от моста Каср аль-Нил, из метро. Толпа вязко наполняла площадь, колонны смешивались, образуя медленные водовороты.

Торобова затягивали эти медленные течения. Он радовался тому, что становился частью этого месива, оно не отторгало его, вовлекало в огромный плавильный котѣл, который медленно разогревался. Было множество молодых, очаровательных лиц, сияющих глаз, белоснежных зубов. Иногда попадались девушки в розовых и зелёных хиджабах. Но большинство — длинноволосые, с модными причѣсками, чернобровые, с малиновыми губами, пленяющие своей смуглой арабской красотой. Юноши не стеснялись их обнимать, некоторые целовались, и все вместе, впадая в раж, скандировали весѣлую чепуху:

— Господин президент, поживи, как студент! У студента в животе, как воды в решете!

Кругом сновали торговцы. Предлагали апельсины, орехи, выпечку. Другие раздавали листовки, брошюры, полосатые, чёрно-бело-алые флажки. Вдалеке, у памятника Омару Макриму стояла хрупкая цепь полицейских. Высилась трибуна, на которой расхаживали организаторы митинга.

Торобов чувствовал молодую энергию толпы, которая питала его силой и свежестью. Он был среди тех, чей язык понимал, чьи лица любил, чьѣ стремление к свободе и благополучию разделял. Знал, среди какой тьмы рождалось это стремление. В толпе был замечен тучный старик в чалме, с посохом и всклокоченной бородой, которого течение принесло из тусклых и грязных предместий. Он что-то проповедовал, открывал беззубый рот, топтал изношенными сандалиями.

Становилось тесно. Площадь нагревалась, как тигель. Торобов, стиснутый, чувствовал, как по площади из конца в конец перекачивались упругие сгустки. Достигали места, где он стоял, сдавливали, так что становилось трудно дышать, и катились дальше.

Над головами летало прозрачное электричество, жгло, сыпало искры. Люди касались друг друга, и их било током. Кукла президента Сиси, воздетая на шест, дергала руками и ногами. Качался плакат с надписью: “Студенты хотят есть”. Пожилой человек в вязаной шапочке, с седеющей бородкой поднял вверх Коран.

Вдалеке на трибуне заговорил микрофон, гулко, с металлическими перезвонами, бессловесно отражаясь от зданий, улетаая в синюю дымку, где знойно туманился Нил, и дальше, к мечети Омара Макрима. Площадь казалась огромной квашней, в которой взбухало чёрное тесто. Торобов чувствовал магму, которая изливалась из бездонных глубин Востока. Из таинственных недр, откуда исходили народы, пламенные пророки, мистические вероучения. Этому извержению не было конца. В

глубине земли зарождались новые народы, зрели новые вероучения, обитали неродившиеся пророки. И он, Торобов, востоковед и разведчик, был не в силах заглянуть в эту живородящую бездну.

Он увидел, как далеко, за трибуной, со стороны моста Каср аль-Нил показались броневики и стали выстраиваться за цепью полицейских, — уродливые, грязно-зелёные, похожие на толстых жаб. Ораторы сменялись у микрофона, насылали на площадь волны звенящий звук, и, казалось, в небе гремит огромный лист кровельного железа.

“Студентам нужен хлеб!” “Студентам нужен хлеб!” — молодые люди зло скандировали, вздымали кулаки, подпрыгивали. Кругом были возбуждённые лица, горящие глаза, гибкие тела.

Торобов был един с толпой. Ему хотелось кричать и подпрыгивать. В него ударило электричество, когда соседний парень с кудрявыми волосами и золотой серьгой в ухе случайно задел его рукой. На него накатила металлический звук мегафона, оросив железной влагой. И стоящий рядом человек в вязаной шапочке стал потрясать над головой Кораном, выкликая “Аллах акбар!”

Торобов видел, как на трибуну взобрались полицейские. Отпихивали ораторов, сбрасывали с помоста. Полицейский овладел микрофоном, и лязгающие звуки приказа полетели в толпу. Каждый большой удар отзывался рёвом. Толпа литой стеной двинулась к трибуне. Заглушая лязг мегафона, раздалось: “Аллах акбар”. Нестройно, разрозненно, затем всё слаженней, единым дыханьем, клёкотом. Казалось, великан бьёт молотом по наковальне. Огненно летели грозные слова, от которых шатались здания, качался мост через Нил, разбежались полицейские. Кукла президента Сиси задымилась. Её подожгли, она роняла липкий огонь. Упала с шеста, и её топтали, плевали.

Толпа повалила к трибуне. Торобов слепо, вместе со всеми колыхнулся, сжатый толпой. Услышал, как тупо застучали пулемёты. Броневики, как ромбовидные жабы, палили в толпу. Трассы били по головам, рикошетили вверх, и казалось, что толпа, как бронированная плита, отшвыривает пули. Но там, куда били очереди, возникали пустоты. Часть толпы всё ещё кричала “Аллах акбар” и подскакивала, но другая, попавшая под пули, стенала, визжала. И среди этой разноголосицы стучали пулемёты.

Торобов почувствовал, как слепо качнулась толпа, тёмный сгусток сдавил его и понёс в сторону Каср аль-Айн. Он бежал в толпе, молча, задыхаясь, стремясь не упасть, чувствуя под ногами живые тела, по которым бежала толпа. Девушка, бежавшая рядом, споткнулась о чьё-то тело, упала, на неё наваливались, падали, и толпа огибала живой стенающий холм.

Он добежал до зданий и прижался к стене, боясь, что рухнет от разрыва сердца.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В Газе Торобов поселился в отеле “Музеум”.

Номер был на четвёртом этаже. Лифт не работал. В номере загоралась единственная лампочка. Было холодно. За окном близко шумело море, тяжело ударяло в берег. Во мгле туманились огни израильских боевых катеров.

Торобов устало прилёг на кровать, накрывшись двумя шерстяными одеялами.

Он услышал в коридоре шаги. Поднялся с постели. Дверь распахнулась, и Хабаб Забур обнял его. — Брат Леонид, наконец, я вижу тебя!

В Москве, когда Торобов сопровождал делегацию “Хамас”, представлял её в МИДе и внешней разведке, Хабаб был элегантен, в дорогом костюме и шёлковом галстуке, напоминал манерами дипломата, осторожно подыскивая слова и сохраняя на лице бесстрастно любезное выражение. Теперь же он был в камуфляже, с “арафаткой” на шее. На толстом ремне висела кобура с пистолетом. Он источал пылкую радость. Его нос с горбинкой, пышные — вразлёт — брови, жаркие чёрные глаза соответствовали образу революционера, полевого командира, организатора отважных атак на израильские блокпосты и военные патрули. За ним охотилась израильская разведка; он был внесён в список палестинцев, подлежащих уничтожению.

Торобов слушал Хабаба, чей голос сопровождался гулом моря, ударами волн о берег. Тусклая лампочка освещала его лицо, на котором глаза светились, как два чёрных огня.

Торобов ждал минуты, когда сможет обратиться к Хабабу с расспросами о Фаруке Низаре. И этот момент настал.

— Дорогой Хабаб, я знаю, что в Газу прибыл Фарук Низар, представитель боевой группы ИГИЛ. У меня есть деликатное поручение российской разведки встретиться с Фаруком и наладить с ним взаимодействие. Не мог бы ты вывести меня на Фарука?

Хабаб молчал. Поднимал глаза на Торобова и остро, пронзительно взглядывал. Снова опускал глаза, словно рассматривал фиолетовый листик мяты, упавший на скатерть. Наконец, произнёс:

— Не могу, не имею права расспрашивать тебя, брат Леонид, какое поручение к Фаруку Низару ты хочешь выполнить. Знаю только, что он имеет отношение к специальным операциям, затрагивающим интересы России. Россия — друг “Хамас”. Ты друг “Хамас”. Мы никогда не позволим, чтобы нашим друзьям причинили вред. Фарук Низар прибыл в Газу, чтобы здесь найти опытных бойцов для своей организации. Он разговаривал об этом с нашим руководством, разговаривал со мной. И вот что я ему ответил. Пусть ИГИЛ не рассчитывает на боевые подразделения “Хамас”. Мы воюем против Израиля. Мы поставили цель изгнать Израиль из Палестины и вернуть исконные земли народу. Ради этого мы воюем и умираем. Все наши силы направлены на это. Нам важен каждый боец, каждая жизнь. Палестинское сопротивление не станет пополнять ряды ИГИЛ. Вот что я ему сказал.

— И где он теперь, Фарук?

— Сегодня утром он покинул Газу и сказал, что отправляется в Багдад. Там его ждут дела. Мы сидели с ним за этим же столом, где сидим с тобой. Он жил в том же номере, где теперь живёшь ты.

— Он сказал, что отправляется в Ирак? Для него это большой риск.

— Сказал, что едет в Багдад.

Торобов почувствовал едва ощутимый ветерок, пробежавший у виска. Быть может, это была тень Фарука. Они разминулись на час или два.

— Что ж, наша встреча с Фаруком не состоялась в Газе. Буду искать его в Ираке.

— Поживи день у нас, брат Леонид. Поговорим по душам.

— День поживу, — ответил Торобов, провожая Хабаба.

Видел, как его машина с выключенными фарами нырнула во тьму.

Остался один в тёмном номере, где недавно находился тот, кого он должен убить. Тот словно знал об этом, играл, заманивал, каждый раз ускользал, оставляя лёгкий ветерок убегающей тени. Торобов лёг на кровать, где ещё утром лежал Фарук Низар. Слушал, как за тёмными окнами ухает море. Удары следовали бесконечной чередой. Каждый оставлял в груди вмятину, словно мостили грудь булыжниками, погребая его под каменной толщей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На другой день Хабаб возил Торобова на встречу с бойцами “Хамас”, бывшими узниками израильских тюрем. Вместе с ними он посадил дерево.

Уже смеркалось, когда они вернулись в Газу. Проезжали мимо тяжеловесного каменного храма с аляповатым крестом.

— Хабаб, я хочу заглянуть в храм и помолиться. Останови машину.

— Я оставлю тебя на час, а потом вернусь. Помолись о Палестине. Бог на небе один, и справедливость одна. Твоя молитва будет услышана.

Храм был сумрачный и холодный, с повисшими по углам тяжёлыми тенями. Горело несколько свечей, создавая туманное золотистое облако. На стенах сохранились закопчённые фрески. Древние краски из разноцветных глин были мрачные, написанные ими лики святых, ангелы и херувимы были строгими, сумрачными, напоминали о катакомбном христианстве. Торобов слышал свои гулкие шаги, безлюдье храма говорило об оскудении веры, о последних временах, о всемирном потопе, в котором погибли заблудшие народы, утонули неугодные Богу царства.

Спасаясь от холода и угрюмых напоминаний, Торобов жался к подсвечнику, на котором горели свечи, и витало золотистое облако.

К нему подошёл священник. Его арабское лицо густо заросло седой бородой. Грива волос казалась серебряным слитком. Он был из библейских ветхозаветных времён, когда о пришествии Хри-

ста проповедовали пророки. На нём была фиолетовая мантия, шитая серебром, и золотая потёртая епитрахиль.

— Здравствуйте, — произнёс священник, — Я вас не знаю. Вы не из моих прихожан.

— Благословите, отче, — Торобов припал губами к холодной костлявой руке, слыша, как ткани священника пахнут сладким дымом. — Я из России.

— Из России? Я был в России, присутствовал на службе, когда служил Патриарх. В России очень много снега. Я люблю Россию.

— У вас такой величественный храм. Должно быть, когда-то на этом месте произошло чудо.

— Чудо в том, что мы всё ещё живы, — произнёс священник.

Ненадолго отошёл и вернулся, держа в руках высокую свечу.

— Поставьте свечу и помолитесь. В дороге хорошо помолиться.

Торобов оплавил торец свечи, зажгёт и укрепил в гнезде подсвечника. Свеча разгорелась, и золотистое облако стало ярче и выше.

Он стоял и смотрел на свечу. Не молился, а погрузился в мечтательное созерцание, какое бывает на грани яви и сна.

В этом золотистом пятне открылось иное пространство, в которое он вошёл, как входят в туман. В этом чудесном тумане появилась беседка со стрельчатыми арками и резными колоннами. Там стол с плодами и яствами, блюдо с яблоками, ваза с виноградом. За столом сидит Фарук Низар в белой рубашке, молодой, с пушистыми бровями. Радует его появлению. Они угощают друг друга виноградом, протягивают алые ломти арбуза и медовой благоухающей дыни.

Торобов выпал из волшебного пространства, когда услышал голос Хабаба:

— Я вернулся. Мы можем идти.

Покидая храм, Торобов оглянулся, стараясь запомнить свечу, священника в сиреновой мантии, сумрачные фрески на стенах. Знал, что больше сюда не вернётся.

Стемнело. Они ехали по центральной улице Газы, среди озарённых витрин, цветных реклам, слепящих автомобильных фар. Слышалась музыка, гудки, рокот большого города. Не верилось, что вся эта оживлённая вечерняя жизнь проходит под прицелом орудий, окружена минными полями, пулемётами, бетонной стеной и в любую минуту может быть подавлена и растерзана.

По мере того как они подвигались к окраине, огни гасли, улицы становились темнее и пустынее, пока совсем не погасли и обезлюдели. Тянулись одноэтажные, с чёрными окнами дома, кривые, не мощёные улочки. Хабаб выключил фары.

— Мы куда? — спросил Торобов.

— Здесь граница, стена, полоса отчуждения, минное поле. Если живая душа приближается на триста метров к стене, пулемёты автоматически открывают огонь. Неделю назад к стене приблизилась корова, и её расстреляли из пулемётов. Она лежит на солнце, разбухла, гниёт, но мы её не можем убрать.

— Ты хочешь показать мне убитую корову?

— Я просто проверяю посты. Сегодня ночью мы готовим операцию, и Израиль ответит ударом. Могут пойти танки. Мы укрепляем оборону.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В темноте они подъехали к гостинице и были готовы расстаться. Завтра утром Торобова подхватит машина и повезёт к туннелям. Он покинет Газу и продолжит свой изнурительный поиск.

— Сейчас мы начнём боевую операцию, — произнёс Хабаб. — Хочешь принять в ней участие?

— В чём суть операции?

— Рыбаки добывают для Газы рыбу. Без рыбы у нас начнётся голод. Израильские катера отгоняют рыбаков к берегу, и уловы сократились, рыбный рынок опустел. Самые смелые рыбаки нарушают запрет евреев и выходят за пределы километровой зоны, ставят сети и возвращаются с большим уловом. Несколько дней назад рыбак, член “Хамас”, вышел в море, нарушил запрет, и его расстрелял израильский катер. Лодку с убитым выбросило на берег. Его брат через час выходит в море, чтобы отомстить. В лодку загрузили взрывчатку. Он должен незаметно добраться

до катера и взорвать его. Это послание евреям, требование, чтобы они расширили для рыбаков зону лова.

— Рыбак взорвётся вместе с лодкой?

— Это его выбор. Это не приказ.

— Я не могу в этом участвовать. Это не моя война. Это не моя земля.

— Ты посадил дерево, и теперь это твоя земля. Ты борешься за справедливость, значит, это твоя война. Мы идём провожать нашего брата. Пусть он тебя увидит. Пусть знает, что Россия вместе с нами в нашей борьбе.

— Ты — настаиваешь; я — пойду, — сказал Торобов, испытывая мучительное сомнение.

В стороне от города, на пустынном берегу, стояли машины. У воды, едва различимые, темнели люди. Хабаб и Торобов подошли. Несколько автоматчиков в масках дали им пройти. Мулла в мучнистых одеждах, в белой чалме, поклонился Хабабу и Торобову. Маленькая женщина, вся в чёрном, держала за руку высокого молодого мужчину. Его лицо в лучах фонаря отливало медью, жарко и огненно сверкали глаза, безмолвно шевелились узкие губы. Металлическая лодка уткнулась носом в песок. За кормой темнел мотор, а на носу горбился тюк, обмотанный клейкой лентой. Море светилось, среди фиолетовых волн пробегали длинные млечные зарницы. Катились вместе с волнами к берегу, словно прозрачные духи бежал по волнам, а потом отталкивались и взлетали, а их место занимали другие, светящиеся и бесплотные. Далеко, во мгле то появлялись, то пропадали огни катеров, жёлтые, как капельки жира.

— Сабил, это наш брат Леонид из России. Он расскажет русским о нашей борьбе, о “Хамас”, о твоём подвиге, чтобы о нём узнала вся земля, друзья восхитились, а враги содрогнулись.

Огненные глаза Сабилы скользнули по Торобову и пробежали мимо, словно не заметили.

А Торобов вновь испытал мучительную неуместность, желание повернуться и уйти. Заставил себя остаться, повторяя: “Это ты!” Млечные духи вод окружали их голубоватым свечением, взмахивали прозрачными рукавами, словно прощались. Море шелестело, гудело, словно в его глубине играла таинственная музыка.

Женщина в чёрном, мать Сабилы, не выпускала руку сына, тянула его прочь от моря, от погребальной музыки, белых призраков, далёких жёлтых огней.

— Сабил, мой сыночек. Зачем я тебя родила? Зачем тебя у меня отнимают? Сначала Табиб, а теперь и ты. Возьми меня в лодку! Возьми меня с собой на небо! Не хочу я жить без тебя на земле!

— Мама, мама. — Сабил прижимал к себе хрупкое тело матери. — Зачем ты плачешь? Ты радуйся, смейся! Я скоро увижу Табиба, мы обнимемся с ним по-братски. Я расскажу ему, как мы жили без него, как часто его вспоминали, как ты любишь его. Мы станем ждать тебя, встретим и снова будем вместе. Там не будет войны, там не будет голода. Там будут цветы, чудесные птицы, о которых ты нам рассказывала в детстве. Мама, не плачь!

— Сабил, сыночек! — она вздрагивала худыми плечами, сын обнимал её хрупкое тело, которое когда-то его породило, вскормило, а теперь сотрясалось от горя.

— Пора, — сказал Хабаб, посмотрев на часы, полыхнувшие фосфором на запястье. — Через полчаса на катерах смена караула. Они перестают наблюдать за морем. К ним можно незаметно подобраться.

Он осторожно обнял за плечи плачущую женщину.

— Отпусти его, Забиба. Ты мать героев. Тебя выбрал Аллах, и ты самая счастливая из матерей.

Взревел мотор, лодка, развернувшись, оставляя зеленоватую дугу, ушла в темноту. Звук мотора стих. Только шлепали и стучали о берег волны, и слышались женские всхлипы.

Они стояли на мокром песке. К их ногам бежали волны, блестящие, как чёрная слюда. Блуждали над морем духи вод. Желтели у горизонта огни катеров.

Торобов чувствовал, как в тёмном сыром пространстве движется лодка, и мученик ведёт её к смерти. Торобов видел лодку не глазами, а страдающим сердцем, в котором дышала мольба, росло ожидание чуда. Вера в то, что чудесным образом мир, попавший в жестокий завиток нескончаемых бед и несчастий, в непрерывную череду убийств и насилий, — мир этот вдруг очнётся, двинется вспять, и благая сила не даст сомкнуться контактам взрывателя, жуткого взрывного устройства, которым заминирован мир. Призраки света, летучие духи вод сложатся в лунную дорожку, и на ней

появится тёмная лодка, и в лодке два брата, любящие, смеющиеся, выйдут на берег и обнимут мать. И он, Торобов, вымолив их жизни, обнимет обоих.

У горизонта полыхнула тихая вспышка. Через минуту прилетел слабый звук, будто палкой ударили в таз. Замерцали колючие трассы, застучали пунктиры пулемётов. Огонь над морем стал разгораться, как уголь, на который дул ветер. Скользили лучи далёких прожекторов. Мать, воздев руки, рыдала.

Хабаб обнял её и сказал:

— Радуйся, твой сын в раю.

Все двинулись от моря к машинам.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Его разбудил страшный треск, словно на постель обрушивалась стена. Вскочил, кинулся на балкон. Ярко светило солнце, летел трескучий грохот. Увидел солнечный город, блеск моря, высотные дома. И один дом, похожий на пирамиду, падал, проседал, осыпался этажами, извергал дым. Ещё не успел рухнуть, как другое здание, блестя стёклами, стало разваливаться на бетонные панели и балки. Разваливалось с грохотом, словно у него подрезали поджилки. Сквозь каменный грохот и скрежет, пронзая его металлическим свистом, пронёсся самолёт, словно серая тень, и исчез на солнце.

Дома взрывались, проваливались, из них валил чёрный дым. Над городом в разных местах поднимались столбы, выбрасывая пышные пепельные клубы. Со свистом мчались самолёты, взмывая и исчезая на солнце.

Торобов стоял босиком на балконе, слыша содрогание взрывов. Над его головой проносились молнии самолётов, и он пригибался, ожидая, что его срежет лезвие. В нём был не страх, было оцепенение от небывалого зрелища. Под солнцем, у лазурного моря истреблялся город. Кто-то невидимый из неба указывал перстом на дом, в него вонзалась молния, оставляя курчавый след, и дом вырывался с корнем, превращался в чёрный столб дыма. В разных местах города качались колонны дыма. Поднимались великаны, колыхали гривами, выбрасывали в стороны руки, танцевали чудовищный танец.

В этом истреблении города было что-то библейское, беспощадное. Город был предан заклятию, его жителей кидали под железные пилы и тяжёлые кувалды, которые дробили кости городу, дробили кости народу, дробили кости ему, Торобову.

Когда умолкали взрывы, слышались неразборчивые, по всему городу стенания, треск опадавших конструкций, вой сирен, голошеньё. И ещё что-то, как будто рыдали камни.

Торобов стоял босиком на балконе, глядя, как взрывы приближаются к гостинице, готовы ударить в него, превратить в дым, пар, груды падающих обломков. Но не убегал, не мог шевельнуться, слыша сквозь грохот чей-то громогласный голос: “Это ты!”

Жуткое зрелище было дано ему в назидание. Такой ценой кто-то хотел разбудить его сонную душу, чтобы она очнулась и перед концом узрела истинное устройство мира.

Перст указующий перемещался от здания к зданию, превращал дома в дымные взрывы. Приблизился к нему и остановился где-то близко, за чередой домов, обрушив высотное клетчатое здание. Оно стало складываться, уменьшаться, изрыгая огненный дым.

Взрывы стихли. Шелестело, звенело, булькало, стонало. Камни рыдали, и в этих камнях стенали люди. Город с переломанными костями мучился и стонал.

По улице с воем промчалась пожарная машина. С трепетом фиолетовых вспышек, пролетели две “скорых помощи”. Пробежали люди, слепо и бессмысленно, словно их гнал ветер, и одежда на них казалась растерзанной этим колючим ветром.

Торобов понимал, что бомбардировка города была ответом на ночное потопление катера. А ночное потопление было отмщением за зверский расстрел рыбака. А расстрел рыбака был ответом на взрывы в иерусалимском автобусе. А иерусалимский взрыв был мстью за строительство еврейских поселений. Эта нескончаемая череда кровавых причин и следствий уходила в бесконечное прошлое и выныривала в бесконечном будущем. И он, Торобов, был включён в это неостановимое колесо. Город взрывался на его глазах, чтобы его душа проснулась, вырвалась из кровавого круга, разомкнула беспощадный обруч.

Услышал оглушительный рёв. Звук упал с неба, расплющил землю, и из этого грохота вырвался самолёт, прошёл над крышами, давя их пятнистым брюхом, разведя крылья с жёлтыми звёздами. Взмыл, исчезая на солнце. Торобов успел увидеть голубой трепет плазмы в хвостовом сопле.

Второй самолёт спикировал на город, грохоча, разрывая воздух, пронёсся над крышами, оставляя твёрдую волну рёва, и взмыл над морем, унося в хвосте синий огонь.

Самолёты падали на Газу, хлестали, истязали город, полосовали его железными бичами. Торобов приседал, в ужасе вжимал голову. Ему казалось, на городе взбухают рубцы, на его спине вздулась полоса от стального бича. И никто не поднимался в рост, не смел кинуть в самолёт камнем, погрозить кулаком. Все лежали ниц, слыша, как на бреющем полёте проносятся самолёты, прокалывают воздушный пузырь, вышибая из окон стёкла.

Внезапно из городских кварталов, далёких, близких, из центра, где дымились руины, с окраин, где ютились утлые домики, прынули ввысь кудрявые трассы. Сотни стеблей вырастали один за другим, и у каждого была тёмная головка, и в головке горел красный уголь. Трассы выгибались в небе, пересекались, развешивали крутые и пологие дуги, издавали стоголосый свист, птичий шелест. Это сотни самодельных “Касамов” уходили через стену в Израиль, и там взрывались на улицах, во дворах, на крышах, сея вопли и панику.

Стихло. Одна, две запоздалые ракеты ушли в небо. В тишине слышались сирены пожарных машин, вой “скорой помощи”, и всё тот же неразборчивый, из воплей и стука камней звук, тоскливый, пузырящийся.

Торобов, оглушённый во время чудовищного удара, подавленный, молил, чтобы великаны взрывов не дотянулись до балкона, где он стоял. Чтобы летящие самолёты не раздавили его своими пятнистыми животами. Он вымаливал себе жизнь не для продолжения рода, не для творчества и любви, а для того, чтобы выполнить жестокий приказ. Найти и убить человека. Жизнь нужна ему для того, чтобы убить другого. Чтобы одна смерть отступила и дала дорогу другой. Он, как игла с металлической дратвой, прокалывает страны, взрывы, военные столкновения, чтобы игла нашла Фарука Низара и пронзила его.

Эта мысль была острой, но ему не хватило времени её развить.

Над городом появились вертолёты; сначала единицы, потом десятки. Кружили медленно, на разных высотах; узкие, как насекомые, с тонким проблеском винтов. Высматривали добычу. Наклоняли клювы, мчались к земле, выбрасывали чёрные пучки, острые, как гарпуны. Вонзали в город, и там полыхало, ухало, хлестало, серый дым сочился из окон. Карусель вертолётов приближалась к гостинице. Всё небо было в чёрных букетах, сносимых ветром. Железные шлепки, скрежет и хруст приближались.

Вертолёт навис над отелем. Торобову был виден фюзеляж, подвески с ракетами, стёкла кабины, жёлтая звезда, слюдяной круг винта. Он запрокинул лицо и зажмурился, ожидая, что огонь накроет балкон и сметёт его. Но вертолёт отвернул, двинулся над улицей. Наклонил клюв и нырнул, разгоняясь. Из-под брюха сорвался пучок копоти, прынул на соседнее здание. Взрыв был, как хлюпающий удар в живую плоть. Из дыма с воплями, визгом вырвалась толпа, пёстрый растрёпанный ворох. Мужчины, женщины, дети, какой-то белобородый старик, какая-то старуха в чёрном. В панике пробежали по улице, нырнули в подворотню соседнего дома и стихли. Затаились, ожидая удара. Слышался стрёкот винтов, гулкие взрывы, напоминающие стук палки по кровельному железу.

Торобов с балкона увидел, как на улицу вышла крохотная девочка, отставшая от толпы. Красное платьице, хрупкие ножки, курчавая тёмная головка. Стояла посреди улицы, качаясь, словно её валил сорный ветер, беспомощно озиралась. А над ней кружил вертолёт, сыпал на неё стальной звук.

Торобов словно очнулся. Горячая боль, ужас, страх не успеть толкнули его с балкона. Как был босиком, выскочил из номера, сбежал с этажа, вынесся на улицу по осколкам разбитых стёкол. Схватил девочку, прижимая к себе, чувствуя её мелкую дрожь.

— Не бойся! Не бойся, милая! — повторял он.

А она, сотрясаясь хрупким тельцем, причитала:

— Ай-яй-яй!

Обнимая девочку, побежал. Влетел в холл гостиницы. К нему подскочили женщины, приняли девочку, которая смотрела чёрными, полными слёз глазами, повторяя:

— Ай-яй-яй!

Торобов по лестнице, чувствуя резь в стопах, оставляя кровавый след, вернулся в номер, сел на кровать и стал извлекать из подошв стеклянные колючки, испытывая нестерпимую резь. Воды в кране не было. Он разодрал простыню и обмотал ноги, соорудив матерчатые кули, сквозь которые просачивалась кровь. Лёг на кровать, положив ноги на спинку, чтобы отхлынула кровь.

Он вдруг подумал о сыновьях, которые в Москве в этот час погружены в свои хлопоты, служебные, семейные, живут своей отдельной от него жизнью, не ведая, что их престарелый отец лежит с окровавленными ногами в осаждённом городе, не смея себя обнаружить, позвонить им, услышать их любимые голоса, их утешительные слова. Вспомнил, как когда-то в далёком небывалом времени он плыл с сыновьями в лодке, они хохотали, черпали воду маленькими руками, брызгали на солнце. Над озером стояло белое облако, а на берегу, на мостках, стояла жена в розовом платье и, приложив руку к бровям, смотрела, как они плывут.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Он прилетел в Ирак и поселился в Багдаде, в отеле “Аль-Рашид”, где жил в свои прежние посещения. Тогда у входа в отель, на полу, из цветного камня был выложен портрет Джорджа Буша-старшего, и каждый, входя в отель, попирали ногами ненавистного американца. Теперь изображение исчезло, пол был полированный, гладкий, но Торобову перед тем, как пройти сквозь стеклянную карусель дверей, показалось, что его подошва топчет лицо президента.

На ресепшене он оставил паспорт, заполнил бланк, где представился русским инженером, проектирующим нефтеперегонные заводы. Поднялся в номер и посмотрел с высоты на пышную зелень парков, из которых поднимались дворцы: отели, административные здания, дворец Саддама Хусейна.

Он разделся, осторожно разбинтовал изрезанные стёклами ноги. Пустил в ванной воду и лёг, прижавшись затылком к холодной эмали ванны. Слушал, как ровно рокочет падающая из крана вода.

Чувствовал, как страшно устал. Устали его негибкие мышцы, изношенные сосуды, каждая клеточка и кровяная частица, которые тосковали, беззвучно стонали при мысли, что придётся вставать и идти. Устала душа от нескончаемого круженья по изуродованным странам, среди измученных народов, в неистовой погоне, где цель каждый раз ускользала, таяла. Превращалась в мираж, заманивала в очередную изуродованную страну, к другому измождённому народу.

Окончив службу в разведке, спрятав в шкаф военный мундир, оставив пылиться погоны, звёзды, ордена, он мечтал остаток жизни, краткую череду отпущенных ему лет посвятить молчаливому созерцанию, забытым воспоминаниям и не отыскивать среди них начинания, которым не дано было продлиться, которые были оборваны страстной гонкой, рискованными заданиями, хитроумными операциями.

Одно задание сменялось другим, одна операция порождала следующую. Поля сражений, аналитические центры, тайные встречи, посольские рауты, бессчётные лица. Одни из них не сходили с телеэкранов, другие безвестно пропадали, выглядывая из гробов бледными лбами под треск прощальных салютов. Жизнь пролетала, как огненный сгусток снаряда, способного прожечь броню. Но вместо брони обнаружилась пустота, не требующая взрыва, гасящая ненужный полёт.

Оказавшись в заснеженном подмосковном коттедже, он мечтал уединиться и приготовиться к завершающим дням своей жизни. Сойка с лазурным крылом была послана ему, как птица русского рая, вестница чудного бытия. Звала за собой, и он был готов полететь. Но его окликнули, оборвали полёт.

Прилетев в Багдад, он почувствовал незримое присутствие Фарука Низара. Его дух витал в пышных зелёных парках, где они прогуливались, обсуждая проблемы, спасаясь от посторонних глаз и ушей. У министерства обороны, где произошло их знакомство, теперь стояли посты новой иракской армии, в кабинетах сидели американские советники. У резиденции президента, где они клали на стол Саддаму Хусейну подписанные протоколы переговоров, застыл танк. На площади, где прежде стоял величественный памятник Саддаму, и вокруг трепетал и блестел сверкающий завиток автомобилей, теперь была клумба цветов. У мечети Аль-Аскари в сгустках золота и лазури, куда привёл

его Фарук, и они оба с благоговением слушали проповедь муфтия, теперь расхаживал патруль. И только на берегу Тигра всё было, как прежде. Стояли уютные рыбные ресторанчики, где они с Фаруком, прихватив флакон виски, дружески болтали, пьянели, глядя на рыбацьи лодки.

Фарук Низар был где-то здесь, в огромном кипучем городе. Следовало его отыскать, вызвать его дух, чтобы он воплотился в молодцеватого молодого майора с лихими усиками и влажными ласковыми глазами.

Багдад был таинственной колбой, в которой усилиями разведок, с помощью магических технологий был синтезирован наркотик, одурманивший мир. Сверхплотный эликсир, который пролился в исламский мир и вызвал реакцию огня и света, вскипевшую от Пакистана до Кавказа. Гениальные маги из разведки Саддама Хусейна, американские колдуны и исламские богословы создали вероучение, опьянившее человечество. Построили организацию под названием “исламское государство”, в котором поселилась долгожданная мечта о справедливости и совершенстве. Оранжевые балахоны казнимых, руины античных алтарей, горящие города и селенья стали образами мировой революции, отрицающей “ветхий мир”. Лазурь божественной правды, отрезанные головы пленных, “пояса шахидов” и проповеди о райском блаженстве были пьянящим дымом, который глотали люди и шли воевать в ИГИЛ. Русские самолёты пролетали сквозь дым, не в силах его развеять. Кальян с дурманом был создан в Багдаде, и Фарук Низар был одним из его создателей.

Торобов, двигаясь по Багдаду, дышал его синей дымкой, и Багдад переливался цветным стеклом, казался драгоценным кальяном, от которого плыла голова.

Не было плана, по которому Торобов мог отыскать Фарука Низара. Суннитский террорист и разведчик, Фарук Низар наведывался в Багдад нелегально. За ним охотилась разведка шиитов, агенты ЦРУ и МИ-6. Теперь же, в лице Торобова, его выслеживала военная разведка России.

Двигаясь по Багдаду, отыскивая “след змеи на камне”, Торобов, без всякой надежды на успех, решил посетить дом, где когда-то жил майор Фарук и принимал у себя “дорогого друга Леонида”.

Дом был пятиэтажный, типовой, похожий на московские “пятиэтажки”, с незначительной восточной декорацией фасада. Двор был оборудован под детскую площадку, с облупленными лесенками, качелями, лавочками. Детей не было, на нежарком солнце дремал инвалид в коляске, в безлистом дереве ворковали горлинки. Торобов осматривал окна, старался вспомнить, в каком подъезде жил Фарук. Он подошёл к инвалиду и спросил его.

— Вы сказали Фарук Низар? Фарук Низар, говорите? Нет, нет, конечно, не знаю!

Ответ был поспешным и нервным. Глаза инвалида забегали, словно он боялся, что его услышат. И Торобову стало ясно, что имя Фарука Низара известно калеке. И этот немощный “колясочник” может навести его на след.

— Так неуютно в пустом городе, — произнёс Торобов с виноватой улыбкой. — У меня есть предложение. Мы не обедали оба. Приглашаю; отправимся в какой-нибудь ресторанчик на берег Тигра. И поедем масгуф. Я так скучал по этому рыбному блюду. Мне будет приятно Ваше общество. Вы расскажете мне о жизни в Багдаде.

— Да как же я с этой коляской? — заволновался калека.

Было видно, что ему хочется принять приглашение.

— Ничего страшного. Вызовем такси, я помогу Вам сесть, а коляска будет вас здесь дожидаться.

Торобов вызвал такси. С трудом пересадил инвалида на переднее сиденье. Сам сел сзади. По пути купил в магазинчике флакон виски, и через полчаса они сидели на открытом воздухе в закуской на берегу Тигра. Кругом струились дымы жаровен. По синей воде плыла красная рыбацья лодка.

Хозяин харчевни, любезный толстячок, подвёл Торобова к эмалированной ванне, где в мутной воде шевелили хвостами живые рыбы. Их только что выловили в Тигре, и для них уже краснели угли жаровни.

— Какую желаете? — хозяин окунул в ванну сачок, поддел тяжёлую рыбку.

Она закачалась в сетке, сверкая чешуёй. Торобов одобрил выбор. Хозяин плюхнул сачок на стол, вывалил рыбку. Повар поймал скачущую рыбу, оглушил колотушкой. Ножом стал скоблить, шуршать, брызгать чешуёй, сметая серебро, открывая шершавые зеленоватые бока. Вогнал нож в рыбью спину, рядом с плавником. С хрустом разрезал рыбку, раскрыл её, как книгу. Вырвал пузырь, красный шматок сердца, кишок и печени. Понёс к раскалённой жаровне. Как раскрытую книгу,

поставил на жаровню. Стальной кочергой сгрёб угли поближе к рыбе, и они задышали, переливались золотом, окутывались прозрачным жаром. Рыба млела, запекалась, становилась знаменитым багдадским блюдом — масгуф.

Пока готовилось блюдо, им принесли помидоры, зелень, хлеб. Торобов разлил по пластмассовым стаканчикам виски.

— Меня зовут Леонид Торобов. Я русский инженер, проектирую заводы. После вашей войны у вас осталось много развалин. Я приехал их восстанавливать.

— Меня зовут Набик Убайд. Как видите, я сам развалина, и не подлежу восстановлению, — печально усмехнулся инвалид.

— За Ваше здоровье, доктор Набик.

— За Ваше здоровье, доктор Леонид.

Они выпили виски, и Торобов почувствовал горькое жжение, полыхнувшее в голову. Он долго обходился без алкоголя и теперь быстро начал пьянеть. На реке качались две рыбацьи лодки, рыбаки тянули сети, и было видно, как вспыхивает солнечная ячея.

То же тихое солнце вспыхивало в голове Торобова, и он, мечтательно глядя на реку, произнёс:

— Не верится, доктор Набик, что я снова здесь, на берегу Тигра. Та же вода, те же лодки, тот же синий дым жаровен. Но пронеслась страшная война, пропало столько людей, столько надежд. Я не сказал Вам, что моя сестра Вера вышла замуж за брата Фарука. Азиз учился в Москве, в военной академии. Они познакомились, поженились. Я гостил у них в Багдаде, был гостем в доме Фарука Низара. Теперь я не знаю, где сестра, жива ли она? Жив ли Азиз? Жив ли Фарук Низар? Я хотел повидать Фарука и что-нибудь узнать о сестре. Но в доме новые жильцы, и я решился пригласить Вас. Простите, что я занимаю Ваше время.

Было видно, что сладостное опьянение коснулось сидящего перед ним инвалида. Его измученное лицо посветлело, настороженные глаза осмелели, сутулые плечи расправились. Он с наслаждением смотрел на реку, на серебряный след ветра, на маленькую самоходную баржу, пересекавшую этот след.

— Извините, доктор Леонид, я сказал Вам неправду. Я знаю Фарука Низара. Мы жили по соседству и вместе служили, только в разных подразделениях. Я несколько раз видел его брата Азиза и его русскую жену. Значит, это Ваша сестра?

— Жива ли Вера? После всех бомбёжек и арестов? Я слышал, что Азиз, как и многие офицеры Саддама, попал в тюрьму. Были расстрелы. Уцелел ли он?

Инвалид помрачнел, вжал голову, словно ждал удара, стиснул губы, будто боялся проговориться. Торобов наполнил стаканчики. Они чокнулись беззвучной пластмассой и выпили, закусили ломтиками сырых помидоров. Торобов ждал, когда хмель снова лизнёт их обоих своим жарким языком.

— Мы все были очень самонадеянны. И офицеры гвардии, и генералы генштаба, и Саддам Хусейн. Мы верили договорённостям с американцами, верили в силу армии, в верность генералов. Мы не ожидали предательства. Ирак погиб из-за предателей. Служба безопасности была куплена американцами на корню. Генералы разведки открыли ворота врагам, сдали без боя Мосул и Киркук. Нейтрализовали отборные армейские части. После падения Багдада начались аресты, начались облавы. Тысячи офицеров были арестованы, тысячи расстреляны, сотни увезены за океан на базу Гуантанамо. Был арестован Фарук Низар. Был арестован его брат Азиз. Был арестован я.

Инвалид содрогнулся, по его чахламу телу пробежала судорога, словно сквозь него пропустили ток.

— Я Вам сострадаю, доктор Набик, — произнёс Торобов, и глазам стало жарко от слёз. — Вы столько испытали! Нет ничего ужасней предательства!

— Американцы схватили меня дома ночью, за волосы выволокли из постели, и через день начались мои адские муки в Абу-Грейб. Нас выводили голых в коридор, и женщины из тюремной охраны били нас прутьями по детородным органам. На нас напяливали оранжевые балахоны, ставили на стул и заставляли стоять часами, раскинув руки, а тех, кто не выдерживал, били. Нас кидали на земляной пол и мочились нам на лицо. Там был один охранник-негр, он забирал из камеры заключённого и насиловал его в коридоре, и на всю тюрьму раздавались истошные крики. Меня пытали током несколько часов подряд, и, в конце концов, у меня отнялись ноги. Нас заставляли затаскивать в грузовики трупы замученных, и на эти тела было невозможно смотреть. У них были отрублены

пальцы, выколоты глаза, переломаны кости. Среди этих зверски замученных я узнал Азиза. У него был распорот живот. Эти же муки вместе со мной прошёл Фарук Низар. Не многие из офицеров вышли из Абу-Грейб.

Набик замолчал, его губы вздрагивали, словно он беззвучно рыдал.

Им принесли рыбу на фарфоровом блюде. Рыбина, рассечённая вдоль спины, стояла на блюде, словно раскрытый складень, отекала жиром. В розовом мясе светились перламутровые кости. Торобов ножом разделил складень и разложил по тарелкам благоухающие, окутанные паром половины рыбы.

— Угощайтесь, доктор Набик. Пусть всё дурное останется позади.

Они снова выпили, и было видно, как благодарен Набик, с каким наслаждением он ест сочную рыбу, вынимает изо рта перламутровые кости, кладёт на блюдце.

Они улыбались друг другу. Смотрели на реку, по которой плыла стая уток, и к ней присоединялись другие, падая из неба и поднимая буруны.

— Но не подумайте, доктор Леонид, что эти злодеяния останутся не отмщёнными. Те, кто уцелел и вышел живым из тюрем, вступили в борьбу. Мы изобрели оружие, которое сильнее авианосцев, космических группировок и ядерных бомб! Под носом у торжествующего врага, погубившего наше государство, мы создали другое, не знающее границ, несокрушимое, чьё население составят миллиарды. В конце концов, оно распространится на весь мир! — Набик восторженно сверкал глазами, приподнялся со стула, словно яростная мысль вернула ему здоровье. Продержался на ногах мгновение и снова грузно упал на стул.

— Вы говорите, доктор Набик, об “исламском государстве”? Оно возникло на пустом месте, и сначала его никто не заметил. А теперь против него объединяются десятки стран. Его бомбят, называют “мировым злом”, боятся и ненавидят. Откуда оно?

— Вы правы, доктор Леонид. Оно возникло на пустом месте. Его создал Господь. Он долго терпел неправду и несправедливость мира, и его терпению пришёл конец. Это государство родилось из воли Божьей, из учения богословов, из виртуозных усилий офицеров иракской разведки.

Набик поднял к небу ладони, словно призывал в свидетели Господа. Его лицо восторженно светилось, как светятся лица молящихся. Он больше не был беспомощным инвалидом, над которым надругались враги. Он был мстителем, божьим угодником, свидетельствовал, как пророк. Открывал Торобову сокровенные истины.

— Доктор Леонид, справедливость, о которой говорит Коран, является основой всего сотворённого мира. Фарук Низар — один из создателей “исламского государства”. Я горжусь, что он удостоил меня своей дружбой. — Глаза Набика восторженно сияли, словно смотрели в лазурь, в её бесконечную синь, откуда несло к нему божественное послание. Он был носителем небесной мечты, обладателем несказанного счастья. Был готов за него умереть.

Торобов чувствовал, как трепещет вокруг Набика воздух, словно прозрачное электричество.

— Как бы мне хотелось увидеть Фарука! Пожать ему руку!

Набик умолк и задумался. Тигр лениво струился в зелёных берегах. На него падал ветер, стелил на воду серебряные платки.

— Я Вам верю, доктор Леонид. Вы понимаете, что Фарук посещает Багдад с риском для жизни? Я попробую устроить Вам свидание с Фаруком. Завтра в двенадцать часов Вы будете стоять у дороги на Тикрит, на пятьдесят втором километре. Быть может, там Вы пожмёте руку Фаруку Низару.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Военный атташе в российском посольстве был рыжий, с бело-розовым безволосым лицом, с зелёным блеском круглых птичьих глаз. Он открыл сейф и протянул Торобову пистолет ФН американских спецподразделений и обойму из девяти патронов.

— Пристрелян, не волнуйтесь, — произнёс атташе, наливая чай в стеклянные стаканчики. Они пили чай с серым кристаллическим сахаром. Атташе проводил Торобова до ворот посольства:

— Желаю удачи. По завершении операции верните оружие.

Торобов вызвал такси и приказал шоферу ехать на север, по дороге в Тикрит. Водитель — пожи-

лой араб в шапочке из бараньего меха; перед лобовым стеклом качался брелок из стеклянных бусин с маленькой арабеской. Он вёл свою дребезжащую машину под звуки нервной рыдающей музыки, и его тощие плечи танцевали. Багдад долго не отпускал их, окружая пригородными виллами, магазинами, мастерскими, пёстрыми вывесками и забавными рекламами. Не было видно никаких внешних следов войны. Она пряталась в глубине, под пёстрой мишурой реклам и вывесок, как прячется тяжёлая водяная глубь под разноцветной ряской и цветущей травой.

— А что? — спросил Торобов водителя. — Лучше стали жить люди, когда убили Саддама Хусейна?

Водитель некоторое время молчал, подёргивал плечами в такт воплям и визгам музыки.

— Люди говорят — Саддам Хусейн жив. Убили не его, а похожего охранника. Люди говорят — Саддам Хусейн уехал в Сирию и там воюет с американцами. Люди говорят — в Сирии есть подземный город, и оттуда Саддам подаёт команды войскам. Люди говорят, когда он вернётся в Багдад, его статую поставят на место, и жизнь наладится.

Город, вдруг, оборвался, и машина полетела по пустынному голубому шоссе, среди солнечных холмов, в которых созревала, наливалась весна.

Они достигли пятьдесят второго километра, и Торобов вышел.

— Через час приезжай сюда же. Вернёмся в Багдад, — сказал он шофёру, направляясь к придорожному знаку с цифрой 52.

Машина укатила, унося визгливую музыку, и Торобов остался один.

Недалеко от обочины стояло одинокое дерево. Высокий гладкий ствол был увенчан зелёной шаровидной кроной. Глянцевитый шар казался тяжёлым, с молчаливой притаившейся жизнью. Торобов приблизился к дереву, собираясь войти в его прохладную тень. И вдруг из кроны с шумом, свистом, как внезапный взрыв, вырвались птицы; сто или больше. Стеклокрылые крылья, крохотные клювы, глаза. Стая прыгнула, рассыпаясь в небе. Удалялась, взлетая и снижаясь, превращаясь в туманное облачко. Крона дерева обмелела, стала прозрачней и легче.

Торобов сел на землю, прижавшись спиной к стволу. Думал о птицах, которые летят на север в русские леса, где скоро растает снег, и в пустых чашах зазвучат одиноко и сладко птичьи свисты.

Время перевалило двенадцать, но Фарука Низара не было.

Внимание Торобова притупилось. Острота ожидания спала. Он заметил, что по земле, мимо его ног, тянется муравьиная тропа. Множество муравьёв, блестя чёрными тельцами, бежало в обе стороны, сталкиваясь, расходясь. Тащили соринки, крохи, комочки. В каждом муравье мерцала крохотная капля солнца. Тропа достигала дерева, взбегала по стволу, стремилась куда-то вверх, к листве. И странная мысль: по этим древним дорогам тысячи лет двигались племена и народы, катили нашествия, скрипели кареты и колесницы, поднимали пыль верблюды и кони. По этим дорогам проходили пророки, цари, прорицатели и отважные воины. Возносились и падали царства, сменялись правители, одна религия приходила на смену другой. И все эти толпы богомольцев, паломников и купцов никуда не исчезли. Просто уменьшились, превратились в муравьёв. Каждый тащит поклажу, куда-то стремится, возносится к туманному небу и исчезает. Его сменяет другой.

Эта мысль казалась увлекательной, странной, возможной. Здесь, на перекрестье восточных путей, были возможны любые превращения, любые чудеса. И он, Торобов, мог уменьшиться, спрятаться в веренице крохотных молчаливых существ, бежать вместе с ними, неся в себе малую каплю солнца, незримый для тех, кто послал его в эти стреляющие разорённые страны. Недостижимый для тех, кто выслеживает его среди измученных городов. Неуловимый для тех, кого он хочет убить из американского пистолета ФН.

Он увидел, как по обочине катит велосипедист; вихляет, то выезжает на бетон, то снова возвращается на земляную обочину. Велосипедист приближался. Поравнялся с деревом, под которым сидел Торобов. Подкатил. На голове у него была неопрятно замотанная чалма. На коричневом лице темнела клочковатая борода. Нос висел, как фиолетовый баклажан.

Одна штанина была зажата прищепкой. Башмаки были запylённые, без шнурков. Не слезая с велосипеда, он произнёс:

— Завтра в четыре часа на рынке в мясном ряду.

И исчез, полыхнув жгучим взглядом.

Торобов бродил в окрестностях рынка, дожидаясь назначенного часа. Конспирация, к которой

прибегали люди Фарука Низара, обнадёживала, сулила долгожданную встречу. Мимо по проезжей части, мешая автомобилям, величаво шествовал верблюд, увешенный бубенцами и цветными ленточками. Его вёл под уздцы араб в долгополой рубахе, синем платке, который крепился на голове чёрным шнуром. Верблюд надменно смотрел на толпу, на гудящие автомобили, шевеля пухлыми губами.

Настало время, когда надлежало явиться на рынок. Торобов ступил под его своды, как ступают под грохочущий водопад. Толпа, смуглая, пёстрая, гомонящая, двигалась под высокой стеклянной кровлей. Сквозь стёкла, как в теплице, светило солнце, освещало горы помидоров, огурцов, капустные кочаны, ворохи зелени. Прилавки, лавочки, витрины, лотки наполнились финиками, бананами, апельсинами, лимонами. Торговцы развешивали изюм, сухофрукты, залитые виноградным соком орехи. Люди приценивались, торговались, надкусывали бананы, глотали на пробу ломтики персиков, слизывали с ложечек мёд. Кругом всё звенело, хрустело, чмокало, смеялось, переругивалось. Играла музыка. Сочилась фруктовая сладость. Пьяно пахло перезрелыми абрикосами. Горько благоухали жареные кофейные зёрна.

Торобов двигался в толпе, встречаясь глазами с множеством лиц — мужских и женских — на одно мгновение, чтобы больше их никогда не увидеть. Искал среди них одно-единственное.

В мясных рядах пахло парной плотью. На крюках висели рассечённые надвое говяжьи туши, похожие на корыта, с синими и красными жилами. Бараны, безголовые и безногие, растворили животы, в которых белели рёбра. На длинных прилавках, пропитанных кровью, стояли в ряд бараньи и коровьи головы, высунув языки, с фиолетовыми стеклянными глазами. Тут же лежали ноги с копытцами, стояли чаны с коричневой печенью, скользкими, как грибы, сердцами. Продавцы перебирали сердца, как перебирают лесные грузди.

Торобов прохаживался вдоль подвешенных туш, чувствуя исходящий от них приторный запах бойни. Мясники в клеёнчатых фартуках орудовали большими ножами, стучали по костям топорами. Поглядывали на Торобова, ожидая, когда он укажет на шматок мяса или выберет овечью ногу.

Торобов вдруг почувствовал неясную тревогу, которая мгновенно переросла в панику, страх. Тень набежала и затмила свет. Оглянулся. В проход из-за прилавка ловким звериным броском выскочил человек, вытягивая руку, в которой блеснул воронёный ствол. Торобов, повторяя его бросок, метнулся в сторону, видя, как в кулаке человека расцвёл рыжий цветок выстрела с лепестками и пустой сердцевиной. Пуля пролетела у виска и чмокнула в говяжью тушу. Торобов отшатнулся. Вторая пуля чмокнула рядом, брызнув в лицо липкими комочками мяса. Продавцы завопили все разом, прячась под прилавки, заслоняясь тушами.

Торобов в падении увидел, как стрелок убегает, вытянув руку, не решаясь на выстрел. И в убегавшем стрелке он узнал Набика. Не того, в инвалидной коляске, с измученным хилым телом, а гибкого, похожего на танцора, совершающего виртуозный пируэт.

Продавцы продолжали вопить. Сбежался народ. Торобов протиснулся сквозь мокрые говяжьи туши и смешался с толпой. Вытер с лица комочки мяса.

В номере он долго мылся горячей водой, погружался в пену, смотрел на свои худые, вылезавшие из пены руки.

Он был обманут. Его водили, как водят рыбу, заглотившую блесну. Водили не только в Багдаде, но и в Брюсселе, и в Триполи, и в Бейруте, и в Каире, и в Газе, подводя под взрывы и выстрелы. Его должны были убить, если бы его не хранила чья-то чудесная спасительная молитва. Быть может, бабушки, мамы, жены, которые молятся за него на небесах.

Он шёл по ложному следу, отыскивая Фарука Низара по мнимым признакам, которыми его завлекали враги. Теперь след Фарука терялся. Не было камня, не было змеи, не было следа. Заданию, которое он получил, грозил провал. Всё нужно было начинать сначала. И этим началом будет поездка в Иран, к старинному знакомцу, который когда-то работал в посольстве, в Москве, а теперь занимал высокий пост в иранской разведке. Джахан Махди ведал секретными операциями иранских военных в Сирии. К нему в Тегеран Торобов направит свои стопы, изрезанные осколками стекла, утомлённые бесплодными скитаниями по разорённой земле.

Утром он заехал в посольство и вернул пистолет.

— Смотрю, обойма не тронута, — сказал рыжий атташе, принимая оружие. — Не пригодился?

— Нет, почему же. Я колол им орехи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Не без труда, с помощью посольства, он оформил визу в Иран. Прилетел в Тегеран поздно ночью и остановился в “Ескан Отель”, где останавливался несколько лет назад. Тогда он участвовал в переговорах о поставках в Иран российского оружия. Заключили контракт на закупку Ираном зенитных комплексов С-300. Израиль грозил Ирану бомбардировкой ядерных объектов, назревала большая война. Переговоры о зенитных ракетах шли успешно. В последний момент Россия дрогнула, вняв требованиям американцев, отказалась от сделки, и это вызвало большое разочарование персов.

В те времена он несколько раз отлучался из Тегерана. Побывал в цветущем Ширазе, где маленький восторженный перс читал ему на могиле Саади любовные, сладостные, как мёд, стихи. В Персеполисе — древней столице царя Дария — любовался алтарями огнепоклонников и чудесными барельефами на чёрном камне, где великолепный лев убивает когтями лань. На атомной станции в Бушере наблюдал, как бригады российских энергетиков монтируют стальной кокон реактора. На берегу Персидского залива посещал газовое месторождение Южный Парс, бесчисленные серебряные сферы, цилиндры, чаши, нескончаемые трубы, ведущие к причалам, от которых отплывают в Японию громадные танкеры с жидким газом. Ночью месторождение казалось россыпью бриллиантов, голубых, золотистых, белых, сверкающих до горизонта.

Теперь же Торобов надеялся повидаться с Джаханом Махди, ведающим внешней разведкой. Навести справки о Фаруке Низаре и его тайной организации “Меч пророка”.

После немалых ухищрений он связался с секретарём Махди, назвался старинным другом, оставил свой телефон, уверяя, что встреча с Махди будет полезна обоим. Секретарь записал телефон и сухо произнёс:

— Вам позвонят.

Пока его проверяют по всем картотекам, устанавливают гостиницу, где он проживает, пока докладывают о звонке Джахану Махди, у Торобова оставалось свободное время. Он решил посетить пантеон, где покоился прах имама Хомейни — подвижника, как о нём говорили, изменившего ход мировой истории.

Ожидая такси, он сидел в холле, заказав чашечку чая. Сквозь стеклянную карусель дверей проходили люди. Невысокую даму европейского вида, в шляпке, в милых сапожках, захватили стеклянные лопасти дверей, закрутили. Она запуталась, не успела выйти. Её несло по второму кругу. Она испуганно билась, напоминала залетевшую в стеклянную комнату птицу. Портье кинулся на помощь, остановил дверь, выпустил даму на свободу, и та, растрёпанная, поправляя шляпку, села в подъехавшую машину.

Эта сценка позабавила Торобова, и он едко подумал, что ради неё одной стоило посетить Тегеран.

Гробница Хомейни напоминала грандиозную мечеть. Огромный золотой купол сиял, как негасимое солнце. Высокие минареты страстно тянулись в лазурь, словно могучие заострённые стебли. Внутри было сумрачно, прохладно и гулко. Пол был выложен ониксом и агатом. Своды сияли золотом, бирюзовыми и изумрудными мозаиками, изречениями из Корана, похожими на вьющиеся лианы. В центре, окружённая слабым трепещущим светом, стояла гробница. Высокий четырёхгранный, затянутый бархатом, окружённый золочёной решёткой. Воздух был пропитан благовониями, словно дымились невидимые кальяны. Было безлюдно. Одинокая женщина «в чёрном» замерла у гробницы, прижала лицо к решётке.

Ночью ему снилось, будто он попал в стеклянную карусель дверей, и из них нет выхода. Прозрачные лопасти толкают его по кругу. Он бьётся лицом о стеклянную преграду, беззвучно кричит, а его бросает от одного стекла к другому, закручивает в стеклянную круговерть.

Звонка не было и наутро. Быть может, Джахан Махди, став крупным начальником, больше не испытывал интереса к Торобову. Или бюрократы иранских ведомств слишком долго оповещали Махди о Торобове. Он смотрел из окон отеля на улицу, где начинала клубиться толпа, и готовилось священнодействие ашуры.

Он шёл по центральной улице. На проезжую часть валила толпа, словно её выдавливали из домов, дворов, подворотен. Строгие мужи и взволнованные женщины, глазастые юноши и подслеповатые старцы, малыши, которых держали за руки матери. У многих в руках были верёвочные кнуты,

тонкие цепочки, гибкие ветки. Все становились в колонну, бесконечную, тесную, разукрашенную знамёнами, арабесками, чучелами чудовищ и злых духов, которые погубили святого имама. Чучела были увешены бубенцами, которые непрерывно звенели. Играла музыка из громкоговорителей, раскрытых окон, растворённых дверей.

Торобов встал в колонну, окружённый трепещущими флагами, портретами Хомейни, шестами с разноцветными лентами. Впереди, стиснутый толпой, стоял грузовик с открытыми бортами. Кузов был выстлан ковром. Двое дюжих парней топтались на ковре. Из-под накидок виднелись их мускулистые тела, в руках были ремённые плётки.

Процессия двигалась, колыхались флаги, грохотали бубенцы, уродливые идолы и чудовища блестя клыками. Колонна стенала, ахала. Свистели бичи, и над всем неслись рыдающие песнопения муэдзинов.

Торобов поначалу был ошеломлён этим неистовым самоистязанием. Но постепенно стоны, вопли, истошная музыка вовлекли его в свой огненный вихрь. Он начал притоптывать, подражая танцорам в грузовике. Сонмы страдающих и рыдающих людей окружали его, захватывали в свой бушующий поток. Он не сопротивлялся, был готов вторить плачам и воплям. Идущий рядом мужчина в балахоне, похожем на рубище, охаживал себя трёххвостой плетью. Несколько ударов достались Торобову. Он вскрикнул от боли. Но боль, которую он испытал, была не страданием, а состраданием.

Колонна шла мимо роскошных магазинов, помпезных банков, мимо скромных особнячков и домишек, и рыдала и молила о милосердии и любви.

Он услышал, как в кармане звенит телефон. Вежливый голос спрашивал:

— Господин Торобов? Господин Махди готов Вас принять. Через час машина будет ждать Вас у “Ескан Отель”.

Встреча с Джеханом Махди состоялась в его резиденции — богатом особняке за высоким забором. Едва Торобов переступил порог, как навстречу ему шагнул высокий, дородный, с полными губами и сияющими глазами хозяин. Обнял Торобова, они коснулись друг друга тёплыми щеками, и Торобов, чуть отстраняясь и оглядывая дородное, породистое лицо Махди, произнёс:

— Ну, Вы, дорогой Джехан, по-прежнему напоминаете иранского льва. Того, что изображён на камне в Персеполисе и размножен по всем мировым хрестоматиям.

— А Вы, дорогой Леонид, вылитый русский орёл. Вам не хватает второй головы, чтобы красоваться на российском гербе.

Они смеялись, радовались встрече. Их связывали не только давние посольские встречи в Москве, не только осторожное неторопливое общение на переговорах по оружейным поставкам. Их связывала поездка в священный город Кум, визит в исламский университет Мустафы, размышления о божественной справедливости, посещение зеркальной мечети, где образ молящегося подхватывается тысячью зеркал и, как вспышка, разносится по всему мирозданию.

Они перешли из гостиной в трапезную, где был сервирован стол на две персоны. Служители раскладывали по тарелкам печёные овощи, сырные изделия, варёное мясо, наливали в бокалы фруктовые напитки.

Уже в конце трапезы, когда им принесли на десерт мороженое, политое вареньем из грецких орехов, Торобов отложил серебряную ложечку, которой черпал варенье, и произнёс:

— Дорогой Джехан! Я знаю, что Вы располагаете лучшей картотекой в мире, в которой собраны сведения об ИГИЛ. Быть может, только Израиль может сравниться с Вами. Мне нужна информация об организации “Меч пророка” и её руководителе Фаруке Низаре.

Лицо Махди на мгновенье окаменело, стало тёмным и твёрдым, приобрело ещё большее сходство с Иранским Львом. Он помолчал; каменные складки щёк, суровая морщина лба, угрюмые — с блеском — глаза вновь наполнились мягкостью и теплом. Он снова принял человеческий облик.

— Фарук Низар выполнял особые поручения Саддама Хусейна. После захвата и убийства Саддама Фарук был арестован американцами и отправлен на Гуантанамо. Там его подвергали обработке и, наконец, завербовали и использовали при создании “исламского государства”. Он является идеологом, ему поручено создавать образ Халифата. Ему принадлежат устрашающие съёмки казней, зрелища изодранных пыток, которыми он стремится внушить ужас противникам ИГИЛ, а сторонникам — веру в его необоримость. У него на службе находятся дизайнеры и режиссёры из Европы, которые снимают картины террористических актов, сцены боёв и расправ над военнопленными.

Один из этих дизайнеров — немец Курт Зольде. Да, Курт Зольде.

— Где он базируется? Как к нему подобраться?

Джехан вновь на несколько мгновений перевоплотился во льва, стал барельефом на камне. Помолчав, произнёс:

— Вы хотите к нему подобраться, Леонид? Это связано с гибелью вашего самолёта над Синаем?

— Вы угадали, Джехан.

Трапезная, где они обедали, была украшена мрамором, мозаиками. На узорной тумбочке стояли часы в виде золотого павлина. Драгоценная птица зашевелилась, закрутила головой, распушила великолепный радужный хвост, и часы ударили семь раз подряд. После этого птица сложила хвост и замерла, изысканно изогнув шею.

— Не делайте этого, Леонид. Прошу Вас, как любящий друг. Это смертельно опасно. Мы послали к нему двух агентов, и оба провалились. Фарук прислал нам их головы, залитые жидким стеклом. Кубы из жидкого стекла, и в них заморожены отрубленные головы наших агентов. Не делайте этого, Леонид.

— Где его штаб-квартира?

— Он много разъезжает. Но его база находится в районе Мосула или Ракки. Там он иногда появляется.

— Значит, Вы считаете, что приблизиться к базе можно со стороны Турции? Это проще всего? — произнёс задумчиво Торобов.

— Я так не сказал, Леонид. Я прошу Вас этого не делать.

— А помните, как интересно рассуждал аятолла Нурсаджани о том, что Коран содержит утверждение, запрещающее применять ядерное оружие? Это был аргумент на переговорах о вашей “Ядерной программе”.

Торобов сменил разговор, и Махди не пытался ему перечить.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Торобов прилетел в Стамбул в сумерках. Ему отвели номер в отеле “Сираган палас” с видом на Босфор. Пока он устраивался, пока ужинал в ресторане, окончательно стемнело. Поднявшись к себе, он отворил окно и смотрел на вечерний Стамбул. На реки белых огней, льющихся по центральным улицам. На зелёно-голубые мечети, как волшебные острова, всплывшие из тёмных пучин. Две жемчужные нитки мостов, соединяющих Европу и Азию, висели в пустоте, как невесомые, прилетевшие из Космоса, паутинки. Полный золотых огней самолёт снижался над городом. Босфор, ночной, чёрно-синий, был расцвечен множеством плывущих светлячков; красных, голубых, зелёных, и под каждым корабликом, под каждой медлительной баржой дрожало золотое отражение. Глядя на эту ночную красоту, вдыхая морской воздух, Торобов вдруг ощутил облегчение, освобождение от неотступных страхов, забот и тревог.

Утром его пробуждение было счастливым, как в детстве, когда каждая клеточка радуется и ликует, и ты встаёшь, желая продлить эту счастливую лёгкость, благословляешь дарованное тебе утро.

Босфор был ослепительно синий. Медленно проплывал белоснежный круизный лайнер. Снова ли, как тёмные жучки-плавунцы, шустрые кораблики. Мосты через пролив чуть искрились в солнечной дымке. Стёкла в домах во множестве отражали утреннее солнце. Было весело смотреть на этот ликующий блеск. Город мерно гудел; металлически-серый, с шевелящимися магистралями, горбатыми, как верблюды, мечетями. И снова Торобов ощутил счастливое освобождение от гнетущей заботы, от висевшего над ним бремени невыполненного и, быть может, невыполнимого задания. Рядом протекала совсем иная жизнь, в которую можно нырнуть, как ныряет в море дельфин. И Торобов, прозрев, вдруг эту жизнь увидел.

Он отправился на Гранд Базар, где собирался добыть поддельный сирийский паспорт, чтобы переправиться через границу. Обретение паспорта предполагало продолжение погони, но Торобов думал об этом почти машинально, по инерции, словно не верил, что паспорт ему понадобится.

В лавчонке, торгующей для вида стиральными порошками, пастами, флаконами с моющей жид-

костью, он обратился к моложавому, плутоватого вида торговцу. Без обиняков сообщил, что хочет купить сирийский паспорт.

— Только сирийский? — спросил бойкий торговец в красной шапочке, с чёрной щеголеватой бородкой. — У нас есть иорданские, египетские, Бахрейна и Эмиратов.

— Только в Сирию, — ответил Торобов.

— Почему-то все хотят в Сирию. Разве там мир?

Торговец провёл Торобова внутрь лавчонки. Здесь был повешен белый экран, стоял стул.

— Вы очень похожи на араба, — произнёс торговец, делая снимок. — Почему-то все хотят походить на арабов.

Торобов заплатил деньги.

— Приходите через три дня.

— А если завтра?

— Тогда ещё столько же.

Торобов заплатил и, выполнив эту почти ненужную работу, отправился побродить по Стамбулу.

Ему хотелось погулять и насладиться просторной площадью Султана Ахмеда с египетским обелиском. Постоять на площади Таксим, шурясь на весеннее солнце. Стамбул казался просторным, солнечным, с порывами тёплого, пахнущего морем ветра.

Он вышел на центральную улицу и удивился её пустоте. Проезжая часть без единой машины. На тротуарах стояли полицейские, некоторые с автоматами. Прокатило несколько полицейских фургонов с мигалками и решётками на окнах. Торобов всматривался в солнечную даль улицы; там что-то клубилось, туманилось, вспыхивало. Слышалась музыка, неразборчивый гул мегафонов.

— Что это? — спросил он пожилого турка, опиравшегося на клюку.

— Демонстрация. Как будем с русскими воевать.

Бурный красный клубок приближался, хрипел, трубил. Множество знаменосцев несли красные турецкие флаги с полумесяцем и звездой. Крепкие парни с голыми мускулистыми руками играли бицепсами, держали наполненные ветром полотнища. За ними шествовали барабанщики в военной форме, с позументами, били палками с набалдашниками в тяжёлые, косо висящие барабаны. Множество портретов Эрдогана колыхалось над толпой. Юноши и девушки размахивали руками, вздымали кулаки, самозабвенно скандировали “Эрдоган! Эрдоган!” На высоких древках колыхался большой транспарант. Русский бомбардировщик СУ-25 был помещён в сетку прицела. Ревели голоса: “Слава турецким асам!” В такую же прицельную сетку был помещён портрет Президента России. Неслось похожее на рывканье скандирование: “Расстрелять! Расстрелять!” Следом валила толпа. В нескольких местах жгли российские флаги. Играла музыка, рокотали барабаны. Колонна напоминала огненную головню, за которой тянулся хвост косматого дыма.

Торобов из-за спин полицейских смотрел на колонну, в которой кипела ненависть, сила, молодой военный азарт. Но ненависть и ярость колонны не касались его, не задевали, не пронзали, а были устремлены куда-то мимо, в какую-то неясную пустоту, где толпе было суждено истаять, утихнуть, остыть.

Он повернулся и пошёл прочь от центральных улиц в тихие кварталы, где начинали зеленеть деревья, тянулись развалины крепостной стены, на сырых клумбах пробивались острые клювики пионов. Присел на лавку, слыша, как воркует невидимая горлинка.

Он закрыл глаза, глядя сквозь веки на розовое свечение солнца, пребывая в блаженной дремоте. Почувствовал запах роз. Открыл глаза, надеясь разглядеть благоухающие кусты. Кустов не было. Тянулась изъеденная временем стена, на сырой клумбе пробивались острые носики пионов. Он снова закрыл глаза, слушая, как воркует горлинка. И снова повеяло розами, словно где-то рядом цвели кусты. Он открыл глаза и собирался встать, осмотреть окрестность, надеясь увидеть близкие розы.

Увидел, как из арки в стене появилась женщина; вышла на дорожку, где на лавке сидел Торобов. Рядом — напротив — стояла ещё одна лавка. Женщина разговаривала по мобильному телефону. Рассеянно посмотрела на Торобова и опустила на лавку напротив.

Она была молода, с короткой стрижкой, открывавшей виски и маленькие розовые уши, в которых мерцали бриллиантики. Тонкое лицо, золотистые брови, которые она слегка хмурила, розовые губы, которыми она касалась телефона, что-то настойчиво произносила. Под тёмным жакетом беле-

ла блузка с приоткрытым воротом, и виднелась цепочка с зелёным кулоном. Юбка была короткой, и она, садясь, натянула её на сжатые колени.

Торобов моментальным счастливым взглядом оглядел её и подумал, что её появлению предшествовало дуновение роз.

Она продолжала говорить по телефону, и лицо её выражало досаду.

— Ты уехала и бросила меня на произвол судьбы. Без тебя я не могу заключить соглашение, — говорила она по-русски. — Хочешь, я приеду к тебе в Анкару?

Её появление среди солнечной дремоты, воркования горлинки, запаха невидимых роз напоминало сновидение. Её русская речь, мелодичный, чуть капризный голос казались изумительным продолжением утренних счастливых предчувствий.

Их разделяла дорожка с тенями деревьев, пространство светлого воздуха, незримая линия, которая отделяет незнакомых людей. Торобов чувствовал, как эта линия тает, в нем исчезала последняя неловкость. Он поднялся, пересёк дорожку, приблизился к её скамейке.

— Прошу меня извинить. Я услышал Вашу русскую речь. Услышал, что Вы одна в Стамбуле. И я один, меня тоже покинули друзья. Почему бы нам не воспользоваться Вашим и моим одиночеством? Ничего особенного. Просто встреча двух соотечественников.

На её лице мелькнула досада. Она собиралась подняться и уйти. Но, должно быть, такой наивный и добродушный был вид у Торобова, что она улыбнулась и сказала:

— Чужбина располагает к знакомствам.

Они сидели на скамейке рядом. Ему была видна белая ложбина её груди и зелёный кулон. Он отводил глаза, боясь своего нескромного взгляда.

— Два дня меня преследовали неудачи. А сегодня утром проснулся, и будто заново родился. Впору начинать жизнь сначала.

— А что за неудачи, позвольте узнать?

— Я профессор истории, востоковед. Приехал в Стамбул прочитать в университете лекции. Но контракт до сих пор не подписан. На русских косятся. Как бы не пришлось уезжать восвояси. Меня зовут Леонид Васильевич. А Вас?

— Меня Вера. Меня тоже преследуют неудачи. Мы приехали в Стамбул с подружкой. Мы дизайнеры, и открыли здесь ателье. Драпируем окна в коттеджах. Но с тех пор, как турки сбили русский самолёт, заказы пропали. Подруга уехала в Анкару, но и там нет заказов.

— Да, здесь изменилось отношение к русским. Словно турки вспомнили все русско-турецкие войны. А мы вспомнили про Святую Софию, превращённую в мечеть.

— Вы правы. Когда я смотрю на минареты, окружающие православный собор, мне кажется, что его взяли в плен и держат под арестом.

— Вот видите, сколько общего мы обнаружили в первые же минуты знакомства. Не перенести ли нам наше общение в другое место? Например, в ресторан. Время обеда.

— Дайте мне на размышление минуту.

— Она прошла.

— Тогда я согласна, — засмеялась она, поднимаясь.

На улице Истикляль они отыскивали рыбный ресторанчик. Над входом красовалась позолоченная рыба в шляпе, гуляющая под руки с двумя королевскими креветками.

Они заказали салат из водорослей, суп из мидий, приготовленного на пару сибаса и бутылку белого сухого вина из турецких сортов винограда.

— Пью за Вас, — он поднял шаровидный бокал, в котором колыхалось вино. — Мне кажется, что мы с Вами давно знакомы. Первые минуты неловкости давно уже пройдены. Первые, необязательные слова произнесены. И теперь мы можем болтать о чём угодно. Например, о Босфоре, о его лазури, которая рождает в душе почти религиозный восторг.

— Окна дома, где я живу, выходят на Босфор. Он постоянно меняет свой цвет, свой лик. То он в ослепительной синеве, от которой замирает сердце. То он багровый, словно чаша с вином. То зелёный, как изумруд, полный таинственных лучей. А то чёрно-фиолетовый, грозный, когда в него сыплются молнии и падает дождь.

Они наслаждались морскими дарами, маслянистыми водорослями, ароматными мидиями, ломтиками розового сибаса, в котором открывался нежный позвоночник.

— Я люблю смотреть на Босфор, — сказала она. — Где-то рядом Троя, афинский акрополь, египетские пирамиды, Неаполь. Сядешь на корабль — и ты в Средиземном море, в Венеции, в Барселоне.

— Давайте сядем на корабль и отправимся в Барселону. Гауди ждёт нас.

— Мы знакомы меньше часа. И уже в Барселону.

— Самое трудное было подойти к Вам и спросить о какой-то чепухе. А теперь, когда эта черта пройдена, можно и на корабль, — он произнёс это с беспечностью, увлекаемый счастливой уверенностью, что всё доступно.

Однажды преодолённая черта открывает стремительную возможность сближения.

Они поймали такси, подхваченные счастливым порывом. Его голова кружилась от выпитого вина, от невероятного предчувствия. Его жизнь на глазах менялась, в ней исчезало и забывалось всё тяжёлое, обременительное и ненужное. Уступало место светоносному влечению, которое однажды возникло, чтобы уже не исчезнуть.

В пассажирском порту то и дело причаливали и отплывали прогулочные кораблики. Неуклюжие, шумные, с крикливыми зазывалами, которые зычно оглашали берег названиями островов и прибрежных селений.

Торобов с Верой едва успели вбежать на кораблик, как палуба зарокотала, подул свежий ветер, и Стамбул стал переливаться стеклянными фасадами, горбатыми мечетями, начинавшими зеленеть парками.

— Ну вот, ещё немного, и мы в Средиземном море. Не пропустить бы! — он облокотился о деревянный поручень палубы. Смотрел, как ветер приподнимает её золотистую прядь. Ближе от них встречным курсом плыл теплоход, и с него доносилась музыка.

— Я Вам так благодарна за эту прогулку! — сказала она.

Рокотала железная палуба. За бортом вздымался гребень ослепительной синевы. Над ним блистали алмазные брызги. Бурлящий след тянулся за кормой. К ним подлетала большая белая чайка, поворачивала в их сторону жёлтый клюв, зорко всматривалась круглым глазом. Мимо пронёсся глиссер, водный лыжник держался за стропы, подскакивал на волнах, и было видно, как переливаются мускулы под атласной тканью костюма.

Приближался гористый остров. Среди деревьев белели строения. Из-за острова вылетела бело-снежная яхта и стала приближаться, вздымая пенный бурун.

Торобов расширенными зрачками следил за приближением яхты, за чайкой, невесомо повисшей над палубой, за водным наездником, летящим на стеклянной волне. И вдруг ошеломляющая бесшумная вспышка, и в этой вспышке стоящая у поручней женщина, её полузакрытые от ветра глаза, её высокая шея с серебряной цепочкой, её близкое розовое ухо с каплей бриллианта. Эта вспышка была ослепляющей, ошеломляющей.

— Что с Вами? — спросила она.

— Чудо случилось, — счастливо ответил он.

Кораблик пристал к острову, над которым возвышалась гора и поблёскивал крест высокой церкви. У пристани — на площади — стояло множество двуколок, запряжённых ишаками. Ишаки были разукрашены ленточками, а у двуколок были красные и зелёные спицы. Они с Верой сели в двуколку. Возница в феске, бархатном сюртуке погнал ишачка вверх по каменистой дороге. На поворотах Торобов несколько раз касался её руки, пугаясь этого прикосновения, робко дожидаясь следующего поворота. На половине горы дорога кончалась, переходила в каменистую тропу. Из двуколок высаживались пассажиры. С горы и на гору медленно двигались люди.

— Позвольте мне опереться на Вашу руку, — сказала она, когда они проделали полпути.

Они остановились на каменистом склоне, глядели на бескрайнюю лазурь, по которой ветер провёл серебром. Он чувствовал её близость, дыхание, боялся, что она отпустит его руку. Ему было легко подниматься вверх. Мышцы стали молодыми и гибкими. Сердце наполнилось сильными жаркими биениями.

Церковь, стоящая на вершине, была бедной и утлой. В ней красовался аляповатый образ Георгия Победоносца в красном плаще, на чёрном коне. И вся доска, весь киот были увешаны ручными часами, дешевыми, пластмассовыми, дорогими с серебряными браслетами.

— Почему здесь люди оставляют часы? — спросила она.

— А зачем им часы? Счастливые часов не наблюдают, — ответил Торобов.

Снял с запястья часы и повесил на гвоздик подле иконы.

Они вернулись в Стамбул, когда стемнело. Такси покатило к центру.

— Вот сюда, — направляла она шофера.

Машина остановилась перед воротами, у невысокого особняка.

— Вот и кончился мой счастливый день, — произнес он с болью.

— Хотите его немного продлить? — она открыла ворота, приглашая его войти.

Двухэтажный дом был тёмный, фонарь над входом освещал близкое дерево, тропинку, исчезающую в темноте.

Вера вошла в дом. Зажглось окно. На землю упал квадрат жёлтого света. Стала видна какая-то скульптура.

— Входите, — пригласила она.

Он вошёл, робея, словно посягал на запретное, принадлежавшее ей пространство. Здесь всё было драгоценно. Витали её запахи, мерцала спальня с зеркальным туалетным столиком, висело на спинке кровати лёгкое платье. Он боялся слишком долго останавливать на нём взгляд, ловил запахи, множество лёгких, принадлежавших ей ароматов.

— Простите, не убрано. Пойдёмте на второй этаж, на балкон, — она вывела его на открытый, неосвещённый балкон. Здесь угадывался столик, два плетёных кресла. Открывался вид на ночной Босфор.

Торобов сел, глядя, как по чёрному бархату пролива плывут огни, струятся золотые отражения кораблей.

Вечерний Стамбул переливался огненными ручьями улиц, мерцал разноцветными рекламными.

— Расскажите мне о себе, Леонид. Ведь я о Вас ничего не знаю.

— А мне кажется, я знаю о Вас всё. Какое платье Вы носили в детстве. В какие игры играли с подругами. Как выглядел особнячок с белыми колоннами, мимо которого Вы проходили в школу. Вы жили в маленьком провинциальном городе, ни правда ли?

— Как Вы угадали? Я родилась в Тутаеве, маленьком городке на Волге. Там действительно есть особнячок с белыми колонами, мимо которого я проходила в школу. А Вы? Чем Вы занимались всю жизнь?

— Я? Да как Вам сказать. Всю жизнь путешествовал по странам, по весям. Путешественник и историк.

— Вы, должно быть, столько всего повидали. Расскажите о своих путешествиях.

Поплыли воспоминания, как тучи, и в каждой что-то мерцало, рокотало. Осыпались от взрывов лазурные стены мечетей. Неслись вертолёты, и под каждым пульсировал огонёк пулемёта. Уходил в ненастное море заминированный катер, и вдали раздавался взрыв. Несли на дощатом одре завёрнутого в саван комбрига, и могила дышала стеклянным паром.

Он не пускал в память эти удушающие воспоминания. Рассказывал ей о волшебных странах Востока, какими они представляли в “Шах-наме” и арабских сказках. Рассказывал о чудесном дереве с глянцевитой листвой, из которого прынула стая птиц небывалой расцветки, и у каждой в клюве был бриллиант, изумруд и сапфир. О муравьиной тропе, которая истекала из подземных глубин, уходила в небо, и каждый муравей нёс крупичку золота, ронял её на купол мечети, и мечеть сияла, как солнце. О прибрежных дворцах и храмах с алтарём неизвестного бога, где над мраморным камнем витала прозрачная тень, и слышались звуки молитв. О племени великанов, воздвигнувших города и твердыни, а потом ушедших в море, оставив на камне отпечатки тяжёлых ног. О море, которое начинало светиться, когда из глубин всплывали зеркальные рыбы и играли и резвились в прибое. О стае лисиц, заблудившихся в пустынных холмах. У каждой из них было лицо человека, и они, собираясь в круг, выли на синий месяц. О палатах, где обитали лев и павлин, где каждому гостю дарили кубок, полный сапфиров, и павлинье перо из волшебных радуг. О прекрасной женщине, о приближении которой возвещало благоуханье роз, и о страннике, которого посетила любовь.

Он рассказывал ей мифы своей собственной жизни, веря в их чудную достоверность.

Она встала, подошла к нему сзади, положила руки на плечи:

— Вы мой мечтатель...

Они лежали, словно их выбросило из моря прибоем. Он чувствовал льющийся из окна прохладный запах моря и сладостный аромат её духов.

— Ты моя любимая!

Ночью они просыпались. Их пробуждения были бурными, и он, подходя к окну, видел ночной Босфор с огнями проплывавших кораблей.

Утро было ослепительное. Он открыл глаза с молодым ликованием. Её не оказалось рядом, но ещё были тёплыми оставленные ею на постели отпечатки. Окно светилось лазурью близких вод и небес. На спинке кровати висело её платье. На стене красовался пейзаж с домиком и пальмой.

Торобов гибко поднялся, испытывая небывалую юношескую лёгкость. Босфор брызнул на него ослепительной синевой. Торобов набросил халат и босиком спустился по тёплым ступеням на первый этаж. Дверь в сад была открыта. Виднелась скульптура дельфина, которую вечером он не мог разглядеть. В дальнем углу дворика стояла Вера и разговаривала по телефону. Халат соскользнул с её плеча, и оно сверкало. Он хотел к ней незаметно приблизиться и поцеловать это обнажённое ослепительное плечо.

Он услышал её голос, говорящий по-английски:

— Он ещё спит. Думаю, я сумею день-другой его удержать. Он направляется в Сирию. Вы должны торопиться.

Торобову показалось, что на мгновение стало темно. Солнце почернело, и на землю легла тень: на клумбу с крокусами, на скульптуру дельфина, на фасад нарядного дома. Только голое плечо её продолжало сверкать.

Она угощала его завтраком, подносила кофе с омлетом. Он благодарил, целовал ей руку.

— Что-нибудь случилось, родной? — Она заглядывала ему в глаза. — Ты чем-то озабочен?

— Мне нужно отлучиться в университет. Решить, наконец, проблему с контрактом.

— Хочешь, поедem вместе?

— Да нет, оставайся. Я скоро вернусь. Накуплю всякой вкусной всячины, вина. Мы ведь теперь никогда не расстанемся, правда?

Он вызвал такси, поцеловал вскользь её щёку, её розовые лживые губы и поехал на Гранд Базар, чтобы получить сирийский паспорт, из которого смотрело на него сумрачное утомлённое лицо старика.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На контрольно-пропускном пункте на турецко-сирийской границе скопилось полсотни фур, множество легковушек и грузовичков, длинные обшарпанные автобусы и толпящийся люд, стремящийся попасть в Алеппо. Сновали лотошники, продающие газированную воду, фанту, несвежие сэндвичи. Люди сидели под навесами, лежали на земле под деревьями, уныло слонялись, изнывая от жары и усталости. Пограничники оформляли бумаги, отбирали паспорта, вяло отгоняли нетерпеливых, наседавших на шлагбаумы путников.

Торобов, угрюмый, чувствуя немощь, глубинную, блуждающую вокруг сердца боль, сидел на саквояже, отдаваясь вялому течению времени, которое медленно двигало скудную тень дерева. По соседству десяток молодых людей, сдержанных, с одинаковым выражением тёмных, огненных глаз ели лепёшки, запивали пресной водой. Все они были с подстриженными бородками; кто в круглых чеченских шапочках, кто в картузах, а один в плоской афганской шапочке, похожей на ржаную ковригу.

Они слушали мужчину, который был старше их; носил густую, из-под самых ушей бороду, выглядел предводителем их небольшой группы. Торобов слышал его русскую речь:

— Если будет угодно Аллаху, он каждого проведёт сквозь ушко иглы, каждому вложит в иссохшие уста ягоду винограда, каждому продлит жизнь, до той минуты, когда он будет готов войти в рай. Это говорил один мудрец, рождённый шесть веков назад в Багдаде. Забыл его имя.

— Мухаммед ибн Али аль Багдади, — машинально подсказал Торобов.

Бородач умолк, все посмотрели на Торобова. Некоторое время длилось молчание, потом вновь зазвучала речь, тихая и неразборчивая.

Бородач поднялся и подошёл к Торобову:

— Позволю себе спросить, кто Вы?

— Из России. Писатель Торобов.

— Торобов? — бородач мгновенье подумал. — Кажется, знаю. Но не читал. И что Вас влечёт в Сирию?

— В Сирии война, борьба, столкновение нового и старого мира. Это всегда интересно писателю.

— Вы правы. В Сирии особенно остро чувствуешь, что мир меняет кожу. Как змея, он стремится выскользнуть из мёртвой кожи и нарастить новую. Но это всегда больно. Писатель хочет увидеть рождение нового мира, увидеть вестников нового мира, его героев. Это делает писателя великим, — бородач говорил охотно, уверенно. Было видно, что он склонен к проповедям.

— Писатель ищет героев. Старается угадать их среди миллионов обыкновенных людей, — произнёс Торобов, стараясь походить на писателя.

— Вам повезло. Вот они — герои нового мира! — бородач кивнул на своих молодых спутников.

Те молча наблюдали за ними.

— Кто эти люди? Кто Вы? — продолжал выведывать Торобов.

— Они оставили свои дома, свои семьи, свою работу, свои университеты. Аллах позвал их, и они пошли на его зов спасти погибающий мир. Аллах устал ждать, устал смотреть, как зло разрастается и готово поглотить человечество. Аллах построит новый мир, создаст новое справедливое человечество. Это всегда больно. Эти юноши услышали голос Аллаха. Не все они вернутся домой. Но все они рано или поздно встретятся в раю, — голос бородача стал певучим, взволнованным, как у проповедника, когда тот выходит под своды мечети.

— Откуда они? — Торобов разглядывал юношей, их запylённые одежды, сдержанные движения, огненные, под чёрными бровями, глаза.

— Тот, что ближе к нам — Расул. Чеченец, два года воевал в Афганистане, был ранен. Выздоровел, и едет воевать в Сирию, помогать своим братьям. Рядом Ибрагим из Нальчика. Год просидел в тюрьме, там ему переломали все пальцы. Говорит, что остался один не сломанный, чтобы нажимать спусковой крючок. Руслан из Дагестана; воевал в горах, вышел из леса. Говорит: “Хочу заново прочитать Коран в сирийских горах”.

— А Вы кто?

— Я — физик. Преподавал в Казанском университете. Понял однажды, что законы Корана выше законов физики. Закон справедливости выше законов квантовой механики.

Торобов всматривался в лицо бородача. Под его обличьем исламского фундаменталиста проглядывало лицо светского интеллектуала.

— Когда-то в Казанском университете учился Ленин, — произнёс Торобов. — Он, как и вы, понял, что исторические законы марксизма выше уголовных законов, и повёл русский народ в Революцию.

— Ленин был величайшим из русских. Аллах приоткрыл ему законы Справедливости. Но Ленин считал, что справедливость устанавливают люди. А справедливость устанавливает Аллах, и этой справедливости подчиняются небесные светила и полевые цветы.

— Революции, о которой Вы говорите, противостоят мировые силы. Авианосцы, космические группировки, бомбардировщики. Как их одолеть? — Торобову был интересен этот проповедник, умевший облекать в доступную светскую форму высокие религиозные смыслы.

— Авианосцы не сильнее Аллаха, и они будут тонуть, как ореховые скорлупки. Космические станции не сильнее Аллаха, и они будут падать в море, как горящие спички. Самолёты не сильнее Аллаха, и русский самолёт, взорванный над Синаем — на него указал перст Аллаха.

— Но там погибло триста человек, включая грудных младенцев. Разве это угодно Аллаху?

— Когда рождается новый мир, всегда больно. Те, кто погиб над Синаем, были угодны Аллаху, и он взял их в рай. И эти молодые люди, что едут воевать в Сирию, они угодны Аллаху. Они герои Аллаха, мученики Аллаха. Каждый погибший герой производит на свет миллионы героев. История — это ветер. Смерть героя — это искра. Так рождается пожар мировой революции. Сначала Сирия, потом Россия.

Бородач поклонился Торобову и отправился к своим спутникам. Стал что-то внушать им вполголоса.

Торобов увидел, как мимо него прошёл ещё один юноша с короткой бородкой, в узорной восточной шапочке. Он нёс корзину, полную яблок. Золотистые, с красными наливными боками, они были тяжёлыми, так что у юноши отвисла рука. Он поднёс корзину товарищам. Они заглядывали в неё, выбирали яблоки. Сидели на земле, и каждый держал светящийся плод, боясь его надкусить, — такой красивый, драгоценный он был. Один юноша кинул яблоко другому. Тот ловко его поймал и кинул обратно, в ответ. Ещё один бросил яблоко товарищу, и ладонь, поймавшая плод, издала мягкий шлепок. Они сидели кружком и кидали друг другу яблоки. Плоды взлетали, золотистые, алые, крутились в воздухе, попадали в ловкие ладони.

Торобов любовался их игрой. Опытные бойцы, искушённые в войне, в лесных засадах, в нападениях на полицейские участки, они были сейчас, как дети, отдавались детской забаве.

Торобову предложили яблоко, но он вежливо отказался.

Возле машин под навесами, возле деревьев, где лежали люди, началось движение. Люди поднимались с места, шли все в одну сторону — прочь от дороги. Извлекали платки, стелили на землю и начинали молиться. Одновременно, подчиняясь таинственной слаженности, падали ниц, поднимались, замирали, обращая ладони к небу, снова падали лбом на землю. Так одновременно, под дуновением ветра, гнутся стебли травы.

Торобов чувствовал этот ветер, летящий с небес к земле.

Раздались крики, зарычали моторы. Таможенники завершили оформление документов, стали пропускать машины. Сначала тяжело выруливала, проезжала под шлагбаум колонна фур. Следом прошли красные автобусы и мелкие грузовички. Торобов видел, как молодые люди с бородачом повскакали в синий микроавтобус, на дверце которого была нарисована бутылка пепси. Сам же он сел в кабину грузовичка, рядом с тощим длинноносим водителем. И вся протяжённая колонна машин потянулась сквозь ворота таможни, втягиваясь на территорию Сирии.

Приграничный город, сквозь который проходила колонна, казался гончарно-жёлтым, полным горчичной пыли, в которой клубилась толпа, вспыхивали то зелёные, то малиновые хиджабы. Торобов заметил, как на площади тощий верблюд надменно воздел свой библейский нос.

За городом потянулись оливковые рощи, сверкнула синей главкой мечеть, заволновались бурые холмы, над вершинами которых гуляли пыльные ветры.

— Что возишь? — спросил Торобов шофёра, перед носом которого качалась стеклянная птичка, созданная из разноцветных бусин.

— Вожу запчасти. В Турции покупаю, в Сирии продаю. На разницу живу. Чтоб с голоду не пропасть.

— Тяжёлый труд, — посочувствовал Торобов.

— Раньше хорошо жил. Земля была, дом был, оливки были. Теперь ничего.

— Разбомбили?

— Сосед христианин отсудил. У нас христиане всю власть захватили. Глава христианин, судья христианин, полицейский христианин. Творят, что хотят. Мусульман прижимают.

— А говорят, мусульмане их обижают.

— Христиане дружнее. Один за одного. Злые, жадные. Все деньги их. Безбожники. Как это может быть, что три бога вместо одного? У мусульман один Всевышний, а у них три. Как такое бывает?

— Верят в Троицу.

— Ненавижу христиан. Будем их резать, стрелять. Возьму назад дом, землю, оливки, — водитель мотал длинноносой головой, и стеклянная птичка кивала клювиком в знак согласия.

Они обгоняли колонну фур, крытые брезентом короба, шумящие моторами и ветром. Перед ними мчался синий микроавтобус с бутылкой пепси. Торобов старался разглядеть в нём молодые, с тёмными бородками лица.

Он услышал страшный толчок, будто наскочили на столб. Хлестнуло разбитым стеклом и туго ударило ветром. С хрястом огня лопнула соседняя фура. Её подняло на дыбы, и она стала наползать на идущую впереди, а из переломленного надвое кузова рвался огонь и дым. Обе фуры летели с дороги в кювет, заваливаясь на бок.

Ещё два взрыва хрястнули впереди на дороге. Клубы дыма, сквозь которые летели яркие брызги.

Грузовичок снесло на обочину, и он скакал по ухабам, словно хотел взлететь. Водитель и Торобов вывалились на землю, окружённые грохотом.

Взрывы вздымались на трассе, в гуще машин, на обочине среди песчаной степи. Фуры перевёртывались, крутили в небе колесами, их толкало ударами, и они, падая, начинали гореть.

Торобов, оглушённый, видел ошалелым взглядом, как череда ударов движется вдоль трассы, пробивает в фурах рваные дыры. Низко, сквозь дым, на бреющем полёте пронёсся самолёт с заострёнными крыльями и красной звездой. Ушёл вдаль, поливая трассу из пушек. Взмыл, исчезая на солнце.

Ещё одна волна разрывов приближалась, раздувала над трассой шары дыма. Прокатилась, дунула зловонным жаром, уходя к голове колонны. Следом, с грохотом пушек, воем и свистом пронёсся самолёт с красной звездой. Взмыл к солнцу. Торобов безумной мыслью провожал самолёт, который был для него посланием Родины. Родина торопила его исполнить задание, указывала взрывами цель, куда он должен спешить.

Самолёты ушли и не возвращались. Кругом горело, чадило. Из разломанных фур вываливались лафеты, орудийные стволы, зарядные ящики. Множество мелких машин горело, сцепившись, как жуки. Торобов, держась за голову, брёл вдоль дороги. Увидел на жухлой земле красное яблоко. Через несколько шагов другое. Близко синел микроавтобус с бутылкой пепси на борту. Сквозь дверцу прошёл снаряд и разорвался внутри. Из разбитых окон сочился дым. Виднелась голова бородача с белками немигающих глаз, валялась у колеса обгорелая афганская шапочка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Они приближались к городку, в окрестностях которого шли бои. Вооружённые отряды ИГИЛ сражались с регулярной сирийской армией. Грузовичок, уцелевший во время бомбёжки, дребезжал, расшатанный взрывами. Стекланная птичка исчезла и больше не кивала клювом. Водитель что-то бормотал под нос, быть может, молился, и у него дрожали руки.

Торобов чувствовал, как ломит в висках, слюна во рту обрела отвратительный кислый вкус. Ему казалось, что у него на груди под одеждой пламенела красная звезда. Её сбросили ему на грудь русские самолёты, которые прилетели из России, отыскиали его в сирийских холмах и положили метку на грудь. Торопили с выполнением задания, которое он проваливал. Фарук Низар оставался неуловим. Находился где-то здесь, среди пыльных городков и селений, в рассыпанных по степи партизанских гарнизонах, окружённый кольцами охраны. Перемещался с места на место недоступный для взрывника или снайпера. И эта недоступность, неуязвимость Фарука, пылающая под рубахой звезда побуждали Торобова к отчаянному, крайнему средству. Ещё в Москве, продумывая множество комбинаций, даже самых рискованных, он оставлял это средство про запас.

Он расплатился с водителем, пошутив на прощание, что, видимо, один из них праведник, если бомбы их миновали. Пошёл бродить по пыльному, прифронтовому городу. На площади стояли большие автобусы, толпились люди: много женщин с детьми, стариков, с кулями и сумками, с потерянными, обречёнными лицами, какие бывают у беженцев и погорельцев. На тротуарах высились мешки с песком, из амбразур торчали пулемёты, защищая подъезды зданий, где размещались военные. Среди машин, истошно гудящих, объезжающих рытвины, попадались грузовики с вооружёнными людьми. Поверх гражданских пиджаков и безрукавок были намотаны пулемётные ленты, над головами развевались чёрные знамёна ИГИЛ с белой арабской вязью.

Прокатил тягач с орудием, которое подсакивало на выбоинах.

Он зашёл в харчевню под навесом, заказал баранину в сладком соусе и большой чайник с чаем. Смотрел на улицу, на мелькавших людей, с наслаждением вкушая душистый соус, макая в него хлеб. Долго, растягивая время, пил чай.

Расплачиваясь, спросил у служителя:

— Как жизнь в городе?

— Жизнь хорошая. Вчера два раза снаряд прилетал. Но никого не убило.

— Слава Аллаху.

— Слава Аллаху.

Покинув харчевню, двинулся по главной улице, высматривая здание, где мог оказаться штаб. Нашёл таковое. Перед входом полукругом были выложены мешки с песком. За ними виднелись бойцы с автоматами. На крыльце стоял громадного роста боевик с чёрной бородой от ушей, в пятнистой панаме, в разгрузочном лифчике, в котором набухли автоматные рожки и гранаты. Он угрожающе смотрел на проходящих, и, казалось, ему не терпится схватить кого-нибудь и хорошенько встряхнуть.

Торобов подошёл к нему и сказал:

— Слушай, брат, отведи меня к своему командиру.

— Зачем тебе? — грозно спросил здоровяк, нависая над Торобовым.

— Отведи. Ему это важно.

— Ты кто такой? — В белках у бородача наливались розовые сосуды, грудь вздымалась, и на ней шевелились рожки и гранаты.

— Я русский разведчик. Отведи к командиру.

— Сумасшедший? Может быть, тебя пристрелить?

— Отведи. Вот увидишь, ему это важно.

Здоровяк смотрел на Торобова, словно раздумывал, сбросить его с крыльца или набить свинцом. Что-то в его свирепом лице качнулось. Он открыл дверь, схватил Торобова за локоть и швырнул в коридор. Пихал в спину, громыхая сзади бутсами.

Открыл одну из дверей и бедром задвинул в неё Торобова.

За столом сидел человек с измученным жёлтым лицом. Кисть руки его была забинтована, сквозь повязку проступало бурое пятно. В углу стоял автомат. На столе лежали бумаги, дымилась чашечка кофе.

— Абу Омар, привёл к тебе человека. Говорит, что русский разведчик. Скажи что делать. Могу башку отрезать. Могу только язык.

Раненый человек поднял тоскующие глаза, поморщился от боли.

— Я — Торобов Леонид Васильевич. Полковник русской разведки. Прибыл для выполнения специального задания. Мне нужно встретиться с Фаруком Низаром.

— Кто такой Фарук Низар? — Глаза командира зажглись острым любопытством, и было видно, что он забыл о боли.

— У меня есть секретное сообщение для Фарука Низара. Помогите с ним встретиться.

— Обыщи его, — приказал командир здоровяку.

Тот охлопал Торобова от плеч до щиколоток в поисках оружия, а потом стал шарить по карманам огромными пальцами с неожиданной ловкостью. Выкладывал на стол русский и сирийский паспорт, пухлые пачки долларов и сирийских лир, мобильный телефон, многоцветную авторучку с надписью “70 лет Победы”, посадочный талон на борт самолёта, доставившего Торобова с Стамбул.

Командир просмотрел паспорта, помусолил доллары, смахнул всё это в ящик стола.

— Запри его! — приказал он здоровяку, и тот, грозно шевеля бородой, потащил Торобова в конец коридора, втолкнул в полутёмную комнату:

— Подумай о своих грехах. А то к вечеру думать нечем будет! — и ушёл, чавкнув замком.

Комната напоминала камеру, без кровати, без стула, с узкой щелью под потолком, в которую дул ветер. У стены стояло ржавое зловонное ведро. Торобов опустил на пол, подальше от ведра, и стал ждать.

Операция, которую он задумал, была смертельно опасна, но он рискнул и ждал, чем завершится его риск. Встречей с Фаруком Низаром или одиночным выстрелом на задворках военного штаба. Его могли пытаться, выжывая истинные цели его появления. Или весть о нём могла не дойти до Фарука Низара, затеряться среди множества полевых командиров, и один из них мог попросту его пристрелить. Но другого средства не было и он ждал.

Он замер и погрузился в таинственный поток времени, отдаваясь тому, что зовётся судьбой. Теперь не он управлял своей жизнью, а беззвучный поток принял его в свои объятия и повлёл. Так чайка ложится на крыло, и её несёт, чуть покачивает, не выпуская из воздушной струи. Так река колеблет одинокую льдину, поворачивает, приближает то к одному берегу, то к другому, и льдина сверкает, плывёт, подчиняясь загадочной воле реки.

К вечеру за ним зашёл другой постовой — скуластый коротыш, похожий на уйгура. Что-то сердито буркнул, требуя встать. Торобов оказался в знакомой комнате, но теперь за столом сидел ху-

дощавый, с утонченным лицом человек, в очках с золотой оправой. На его длинном смуглом пальце красовался перстень с чёрным камнем. Свежий, хорошо выглаженный камуфляж не скрывал бело-снежную сорочку. Он предложил Торобову сесть.

— Господин Торобов, если я не ошибаюсь?

— Да, я — Торобов Леонид Васильевич.

— Вы называете себя офицером российской разведки?

— Полковник российской военной разведки. Если у вас есть доступ к картотекам, вы можете в этом убедиться.

— С какой целью вы оказались в Сирии?

— Я уже сказал, что ищу контакт с Фаруком Низаром. У меня есть для него конфиденциальное сообщение от российского руководства.

— Я не знаю никакого Фарука Низара. И, тем не менее, что это за сообщение?

— Я могу передать его только Фаруку Низару. Скажу только, что оно касается военных действий.

— Мне Вы не хотите довериться?

— При всём уважении — нет. С Фаруком Низаром меня связывает давняя дружба. Мы вместе готовили доклад Саддаму Хусейну о поставках российского вооружения.

— Как вы сюда добிரались?

— Обычным транспортом. Попал под авиаудар русских самолётов.

Сидящий за столом человек усмехнулся, слегка ударил ладонями по кромке стола, давая понять, что разговор завершён.

Появился сердитый уйгур и препроводил Торобова в камеру. За время, что он отсутствовал, в камере появился тюфяк и кувшин с водой.

Ночь была томительной. Снаружи слышались голоса, женский смех, урчанье моторов, взывание муэдзина и далёкая артиллерийская канонада. Он лежал на матрасе и чувствовал, как в темноте, за пределами камеры, за пределами города, среди путаницы человеческих отношений, коварных замыслов, лукавых мотивов и помыслов решается его судьба.

Утром в его камеру принесли маленький столик, скамеечку. На столик поставили блюдо с душистым пловом, чайник и чашку, вазочку со сладостями. Он сидел на резной скамеечке, хватал щепотью рис, чувствуя запахи специй, глотая ломти мягкой баранины. Это угощенье сулило смягчение его доли, внушало надежду, что его комбинация не провалена.

Охранник, теперь не уйгур, а круглолицый, с узкими глазами киргиз, повёл его по коридору в комнату, где он уже побывал дважды. На этот раз из-за стола гибко поднялся моложавый человек с белёсыми волосами, тонким лицом, играющими голубыми глазами. Он был подвижен, всё его тело, губы, белёдые брови, крыльца узкого носа двигались, играли. Казалось, он пританцовывал, нервно-весёлый, в такт какой-то страстной, темпераментной музыке. Он обрадовался появлению Торобова, как радуются чему-то новому, нескучному, не похожему на всё, что являлось ему прежде.

— Прошу садиться. Господин Торобов, не так ли? Господин полковник, если я не ошибся в звании? — его арабский язык был с акцентом, интонации давались с трудом, и Торобов подумал, что язык он изучал не в живом общении, а штудировал на кафедре восточных языков в каком-нибудь европейском университете. — Меня зовут Салах Новруз. До того, как я принял ислам, меня звали Курт Зольде. Вряд ли Вам знакомо моё имя.

— Отчего же? Вы — немец, дизайнер. Человек, близкий к Фаруку Низару, — Торобов цепкой памятью удержал ту часть своей беседы с Джаханом Махди, где тот назвал имя немецкого дизайнера.

— Вот как! — весело удивился немец. — Для меня большая честь знать, что мною интересуется русская разведка. Вы действительно хорошо готовились, направляясь сюда.

— Я хочу увидеть Фарука Низара и выполнить данное мне поручение.

— В чём же смысл этого поручения?

— Нам нужны контакты с руководством ИГИЛ, чтобы обсудить некоторые стороны взаимодействия.

— Вчера, на дороге, Вы стали свидетелем этих форм. Ответом на эти русские инициативы могло бы стать появление в наших рядах переносных зенитно-ракетных комплексов.

— Речь идёт о мирном процессе. На одном из своих брифингов наш президент заявил, что ИГИЛ не представляет для России стратегической опасности.

— И после этого он прислал в Сирию бомбардировщики.

— Всё это мне поручено обсудить с Фаруком Низаром.

— Фарука Низара нет сейчас в Сирии. Может быть, Вы посвятите меня в суть поручения, чтобы я мог ему передать в самых общих чертах?

— Мне поручено передать сообщение только ему.

— Вы утверждаете, что общались с Фаруком Низаром в Багдаде?

— Мы сотрудничали. Я бывал у него дома. Вместе мы несколько раз посещали Саддама Хусейна.

— Как Вы думаете, что заставляет российское руководство искать контакты с нами?

— Мотивы мне не известны. Но мне кажется, что в Кремле осознают безнадёжность союза с Европой. Напротив, назревает война. Кремль хотел бы разгрузить свой южный фланг. Нельзя воевать со всем миром.

Курт Зольде взыграл. Острые плечи, кисти рук, нервная шея сотряслись мелкой судорогой. Глаза стали синими, мечтательными и жестокими. Губы порозовели, будто он раздавил во рту сочную ягоду.

— Современная Европа — это склад утомлённых народов, погасших государств, мертвенных политиков. Европа — это рыба, у которой евреи выклёвывают глаза, печень, сердце, а она только жалко шевелит плавниками. Американский бык увлёк через океан на загровке беспомощную измождённую деву, но, видит Бог, из розовой пены вновь возродится прекрасная Афродита! — Курт Зольде говорил певуче и страстно, в голосе звучало обожание, ненависть и мечта. — Германию после Второй мировой войны сожгли, пепел запаяли в цинковый гроб, зарыли в землю, залили бетоном, положили стальные плиты, и сверху построили синагогу. Но эта синагога шевелится, её качает. Сквозь сталь и бетон из подземного саркофага рвётся к солнцу новая Германия. Великая исламская революция дует в поднебесную трубу, взывает к народам и странам. Бог возвращается в историю. История новой Европы — это возвращение к великим истокам, когда европейский дух вместе с германской готикой стремился в лазурь, когда музыка питалась глубинными тайнами германской судьбы, будила древних героев и уснувших валькирий, и те мчались впереди великих полков и армий. Ислам своей богооткровенной энергией, своим упованием на божественную справедливость, своей необъятной мечтой плавит сухую коросту современного мира. И хлынул свет. Из этого света, как чудо, возникло “исламское государство”. Зеркало, которое отражает божественный свет, озаряя им душу отдельного верящего человека, и целые народы, сбрасывающие свои оковы.

Курт Зольде испытывал восхищение, дрожал и звенел, как труба, в которую дуют пророки. Торобову казалось, что пред ним человек, которым движет не здравый смысл, а перст Божий, даже если этот перст указывает в бездну. И от этого человека зависела его судьба, зависела судьба операции. И, стараясь не прерывать это безумное песнопение, не спугнуть эту загадочную птицу с хищным клювом и небесной расцветкой, Торобов произнёс:

— Вы — художник-дизайнер. Вы создаёте образ Великой революции, мирового государства, божественного преображения мира. Тогда зачем такая жестокость? Зачем эти отрубленные головы, запаянные в жидкое стекло? Зачем эти мученики в оранжевых балахонах с чёрными палачами за спиной? Эти античные шедевры, гибнущие под кувалдами бородатых безумцев? Разве это пленительный образ для человечества?

— Извержение вулкана ужасно, но и прекрасно. Старый мир умирает, и мы провожаем его на эшафот, как провожают приговорённого к казни. Старый мир содрогается от ужаса, посылает на нас самолёты и авианосцы. Но крылатые ракеты и бомбы отскакивают от клинка, который вздымает над головой казнимого отрока в чёрных одеждах.

Курт Зольде умолк, сник, стал усталым и вялым, словно вся его энергия улетучилась, как гаснущий факел. У переносицы в уголках глаз возникла болезненная синева. Он устало сказал:

— Вы, господин полковник, утверждаете, что были знакомы, даже дружили с Фаруком Низаром? Тогда согласитесь на необременительную процедуру: мы отправим Вашу фотографию туда, где сейчас находится Фарук Низар, и будем ждать ответа.

В комнату вошёл фотограф со штативом. Он был в синей артистической блузе, по виду европеец. В мочке уха золотилась серьга, на шее виднелась татуировка — завиток драконьего хвоста.

Он попросил Торобова встать и сделал несколько снимков ан фас и в профиль, как это делают при поступлении узника в тюрьму.

— Не скучайте, господин Торобов. Мы скоро увидимся, — Курт Зольде протянул Торобову руку, и тот пожал его вялые холодные пальцы.

Он вернулся в камеру и предался размышлениям.

Но вскоре его снова вызвали в комнату допросов. Курт Зольде встретил его сердечно:

— Всё прекрасно, господин Торобов. Фарук Низар рад был получить Ваши фотографии. Тепло о Вас отозвался. Сейчас его нет в Сирии. Он лечится от контузии. Пройдёт несколько дней, и мы направим Вас к нему. Но до этого Фарук Низар приказал не оставлять Вас без внимания и быть рядом с Вами. Я выполняю его приказ. Всё это время мы будем вместе, но, разумеется, не в Вашей камере, а на воле, где я и мои соратники готовим материалы о нашей вооружённой борьбе. Возвращаю Вам ваши вещи, — он достал из ящика русский и сирийский паспорт, мобильный телефон, сирийские лиры и американские доллары, авторучку с надписью “70 лет Победы” и даже посадочный талон на борт турецкого лайнера.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Вот карта. — Зольде расстелил перед Торобовым зелёно-коричневую карту с обозначением оборонительных рубежей. — Здесь на высоте закрепились “башары”. — Он ткнул острым пальцем на серо-коричневое пятно, вдоль которого проходила дорога.

Торобов догадался, что “башарами” Зольде называет войска Башара Асада.

— Эта высота контролирует дорогу на Алеппо, и мы сегодня выйдем противника оттуда.

Он эффектно щёлкнул пальцем по карте.

— Вот тут — женский христианский монастырь, где заперлись двадцать монашек — тучных коров — а “башары” разместили свой наблюдательный пункт. А здесь, — он провёл острым ногтем по зелёному полю карты, — здесь сосредоточились наши силы; будут брать высоту. Моя съёмочная группа станет снимать атаку, и эти кадры уже к вечеру наводнят сеть. Что ж, в дорогу, господин полковник! — насмешливо произнёс Зольде, словно собрался устроить представление специально для Торобова.

Они погрузились в два джипа и выехали из города. Курт Зольде вёл передний джип, усадив рядом телеоператора, того, что утром фотографировал Торобова — в синей блузе, с золотой серьгой. Торобов сидел на заднем сиденье, стиснутый двумя бородачками. От одного пахло луком, от другого — одеколоном. В бок Торобова упирался приклад автомата. Во втором джипе находились два оператора и охрана. Дорога была пустой, местами в воронках. На обочине пару раз попадались обгорелые фуры. Через полчаса, подъезжая к холмам, Торобов услышал далёкий удар пушки, а ещё через полчаса раздались отчётливые пулемётные очереди.

Они выехали на передовую, где скопилось подразделение, названное Зольде батальоном. Сотня разношерстных боевиков, вооружённых ручными пулемётами, автоматами и гранатомётами, кто сидел, кто лежал на склоне, откуда не видна была кромка соседнего холма, на котором закрепился противник. Командир батальона, увидев Зольде, вскочил и по-военному отдал честь. Он был немолод, с крепким, коричневым от солнца лицом, орлиным носом и осторожными, чуть раскосыми, глазами, которые наделяли его боковым зрением. Он был в камуфляже, опоясан капроновым ремнём, на котором висела кобура с пистолетом. На тонком ремешке на груди болтался полевой бинокль. У него были мягкие упругие движения охотника, привыкшего пробираться, затаиваться, терпеливо ждать, наносить удар из-под земли, из потаённой рывины, из ночной темноты. Что и позволило ему, находясь в военном пекле, под ударами артиллерии и авиации, дожить до седых волос, которые картинно кудрявились из-под пятнистого картуза.

— Что я буду снимать? — начальственно спросил Зольде. — Вам объяснили задачу?

— Задача — атаковать и взять укрепрайон на горе. Но атака в лоб невозможна. Мы несколько раз атаковали и откатывались, неся потери.

— Никто не просил вас атаковать до моего прибытия. Сейчас вы начнёте атаку силами всего батальона, а я стану снимать вашу атаку и рукопашную схватку на вершине холма.

— Но я положу под пулемётами весь батальон. Я собрал его в Иордании и лично обучил каждого в течение двух месяцев. Я обещал им, что проведу их по улицам Дамаска, и мы сфотографируемся во дворце Башара Асада.

— Фильм, который мы снимаем о героях вашего батальона, нанесёт врагу урон в сто раз больший, чем все ваши автоматчики. Фарук Низар рассчитывает, что Вы станете главным героем фильма.

— Я боюсь потерять батальон.

— А я боюсь потерять драгоценное время, — оборвал его Зольде и стал карабкаться по склону туда, откуда открывался вид на соседние холмы.

Торобов, вслед за ним и комбатом, добрался до кромки холма и лёг, озираясь.

Впереди открывалась залитая солнцем седловина. Она полого восходила к вершине холма, на котором виднелись брустверы окопов и стояла лёгкая гарь, быть может, от невидимого костра. В стороне, на соседних холмах, виднелся монастырь. Белели постройки, возвышалась колокольня с крестом, который горел на солнце. По седловине темнели разбросанные бугорки, — недвижимые тела тех, кто погиб при недавней атаке. У некоторых отсвечивали автоматы.

— Вы начнёте атаку, и я, и мои операторы пойдём вместе с вами. Вы продемонстрируете тактику, какой Вы обучали своих бойцов. Наш фильм будет учебным пособием, рассказывающим, как надо сражаться за “исламское государство” и умирать за Аллаха. Его будут показывать в окопах, в домах, в мечетях. Враг, который посмотрит в интернете наш фильм, поймёт, что он обречён. Нам нужна предельная достоверность. Через десять минут начинаем. Солнце благоприятствует съёмке.

Они вновь спустились в низину. Комбат окриком поднял бойцов. Те строились, опускали рядом с собой тяжёлые пулемёты, звякали гранатомётами. У многих за спинами расходились лучами заострённые стрелы гранат.

Комбат расхаживал перед ними, остановился и заговорил:

— Братья! Вас родили разные народы и земли! Вас кормили молоком разные матери. Но вы приехали сюда, повинувшись небу. Каждый из вас слышал один и тот же голос — голос Всевышнего. Теперь все мы — родные братья! У нас одна мать — наша вера, и один отец — пророк Мухаммед. Сейчас мы пойдём вперёд под огнём пулемётов, и не все дойдут до вершины. Тот, кто умрёт в начале атаки, первым попадёт в рай и будет встречать в раю тех, кто умрёт позже. И все шахиды, умершие во время атаки, станут встречать в раю тех, кто останется жить и проживёт долгую жизнь. Я всегда был с вами и буду с вами сейчас. Первым пойду в атаку. Дамаск ждёт вас! Ждут его прекрасные дворцы и мечети, его богатые магазины и красивые женщины. Аллах акбар! — он выбросили вверх кулак.

Строй, громогласно, пылко, единым дыханием вторил: “Аллах акбар!”

Операторы шли вдоль строя, вели камерами, приближали их к лицам, молодым, страстно вззирающим, побледневшим от предчувствия близкого чуда, боли, взлёта в сияющую бесконечность. О ней вещала им лазурь мечетей, синева небес, могучий и любящий голос Творца, который сотворил цветы и звёзды, города и дороги, людей и птиц, и требует от каждого лишь смерти в бою, чтобы дивное творение Господа не погибло, не померкло, одарило каждую жизнь несказанным блаженством. Оператор в синей блузе с серьгой в ухе вёл камерой от лица к лицу. Камера маленьким стеклянным хоботком выпивала с их лиц эту сладостную мечту, как пчела пьёт нектар, облетая цветок за цветком.

— За мной! — приказал комбат и стал упруго взбираться по склону, увлекая других.

В его руках оказалось знамя — чёрное полотнище с белоснежной вьющейся надписью: “Аллах акбар”! Другое знамя — поменьше — с той же белой, похожей на виноградную лозу надписью, сжимал молодой боец с тонкой шеей, острым юношеским кадыком и маленькой бородкой на красивом лице.

Батальон лежал у обреза низины, скрытый от противника. Торобов поднимал голову, видя солнечное пространство седловины, по которой покатится атака. Ему казалось; в этой пустоте образовался таинственный коридор, невидимый световод, по которому побегут атакующие, помчатся горячие молодые тела, полетят души, излетевшие из обезжизненных тел.

Чадила гарью удалённая вершина холма, золотился монастырский крест. Торобов не понимал чьей неведомой волей он включён в чужую войну, в чужую атаку, одну из бесчисленных атак, где одни одухотворённые люди стремятся убить других. И что значит для его жизни эта смертоносная атака, в которую он был занесён, словно случайная песчинка? Кому расскажет он о ней? Перед кем покается?

— Аллах акбар! — прорычал комбат.

Оттолкнувшись стопой, вскочил и, размахивая знаменем, тяжело побежал на склон. За ним мо-

лодо, ловко, с радостью и азартом, вскакивали бойцы и длинными скачками неслись наверх, выставив гранатомёты и пулемёты. Бежали операторы с камерами. Бежал Зольде с какой-то струящейся, змеиной стремительностью.

Торобов неловко поднялся, попытался бежать, но тут же задохнулся. Пошёл тяжело, пропуская мимо волну атакующих и молодого знаменосца, на лице которого сияла восхищённая улыбка.

Вал прошелестел, протопал, сипло продышал, и Торобов, отстав, видел, как течёт вверх поток атакующих, как выются два знамени, блестит, удаляясь, оружие.

На вершине холма, на размытой кромке затрепетал огонёк пулемёта, следом другой, третий. Загрохотало, и в рядах атакующих началось смятение; несколько бойцов упало, их обегали, вокруг других останавливались, наклонялись, пытались помочь. Молодой знаменосец стал спотыкаться, падать; тянул ввысь знамя, а сам оседал, поворачивался вокруг древка, как вокруг оси. Рухнул, выпустив стяг. Комбат, развевая знамя, что-то кричал. И его крик, колыхание чёрного полотнища с белой вязью перестраивало лавину атаки. Гранатомётчики выстраивались в рваную цепь, пускали гранаты, которые летели к вершине, взрывались на кромке, глуша огневые точки. Пулемётчики пробегали сквозь их неровную цепь, открывали огонь, били от животов на бегу, рыхля и туманя кромку. Пока грохотали ручные пулемёты, гранатомётчики вставляли в трубы остроконечные гранаты и били по вершине, накрывали её вспышками и клубами разрывов. Пропускали сквозь свои ряды пулемётчиков. И всё это грохочущее, дымящее скопище удалялось от Торобова, приближаясь к вершине. Загудел, зарокотал, мешаясь с пулемётным грохотом, стоголосый рык: “Аллах акбар!” И весь склон, как упругая ткань, стал стягиваться к вершине. Было видно, как навстречу с вершины ринулся встречный поток, и оба потока смешались, спутались, стреляли, пронзали друг друга огненными иглами, слипались в клубки, катились вниз по склону.

Торобов шёл туда, где ревела рукопашная. Задыхался, без оружия, не понимая смысла своего восхождения, чувствуя влекущую его безымянную волю, от которой он не мог уклониться.

Тёмный ком стреляющих и орущих достиг вершины, перевалил за неё и скрылся из виду. Но и там, где исчезли люди, кануло чёрное знамя комбата, продолжали стрелять и реветь, окутывая вершину холма бледной солнечной пылью.

Торобов останавливался, тяжело дышал и снова шёл. Курт Зольде кружил по склону, указывая оператору в синей блузе, что ему должно снимать.

— Вот этого, с оторванной рукой! — он наклонялся и вкладывал в оторванную руку автомат. — Рука героя оторвана, но продолжает стрелять!

Подошёл к знаменосцу, потерявшему в падении знамя. На молодом лице всё ещё светилась блаженная улыбка. Зольде вкладывал в мёртвые руки шахида чёрное знамя, расправлял ткань, чтобы видна была священная надпись.

— Герой убит, но он не выпустил знамя. На лице его улыбка, потому что он видит рай.

Торобов сел, чувствуя, что сердце его может разорваться. Вокруг него на жухлой траве лежали убитые. Два или три человека пытались подняться и снова падали, замирали. Он заметил, что у его пыльного башмака расцвёл крохотный синий цветочек, вестник весны. Его не затоптала атака, не затоптал пыльный башмак Торобова.

Торобов не боялся здесь умереть. Не боялся сгинуть, так и не выполнив боевое задание. Он боялся умереть, так и не поняв, почему он должен исчезнуть здесь, на чужой войне, на чужой горе, в одной из бесчисленных смертельных атак, результат которой не изменит мир, не изменит ход времён, не изменит рисунок небесных звёзд и лепестков цветка, что расцвел возле его пыльного башмака.

— Господин Торобов, теперь вы можете считать себя шахидом. — Зольде насмешливо смотрел на него, и рука его, та, которой он поправлял знамя, была в крови.

Зольде хищной трусцой побежал к вершине, где ещё звучали редкие выстрелы. А Торобов, одолевая немощь, продолжал восхождение, обредая убитых, брошенный ручной пулемёт, зубчатую ленту. Ему казалось; он движется в незримом коридоре, который прорубила атака, накалила молекулы воздуха ударами пуль, предсмертными воплями, криками “Аллах акбар”, и эти молекулы продолжали светиться.

Вершина, куда он ступил, казалась срезанной, как срезают горбушку. В рывинах, траншеях, в разбросанных зарядных ящиках, с двумя орудиями, вокруг которых громоздились пустые закопченные гильзы, с тряпьем палаток, с перевёрнутой вверх колёсам полевой кухней. Казалось, здесь

прокрутился вихрь и умчался вдаль, где белесой линией тянулась дорога, сиял на соседней горе монастырский крест. Но в этом хаосе разбросанных и умерщвлённых предметов уже формировался порядок. Сидели на земле понурые, сокрушённые, взятые в плен “башары”. Без оружия, с растёгнутыми воротниками, с расцарапанными, запылёнными лицами. Поодаль, собранные в груды, валялись их автоматы и пулемёты, напоминая ненужные, сломанные в работе инструменты. Тут же лежали убитые, выложенные в ряд, напоказ, лицами к небу, в мокрой от крови униформе, ещё не одеревеневшие, хранящие в телах последние предсмертные судороги.

По другую сторону толпились победители, распаренные рукопашной, торжествующие, не зная, куда деть неизрасходованную энергию истребления. Поглядывали на пленных, нетерпеливо стискивая ручные пулемёты. Так же в ряд лежали и наши убитые, воздев к небу заострённые молодые бородки, с такими же чёрными пятнами крови из сочащихся ран, будто в мертвецах всё ещё бились сердца, выталкивая не застывшую кровь.

Чёрное знамя, укреплённое в зарядных ящиках, вяло обвисло. Комбат что-то докладывал Курту Зольде. Было видно, как из-под его волос бежит по лицу красная струйка. Операторы кружили, как медлительные грифы, нависая камерами над убитыми, словно готовились выклеивать им глаза.

Торобов присел на зарядный ящик, слыша как сипло клокочет в нём дыхание, как жжёт в груди. Ему открылось ещё одно зрелище чужой победы и чужого поражения, и он не знал, как обойдётся с этим зрелищем. Не опишет в книге. Не расскажет друзьям и близким. Не изложит в донесении. Быть может, запечатает в дальнем чулане памяти, и оно будет являться в случайных кошмарных снах. Или принесёт на суд Господу и не сможет объяснить, почему он оказался на этой безымянной вершине, почему видит молодое, начинающее каменеть лицо с белым оскалом зубов, почему так тускло отсвечивает ствол автомата, истёртого о красноватую землю холма.

— Господин Торобов! — К нему приблизился Зольде и все с тем же исчезающим артистизмом, словно он был театрал, попавший на любимый спектакль, произнёс: — Вас ждёт сюрприз. Среди пленных мы захватили русского советника. Хотите с ним побеседовать?

Зольде повел Торобова туда, где сидели пленные, испуганные, вжав головы, словно боялись побоев. Среди смуглых небритых лиц, черных тоскующих глаз Торобов увидел белесые волосы и голубые глаза человека, который сидел, ссутулив спину, снизу вверх смотрел на подходивших, мучительно сморщив лоб.

— Встань! — приказал Зольде, и человек, понимающий арабский, встал. — Поговорите с ним, господин Торобов, на родном языке. Из посторонних вас никто не поймёт.

Он отошёл, делая вид, что не желает мешать встрече двух соотечественников.

Пленный советник был худ, облачён в сирийскую форму без знаков различия, весь в красноватой пыли, которая высыхала на потном лице. Пыль была в ушах, в ноздрях, на веках среди белесых ресниц, в корнях волос, под ногтями больших грязных пальцев, на шее, в морщинах лба. Быть может, его обдало пылью от взрывов. Или он катался по земле во время рукопашной. В нём ещё клокотал бой, но ярость боя была сломлена, воля растоптана, оружие вырвано из рук и лежало в бесформенной металлической грудке, над которой дрожал стеклянный воздух, как излетающий дух.

— Я полковник российской армии Торобов. Кто вы? Ваше звание, имя?

Пленный молчал, тоскливо водил глазами, не останавливая взгляд на Торобове. Смотрел на сиенющую низину с дорогой, на соседние холмы с золотым монастырским крестом. Казалось, он хочет оттолкнуться от вершины, от уложенных в ряд убитых, от груды измызганных стволов и прикладов. Расшвырять в броске победителей, что угрюмо и нетерпеливо взглядывали из-под суровых бровей, ожидая, когда им вернут добычу — поверженных, лишенных воли врагов. Он оттолкнётся от вершины и взмоет, полетит над голубой равниной, над монастырскими главами с золотым сверканьем, туда, где тают последние снега, где весенняя лазурь в вершинах берёз, где на талых опушках распускаются голубые цветы.

— Повторяю, я офицер российской армии. Назовите Ваше имя. Я сообщу российскому посольству в Дамаске. Оно Вам поможет.

Пленный смотрел по сторонам, словно выбирал направление для своего броска и полёта мимо застывших орудий с грудками истрелянных гильз и чёрного с белой вязью флага. Или, огибая убитых, мимо конвоира с чёрной бородой и ручным пулемётом.

— Вас могут обменять или выкупить. Но для этого я должен знать Ваше имя.

Пленный перестал водить глазами, остановил взгляд на Торобове и плюнул в него липкой жёлтой слюной. Торобов почувствовал ожог этой ядовитой слюны, которая текла по его щеке. Отёрся ладонью и отошёл, видя, как, стоя в стороне, смеётся Зольде.

Комбат с бинтом на лбу, сквозь который расплывалось пятно, что-то сказал солдатам. Вытянул из кармана платок и постелил его на истоптанную землю, среди рассыпанных автоматных гильз. И все его бойцы достали платки, расстелили на землю и приготовились к молитве.

Пленные пугливо, не сразу, поднялись, стали стелить платки. Конвоир с пулемётом отложил оружие и тоже постелил клетчатый мятый платок. И все, кто был на горе, стали молиться. Опускались на колени, падали ниц, касаясь лбами горы, разом разгибали спины, обращали ладони к небу, вставали и вновь, словно на них дул ветер, сгибались, опускались на колени, прижимались лицом к земле. Молились раненые, из которых сочилась кровь. Молился комбат, сжимая от боли глаза. Молились операторы, и у того, что был в артистической синей блузе, при поклонах вспыхивала в ухе серьга. Молился Зольде, постелив цветастую ткань. Оставались стоять Торобов и пленный советник. На лице Торобова горел ядовитый плевок.

Он смотрел на молящихся, которые недавно убивали друг друга, визжали и кружили в рукопашной, падали на землю, на которую теперь постелили молитвенные платки. Разделённые ненавистью и убийствами, они молились единому Богу, который любил их всех, присутствовал в каждом, возвращал от первых младенческих дней, материнских сосцов, одаривал счастливыми утренними пробуждениями, когда мир кажется перламутровым, любимым и любящим, и Бог окружает их нежностью и обожанием. Они зывали к Творцу, моля об одном и том же. О продлении жизни, избавлении от ран и страданий. О том, чтобы Творец простил их прегрешения, ожесточение сердец, забвение милосердия. И Творец в бездонной синеве слышал их всех, каждому посылал в сердце луч света.

Торобов своей страдающей душой, своей слёзной верой ждал, что воины, прозревшие в молитве, бросятся друг другу на грудь, станут обниматься, брататься, друг перед другом виниться.

Завершили молитву, встали, бережно складывали платки, пряча в карманах. Зольде встряхивал свой клетчатый плат и что-то говорил комбату. Тот тяжёлым шагом приблизился к пленным. Стал их строить, пересчитывая, тыкая каждому в грудь. Грубо оттолкнул советника. Три пулемётчика, опоясанные лентами, выступили вперед и сходу, от животов, ударили очередями, кося пленных. Те в грохоте очередей падали, с криком разбегались, а их разили пули. Они заваливались, шевелились, а вокруг бурлила земля от бесчисленных попаданий.

Пулемёты смолкли, из стволов струились дымки. Пулемётчики устало отходили, не глядя на бугрящиеся трупы. Оператор в синей блузе снимал, задирая камеру к небу, словно провожал отлетающие души.

Торобов стоял потрясённый. Расстрел был ответом Творца на молитву. Пленного советника ударами прикладов гнали с горы.

— Не проголодались, господин Торобов? — Зольде приглашал Торобова к подкатившему джипу. — Ещё одно дело, и нас ждёт обед.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Джип, в котором ехали Торобов, Зольде и оператор с серьгой, съехал с горы. К нему присоединились два грузовика, полные боевиков. Попетляли по просёлку, выехали на шоссе и по серпантину стали подниматься на одинокую гору, где стоял монастырь. Его стены казались скалистой породой, выступавшей из горы. Четверик храма был увенчан синими главками с крестами, среди которых самый большой золотился на солнце. Подкатили к монастырским воротам. Деревянные, синие, с красными разводами ворота были закрыты. Боевики, соскочив на землю, стали стучать в ворота прикладами, стрелять в воздух, пока створки ворот не раздвинулась, и в щель выглянула седая кудрявая голова с кольчатой бородой. Боевики вытащили старика из ворот, растворили тяжёлые створки, и джип с грузовиками въехали в монастырь. Двор был пуст, повсюду были клумбы с цветами, пахло розами. Над входом в собор красовалась фреска Богородицы в голубом хитоне, с золотым нимбом. Младенец испуганно взирал на шумных вооружённых людей. Вдоль длинного кирпичного здания вела галерея, и по ней пробежали монахини, похожие на пингинов;

«в чёрном», с белыми оторочками. Они провели пожилую монахиню, которой было трудно идти, и её вели под руки.

— Корова игуменья, — Зольде весело смотрел на убежавших монахинь, которые укрылись в здании. — В этом районе Сирии люди говорят на арамейском языке, на том, на котором говорил Иисус Христос. Давно хотел послушать молитву “Отче наш” на арамейском языке.

Они поднялись на ступени храма, открыли резную дверь с железным кольцом и вошли в церковь.

Бесшумно полыхали голубые, падающие из окон лучи. Золотой иконостас струился, отекал сияющими ручьями, и тёмные иконы, казалось, плыли среди золотых вод. Столпы были обмотаны шёлком и бархатом, тяжёлой, шитой серебром парчой. В серебряных, потемневших от времени подсвечниках теплились свечи. Лампады, как волшебные плоды — алые, зелёные, синие — висели на серебряных ветвях. Было безлюдно, гулко, пахло сладкими дымами.

— Кто здесь есть? — Зольде приложил ко рту ладони, наслаждаясь гулким эхом.

Бородатые парни вытащили из-за алтаря тощего священника в клобуке и золотой епитрахили. На горбаче носу блестели очки, в них дрожали круглые от страха глаза.

— Святой отец, мы туристы. Узнали, что в вашем храме можно послушать молитву “Отче наш” на арамейском языке. Мало кому удастся послушать эту молитву на языке самого Христа. Не могли бы вы её прочитать?

Священник топтался, смотрел на Зольде чёрными от ужаса глазами.

— Мы проделали такой длинный путь, чтобы услышать молитву. Читайте, святой отец!

Бородач ткнул священника стволом пулемёта. И тот, косясь на близкий ствол, стал читать. Слова гудели, дрожали, трепетали. Были непонятны своим древним звучанием, в котором открывалась восхитительная глубина, клубилась дивная тайна, и бабушка с умиленным взглядом, прекрасным любимым лицом, певуче повторяла: “Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли”.

Оператор в синей блузе снимал убранство храма, вёл камеру от лампы к лампаде, словно срывал плоды с серебряных веток.

— Какая красота, святой отец! Какое высокое переживание! Не хочу, чтобы чьи-нибудь недостойные уши слышали эту святую молитву! — Зольде выхватил пистолет и выстрелил священнику в переносицу. Проломил кровавую дыру, рассыпав вдребезги стекла очков. Священник упал головой в голубой поток света.

— Господин Торобов, служба окончена! — Зольде галантно наклонился, указывая на выход.

Под навесом галереи толпились боевики. На досках лежала голая игуменья. У неё был толстый раздутый живот и огромные груди. Казалось, у неё три головы. Её руки были разведены в стороны, два боевика наступили ей башмаками на запястья, и было видно, как шевелятся из-под подошв её пальцы. Двое других развели её оплывшие ноги, не позволяли им дергаться. Была видна её косматая промежность, тёмная вмятина пупка. Очередной боевик стянул рубаху, приспустил штаны, навалился на неё. Она стала кричать.

— На арамейском, — проходя мимо, произнёс Зольде. Торобов отвернулся, чтобы не видеть женскую оплывшую ногу и гибкую, вздрагивающую спину боевика.

Они вернулись в город под вечер. Торобова разместили на верхнем этаже двухэтажного дома, в хорошо обставленной комнате, где было зеркало в резной раме, овальный стол с удобными стульями, мягкий кожаный диван. Видимо, дом принадлежал зажиточной семье, которая, страшась войны, покинула город. Торобова накормили ужином — горячей говядиной в сладком соусе, свежими овощами, принесли большой чайник с душистым чаем. С ним обращались предупредительно; служитель, принеся блюда, кланялся и улыбался. Но дверь оставили запертой; внизу слышались голоса, звяканье оружия. Зато из комнаты на плоскую крышу вела лесенка. Торобов вышел на плоскую кровлю, где стояли горшки с засохшими цветами. Смотрел на вечерний город, на улицы, полные торопящихся людей с какими-то кулками и сумками, словно они куда-то опаздывали. На грузовики с боевиками. На мечеть с острыми, как веретёна, минаретами, которые уже были подсвечены зелёным. Он не знал, сколько его продержат взаперти, когда осторожный Фарук Низар откликнется на его зов, поверит ли ему. Или разгадает его хитрость, и ему суждена пуля на каком-нибудь глухом пустыре.

Ночью он проснулся от пугающей мысли, что в своих расчётах он пропустил какое-то важное обстоятельство, забыл его включить в свой план. И поэтому план обречён на провал, ему грозит разо-

блачение. Проницательная разведка противника уже раскрыла его замысел. Жестокий артистичный Зольде играет с ним, забавляется, прежде чем замучить в застенке.

Торобов вскочил. Света не было. В окне была темнота. Нашупал перила лестницы, ведущей на кровлю. Поднялся и вышел на крышу. И понял, чт'о именно он не включил в свои хитроумные расчёты.

Небо. Оно дохнуло необъятной ширью, распахнулось блистающим простором, осыпало его мерцанием и блеском. Звёзды — белые, голубые, зелёные — дрожали, текли, сливались в пылающие сгустки, растворялись и тонули в туманностях. Орнамент звёзд проступал небесной геометрией, словно их соединяли горячие линии. Другие звёзды размыто тонули в голубых туманах. Небо волновалось, трепетало, по нему пробегал ветер, и звёзды казались отражениями на чёрных волнах. Небо замирало, и звёзды, драгоценные, как бриллианты, горели бессчётными россыпями.

Торобов, запрокинув голову, смотрел на небо. Оно не было включено в его построения. Неба не доставало в его замыслах, где присутствовало множество деталей и мелочей, но отсутствовало главное — небо.

Как оно соотносится с той пулей, что ударила в баранью тушу на багдадском рынке? Как соотносится с убитым знаменосцем, чьи побелевшие кулаки сжимали древко, а на лице застыла блаженная улыбка? Как оно соотносится с грохочущими пулемётами, что валили наземь пленных солдат после их молитвы? Как соотносится небо с убитым священником, лежащим в потоках голубого света? Как соотносится с толстой женской ногой и дрожащими мужскими ягодицами?

Утром Торобова разбудил шум моторов, бравурная музыка, крики. Выглянул в окно. По улице катили грузовики с вооружёнными людьми, развевались чёрные знамена с белой вязью. Работал громкоговоритель, установленный на легковушке. По тротуарам торопился народ, все в одну сторону, туда, куда звала музыка маршей, катили грузовики со знаменами.

Вошёл Зольде, в бархатной куртке, с голубым шарфом, перетянутый ремнём, на котором висела кобура. Он походил на бутафорского персонажа революционных фильмов, в которых действуют анархисты и лихие налётчики. Его утончённое лицо было бледным, синие глаза мерцали, словно в них закапали возбуждающие капли. На тонкой переносице у глаз проступили синие жилки.

— Господин Торобов! Имею для Вас приятное известие. Фарук Низар ждёт Вас в Катаре. Сегодня мы отправим Вас в Иорданию, и оттуда Вы прилетите в Доху. Вас будут встречать. Я приготовил Вам церемонию прощания. Машина внизу.

Народ густо толпился, прижимаясь к нарядным домам, в которых, по всей видимости, размещались муниципальные учреждения и на фасадах которых висели флаги. Цепь автоматчиков отсекала толпу от площади, в центре которой красовалась алебастровая чаша, быть может, остатки заглохшего фонтана. На этой чаше был сооружён помост, обтянутый зелёной тканью, тесно — плечом к плечу — стояли бородачи зверского вида с автоматами, положив пальцы на спусковые крючки. Перед чашей была сложена поленница из кривых брёвен, напоминавшая колодезный сруб. Японский подъёмный кран вытянул вверх стрелу, с которой на лебедке свисал огромный железный крюк. Этот крюк был начищен до блеска, сиял на солнце, и было видно, что его чистили старательно, как мастера высокого класса чистят и холят свои любимые инструменты. Торобова подвели к алебастровой чаше и поставили рядом с другими людьми, полевыми командирами и городскими чиновниками; кто в камуфляже, кто в гражданской одежде, кто в арабских платках, охваченных чёрными шнурами.

Площадь колыхнулась, толпу качнуло в одну сторону. Все головы, бородатые, в платках, пятнистых картузах, хиджабах, в металлических касках, повернулись к улице, из которой донёсся рокот мотора. Тяжёлый грузовик с открытым кузовом медленно въезжал на площадь. Грузовик был украшен зелёными трепещущими флажками. В кузове с откинутыми бортами стояла железная клетка, и в ней, в оранжевой долгополой хламиде, держась за прутья, стоял человек. Рядом с клеткой, в чёрных балахонах, в масках с прорезями для глаз, застыли существа, похожие на обитателей подземного царства. Ярко-оранжевая хламида и чёрный цвет балахонов создавали зловещий контраст, от которого у Торобова заняло сердце. В человеке, облаченном в оранжевую хламиду, он узнал пленного советника, который вчера плюнул ему в лицо. И теперь он чувствовал ожог на лице, смотрел, как грузовик медленно разворачивается на площади, приближаясь к подъёмному крану, а телеоператоры снуют вокруг, наводя телекамеры.

Грузовик пятился, сверкающий крюк нависал над клеткой. Чёрные существа махали крановщику, подтягивали крюк к железной, закреплённой на клетке серьге. Лебедка заработала. Клетка закачалась в воздухе. Грузовик отъехал, а кран повёл стрелой, и клетка очутилась над поленницей, медленно раскачивалась.

Торобов видел, как советник дико водит глазами, смотрит на отточенный клык, на солнечную площадь, заполненную гудящей толпой, ищет среди неё хоть одно сострадающее лицо и не находит.

Курт Зольде с красным мегафоном в руках молодежато взбежал на помост, оказался в центре чаши и замер, напоминая скульптуру фонтана. Поднес мегафон к губам и надрывно, яростно, мелко сотрясаясь от страсти, стал выдувать из мегафона лающие слова:

— Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Вчера в бою мы победили сильного врага, который превосходил нас числом, но не превосходил отвагой и верой! Аллах даровал нам победу, ибо он благоволит к верным, бесстрашным и побеждающим! Среди тех, кто стрелял из пулемёта в наших шахидов, кто срезал пулей нашего знаменосца, приехавшего из Йемена поддержать нашу священную войну, среди них был этот русский! На них падет гнев Аллаха! Сегодня мы выполняем волю Всевышнего и заповедь пророка об огне очистительном! Господь дал нам в руки свой священный огонь, чтобы мы превратили в пепел заражённую плоть, которая распространяет заразу по всей земле! Смерть русской собаке! Аллах акбар!

Зольде проревел эти слова, срываясь на визг. Воздел красный мегафон к небу. И вся площадь взметнула кулаки, автоматы, единым рыком выдохнула: “Аллах акбар!”

Торобов чувствовал тяжёлую плотную ненависть, от которой над площадью вихрилась пыль, плескались чёрные флаги, качалась железная клетка. В ней обессилевший от этой ненависти человек в оранжевой хламиде упал на колени.

Из толпы сквозь строй автоматчиков выбежал мальчик в розовых шароварах, в вязаной шапочке. На его маленьком смуглом лице сверкали чёрные ненавидящие глаза. Он подбежал к клетке, кинул камень. Камень звякнул о железо и упал на землю, а мальчик, отбегая, грозил кулачком.

Существа в чёрных балахонах с прорезями для глаз и ртов забегали вокруг поленницы, выплескивая на неё из канистр желтоватый бензин. Один кинул зажигалку. Пламя шумно полыхнуло, охватив дрова, клетку. Пленный отшатнулся от огня в одну сторону, ударившись о железные прутья, а потом в другую, заслоняясь от огня локтем.

Пламя рвалось в клетку, пронизывало насквозь решётку. Пленный с криком метался, кружился волчком, отрывал от пола босые ноги. Его оранжевая хламида горела, обнажилось голое тело, на котором дымились клочья липкой материи.

Торобову казалось, что его собственная кожа покрывается волдырями, на ступнях взбухают полосы ожогов, волосы дымятся. Не отводя глаз от ужасной казни, он вдруг понял, что убьёт, точно и беспощадно, дотянется стреляющей рукой до ненавистного лица. Отыщет Фарука Низара в стальном бункере, на подводной лодке, на молитвенном коврике, в объятьях женщины, на смертном одре. Божественное предназначение его, Торобова, жизни — детства и юности, сиреневой колокольни, бабушкиных сказок, маминых акварелей, обожающего взгляда жены — главная цель его жизни, ради которой он появился на свет, — убить Фарука Низара. Увидеть, как входит пуля в его бледный, над пушистыми бровями, лоб.

Советник страшно кричал, хрипел, матерился. И вдруг сипло запел: “Эх, мороз, мороз, не морозь меня!” Издал рыдающий вопль: “Прощайте, мужики!” — и упал, забился на раскалённых прутьях, затихая среди треска и гула.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Он прилетел в Катар ночным рейсом компании “Эмирейтс”. Покинул стеклянный прохладный аэропорт, очутился в душной маслянистой ночи с запахами тропических растений и близкого моря. Пальмы шевелили своими косматыми перьями в ночном жарком ветре. Фары машин отражались в асфальте, словно он был покрыт масляной плёнкой.

Он остановился в отеле “Краун плаза”. В номере достал из холодильника ледяное пиво и пил, глядя в просторное окно на ночную Доху. Небоскрёбы переливались, как разноцветные льдины.

Стеклянные, уходящие в небо стебли переплетались друг с другом. Кристаллы самоцветов дышали алым, золотым, голубым сиянием. Прозрачные колбы, висящие в небе шары были наполнены пылающей плазмой. Поднимались фантастические светящиеся грибы. Загоралось золотое перо, оброненное невидимой птицей. В чёрном небе распускался алый бутон, превращаясь в огненный мак. небоскрёбы толпились, мерцали, менялись местами, кружились в колдовском танце, и на каждом загоралась бриллиантовая корона, изумрудный плюмаж, голубая, лунного цвета чалма.

Торобов смотрел на город, но его красота не трогала. Здесь, среди танцующих небоскрёбов, хрустальных чаш и поднебесных фонтанов находился тот, кого он должен убить. Эта мысль, спокойная и холодная, как канал ствола, управляла теперь его волей. Его погоня окончена, он будет ждать, когда тот, кого он должен убить, появится перед ним.

Зазвонил телефон:

— Господин Торобов, с прибытием в Доху. Меня зовут Абу Ясир, я помощник Фарука Низара. Фарук просил передать, что с нетерпением ждёт встречи. Но она состоится только послезавтра. Завтра после девятнадцати я приеду к Вам в отель, и мы познакомимся.

Они пили кофе. Торобов смотрел, как плавно, вверх и вниз, движется капсула лифта, похожая на драгоценный кристалл. Абу Ясир был худой араб с чёрным, почти негритянским лицом. Вместо щёк у него были ямы, на дне которых скопилась тьма. Верхняя губа была рассечена, неровно срослась, не прижималась к нижней, открывая искусственные, слишком белые зубы. Руки были в розовых пятнах от ожогов, с искривленными пальцами. Глаза с желтоватыми белками смотрели остро, пристально, с едва заметным отчуждением.

— Фарук Низар просит прощения за то, что не смог сразу повидаться с Вами, господин Торобов. Очень важные дела, с утра и до вечера.

— Катар сегодня — место деловых свиданий. Финансовый центр, штаб-квартира ЦРУ, отделение “Рэнд корпорейшен”, американское военное командование. Я бы и сам был не прочь побывать во всех этих ведомствах.

— Фарук Низар лечится после контузии. Ведёт переговоры о поставке госпиталей. После налётов русской авиации очень много раненых и калек.

— Миссия, которую я выполняю, связана с прекращением бомбардировок.

— В чём суть ваших предложений? Познакомьте меня в самых общих чертах. Содержание их Вы расскажете Фаруку Низару при встрече. Но он хотел бы знать общее направление беседы.

— Речь идёт о договоренности между руководством России и вашим руководством. Россия готова прекратить бомбардировки и вывести из Сирии свои самолёты. Вы же должны дать заверения, что прекращаете террористическую деятельность на территории России, на Кавказе и в Средней Азии.

— Если бы это было так просто. В этой игре столько участников.

— Я не берусь исследовать эту проблему. Знаю, что халифат без священного камня Каабы, без Мекки и Медины не имеет своего священного смысла. Туда, в Саудовскую Аравию будет направлен вектор вашей экспансии.

— Кто уполномочил Вас вести переговоры? Кто за вами стоит?

— Генеральный штаб. Но вы понимаете, что за Генштабом стоит высшее политическое руководство. Не исключаю, что такие же переговоры ведутся и по другим каналам, помимо меня.

— Возможно.

Абу Ясир замолчал и, казалось, забыл о Торобове. Драгоценный кристалл лифта двигался вверх и вниз, ненадолго замирая на месте.

— Когда я увидаюсь с Фаруком Низаром? — нарушил молчание Торобов.

— Завтра утром. Он приглашает Вас покататься на квадроциклах по пустыне. Это его любимое развлечение. За Вами в шесть утра заедет машина. За рулём шофёр, алжирец Махмуд. Он Вас найдёт в холле. Не пытайтесь с ним разговаривать. Он глухой. В Абу-Грейб ему разбили барабанные перепонки. — Абу Ясир посмотрел на свои обожженные руки с искривленными пальцами.

На другой день машина подкатила к тенту, где на площадке стояли в ряд квадроциклы, жёлтые, чёрные, красные, отливая стеклом и хромом. К машине подскочил служитель и стал жестиковать, показывая на квадроциклы, на бархан, на синюю зарю. Алжирец рукой подозвал Торобова, указал на заднее сидение жёлтого квадроцикла. Служитель вручил обоим защитные очки. Алжирец тяжело плюхнулся на переднее сиденье. Завёл мотор, и они вынеслись из-под тента на волю.

Волна песка подхватила машину, и та рванулась вверх, рыхля мягкую борозду. Пахнуло сладким ароматом, окружило пышными ворохами. Они вознеслись на гребень, где бархан превращался в тугую лопасть с отточенной кромкой, в которой застыл вихрь ветра. Лопасть колыхнула машину, закрутила в вираж. Квадроцикл обвалил язык песка, ухнул в седловину и с ревом стал взбираться на другой песчаный бугор. Рыхлил шелковистую гору, взметал фонтаны песка. Песчинки стучали в стекла очков, кололи щеки. Машина взлетела на бархан и тут же ухнула вниз, так что захватило дух. Пронеслась в свободном полёте и мягко ударилась четырьмя колесами о дно седловины. Упруго подскочила и помчалась, кренясь, чиркая бархан двумя колесами.

На вершине открылась бескрайняя пустыня с зарёй, с морем, с белой бахромой прибоя. Торобов, вцепившись в рукоятки, видя перед собой могучую спину алжирца, готовясь к заветному выстрелу, восхитился стихией моря, песка и неба. Сюда, после всех виражей и кружений, принесла его отточенная лопасть судьбы.

Он увидел на отдалённом бархане другой квадроцикл с наездником. Маленькое пятнышко на белой глади песка. Алжирец повернул машину в сторону удалённого наездника и погнал её. Торобов различил чёрно-красный узор машины, ездока в белой рубашке и очках. Тот тронулся с места. Помчался, разрезая склон, вздымая бурун.

Они летали по пустыне, взмывали к небу и рушились в мягкие впадины. Пустыня нежно волновалась вокруг, словно множество обнажённых женщин с округлой грудью, мягкими животами, плавными бёдрами нежились под зарей. Заря расцветала, в ней появлялись розовые и жёлтые нити, пески белели, светились, из них исходило сияние. Два квадроцикла бешено гонялись один за другим, выписывая вензеля. Чёрно-красная машина взмыла на вершину и встала. Жёлтый квадроцикл, глуша мотор, подкатил и встал рядом. Наездник чёрно-красной машины спустился с седла, снял очки, и Торобов узнал Фарука Низара.

Он уже не был тем молодым щеголеватым майором иракской армии с пушистыми бровями, наивным романтическим взором, с милой улыбкой на пунцовых губах. Его лицо было коричневым, обветренным и обугленным неведомым жестоким огнём. Этот огонь вытопил всю его свежесть и молодость, оставил на лице вмятины, морщины и складки. Жёсткая бородка прикрывала рубец под нижней губой. Глаза были жёсткими, насмешливыми, они были окружены трещинами тёмных морщинок. И только брови оставались густыми, пушистыми, уцелевшими от пламени.

— Здравствуй, дорогой Леонид! — произнёс Фарук Низар, шагнув навстречу.

Торобов покинул седло. Почувствовал, как тяжёлые руки алжирца ощупывают его с головы до пят. Алжирец вытянул из-под ремня у Торобова кольт, показал его Фаруку Низару и сунул себе в жилетку.

— Здравствуй, дорогой Леонид!

Они обнялись, коснулись друг друга щеками. Торобов, чувствуя сухую коросту его лица, видел за его спиной лазурное море, белые валы пустыни и зарю, которая из синей становилась жёлтой и розовой. В ней расплавилась золотая жилка.

— Сколько же лет мы не виделись, дорогой Фарук? Сколько времени прошло с тех пор, как мы сидели на берегу Тигра и вкушали чудную, испечённую на углях рыбу? А наша поездка в Вавилон? Твоя милая жена показывала нам этих гончарных чудищ с лапами орла, головой льва и хвостом змеи. И ты пророчески заметил, что это образ грядущего 21-го века. Скажи, как поживает твоя очаровательная жена и твой смысленный талантливый сын?

— Жену и сына убила американская крылатая ракета, когда они по моему настоянию покидали Багдад. А вавилонских чудищ скололи со стен американские солдаты и продали на чёрном рынке. Ты видишь: я был прав. Наш век имеет когти грифа, башку рыкающего льва и жалящий хвост змеи.

— Прими мои соболезнования, Фарук. Американские крылатые ракеты летают по миру, как ядовитые осы. Смертельно жалят детей и женщин. Знаю; ты много вынес за эти годы. Больше нет благоденствующего Ирака, нет уютных семейных очагов.

— Нас погубили не крылатые ракеты американцев. Нас погубили предатели в гвардии и разведке. Саддам Хусейн до последнего не верил, что его предадут любимые генералы. Что они пустят американцев в Багдад. Он не верил даже тогда, когда на него надевали петлю. Что может быть страшнее, когда друг уверяет в дружбе, а сам замышляет убийство? Не так ли, дорогой Леонид?

— Но ведь ты сражался. Тебя они не купили. Тебя не сломили.

— Меня взяли в плен под Киркуком. И я год просидел в Гуантанамо вместе с моими друзьями-офицерами. Нас пытали, выведывали сведения о подполье, куда ушла часть патриотов разведки. Мне вкалывали препараты, от которых голова становилась огромной, как земной шар, и в ней клубились кошмары, страшнее которых я ничего не знаю. Я согласился сотрудничать с американцами, как и некоторые мои друзья. Американцы завербовали нас, создали сеть диверсионно-разведывательных групп и перебросили в Сирию. Они дали нам деньги, оружие, и мы начали войну против Башара Асада. Но очень скоро мы истребили наших американских кураторов и с помощью богословов, историков и гениев разведки создали то, что теперь зовется “исламским государством”. Оно лишь отчасти дело рук человеческих. Аллах вдохнул в него свою волю, и оно непобедимо. Можно разгромить ракетами и бомбами колонну машин на дороге, но Аллах не боится ракет и бомб. Мы непобедимы, как непобедим Господь.

— Мне казалось, Фарук, что ты не отличался особой религиозностью. В наших разговорах мы никогда не касались богословских тем. Ты не ходил в мечеть.

— Моя мечеть — Гуантанамо. Туда тыходишь безбожником, а выходишь воином Аллаха. Нас всех, потерявших Родину, переживших предательство, похоронивших любимых и близких, посетило откровение. Всех разом, всех мучеников и героев. Мы преображённые люди, которым был явлен Бог. Нас миллиарды, мы населяем все континенты, и нашими смертями и подвигами сотворается “исламское государство”.

— Но с вами воюет жестокий изошрённый Запад. Он знает все ваши слабости, все ваши уязвимые места. Он направит на вас все свои военные технологии, все ухищрения. Он перессорит вас, внедрит в ваши ряды предателей, заразит смертельными болезнями.

— Миллиарды людей на земле проснулись от сна. Им всем явился Аллах. Им всем открылось учение о божественной справедливости. И они не боятся за неё умереть. Мы не боимся умирать, а люди Запада боятся смерти. Они боятся потерять свои дворцы, бриллианты, дорогие кушанья, развратные удовольствия. Они больше не верят в бессмертие. Мы знаем, что смерти нет. Смерть — это точка преломления, через которую проходит луч света, покидая землю и попадая в рай. Так думают тысячи шахидов, которые сметут безбожный кровавый Запад.

— Я это знаю, Фарук. Это знают российские генералы, дипломаты, политики. Это знает наш президент. Мы не хотим быть союзником Запада в этой священной войне. Мы столетиями страдаем от Запада, который желает нам смерти. Меня послали к тебе высокие представители российской власти. Быть может, сам президент. Россия и “исламское государство” должны заключить договор. Мы не должны воевать друг с другом. У нас один безбожный враг, и единый Бог, вззирающий на нас из лазури. Я искал тебя, чтобы начать переговоры о прекращении военных действий. Дело наших разведок — наладить контакты и передать эти контакты политикам.

— Дорогой Леонид! Я смотрю на твоё лицо, смотрю в твои глаза. Вспоминаю, как мы ели печёную рыбу на берегу Тигра, а рыбаки тянули из реки свои сети. И я не верю тебе. Ваши самолёты бомбят нас. Ваши советники воюют в войсках Башара Асада. Вы потеряли лицо, забыли о божественной справедливости. Стали жалким хвостом шелудивой американской собаки. Как и Запад, коварны, ненавидите нас, желаете нам смерти. Ты принёс мне не священные тексты, а кольт.

Заря становилась красней, в ней плавилось золото. Над пустыней летели духи света. Барханы отбрасывали зыбкие тени. Море голубело, и прибой казался лебединой стаей, которая плыла вереницей вдоль берега.

— Это не так, Фарук.

— Это так, дорогой Леонид! Ты искал меня не для того, чтобы начать переговоры о мире. Ты искал меня, чтобы убить. Но теперь тебе кольт не понадобится. Израильская разведка, к которой ты обратился за помощью, очень коварна. Ни один еврейский самолёт не взлетел с аэродрома Хайфы, и ни одна еврейская бомба не упала на “исламское государство”. А “исламское государство” не взорвало ни одной синагоги.

— Ты хочешь сказать, что Шимон Брауде рассказал тебе о нашей московской встрече?

— Израильская разведка запустила свой корень в разведку НАТО и в спецслужбы Бельгии. Брюссель — не то место, где следует обсуждать с аналитиками НАТО местопребывание Фарука Низара.

— Джереми Апфельбаум рассказал тебе о нашей встрече в Бельгии?

— Тебя могли застрелить ещё в Брюсселе, на улице “красных фонарей”. Но тебя пощадили. Не хотели, чтобы тело русского разведчика было найдено в кровати у старой проститутки.

— Ты хочешь сказать, что ты контролировал мои перемещения? И мою поездку в Триполи?
— Там тебе немного помяли бока, но оставили жить.
— А в Ливане? Ты умышленно взорвал не меня, а моего друга Гассана?
— Здесь тебе повезло. Наша ячейка в Баальбеке проявила неосторожность, и произошёл взрыв. Всевышнему было угодно, чтобы ты уцелел, и поэтому мы встретились после долгой разлуки.
— А мой визит в Каир? “Братья мусульмане” — это тоже твои агенты?
— Они бы могли застрелить тебя на площади Тахрир во время общей смуты. Но они не получали такого приказа.

— Вряд ли мой друг Хабаб Забур в Газе входит в твою организацию “Меч пророка”.
— Всем мусульманам, которые восстали во имя справедливости, пророк вложил в руки свой меч. И тем, что сопровождали тебя в Багдаде и на рынке, решили передать от меня привет. И в Стамбуле, где ты не устоял перед женской красотой и получил сердечную рану. В Сирии ты решился на последнее средство, отважно передал себя в руки нашей разведки. Курт Зольде спрашивал меня, какую казнь для тебя избрать. Отсечь голову, залить её жидким стеклом и отправить в Москву? Или наряжать тебя в оранжевую тогу и сжечь в железной клетке? Я попросил не лишать нас долгожданного свидания. И вот, наконец, мы вместе.

Край неба горел. Над пустыней летели золотые лучи — предтечи солнца. Все ликовало, сверкало. Пустыня волновалась, словно под белой простыней просыпались молодые прекрасные женщины.

— Значит, я проиграл, дорогой Фарук? Меч пророка в твоей руке?
— Вы все проиграли. Над вами занесён меч пророка. Мы готовим в Москве одновременные взрывы на всех московских вокзалах. Одиннадцать электричек прибывают на вокзалы, и когда их покинут пассажиры и пойдут толпой по перрону, грохнут взрывы. Одиннадцать взрывов превратят Москву в ад. Это будет возмездием за налёты вашей авиации. Одиннадцать шахидов готовы взорвать себя, и им уже уготовано место в раю. Этот план я разрабатывал несколько месяцев. Он осуществится через неделю.

— Зачем ты мне об этом сказал, Фарук? Это ставит под угрозу всю операцию.
— Нет никакой угрозы. Ты об этом никому не скажешь. Ты будешь сейчас убит. Махмуд застрелит тебя, закопает в песок. Солнце пустыни выпьет всю влагу из твоего мёртвого тела. Ты превратишься в пергамент. В кумранский свиток, который обнаружат археологи через несколько столетий.

— Ты победил, Фарук. Исламское государство победило.
— Ты мужественный человек, Леонид. Нас связывала дружба. Хочу, чтобы ты оставил о себе память. У Махмуда есть твоя фотография. Распишись на ней.

Фарук Низар сделал знак алжирцу. Тот извлёк из кармана лист бумаги с изображением Торобова. Протянул Фаруку Низару. Тот расправил листок, положил на сиденье квадроцикла. Стал рыться в карманах в поисках авторучки.

Над кромкой песков показалось маленькое красное солнце. Лист бумаги с лицом Торобова стал красным. Море стеклянно сверкало. Лебеди в прибое были розовыми. Пустыня ликовала, светилась каждой песчинкой.

— Не ищи. Фарук. У меня есть своя авторучка. — Торобов извлёк из кармана авторучку с надписью “70 лет Победы”. Это был однозарядный пистолет с одиночной пулей, которая выстреливала после нажатия кнопки. Торобов приблизил авторучку ко лбу Фарука Низара, чуть выше его пушистых бровей, и нажал кнопку. Увидел на конце авторучки клубок огня. Пуля вошла в лоб, брызнув красными каплями. Фарук раскрыл глаза так широко, словно хотел поместить в них всё небо. Стал падать с бархана, заматываясь в белый саван песка.

Торобов услышал за спиной выстрел. Огненная боль пронзила его, прошла сквозь всё тело в голову. В голове полыхнуло и померкло.

Он все падал и падал на сухие цветы гортензии, полные снега. Видел восхищенным взором лазурное крыло взлетающей сойки. Упал, ломая сухие цветы. Утонул лицом в мягком снегу. В кармане его полущубка раздался телефонный звонок. Но Торобов не слышал звонка. Телефон позвонил ещё несколько раз, а потом перестал. Торобов лежал лицом вниз, снег таял у его губ и лба. К вечеру, когда ударил лёгкий мороз, талый снег у лица замёрз. Когда наутро приехали дети и подняли его, на снегу остался ледяной отпечаток лица, как стеклянная маска.

Проза

Евгений Журавли

Евгений Журавли родился в 1979 в городе Ярцево Смоленской области. Образование — педагогический факультет КГУ (ныне БФУ им. Канта). Живёт и работает в Калининграде. Сфера деятельности — малый бизнес.

Увлекается историей, экспериментальной поэзией и частной публицистикой. В рамках сотрудничества с общественно-политическими и гуманитарными организациями, как исследователь и журналист, совершил множество поездок по странам бывшего СССР, Балкан, Ближнего Востока и Центральной Азии. В том числе — в Афганистан, Иран, Косово и воюющий Донбасс. Писать стал в возрасте 30 лет. С 2015-го появились и публикации: в калининградском литературном журнале «Берега» (2015), венгерском журнале Szozat («Зов», 2016), а также на сетевых страницах различных журналов («Вокруг Света», «Русский Репортёр», альманах «Искусство войны» и др.). Победитель международного литературного конкурса «Большой финал-2015/16», всероссийского литературного конкурса «Хрустальный родник-2016».

Озеро забвений

Роман

Продолжение. Начало в № 4-2016

В моих руках тёплый, хрустящий свежей бумагой, свёрток добротной хлопковой нити, который только что достался мне вместо шерстяного клубка... Будто греет меня... Перебирая его в руках, невольно вспоминаю весь этот необычный путь, заслуживающий отдельного рассказа.

Когда-то давно, будучи в Армении, я стремился попасть в обособленное поселение русских религиозных духоборов — молокан, уже три века живущих замкнутой общиной. Поговорить с ними, узнать об особенностях духовного поиска и бытовых мелочах, а, может, и вместе поразмышлять. Так или иначе, наполовину это получилось. Но было и ещё одно обстоятельство, на которое я сначала не обратил внимания. Уезжая, я попросил у местных бечёвки, или крепких ниток... Ничего необычного, просто вконец распозлся рюкзак, и требовалось временное решение проблемы. Девушка вынесла мне небольшой тугой моток в берестяной коробочке, который оказался крепчайшей шёлковой нитью. Молокане, оказывается, выращивают на местном тутовнике шелкопряда на продажу, а себе иногда делают и добротную домашнюю нить. Я поблагодарил хозяев, а бабуля в углу произнесла: «этого тебе хватит надолго». Действительно, количество было излишним, но её слова почему-то запомнились. Так вот. Дальше началось необычное. Значительно позже, будучи проездом в родной Смоленщине, я оставил этот моток своей тёте, швее, с мыслью, что ей он пригодится больше. И увидел по её глазам, как он ей понравился... Помолчав и погладив рукой, тётка протянула со стола клубок фабричного местного льна: «возьми тогда это, пригодится». И всё бы ничего, но более чем через год, находясь в селении Русский Крстур в Сербии, укладывая в карман рюкзака купленный любимому человеку платок, я обнаружил этот забытый клубок и протянул торговце: «о, эт вам презент...» «И то ти презент!» — услышал я от неё и получил, в свою очередь, рулон колючей хозяйственной пеньки. Именно тогда, усмехнувшись, я внутренне подумал, что что-то не так... И не отказался. Ещё через долгое время, покупая вязаный свитер в древней Верхней Балкарии

священного Кавказа, конечно же, отдал эту слежавшуюся пеньку продавщице: «это Вам!» И уже не удивился, когда получил взамен небольшой рулон серой шерсти, подобной той, из которой был связан купленный свитер. Стоит ли говорить, что сегодня я посетил местный рынок и опять произошёл непредвиденный обмен? И вот у меня в руке свёрток нити из мягкого местного хлопка, и я всерьёз думаю: я ли путешествую в этом мире или у меня турагенство для домашней пряжи?

«А теперь посмотри, Тимур..., — прервал мои размышления Хабиб. — Хотя эти холмы и предгорья кажутся голыми и безжизненными, на самом деле они полны жизни. Здесь водится много экзотических животных, и степных и горных, в том числе и редкие ныне леопарды, снежные барсы, и даже медведь, только не такой, как у тебя в России, а поменьше... Жизнь приспособляется и сама собой наполняет этот унылый ландшафт. Каждое утро там, в этих долинах, просыпается быстроногий джейран и щиплет траву и кусты, радуясь солнцу. И этот джейран бежит с самого своего рождения, надеясь оказаться не самым медленным в тот момент, когда на стадо нападёт леопард или волк. Так же и волк, просыпаясь каждое утро, бежит, рыская в поисках пищи, чтоб догнать самого медленного из джейранов. Кто-то волк, кто-то джейран... И не важно, кто из них ты. Суть в том, что чтобы выжить, когда встаёт солнце — ты уже должен бежать...»

Бег. Неподвижность. Падение. Взлёт. Так ли различны эти состояния? Помню, как когда-то я прекратил бежать... Что это было? Может, чтоб выжить, а может, чтоб закончить этот бег и начать новый...? Я боялся, я не хотел умирать, я мог бежать ещё и ещё. Чувствовал усталость и боль, а страх гнал меня вперёд. Я знал, что моим преследователям так же тяжело, ибо они двигались уже со значительным отрывом и, иногда завернув в поворот, некоторое время я слышал сзади топот лишь одного преследователя, хотя спустя несколько мгновений к нему присоединялся звук ещё двух. Сознание, наконец, вернулось в моё тело, которое двигалось уже несколько автоматически, настроившись на бесконечный монотонный бег и как бы впад в анабиоз... Совершенно ясной головой я раздумывал как быть. Я уже принял решение, и мозг искал лишь удобного момента и обдумывал все возможные детали близящейся ситуации. Чтобы победить, нельзя делать лишь одного — того, что от тебя ожидают. Всё остальное допустимо.

Это было очень давно. Протопав очередной поворот и широкое пятно света, на границе следующего пятна, создаваемого фонарём уличного освещения, я остановился... Развернулся и встал прямо. В правом кулаке я сжимал связку ключей, один из которых — острый, торцовый — был высунут наружу. Из-за угла на арену событий, тяжело дыша, вбегал самый стойкий из «братков». «Не самый крупный», — подумалось мне. Я стоял ровно и прямо. В теле не было ни тяжести ни дрожи, однако не было и малейших сил... Не сразу подняв глаза, парень проделал ещё с десятков шагов и резко остановился метрах в 5-6-ти от меня, удивлённо взирая. Почти сразу же он по-борцовски упёр ладони в колени и опустил корпус, не сводя глаз. Я стоял и смотрел на него. «...У него вовсе нет сил, подрагивает одно колено, голову держать ему трудно, левая рука почти соскальзывает, упирается в основном правой, взгляд вниз...» Будь, что будет. Вздохнув, я спокойно пошёл на него. Как я и ожидал, у него вовсе не было сил и желания сражаться. Чуть отшатнувшись и подняв левую руку, так и не разгибаясь, он смотрел на меня. Я, взмахнув левой рукой, пошёл мимо. Тот отшатнулся дальше. Испугался. Не было сил улыбнуться, но сердце учащённо забилося от радости отпустившей опасности... Я уже знал, что он не сдвинется и с места, пока всё не утихнет... Выйдя из переулка, я увидел второго. «Медленней, чем я ожидал», — подумалось мне...

Очередной рассвет, очередной водитель, очередной путь. Мы в Денау, рыночном городке на границе Таджикистана и Узбекистана. Самсахана — это закусовая, «чебуречка». «Я заплачу» — говорю я. Хизматолла, привезший нас, удивлённо поднимает брови: «Не, не пойдёт, я и так хорошо заработал». Что-то говорит хозяйке... Та, улыбнувшись, изображает вежливый отказ.

«Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь как кипарис — прямым и простым. А это и значит — благородным...» — цитирует неизвестные мне стихи Хизматолла.

В Азии много маленьких интернет-клубов, которые здесь используются и как офисы междугородней связи. Здесь и там видны вывески «Скайп. Переговоры» В одном из таких подвальчиков сидим мы с Тимуром, праздно проводя время. Хотя на улице и тепло, перевалы завалены снегом. Ехать куда бы то ни было невозможно. Мы ждём уже два дня... На мониторе Тимура открыто два диалоговых окна видеосвязи сети «Вконтакте», в которых мелькают его далёкие друзья из далёкой Прибалтики. Они увлечённо кричат, играя в данный момент в сетевую игру, которую сын только

что и загрузил на данный компьютер. Периодически зал оглашается его звонким смехом и динамичными выкриками... Служащий офиса в задумчивости стоит сзади. «Как он это делает? — спрашивает он меня. — Без скайпа видеосвязь наладил...» «Сам спроси у него, — отвечаю я. — «...видишь, я СМС-ки набираю?» Мы безнадежно отстаём от своих детей...

«Слушай, Хизматолла, можешь ли объяснить вот этот набор слов?» — печатными буквами я пишу на салфетке своё загадочное заклинание и протягиваю ему.

«Сирри» — отвечает он.

«Почему сирри?»

«Тайна. Секрет. Некоторые слова знакомы, но как будто из разных тем. Все вместе они составляют головоломку, какую-то загадку»

«Не, навряд ли. Эти слова были напечатаны в обычном журнале. Но я не прочитал продолжения и мне хочется узнать, что они значат. Предполагаю, что названия».

«И в самых обычных вещах есть тайна. Просто мы редко заглядываем вглубь. И во всём есть секрет. Но мы и не пытаемся его разгадать»

Из телевизора, висящего над прилавком самсаханы, громко вещает президент Рахмон... Опять «достижение». Опять «новшества» и «прорыв». Последним новшеством президента Таджикистана стал указ, воспрещающий школьным учителям иметь золотые зубы. Вероятно, серьёзней проблем в республике нет. Предыдущим хитом было предложение, адресованное России, взять в аренду военную базу за 1 млн долларов в день. А когда-то — предложение Узбекистану «вернуть Самарканд». Сегодня камнем преткновения двух соседей является строящаяся Рогунская ГЭС. Да, действительно, в Узбекистане уже ощущается нехватка воды для орошения, а постройка ГЭС, возможно, создаст ещё больший дефицит. Однако, вероятно, Каримову не нравится сам масштаб затеи. Вместо одной огромной ГЭС Таджикистан мог бы выстроить каскад более мелких. Но кроме диктаторской склонности к гигантомании, целью Рахмона, вероятно, является получение способа давления на соседа. Ведь с постройкой ГЭС споры по воде не утихнут, а наоборот, превратятся в единственный для Таджикистана способ давления. Также подобная ГЭС — это фактически региональная стационарная атомная бомба, разрушение (или сброс воды) которой неизбежно приведёт к катастрофе и разрушению огромных пространств на территории 3-х, а может и 4-х стран. И Каримов, конечно, не хочет, чтобы такая бомба находилась в таких ненадёжных соседских руках. Потому что очевидно, что ГЭС сразу войдёт в число «целей №1» для самых разнообразных политических и террористических группировок. И Рахмон неизбежно будет выпрашивать (требовать) деньги «на охрану», «на содержание», «на безопасность» со всех заинтересованных в простой стабильности сторон. В том числе и с России. Неизбежность этого прогноза связана не с тем, что таковым является именно Рахмон. А с тем, что таковы люди. Люди — это те, которым всегда мало. Человек ненасытен.

Всегда ли мало человеку? В такие моменты мне снова и снова вспоминаются духоборы-молокане. Их старики даже не получают пенсию, положенную им по закону! Это само по себе уже много говорит об их мировоззрении. Пользоваться деньгами, которые не заработал собственным трудом — грех.

Где-то в огромном кабинете, украшенном бархатом и золотом, в величественном здании президентского дворца, сейчас, этим вечером, сидит президент Эмомали Рахмон. Он не читал Толкиена в детстве, не мечтал стать хоббитом, он не знает про Мордор и Кольцо власти... Но это самое Кольцо уже, вероятно, овладело его душой, а Мордор — начинается сразу за окном и распространяется вплоть до государственной границы. Мало людей могут противостоять неотвратимому соблазну власти. Право на повелевание чужой волей, возможность решать и судить — всё это создаёт обманчивую иллюзию неуязвимости. Сладкое чувство вседозволенности. Власть. Когда-то во время гражданской войны в Таджикистане президент Узбекистана Каримов подержал Рахмона (тогда Рахронова), и рассчитывал на взаимность. Однако, придя к власти, Рахмон решил, что может распространить своё влияние и на соседнюю республику, и стал поддерживать противников узбекского президента. Отношения их превратились в нескрываемую неприязнь, закончившуюся взаимными высказываниями в адрес друг друга и предъявлением территориальных претензий. Но Кольцо Власти не знает покоя. Не даст оно его и своему обладателю, не способному устоять перед самообманом. Слабость личности безошибочно определяется тем, что достижения мы приписываем своему «Я», а неудачи — перипетиям судьбы. И часто мы начинаем переоценивать своё «Я», ошибочно находясь под впечатлением случайных факторов. Так мы погружаемся в иллюзию, которая

когда-нибудь закончится сокрушительной катастрофой. Рахмон жестоко подавил все альтернативные авторитеты у себя в республике и фактически ввёл культ личности. По сути так и оставшись председателем колхоза, он, тем не менее, ввязался в значительное геополитическое противостояние глобальных игроков, считая себя незаменимым на этом пространстве. Видимо, возвеличивание его образа на экранах собственного ТВ и в полосах газет идёт так успешно, что он и сам поверил в свою божественность. Эмомали Рахмон хочет править до самой смерти. И он может вполне осуществить свою мечту. Слишком многие мечтают приблизить эту самую смерть.

Я помню взгляд стоявшего передо мной рослого «братка». Достаточно молодого парня, у которого было явно спортивное прошлое и уже явно неопределённое будущее. Грудь его ходила ходуном от тяжёлого дыхания, руки подрагивали... Только что я был жертвой, а он преследовал, но сейчас мы поменялись ролями... Что изменилось? Изменился я. А, значит, и вся установка игры. Что он увидел в моих глазах? Решимость? Неизвестно, главное — что эту решимость видел я сам. Да, я знал, что мне делать, а он — нет. Отступая под тень стены, он переводил взгляд с моих глаз на руку, в которой поблёскивал острый шип ключа, и обратно. Видно было, как он выдохся... Третьего бойца не было видно, поэтому я никуда не спешил. Просто стоял и смотрел на него. «Серёга... Где?» — наконец, смог выдавить он. Что мне с ним было делать? Вероятность исхода схватки не была однозначной, но он меня боялся, да и я его, наверное... Но ещё больше было усталости и желания быстрее разрешить это кино. Я уже и не помнил, сколько длился этот бег, но было понятно, что мы уже не сможем его повторить, — ни у кого из нас не было сил убежать. Кто-то один должен был просто спокойно уйти. Мы слишком устали, поэтому не тратились бы на лишние действия, а просто постарались бы побыстрее друг друга убить. Это была не моя война. В этом не было ни желания, ни необходимости. «Там», — качнув головой, я показал в сторону переулка, тут же подумав, что немного опрометчиво говорить в данный момент правду. Помолчав ещё немного, я повернулся и спокойно пошёл. Я не поворачивал головы, но, полагаю, что парень пошёл искать своего Серёгу, наверняка не рассчитывая увидеть его в живых. Меня это мало волновало. Они мне были уже не опасны. У дороги есть край, но нет конца. Выйдя на освещённую улицу Дзержинского, я постарался быстрее скрыться в параллельных переулках, чтобы так добраться до соседнего района, откуда уже мог бы безопасно взять такси. Третьего бойца я так и не увидел... Да и вообще, больше не видел никого из них никогда.

«Знаешь Женя, да мы с цветами выйдем встречать любой переворот! Любую власть. Любую оккупационную армию...»

«Нефиг было русскоязычных выгонять» — говорю я.

«Цену плаща узнают в дождь... Есть грех. Но где вы, те равнодушные русские? Вы нам нужны! Помнишь, как СССР в дворце Амина сработал?»

Мой собеседник имеет в виду, конечно, события 27 декабря 1979 года в г. Кабул, когда советский спецназ начал штурм дворца премьер-министра и 1-го секретаря ЦК НДП Афганистана Хафизулы Амина. 2 группы спецназа, 660 чел, атаковали внешний периметр возвышенности, на которой располагалась резиденция. Через 23 минуты после этого штурм был завершён. Количество личного состава охраны дворца составляло 2300 человек, потери достоверно неизвестны. Потери советских бойцов составили 20 человек... Именно этот сценарий становится для Рахмона всё более реальным.

«Мы только «за», Женя! Так что ты там передай Путину...»

Когда я слышу, как некто рассказывает о фантастических случаях и перипетиях судьбы, из которых ему удалось выбраться, я стараюсь молчать. Во мне поселилось твёрдое убеждение, что никто не доказывает нечто более страстно, чем тот, кто в глубине души в этом сомневается. Мне нет дела до всего этого, и даже больше: я бы хотел многое из подобного забыть. Уверен, что человеку незачем носить в себе грязь. От этого всё же больше вреда, чем пользы. И поэтому, сегодня мне нужно лишь найти своё Озеро. И стать свободным.

Люди, люди... Более всего они любят обсуждать два явления, о которых, якобы, знают всё. Любовь и смерть. При этом большинство говорит о том, с чем знакомы лишь теоретически. Потому что тот, кого это коснулось, уже ничего не станет доказывать.

Стрижи носятся прямо между нами, разбавляя солнечные блики свежего весеннего воздуха. Далеко внизу селяне едут на арбах, сопровождаемые гудками легковых машин. Мы с Тимуром сидим на плоской крыше комплекса Шах-и-Зинда. «А что это там впереди?» — спрашиваю я у гида. «Ооо! Это ведь Биби-Ханум. Вы разве не знаете?»

Любовь. Любовь. Любовь. Вечная тема. Вечные сюжеты на извечный мотив. Благодаря такому тысячелетиями повторяющемуся литературному драматизму, и сами наши ожидания от любви стали завышенными. И пребывающими в заблуждении. Ведь самое сложное испытание любви обычно укладывается в последнюю поэтичную строчку — «...и жили они долго и счастливо». А ты попробуй... Взрастить любовь, не требующую вечной страсти, целесообразности и даже взаимности. И прожить до самой смерти. День за днём. Долго и счастливо... Это и есть самое трудное. Тайное. Непозитичное. Суровое. Но кто-то смог, значит, возможно, сможешь и ты. Только будь готов отдать всё. Это стоит того. Иначе это и не оно.

«...Как-то возвращается Тамерлан из похода. И докладывают ему, что почти завершён новый комплекс построек — прекрасней всех, что были построены до сих пор. Удивился эмир, ведь он не отдавал 2 года назад подобных приказаний. И свои люди доносят, что Любимая жена, молодая Биби Ханум, равнодушна к главному архитектору, вот и протолкнула госзаказ. Подозрения Тимура усилил и тот факт, что архитектор тянул с завершением, явно предполагая полный расчёт и разлуку с молодой царицей. И, говорят, затребовал архитектор в качестве оплаты не деньги, а лишь поцелуй её, любимой жены Тимура. Что было делать повелителю? И архитектор, и любимая супруга были казнены. Входной портал был разрушен, и выстроен новый — поскромнее. Рядом была возведена мечеть, которая и стала гробницей для последней любви великого завоевателя...»

Такова легенда. Многим из великих мира сего изменили их женщины. Ивану Грозному, Цезарю, Наполеону. Как они не побоялись? А в отношении мужчин этот вопрос и вовсе считается естественным. Насколько же сильно это природное чувство? И можно ли ему противостоять? Это пугает меня. Ведь верность — это самое большое, что могут получить друг от друга два человека.

Мы всегда желаем невозможного.

Людям в этом огромном мире нужно и необходимо верить и доверять. Выслушивать и принимать за вероятность различные точки зрения. Разделять мнения и взвешивать доводы. Нельзя верить только одному — когда кто-то говорит: «это невозможно».

Все вокруг тебя будут говорить это и убеждать отказаться — часто, а скорее всего, всегда. И если у тебя получится заглянуть чуть глубже, за зрачки твоих оппонентов — в тёмный мрак человеческой души — именно там ты увидишь: они так говорят, потому что САМИ НЕ МОГУТ ЭТОГО. И именно поэтому они сделают всё, чтоб внушить тебе, что это именно так...

Поиски моего Озера уводят меня всё дальше... Скоро ли мы будем дома? И будем ли это мы? Как быть, если те, кто любят тебя, любят именно таким, с твоими недостатками и привычками? И вообще, те, кто тебя любит — это прошлое или вечное? На надгробной плите великого Хафиза в Ширазе когда-то были высечены лаконичные строки «Не приходите ко мне без вина и музыки». Я б тоже такое написал... После исламской революции в Иране они сменились на более соответствующие исламу... В традиционном внутреннем дворе гостиничного ресторанчика собралась разношёрстная компания молодых иранцев поговорить о том-о сём. С ними и мы. Причиной этого стал Тимур, забурившись со школьной математикой на самые клёвые места. Невольное знакомство. Разговор. Исламская республика. Как выживает настоящая любовь в теократических обществах? И есть ли она здесь вообще? Нам интересно. Им интересно. Моя Любовь с тезисами «1 человек на 1 жизнь», «мужчина главный» и «а у нас считается, что женщине некрасиво курить», наверное, показалась персам страшно консервативной. Или я — демоном.

«Любовь? Конечно, у нас в Иране такая же любовь, как и в остальных странах...», — говорит 25-летняя Сафия. — А вы думаете, это тут под запретом? Ха-ха-ха».

Её парень, Курош, держа свою руку на её плечах, кивает головой — он полностью согласен. Сафия только что приехала из Шираза специально на свиданку. Её родители, видя как она уезжает каждую неделю, конечно недовольны, вполне догадываясь в чём дело, но, тем не менее, не считают себя вправе вмешиваться.

«Нет, это не считается позорным. Что вы! Во все века люди будут любить, невзирая на обстановку. Ведь это сильнее государств и законов. В маленьких городах, конечно, есть эта неприязнь к самостоятельным женщинам. Все эти сорванцы будут тыкать пальцем «нагуляла детей», женщинам в черных клобуках будет о чём пошептать. Но любовь — это любовь. Это больше, чем всё. То, что заставляет надеяться, верить, жить... Жизнь без любви бессмысленна», — Сафия смахивает пепел со своей тонкой сигареты. Она выглядит далеко не как «чёрная кукушка». Стильная, с избытком кос-

метики на глазах и в аромате духов (что свойственно для всех городских персиянок), на каблуках и с лихо повязанным платком. Она уже работает учителем в школе, у неё в 25 лет уже всё успешно, и ей навряд ли предстоит жить в доме за высоким забором. А в больших городах всё иначе. «Многие хотят мной обладать. Но я достанусь лишь воину», — глядя на Куроша, улыбается Сафия.

Любовь, любовь... Может всё и предопределено, — не знаю... Может, я бы так и считал, если б не знал, насколько всё легко потерять. Однако в физике существует теория предопределений, которая заключается в том, что все действия в равновесных системах (каковой является и наша действительность) обладают предсказуемым результатом, следовательно, будущее является совокупностью всех предыдущих результатов... То есть — предопределено. Когда я встретил её, то конечно, помимо математических теорий, нелишним оказался и вопрос: «Как тебя зовут?» «Люба. Любовь», — ответила она. Так я встретил Любовь.

Мы выходим и идём. Как часто бывает в это время года, идёт дождь. Это не плохо и не хорошо, дождь просто является фактом. Про него написаны не только куча научных монографий, но и тысячи прекрасных стихов. Песен и эмоций. Вылиты тонны слёз и гигабайты обещаний. Природа этого явления изучена, не составляет тайн, а время наступления данного явления с лёгкостью прогнозируется. Но это не отменяет простой истины — дождь вызывает грусть...

Пора тормозить «тачку». Душанбе — это «понедельник». Дословно, с фарси. Вот, значит, в чём проблемы? Видно в понедельник их мама родила... Может и так. Тормознул молодой паренёк, Иса. Обнаружив свободные уши, только тронувшись, Иса сразу же приступил к рассказам: «Я как из России вернулся, женили меня сразу. Я ведь думал, что адат здесь, обычай то есть, 11 лет меня не было... И вот женили меня, короче, а потом я узнаю, что здесь давно уже «по любви» всё. Парень с девушкой живёт. Потом женятся. Ну, ничего, мне и так хорошая досталась...», — говорит Иса. «И знаешь, что? Я вот занял денег на свадьбу, на машину, дом подремонтировал... И КАЖДЫЙ, КАЖДЫЙ ДЕНЬ мои мама и папа ложатся и просыпаются с мыслью: «мой сын должен 5000 баксов». Это деньги — которые они никогда не держали в руках. И никогда уже не подержат. Это очень большие деньги...»

Из всех языков мира только немцы правильно назвали счастье. «Глюк».

Вечер. Мы сидим и смеёмся в гостиничном номере самой центральной, но самой обшарпанной гостиницы на планете. Долгий разговор двух таджиков всегда обнаруживает их родство! В гостях у нас Шагарф — очень уважаемый человек, со своим, видимо, братом — также уважаемым Мирзо. Пьём водку, которая в этих исламских краях пьётся совсем не в халяльных количествах, Тимур играет с гостевым Айпадом. С ними также присутствует их знакомый, Адам — сероволосый чечен среднего возраста, имеющий какой-то бизнес по всему региону и вызвавшийся мне помочь по визовому вопросу. Кроме деловых проблем, которые нам удалось порешать, мы, конечно, общаемся и просто ради знакомства... Здесь принято оценивать людей лично, в персональном знакомстве, без этого какие-либо общие дела невозможны.

Наши гости весело рассказывают о казусах с персоналом, возникающих из-за падения уровня образования в стране, нехарактерном для Таджикистана ранее. В грустном можно умудриться найти улыбку...

Я, в свою очередь, чтоб не освящать главную цель нашего путешествия, с юмором выдвигаю гипотезу о том, что моя цель определяется по ходу движения, как разрешение самовозникающих вопросов и головоломок.

«Например?»

«Ну, сейчас мы движемся по заклинанию. По-ходу, в Памир... Кхоламан. Падина. Хайбат. Зульфикар. Где этому ещё быть?»

«Кхе, — вежливо кашлянул Адам. — Тогда тебе на Кавказ, вроде, надо, а не на Памир. Был у нас?»

«Конечно был. Весь облазил. Даже ваш заповедный Джейрах с тысячью башен. Но почему Кавказ?»

«Ну, это ведь имена кавказские... Говорят ещё «Хайбат — синие глаза, заглянешь — утонешь в глубине, а Падина — синие, как небо — посмотришь, вознесёшься ввысь». Я бы и сам так дочек называл, но, сам знаешь, у нас с голубыми глазами нечасто рождаются... А кхоламан — это по-чеченски «судьба», только в склонении; типа «судьбы», или нечто «к судьбе». Вот так. Разве не Кавказ? Но у тебя, наверное, обрывок просто. Есть ещё слова?»

«Камбар, Панир. Зульфикар»

«Точно имена. Насчёт «Панир» не знаю, но Зульфикар — имя. Редкое, правда, и Камбар — тоже, хотя и не чеченские. Двух Камбаров знаю. Один казах, другой туркмен. А кто тебя надоумил загадывать эту чушь?»

«Святой человек. В святом месте»

«Ну, ты это, поосторожней со святыми людьми... Слишком они могут быть праведны. Казалось бы».

Праведники. Они опасны. В большей степени это относится к тем, кто открыто проповедует или декларирует за собой такой образ жизни. Что есть праведность? Добродетель или исполнение ритуала? А в душе ненависть...? Кто-то слишком заботится о том, чтоб почистить чашу снаружи.

«Ну, довольно, о глупостях... Давайте как вообще в Таджикистане обстоят дела?»

Мирзо крикнул, поправился и произнёс:

«Ну, во-первых, свобода. Во-вторых, хороший президент... поддержка бизнесу... перспектива... отсутствие бюрократии...»

И так далее в том же духе. Как будто я включил местное телевидение и слушаю все эти дифирамбы... Адам улыбнулся: «Удивлён? Стены имеют уши. А живот любит всё, кроме ножа. Он боится. Мы уедем, а он останется. Одно дело, если пропал лишь ты. Пропадают люди, Женя. Целиком, всей семьёй. Просто замечаешь однажды, что соседа не видишь давно. Или дети в школу не ходят. Где они? Узнать мы можем только если ещё громче будем говорить. Вот мы сейчас поливаем Каримова, Рахмонова, а ты уверен, что он сам не стучит?» Вдруг, обращаясь к Мирзо: «Скажи, брат, стучишь или нет? Стучишь, наверное?». Тот смущённо пожал плечами, помотал головой... «О! Стучал всё-таки, значит, когда-то», — резюмировал Адам.

В Средней Азии, по сути, нет общественного транспорта. Мы едем «на точку». Туда, где собираются извозчики-частники, стартующие в определённых направлениях. Там, договорившись о цене «за место», хотя можно и зафрахтовать автомобиль «целиком», ждём, когда наберутся пассажиры на оставшиеся места. Тимур прыгает и жмурится под крапающим лёгким дождём... «Смотри, Тимур...», — говорю я. — Дождь раздражает и причиняет неудобство. Он назойлив и неотвратим. Он возникает и исчезает вопреки нашей воле, отвлекает нас, заставляя тратить какое-то время и силы на преодоления его последствий. И пока он идёт — он неизбежен. Но! Если смириться с неизбежностью дождя, а, возможно, и научиться получать от него удовольствие, как ты это сделал сейчас, он перестаёт причинять какое-либо неудобство. А может быть, даже радует и помогает идти... Понял, Тимур?» «Понял». «Так вот; множество неприятностей, житейских неурядиц, неожиданно возникающих трудностей и невыгодных ситуаций, неизбежно окружающих нас — всё это подобно дождю...»

Третий день мы приходим на «точку». Это не совсем обычная точка. Автомобили, стартующие отсюда, не привычные «Опеля» и «Хёндаи», а только внедорожники — «Паджеро», «Ниссан Патрол» и т.п. Потому что легковые машины не проедут этот путь. «Перевалы закрыты. Может, завтра поедем?» — говорят суровые памирские таксисты. Чужаков здесь нет. Ибо обычные люди просто не осият дорогу. Мы, «равнинные», в жизни не видели всего того, что видели эти ребята. Памирский тракт — трасса международного значения М41 — представляет из себя, в основном, грунтовую дорогу на высотах 3-4 тыс. м. над уровнем моря. Снега, лавины, обвалы, смывы дороги — это обыденность. «А вы что там забыли, кстати? На Памире ведь холодно сейчас», — улыбаясь, спрашивает меня седоватый водитель. «Да так... По природе погулять, в Ишкашим съездить, по озёрам проехать, в Мургаб может быть. Ну и история, этнология». «Э-э-э... Про Мургаб забудь — месяц ехать будешь. Ишкашим — тоже под вопросом. У нас всего несколько месяцев в году можно погоду предугадывать. Опасно с ребёнком. Тебя лавиной накроет — ничего, пожил вроде, а сынишку жалко будет... НИ ОДИН ЗАВОЕВАТЕЛЬ до нас НЕ ДОШЁЛ, а ты пешком с сыном? О-о-о... А говорят; русским на юга привычнее на танке! Ха-ха. Приезжай в июне, может и невесту твоему бойцу подберём... Сколько лет? 10? Нормально, уже можно сватать. Это ж вы там в Европе женитесь, не познакомившись совсем. Поэтому и разводитесь. А у нас не так... Озёра? Вот Яшилькуль — это интересно. У нас там живут «йети» — снежные люди. Воочию их редко видно, но следы часто попадаются. Не веришь, что ли? К нам много европейцев изучать их приезжает. Там у района база отдыха есть. Красиво. Но Зоркуль — ещё красивее. Святое озеро. Из него вытекает река Памир, которая превращается в Пандж, который образует Аму-Дарью. Древний Окс. Четыре государства поит. Там заповедник сейчас. Приезжай летом. Может и искупаемся...»

«Пошли, Тимур», — говорю я. «Постучи в 7 дверей, чтоб открылась одна. По ходу, наше путешествие только начинается. Нет причин сетовать на обстоятельства, истины сами открываются в те моменты, когда должны быть открыты. Пошли, сходим в музей хотя бы. Н-е-е, музея «Лего» здесь нет, это тебе не Прага. Есть «музыкальных инструментов» и этнографический. Зато таких в Праге нету... Уже неделю здесь, а к культуре не приобщились. Ну, пошли, пошли, расскажу тебе про ариев. Кто это? Это ты. Да, ты, Тимур — арий. Хоть будешь знать что-нибудь. Кстати, покажу тебе в музее такие же кресты, как на фашистских танках, только этим крестам 3000 лет. Помнишь, мы такие в Иране видели, в Пасаргады, на Кавказе в Тагаурии, да и много где ещё... Обычно накарябанными на руинах. Именно эти символы так нужны были Гитлеру, как раз объясню, зачем... М-м-м?...»

В музее этнографии тотальная тишина... На первом этаже на стеллажах продаются книги. Современные, равно как и 70х-80х годов. Откуда они их берут? Неужели приносят иногда из дома? Хорошее дополнение к месту, где время застыло. Две женщины-билетера за стеклом увлечённо болтают о чём-то. Седой служитель безмолвно сидит на стуле, прищулив глаза. Почему-то кажется, что и не глядя на нас, он знакомится, неторопливо изучая вошедших. В морщинах его глаз — мудрое спокойствие. Что он увидел за свою жизнь? Что он понял? Нашёл ли он то, что искал? А кто-нибудь, вообще, нашёл?

Через полчаса я вдруг услышал его голос за спиной: «Интересно? Вижу, что интересно. Давайте расскажу... Арийские племена вторглись в Индию и Иран во 2-м тысячелетии до нашей эры. Их сдвинуло с севера похолодание IV-III тысячелетия до н.э., которое сделало Приполярье таким, каким мы его видим сегодня. Выйдя из степей Восточной Европы и Приуралья и оставив значительный след в генофонде алтайских народов и предков киргизов, постепенно они расселились по территории современных Ирана, Афганистана, Пакистана, Таджикистана и проникли в Индию. В Индии, заняв доминирующее положение, во избежание смешивания с местным бровастым населением, ими была создана кастовая система. Всё, что мы можем знать о том смутном времени, мы почерпнули из археологии и санскрита. Кстати, самые близкие к санскриту современные языки — русский и литовский. При этом нужно понимать, что санскрит — это не исходный язык ариев, а уже производный. В 1951г знаменитый филолог А.Мейе заявил: славянские языки, а именно русский — это исходный арийский язык в его естественном развитии, в его естественном ареале происхождения. Только это ещё не всё... В северных районах России огромное количество названий рек и озёр, переводимых только с санскрита — 5 рек Ганга, реки Шива, Ганеш, Падма, Сухона. Согласно «Махабхарате» предков ариев зовут Кур и Наль — так называются два острова в современных Холмогорах. В 17-18 в.в. в Индии считалось: брак в высших кастах является незаконным, если запись о нём не сделана на бересте. А явления, описанные в Авесте и Ригведе, не могли быть осуществлены южнее 56 градуса с.ш. Это движение созвездий, не видимых с территории Индии, белая ночь, полярное сияние, таяние весенних снегов. Сама свастика — это изображение движения линии созвездий вокруг Полярной звезды. И что из этого следует?»

Из этого следует только то, что мы на верном пути. У каждого свой тарикат. «Спасибо»

У людей есть судьба, но мы редко обращаем внимание, что судьба есть у всего вокруг. Судьба — это то, что очень трудно преодолеть. Потому что, в принципе, преодолеть это и не нужно. Набор неизбежностей, которые стоит повернуть в свою пользу. Качества, характеризующие природу предмета, которые можно превратить в уникальность и конкурентное преимущество. И в этом смысле судьба есть у всего. Я, например, искренне верю в Россию. Это историческая судьба. Россия — она как море. Или переварит, или выкинет. Это невозможно разрушить извне, только изнутри. Почему так? Потому что люди ниоткуда не пришли. Они на своей земле. И масштаб этой культуры давно уже стал слишком велик, чтоб не являться структурным элементом самой Природы. И более молодые культуры не изменят алгоритм этого менталитета. Который «умом не понять». И можно вырезать самую интеллектуальную треть нации, завоевать её страну, или поставить утопический эксперимент, но... Пройдёт десяток лет, из быдла как-то народятся новые учёные и обгонят кого-нибудь в космической гонке, сброшено будет иго, или расхочется народу терпеть ложь, и снова останется тот же простой народ с большой и сложной душой, и будет жить дальше, и петь свои, в сущности грустные, песни...

Победить это невозможно. Стихия.

Говорят, однажды Гора поспорила с Океаном... Камень твёрд, а вода мягка. Но вода быстра, а камень медленен... Кто сильнее? Кто вечен? И кто несокрушим? И разыгралась между ними битва, и померк весь мир... Волны стихии бились о скалы, но те оставались невредимы, яростно кидая кам-

ни в ответ. Но камни тонули... Тысячи лет длилась эта битва, и Гора, поняв, что не сможет сломать воду, решила её пленить. Скалы стали медленно наступать, загоня воду под землю, медленно, так, как это могли сделать только они... Бесчисленное число лет длилось это движение. Океан слабел. И вот наступил день, когда последний камень укрыл под собой последнюю открытую гладь воды... И Свет покинул землю, ибо привык играть с водой. Вода покорилась... И долгое время царила ночь... Но однажды Солнце проходило недалеко от Земли, и решило взглянуть на одно из самых любимых своих творений, бывшее когда-то живым... И когда первые лучи упали на Землю, мир увидел вдруг величайшее чудо — величественный, огромный, блистающий Океан... Оказывается, все эти годы, пока гора пленяла его, он так же терпеливо перетирал её в пыль.

Прошло уже много лет, и больше не воюют стихии, а свет играет с волнами как прежде... Но только дно Океана с тех пор устлано песком. Прахом миллионов скал, перетёртых мягкой водой... Это и есть память о великой битве...

Мы едем. Мы едем с рюкзаками без всякого плана, напрямик в своё будущее, которое когда-нибудь станет для моего маленького Тимура светлым прошлым. Я знаю, что где-то далеко на северо-западе, моя Любовь думает обо мне, и мне хочется думать о ней в ответ. В этом нет никакой телепатии, это реальность. А то, что является реальностью — работает всегда. В моей заоблачной Родине люди рассуждают о свободе, строят планы на будущее, а кто-то и выходит на митинги. Здесь имя Президента не произносят всуе, но то, что поведал нам Иса, было понятно и так: «На Него ничего не оформлено. Вроде Он и начинает борьбу с коррупцией, но самый главный — Хасан — всё так же на месте. Зять он Его или как там по-русски...» «Я только приехал из России с заработков, а земля уже и не моя, Хасан забрал. Тут всё Хасан держит». «Вот, кстати, это сады Путина. Да не вру я; отвечаю — Путин купил. Здесь самая лучшая черешня в мире.. Если чё, я тебе из этих садов достать могу, старики домой немного приносят...»

По шоссе Курган-Тюбе — Нижний Пандж то и дело снуют Тойоты — Камри и Крузаки. «Всё это наркота. Вроде бы каждый может, но только не в республике. Если нужна наркота — поехали, возьмём в Кундузе 5 кг, но надо вывозить. Ты русский, сможешь... Здесь, в Таджикистане, если поймают, проблемы большие будут. Потому что можно только с Его позволения. Отдавать всё. Потому что здесь всё Его. Сама страна — это Его бизнес...»

На заправке давка. Давка возникает из-за того, что электричество в регионах — 1,5 часа в день. Все ездят на газу, потому что дешевле. Газ в канистры не наберёшь, т.е. заправится можно только в эти 1,5 часа. Мой Иса влазит без очереди, назревает драка. Оппоненты — местная братва на А6 в спорткостюмах «Боско» с надписью «Russia» (здесь они очень модны). Пару тычков уже промелькнуло. Я выхожу тоже. Ребята молча смотрят, потом перекидываются парой фраз с Исой. Я понимаю лишь «мехмун», «руссия», «бакшиш», «Счастливо!» Едем дальше. Ису немножко потряхивает от отпускающего адреналина. Без слов понятно — ребята с пониманием отнеслись к залётному таксисту, везущему русского бродягу ради хлеба своего насущного: «...ну и бог с вами, езжайте, гости республики...» На слишком много танцоров здесь слишком мало ног.

Человек всемогущ. Человек всемогущ. Человек может всё. Полететь на другую планету, победить в войне или в спорте, заставить сопереживать другого человека, передавать информацию, собственный голос и даже энергию на расстояния, приручить и сделать рабом другое существо. Средством и инструментом этого всевластия всегда являлся ум человека. И уже сейчас инструментарий наших достижений очень велик, а в дальнейшем — будет только возрастать. Но уже сегодня мир настолько сложен, что мы вынуждены окружать себя целым арсеналом — набором достижений, алгоритмов, механизмов, выученных навыков, материальных вещей, девайсов, волевых качеств и непровержимых универсальных аксиом. Только так мы в безопасности. Так мы неуязвимы. Однако всё, чем мы себя окружаем, может быть у нас отобрано. Как, собственно, оно и будет отобрано у каждого рано или поздно. Поэтому, есть только 1 путь — ОПИРАТЬСЯ НА ТО, ЧТО НЕВОЗМОЖНО ОТНЯТЬ.

Иса заезжает за другом, т.к. едем через его родную деревню, а с другом ему будет безопасней и веселей возвращаться домой. Друг вежливо садится на заднее сиденье к Тимуру, прямо за моей спиной. Мой маленький спящий сын... Что ему снится, какие пределы? В свете проезжающих машин в его ухе поблёскивает серьга. Традиция. Знак. Это значит, что он единственный пока наследник рода. Хотя не холодно, я застёгиваю высокий ворот жёсткой куртки до конца. На всякий случай. Опасно не контролировать что-либо за собственной спиной. Кожа вспоминает ощущение проволоки на кадыке.

«Как тебя зовут? Камбар? Ничего себе! А что это значит?» — держа в руках свёрток хлопка, спрашиваю я.

«Ну, меня так называли, потому что отец и дед из Шаартуз. Там находится святое место — Чилучор Чашма, «сорок четыре источника», там же и мазар Камбар-Бобо. В общем, чтоб не забывал откуда корни. А Камбар-Бобо — это святой такой, ещё доисламский. У кочевых народов севера он как батыр — легенды про него есть. А у нас считается, что он придумал барабан и все струнные инструменты. На могиле его растёт акация, так вот говорят, что это пророс дутар, положенный ему в могилу. А ещё говорят, что Камбар потом был конюхом у хазрат Али, но мне кажется, что это уже при исламе придумали, чтоб оправдать поклонение святому. А Шаартуз рядом совсем, вы ж меня там и забрали».

Камбар? Важно ли это? Я уже стал и забывать про листок, попавшийся мне когда-то... Не синие ли глаза Пудины и Хайбат у моего Озера, в которые так хочется посмотреть? Излишние надежды хуже самообмана... Навряд ли это может нам помочь в поиске. Ведь глупость может замедлить путь, забрав бесценное время... Смотрю за окно на проносящийся мимо пейзаж. На обочине поселковый мальчик играет с бумажным кораблём в весенних водах канавы. Он не уплывёт далеко. Кораблям нужны моря.

Иранцы, таджики, дари — это по сути один народ, с общим языком и историей. В более широком смысле сюда же можно отнести пушту, белуджей и ещё десяток народов этой земли. Но халифаты, потом ханства, потом и большевики, разорвали иранский мир на части. Теперь это различные страны и народы. В 29-м году Советский Союз разделил свои владения на Узбекистан и Таджикистан и присоединил к последнему Сердце Азии, Крышу Мира — Памир. Памирцы всегда стояли особняком в этой семье, и остаются такими и поныне. Особенные. Позже, во время Великой Отечественной войны, многих сирот-младенцев отдавали на усыновление в таджикские семьи. Не знаю, откуда у Сталина такая избирательность была. Сегодня непонятно, потомки ли тех ребят, или памирские белокурые арийцы — мелькают тут и там русые волосы. До сих пор, подсознательно, светлая внешность считается более привлекательной, элитарной. Здесь это ценят. Конечно, таких, как славяне или прибалты, уже мало. Но, говорят, совсем недавно это была типичная для Памира внешность. Ассимиляция.

«Понимаешь, когда меня в армию забрали, то отправили в Мургаб. В эту дыру, откуда письма писать ближе к Аллаху, чем к дому. Я думал: быстрее бы срок кончился, уеду и забуду. Ну, девчонки там, конечно, о-о-о! Ну, такие красивые, аж смотреть стеснялся. А они на меня так и вообще не смотрели. Там у них свои парни в порядке — высокие, красивые, сероглазые. Куда мне маленькому, тёмненькому до них... Но вот отслужил я, вернулся домой, на работу устроился, но что-то не так. Будто осталась там часть меня. Тянет и всё! Потом война началась, я только о животе думал, но каждый день, каждый... я мечтал попасть туда хоть на час. И так десять лет... Десять! Когда узнал, что кто-то ищет водителей, чтоб грузовики из Китая перегнать, я бегом побежал. Уже набрали людей, но я просил... Уговорил, короче, 50 долларов согласился получить за неделю езды. И всё, о чём я мечтал — сесть ночью на камень и смотреть на небо. Ты знаешь, какая луна там? Вот, не знаешь. А она там такая огромная, какую даже в фильмах не показывают. Как экран, как огромный шар. И когда мы въехали, первую же ночь я всю просидел, пока ребята спали. Потом ехал и плакал. И вторую тоже. И, сколько мог, дальше. Смотрел на звёзды. Вот ты думаешь, наверное, что я вру? В детстве ещё..., помнишь, как говорила бабушка — оп, звезда упала; значит, жизнь чья-то кончилась. И я всё думал: что за чушь; звёзд мало, а людей много. Но когда на Памир попал... Знаешь сколько там звёзд? Нет такого числа! Мириады — есть ведь такое число? Так вот, там звёзд столько, что «мириады» — это только половина... И они все большие, яркие, близкие! Берёшь и почти срываешь их руками... Так и сидел я каждую ночь. Нет другого места подобного. Кто хоть раз это видел, никогда не забудет. Там часть моего сердца...»

Сердце. Наше сердце... Оно тоскует по тем местам, где ЕГО сердце. Даже если ты там не был. Замечаем мы это, или нет...

Иса увлечённо рассказывает о том, что, по его мнению, здесь, на этой земле, полжизни прожил Иисус. И что даже этому есть документальные подтверждения в виде древних рукописей, якобы обнаруженных в позапрошлом веке русским путешественником Николаем Нотовичем в каком-то буддийском монастыре. Полжизни, отсутствующие в Евангелиях. С 15 до 30 лет. Учился, учил. Искал и дарил. Странствовал и проповедовал.

«Он был здесь, я знаю. Знаешь дословный перевод моего имени с арабского? «Верховный». Но одновременно это и «Иисус». Это одно и то же. А вы считаете, что это имя. Он был здесь, на этой земле. Он пророком был, и Муххамед его признавал... Один Бог над нами, Женья. У нас один Бог, одна религия. Нехорошо, когда люди за это убивают друг друга. Это невозможно. Потому что у Бога нет такой необходимости. Скажи это всем, Женья...»

Раннее утро. Над Пянджем стоит молочный желтоватый туман. Позавтракав сухой лепёшкой с чаем, мы с сыном взваливаем рюкзаки на плечи и делаем первый шаг в сторону пыльной многострадальной земли древнего Афганистана... «Туман», — говорит Тимур.

«Туман? Нет, туман», — поглядев на нас, усмехнулся флегматичный пограничник, переведя взгляд на таджикскую пограничную «Газель», из которой местные оборванные афганцы вытаскивали вязанки сухих веток, палок, сучков и корней растений...

Земля противоположного берега — вытоптанная, иссушенная, абсолютно лишённая любой растительности — сама земля парила в воздухе, при малейшем дуновении создавая желтоватую мутную взвесь. Здравствуй, Афганистан!

Мы привыкли обосновывать свои и чужие поступки, делать рациональные выводы и строить прогнозы. Мы привыкли к тому, что реальность — реальна. Но на этой территории таковое не всегда является возможным. «Ведь у вас, на Западе, один аятолла сказал, что всё относительно?» — услышал я как-то. Да, у нас — сказал, а «относительно» — здесь... Время, место, действительность, возможность — всё это не имеет значения. Всё относительно. Имеет значение только цена.

Во всём горном центрально-азиатском регионе наблюдательного человека поразит прежде всего бесплодность местной флоры. Горы стоят абсолютно лысые, травка, которую пощипывают редкие козы и ослы — зелёнькая, низенькая, больше похожая на мох. Земля — глинисто-каменистая, самых разных оттенков, никакой из которых не радует глаз намёком на жизнь. Камни и пыль... Такой мёртвый ландшафт — от иранского Загроса до монгольской Гоби и от предгорий Тянь-Шаня до самого Тибета. Я всегда удивлялся тому как могли здесь вырасти столь многолюдные и богатые культуры... Только что, вчера, мы покинули кулябский Таджикистан, где видели, скольких трудов стоит местным жителям насобирать колючек, надёргать кореньев (!) и сухих ветвей для домашнего очага. То и дело попадаются ослики с вязанкой всякого растительного мусора — то, что мы и не стали бы класть в костёр. Каково же было моё удивление, когда каждый (!) из пересекающих госграницу, волок по большой или малой связке этого хлама! Мы, европейцы, пересекая границу, часто захватываем в «дыюти» бутылочку рома или какой парфюм для любимых, афганцы — захватывают домой по вязанке веток...

Тем временем, на КПП начался «движняк», и население, хотя я и не пытался совершать обгоны, ради интереса пропускает нас с Тимуром вперёд. Также ради интереса афганский «погранец» смотрит наше содержимое. «Контрабанда? В Афган.?» Да, ему и самому смешно. Офицер в форме отзывает меня в кабинет, вертит в руках паспорта, спрашивает то на дари, то на английском, короче — переход невозможен; у меня и у сына стоит один и тот же номер визы, значит это одна виза и т.д. и т.п. Я покорно жду пока он сокрушается, созванивается, выговаривается и, наконец, устав, замолкает, безразлично уставившись сквозь меня... «Короче, 10 баксов» — это всё, что мог позволить мне мой словарный запас как на английском, так и на фарси. Переждав ещё одну волну откровений, искренних переживаний за наше возможное тюремное заключение и трагических взглядов, я, получив паспорта, вываливаюсь на свободу. Местный «погранец», видя, как я укладываю багаж, спрашивает: «Презент?», вертя в руках пачку сигарет. «Фиг тебе, а не презент!» — говорю я по-русски. Молча беру пачку у него из рук и кидаю в рюкзак, а из своей, открытой, достаю и протягиваю сигарету. «Тахакор. Но проблем», — благодарит тот.

«Не презент» звучит на фарси так же как и на русском, основное слово тоже созвучно... Что бы не происходило — ты должен заставить мир вокруг вращаться по своим правилам. Иначе это уже не ты.

К счастью, поступки нельзя разделить на «правильные» и «неправильные». Т.к. всегда результат отчасти случаен. Суть в том, что когда тебе нужно сделать поступок — нужно сделать поступок. Когда-то, 4 века назад, в далёкой Стране Восходящего Солнца господин Набэсима Наосигэ учил своих самураев всего лишь нескольким вещам. Одно из них состояло в том, что любое решение — любое решение — должно быть принято в течении 7 вдохов и выдохов. Это говорит лишь о том, что

возможные решения для различных ситуаций могут быть приняты (или обдуманы) человеком заранее. Но когда наступает время действовать — не нужно думать, нужно просто действовать. И неважно — правильно или нет. Что-то есть в этом глобальное, великое и пьянящее — отрешённость, принятие неизбежности, решимость, замедление времени, спокойствие. И шаг в бездну.

И остаётся сделать только одно: раз... два... три... четыре...

Конечность жизни — это наше единственное преимущество. И единственное условие. Немногие из нас могут сполна прочувствовать мощь, которую открывает нам это тайное знание. Восприятие подлинной реальности = её зависимости... Первый образ Афганистана, навсегда прочно впечатавшийся мне в сознание — рваный, наглухо замотанный, как ниндзя, в платок-арафаку мужик на шумном перекрёстке кишлака, в который мы вышли с границы и там, куда направлялись. С пальцами на курке «калаша»! Из его ботинок торчат пальцы ног..! О, матка боска! Это не полицейский. Я поворачиваю голову к идущему слева от меня Тимуру и смотрю в его глаза. Знает ли он, какой опасности я его подвергаю? Что чувствует он? Знает ли он, как он дорог мне? Тимур, немного склонившись вперёд под тяжестью своего рюкзака, также на ходу бросает взгляд в мои... Чуть улыбнувшись... Я глазами стараюсь улыбнуться тоже. Всё нормально. Когда правда на твоей стороне, ничто не может противостоять этому. Аксиома. Не смотря в глаза незнакомцу, мы плечом к плечу проходим мимо. Просто прошли, как будто знали, куда идём. О, чудо! В 20 метрах — стоянка «тойот» — явно чуваки таксуют.

Что ты знаешь о себе, если никогда не дрался? «Как тебя зовут»? Как-то так, но не больше... Это был не полицейский, понятно. Ещё накануне Иса говорил, что в неконтролируемых правительством территориях власть, суд и посредники — это некие «смотрящие», бандформирования, короче. Я смотрю на Тимура. Сколько тебе пережить, сын мой? Какие паники и удары научат тебя? Тимур смотрит на меня и всё так же улыбается. Он не привередлив и не капризен. То, что вокруг, не производит на него особого впечатления. Но, как всегда, интересно... Бедность. Кишлак. Метёт пыль... Он видел нечто похожее уже много раз. И пока что ему нравилось. Безмятежен. Тот, кто спокоен — под защитой богов. Значит, всё нормально. Мы идём. На каждую улицу — здесь свой «командор» (так они называют). Каждый городок, вернее — кишлак, состоит из 3-4 улиц. Такая вот народная милиция. «НЕ талибан?» — спрашивал я после. «Аллах знает. Днём — командор, ночью, может, талибан. Не смотри им в глаза, если попадутся. У тебя ж крест из под рубахи торчит, серьга в ухе... А у него — чистый ислам и «калаш»... Так будет проще...» Власть в Афгане вообще контролирует только дороги в светлое время суток, и формально Кабул, Герат, Мазари-Шариф, Джелалабад и Кандагар, хотя 2 последних по ночам тоже не контролирует... Как так — по ночам? А вот так: перед наступлением темноты все солдаты, отстоявшие день на перекрёстках, собираются в грузовики, отвозятся в ближайший форт (каждые 7-10 км) высовывают в окна стволы и ждут рассвета... Очень много стволов...

Много-много стволов... У человечества, видимо, ещё нет общей цели. Так, может быть, нет ещё и самого человечества? Как это назвать иначе?

Стоит ли оно, моё Озеро, того, что я подвергаю риску маленького сына? Нет, конечно. Мои мечты не могут быть ценнее чьей-то жизни... Однако, может, опасности и нет. Есть просто трудности. Лишь болезненная фантазия может нарисовать печальный финал наших изысканий. Когда-то, 10 лет назад, я отчётливо увидел, что этому человеческому существу жить и жить. У него СВОЯ судьба. Искать, падать, вставать и идти. Это очевидно. Даже если что-то случится со мной, его судьба продолжится... И сейчас мы — на своём пути. Это НАШ путь. И если принять это таковым, то начинаешь замечать, что обстоятельства начинают подстраиваться под тебя, а не ты под них. Только так и никак иначе. Так уж получилось, что когда-то Тимур навсегда остался со мной. Его маме разломил голову молотком грабителя. А меня не было рядом. И конечно, я спрашиваю себя, «что было бы, если б не...? Что, если бы...?» И я не знаю, как мне быть с этим всем. Думаю, мне нужно спросить у Озера... Или, может быть, просто бросить камень. Поэтому мы здесь и вместе. Потому и идём.

«Кого ты ненавидишь больше всего?» — спросите у маленького Азамата, да и вообще, любого ребёнка или взрослого. «Пакистан» — услышите Вы в ответ. На самом деле я ожидал услышать «Америка»... Нет, именно Пакистан. Овец убивает барс, но мясо их ест шакал. И это будет правдой. В этой стране все продукты, инструменты, текстиль, хлеб, патроны к «калашам», глухие афганские хиджабы и типографские Кораны ввезены из соседней страны — Пакистана. На улицах полно пакистанских грузовиков, прибывающих сюда с товарами, а из телевизора вещают пакистанские ка-

налы. Вещают о «мире», «стабилизации», «гуманитарной миссии», об Аллахе и месте человека под ним. Но я знаю: Пакистану не нужна стабильность в Афгане. Прямой экспорт, транзит натовских и гуманитарных грузов, обслуживание финансовых потоков неправительственных организаций, контракты на субподряд по «восстановлению», получаемые в рамках тендеров от западных компаний — это даже не отрасль, а значительная часть пакистанской экономики. Нищий, хаотичный, перенаселённый Пакистан ест, пилит и варит основную часть всех мыслимых бюджетов «на Афганистан» Запада и Востока. В основном косвенным образом. Пакистан обслуживает транзит, безопасность и обеспечение как НАТО, так и Талибана. Из верховной Шуры в г. Кветта отдаются приказы по активизации или прекращению боевых действий. Границы между Пакистаном и Афганом не существуют. Исламабад относится к этой проблеме своеобразно: для пакистанских силовиков пуштунские талибы и кашмирские джихадисты, свободно пересекающие условную границу, — суть настоящие патриоты, обеспечивающие необходимую «стратегическую глубину» национальной безопасности страны на сопредельных территориях. И действительно, проводимая «патриотами» в Афгане и Индии политика, напрямую поддерживает интересы Пакистана. Но границы не существует не только фактически, но и формально — Афганистан не признаёт в качестве официальной границы линию Дюранда. Поэтому независимый и окрепший Афганистан автоматически предъявит соседу территориальные претензии. Но друг без друга эти добрососедские страны — взаимные мертвецы. Их экономики в данный момент истории не смогут существовать отдельно. И каждому афганцу понятно: экспортирует Пакистан не только картошку. Война=Пакистан. Заклятые друзья...

Небольшой торг — и мы садимся. По сути, я просто вытащил из кошелька столько, сколько считал нужным, и показал понравившемуся мне водителю. Моя фраза «ништа кер пуль» («нет денег») возымела успех, улыбки, одобрение и, одновременно — конечно, сожаление. Таксисты в Афгане, конечно, как и везде, сразу заламывают залётным. Я понимаю, как накануне нам сильно повезло с Исой. Ведь он посадил в машину своего друга, который несколько раз бывал в Афгане, во многом специально, чтоб тот просветил нас. Насчёт цен, инфраструктуры и местных тонкостей. Насчет опасностей, запретного и дозволенного... Хорошо, что у Исы нашёлся такой друг. Далеко отсюда, на моём европейском Западе, люди также боятся одиночества и нуждаются в дружбе. Но лишь потому, что «для вранья нужны двое». Ставя «Я» в вершину и в смысл существования. Здесь же большинство явно не ощущает себя одинокой самодостаточной частицей, равной в своём познании и в своей важности с самим Богом. Здесь люди всё ещё рождаются, чтобы познавать, а не чтоб брать.

Год 1391. А у нас 2012. Есть ли смысл в этой разнице в 6 веков? В одном ли временном измерении находится этот мир и тот, из которого я приехал? Смешно... Мы одинаковы с Афганистаном в своём средневековье. Только будущие межгалактические археологи, конечно, могли бы взять на себя смелость объявить: люди здесь жили в жестоком и неразумном XXI-м каменном веке. Жестоким, копящим, нерациональным, негуманным, глупом. Как и 50 веков до этого. Мы же сегодня, слепо считающие себя венцом творения, просто не способны это признать... По трассе начинают появляться посты — просто отдельные солдаты, стоящие невдалеке от дороги в открытом бескрайнем поле на расстоянии взгляда (выстрела) друг от друга. С рациями и автоматами в боевом положении. Так начинается официальная власть. Год 1391 — сами цифры говорят, что я двигаюсь в прошлое, т.е., наверное, в правильном направлении, но я всё ищу и ищу, хотя и начал уже давно... Верный ли это путь? Где моё Озеро забвений? И есть ли оно вообще?

Только здесь, только в Афгане, может находиться моё Озеро. Слова всех пророков — Заратустры, Будды, Митры, Иисуса, Моххамеда — звучали здесь. Войска всех великих завоевателей прошли по этой земле. Стратеги Пентагона, Кремля, Берлина, Мекки, Кордобы, Маверранахра и Сарая тихо шептали своим великим покровителям о необходимости обладания этим пространством. В далёком Тибете чёрный монах чёрной религии Бон сжигает в огне жертвенной лампы имя моего искомого, шепча на своём древнем языке. Он шепчет, чтоб никто не дошёл до него, ибо знает как оно близко. Как близко я. И мне ничего не хочется у него отнимать, но мне нужно найти это Озеро... Ибо оно уже стало моим... Он знает «где», но зато я знаю «что». И непонятно, как долго это может продлиться, но мне кажется, что я уже близок...

«Четурасти, джурасти, баайрасти?», «инджа», «коджа», «ном», «вазифэ», «масхаб» — всё это необходимые вопросы, задаваемые добродушным молодым водителем. Он действительно интересуется нашей жизнью, старается вникнуть в мои ломаные ответы и спрашивать односложными фразами,

пытаясь облегчить диалог. Мы вполне смогли познакомиться и в общих чертах рассказать о своей жизни друг другу. Его зовут Юсуф и он подробно рассказывает о своих двух детях, о работе и своём доме, показывая руками то, что выходит за пределы моего языкознания. Это сближает. При встрече и знакомстве люди всегда задают вопросы «жена», «работа», «дети», «где ты живёшь». Именно так разговор становится ОБЩИМ. Потому что он именно общий для всех без исключения человеческих личностей. Так мы становимся ближе, хотя и не осознавая почему. А ведь потому, что человеческая жизнь — это и есть по сути одно и то же ОБЩЕЕ лекало, загнанное в разные оформления. И будь я хоть Билл Клинтон, но у меня так же ворчит жена... И мы одинаково можем радоваться, смеяться, обижаться. И так же одинаково мы пытаемся быть счастливыми... Нас — людей — объединяют две вещи: одни и те же переживания человеческой жизни во всём многообразии её проявлений, и тотальная нищета обладания чем либо за этими пределами. Это и есть полнота жизни. А больше ничего и нет.

Мы тормозим на блок-посту. «Из коджа и?» (Откуда?) — спрашивает военный... «Ман аз Руссия» — говорю я. «О, Руссия, хош омадэ, дуст!» — держа паспорта в руках, улыбается афганский военный... И, почесав башку, добавляет из словарного запаса своей моджахедской молодости: «Руссия харашо! Э-э-э — друг! Советский Саюз!» Мы смеёмся, стало как-то приятно... Ещё некоторое время назад я сомневался, стоит ли представляться русским, можно ведь назваться «шурави» («советский», т.е., может украинец или грузин, неважно), но потом решил прямо говорить «руссия». Может начнутся вопросы, на них нужно будет давать ответы. Новые вопросы — и люди подумают, что я нечто темню, начнутся домыслы... Зачем? Дед говорил: «у лжи короткие ноги, бесполезно участвовать в скачках»... Вот так.

Прямая правда всегда заключает в себе силу.

В Афгане мало деревьев. Да и вообще мало растительности. Население дёргает из бедной земли всю твёрдую растительность, пуская её на топливо. Ишаки и козы перемещаются по сюрреалистическому пейзажу, находя и пощипывая то мелкое и зелёное, что не горит. Женщины в глухих синих паранджах появляются из-за глиняных дувалов с пластиковыми квадратными канистрами и отправляются за водой. Вдоль дорог то и дело попадаются корпуса подбитых советских БТР. Метёт мелкая пыль, поднимаемая с безжизненной земли, почти лишённой растительности. Закрепиться ей на земле почти не за что, и она легко поднимается порывами ветра вверх. И кажется, что зацепиться за жизнь человеку здесь также невозможно... Что мы знаем о жизни? О том, что верно и ошибочно? Реально — ничего. Но действуем всегда так, как будто взвесили все «за» и «против». Исходя из собственного понимания реальности, мы всегда поступаем наилучшим образом. Долго думая, и анализируя аргументы. Мы всегда поступаем «правильно».

Где-то над хребтом звучит гром... Через некоторое время становятся видны и редкие вспышки молний. Мы приближаемся... «Тимур!... Знаешь ли ты, что такое молния?» «Ну да, правильно, разряд... Но почему же он проходит не по прямой от наэлектризованного облака к земле? Ведь разряд и ищет кратчайший путь? Кратчайший! Так вот, вдумайся: молния проходит от облака к земле по самому быстрому, самому простому пути. По единственно возможному пути наименьшего сопротивления. Однако ты видел этот путь? И это — молния! А ты — человек! Неужели нам, людям, стоит ожидать от жизни прямых путей? Жизнь — именно такова. Никогда не знаешь, какой путь станет правильным...»

Это началось в далёких 90-х. Что знали мы о том, какой путь правильный, а какой — нет? Знали ли мы вообще ЧТО желаем от жизни? Мы просто пытались выжить, совершая неумелые и нелепые движения в пространстве и времени, учась и приобретая мудрость таким дорогим путём. Стараясь и не задумываясь, насколько дорогим оказался этот путь для случайно встреченных нами. Что я вынес в итоге из всего этого? Простую мысль: чтоб играть со смертью, достаточно просто играть с жизнью. И всё перечисленное тебя найдёт само.

Мы едем. Прямо на обочине дороги человек в неряшливой одежде совершает намаз, сидя на коленях и протягивая руки в сторону надвигающейся грозы... Поклон, ещё поклон...

«Хайбат», — качнув головой, шепчет Юсуф, и, закрывая глаза, бормочет нечто вроде молитвы... Невероятно!

«Хайбат? Что ты сказал? Ки ит хайбат, Юсуф?»

«Хайбат?» — качая головой, переспрашивает он. «Аз ин суфи. Аз ин хайбат! Дар ин. Тарс Алла.

Алла инчжо. Нот андестанд? Феар. Авэ. Феар Гот. Гот хир. Фахмидан, дуст».

Страх. Трепет от присутствия бога. Ощущение его. Хайбат.

«Сафар?» (путешественник) — был один из первых вопросов, адресованных ко мне в этой стране... «На, мехмун» (нет, гость), — отвечаю я. Везде, где бы мы не были в Афгане, на вопросы «куда-откуда», я говорю «мехмун», т.е. «гость». Какой гость, к кому, кто стоит за мной, каковы цели — всё это я оставлял без ответа, уповая на неприкосновенность древнего закона гостеприимства. Даже вполне доверяя окружающим, я всё же отвечаю так. Нравы здесь сильно пошатнулись непрерывной цепью ненависти друг к другу, и слово «гость» здесь уже столько не значит, сколько значило раньше (как это, например, до сих пор имеет вес в братском Иране). Но, тем не менее, никакие хулиганы вас с ходу не тронут, ибо не знают, кто за вами стоит. И наверняка в этой стране и неприметный оборванец может неожиданно оказаться влиятельным человеком. Всегда нужно оставлять за собой недосказанность. Ибо она всегда говорит о чём-то. О слабости, если твои позиции шатки, и о твоей силе, когда ты прав. Если прибавить к этому некий ореол таинственности — люди всегда додумают и сами найдут объяснения, устраивающие их. Тот, кто прав, не нуждается в объяснениях.

«Четур ниста матар?» («как так нет матери?») — поднимает брови Юсуф, поглядывая на Тимура с христианской сердобольностью... А вот так. «Али-баба. Душман», — говорю я.

Стволы бывают не только у деревьев. В этой стране это оказалось вопиюще наглядным. Всё здесь готово стрелять. Кроме провинциальных «командоров», даже в столице можно увидеть вооружённых гражданских. Это, как правило, охранники. Днём на важных дорогах и на перекрёстках в городках стоят в видимой близости солдаты в чёрной форме афганского спецназа. Именно стоят. Не сидят, не лежат, а стоят. Стоят в чистом поле с винтовками в боевом положении и пальцами на курке. Ближе к вечеру их уже забирают. Есть стационарные блок-посты. «Митанам (могу ли я) фото?» «О, на, на, америка харам, афган харам», — пытается объяснить военный. Всё запрещено; подходить, фотографировать, разговаривать с натовскими солдатами нельзя. Это объясняет нам афганский военный в обыкновенной зелёной форме. Рядом, метрах в 15, стоит боец НАТО, рассматривая нас, нежданных здесь европейцев, сквозь непроницаемую чернь солнцезащитных очков. Ещё двое наблюдают из блиндажа. И все, все, кого я видел в этой стране с оружием! Держат автомат не «наперевес», не на плече, не за спиной, не за цевьё, а в обеих руках в боевой изготовке и с пальцами на курке. Натовцы, афганские полицейские, «командоры», местные бандиты, частные охранники в кузовах иногда проезжающих мимо пикапов, чёрные спецназовцы — всем остаётся лишь сдвинуть большим пальцем предохранитель... Говорят, чтоб улыбнуться, человеку нужно задействовать более 40 мышц, а чтоб нажать на курок — только три. Это заставляет задуматься.

Дураков хватает везде. Я помню первый и единственный раз, когда холодный ствол упирался мне в лицо... Это было уже в 2001-м, возле ночного клуба, где возникли какие-то вопросы. Парень буквально тыкал в меня дулом и кричал всякую хреноту, в которую, вероятно, и сам не верил. В лихие 90-е я уже попадал пару раз на «беседу на выезде», правда, без применения огнестрельного, и сейчас ясно осознавал, что этот парень не имеет реального опыта. А пистолет ему нужен из чувства недостаточной уверенности в собственной крутизне. Ведь зачем ему этот цирк, если он меня мог сломать и так? Агрессивный человек беззащитен. Это очень важно. Человек, раскрывающий свою ярость, эмоции, раскрывает и собственную защиту. Он выкладывает всё, что у него есть. Он открыт. И за пределами этой ярости у него нет ничего. И этой агрессией он пытается страхом принудить тебя исполнить его условия. Если же дать понять, что это невозможно, он становится бессильным. Ибо уже предъявил своё наивысшее оружие. Он уязвим. Видны все его слабые места: они именно там, где он старается показать свою силу. Это очевидно. Пытаться биться с человеком в момент его наивысшей ярости — это значит играть по его правилам и в момент его наибольшей силы. Эту агрессию нужно спустить в никуда, и, когда человек расслабился, считая своё дело сделанным, ударить в самое больное место. Достаточно и словом. Но страшным. Главное — удар должен сокрушать...

Пули Хюмри — просто пыльный кишлак с сеткой центральных улиц, представляющих из себя хаотичный рынок. Посреди кишлака проходит оживлённое шоссе, по которому, как рекой, приносятся и уносятся новые товары, грузовики, запчасти, свежие новости, люди, судьбы, горячий хлеб и сухой пыльный ветер. Приносятся рекой времени. Как и всё в этом сущем мире. Также, как и большинство городов и селений Востока, он создан благодаря этому местечковому базару, благодаря

возможности торговать, а не наоборот. Базар и даже базарчик для Средней Азии всегда является градообразующим предприятием, даже несмотря на наличие цементного завода в данном случае. И так было всегда. И эти скромные глиняные строения, кажется, исчезают и возрождаются на этом месте извечно. Всегда. 7-й по величине город страны? Просто удивительно. Да. Центр провинции Баглан... Я выхожу найти что-нибудь пожевать и некоторое время рассматриваю окружающую действительность, пытаюсь привыкнуть к ней. В переулке драный рыжий пёс вынюхивает что-то на твёрдой пыльной земле, заинтересованно петляя кругами... Что-то ищет. Под куполом неба парит одинокая птица. Тоже выглядывает себе что-нибудь в этой коричневой глиняной пустоте... Человек, птица, собака и даже куст шиповника за углом — мы все что-то ищем. Всё живое на этой земле ищет. Ищет возможность. Хотя жизнь и устроена так, что нам привычнее вглядываться лишь в то, что происходит у нас под носом... Но это не единственный путь.

«Та Файзабада чандэ километр? (До Файзабада сколько км?)» — спрашиваю я в открытую дверь у отдыхающего дальнбойщика. На пару секунд застыв, он, глянув на спидометр, тянется за мобильником, чтоб цифрами набрать число. «Двесат пянджест чехирь», — произносит он. 254. Эти слова не нуждаются в переводе. Значит, я уже близко...

Вечереет... Мы находимся в здании больницы в гостях у врачей, русских граждан, таджиков по национальности. Ещё в Таджикистане один из тех, с кем нам повезло пересечься, доктор Шагарф, порекомендовал нам посетить своего родственника, и мы, конечно, воспользовались этой возможностью... Доктор Низом оказался занят, на операции, но нас в его жилище радушно принимает его коллега, доктор Шараф. Здание похоже на неприступный форт. Вокруг пятиэтажки колючая проволока, сетка, шлагбаум и охрана с «калашами». Шарафу менее 40, достаточно молод и любознателен. Он не наигранно интересуется нашим взглядом на окружающую действительность и неизвестными ему новостями из другого мира. Высокопрофессиональный хирург, он уже 6 лет живёт в Афганистане, в целом чувствуя себя достаточно комфортно... Но его слова прозвучали неожиданно: «Знаешь, я и не удивлён, что вижу вас здесь», — говорит он. «Казалось бы, что вам здесь делать? Я бы посоветовал другие места для туризма... Однако раньше я многому удивлялся, но сейчас всё чаще думаю, что нашими поступками управляет Бог».

«Просто нет другого объяснения», — продолжает Шараф. «Я смотрю на свою жизнь, и вижу, что всё, чем я обладаю, сложилось само собой, даже как-то далеко не благодаря мне. Невесту мне подобрали ещё в юности, отучился там, где родители выбрали, ну, вернулся, свадьбу сыграли... — счастливое время было тогда... мечтали о всяком... Потом стал рассыпаться СССР и мы стали гнать русских, потом война... Я и не успевал задумываться много, просто это как в воздухе носилось: то надо, это надо, вот твой враг, вот не враг, делай так, а так не надо, будь как все... Дети, мир, работа — и снова всё будто изменилось... В жизни бы не предположил, что буду сейчас находиться в этом месте и с этими мыслями, но, знаешь..., я доволен! Спокоен как-то, счастлив, наверное, так это называется. Я бы в жизни не нашёл всего того, что стало моей судьбой, если б у меня получалось влиять на обстоятельства так, как я хочу... Потом я много думал, но иначе не могу объяснить свою жизнь кроме как волей Бога. И теперь не хочу больше искать, а просто хочу доверить свою судьбу. Ему. И всем советую».

Большинство людей убеждены, что в случае отсутствия принуждения, поступки и решения, предпринимаемые ими — это их собственные решения, воплощение именно их желаний.

Это — одна из глубочайших иллюзий.

Даже в случае, когда индивид полностью исполняет свою волю и во благо себе, далеко не факт, что первопричина этого — его собственное желание.

Просто однажды мы попадаем в цепь событий, которые будут предопределять наши дальнейшие действия, и не сходим с этой дороги уже никогда...

И получается, что жизнь — как скоростное шоссе, где ты вроде бы и видишь справа и слева места, которые собирался посетить, прокладывая по карте маршрут, но не можешь к ним съехать. Ведь для этого нужно потерять много километров, делая сложный разворот или объезд...

«Свадьба была обязательна. Ведь родители уже познакомились — как назад? Но сначала я выбрал профессию, отец хотел, чтобы я стал врачом. Учился я в России, а любимая меня ждала, пока не вернулся. Когда началась перестройка, мы погнали русских, потому нам говорили, что они враги. Потом мне показали других людей и сказали — вот твой враг. Так началась война. Потом все

говорили «нужно за Рахмонова», а сейчас я считаю, что он тупой чабан. Потом пришлось бежать, и я стал гражданином страны Россия. Потом Россия предложила мне работу здесь. И теперь жена приезжает ко мне в Афганистан, а не я к ней в Гарм...», — говорит Шараф.

Сейчас он собирается на мазар на пятничный намаз, как и каждую неделю...

Рождение, детство, учёба, свадьба, карьера, место жительства, друзья, убеждения — каждый из этих факторов определяет всю последующую жизнь человека. Всё более узко и всё более долгосрочно. Чертит линию; глубокую, как русло реки. Несложно заметить, что большинство этих факторов случайны или вытекают из предыдущих. После этого большая часть судьбы предопределена. Реки редко меняют русло в теснине гор.

«Зато теперь я молюсь и у меня всё хорошо», — говорит, улыбаясь, Шараф...

Значительная же часть наших желаний фактически навязана нам со стороны. При достаточно длительном воздействии нам начинает казаться, что это именно моё чувство. Так надо, так нужно мне.

И также часто мы думаем «как себя вести». Но вести себя куда не надо.

У нас гости. «О, вы идёте по следу Александра Великого?» — спрашивает Ариан — молодой афганец-дари, студент Кабульского университета, мечтающий в дальнейшем учиться в Москве. «Этот след здесь везде. Искандер прошёл вдоль всего нынешнего Афганистана с запада на восток и ч-з Хайберский проход вторгся в Индию. Некоторые изолированные племена высокогорного Памира считаются потомками его воинов. Калашаи, например. Им даже правительство Греции спонсировало образовательную программу...»

Я знаю... Хотя это и не совсем истина. Каждый мул говорит, что отец его — конь...

Ариан говорит на английском, и мне трудно ответить ему полновесно. Калашаи, ишкашим и ещё несколько древних племенных групп — суть самые что ни есть древние арии. Русоволосые, сероглазые, белокожие и высокие. Они не имеют отношения к Македонскому. Они были здесь и до него. И более оснований тратить деньги на их образование имеет правительство Белоруссии, России или Литвы, хотя все эти правительства и не догадываются об этом. «Матар, патар, дохтар, братар, гара, агн, вата» — «мать, отец, дочь, брат, гора, огонь, вода», и ещё сотни идентичных слов... Калашаи строят бревенчатые дома, что для Памира баснословно дорого, а также пользуются и вовсе экзотической для данных мест мебелью — стульями и столами.

«Не. Буриши, буришки», — говорю я. Вот это уже может быть... Племя, делящее пакистано-китайскую границу, долгое время считавшееся обладателем «автономного» языка, т.е. не входящего ни в одну языковую группу. Такие парадоксы бывают. На сегодня принято считать, что их диалект близок к давно уже мёртвому фригийскому диалекту индоевропейской семьи. А к Македонскому это уже близко.

Сказать, что Афган красив — именно неправильно. Он — сказочен, первобытен и нереален. Рядом, всегда в обозримой близости — снег и высокие снежные горы, бурные реки. Рядом — глинистые плоские равнины и одновременно — знойная пустыня с барханами и перекасти-полем и пышная растительность южного склона. Говорят, что восемь с половиной веков назад известный суфий Ибн Рушд, известный в Европе как Аверроэс, спросил у Аллаха: «...может ли Всемогущий создать такой камень, который не сможет поднять?» Аллах усмехнулся, и очертил землю вокруг хребта Гиндукуш. Всё здесь стало реальным, и всё — нереальным. Таков Афган и поныне. «У человека невозможно отобрать то, чего у него нет», — вот, что понимаешь здесь. Это очень глубокая мысль, которая могла бы сделать жизнь каждого из нас значительно проще... Эластичность спроса, индекс NASDAQ, пассивная безопасность, творческий поиск, перманентная депрессия, показания GPS-навигатора — в мире слишком много не существующих реально вещей, составляющих, однако, значительную часть наших стремлений и переживаний. Это просто слова, вокруг которых мы впустую убиваем свою жизнь. Жизнь состоит не из этого. Жизнь состоит из познания, испытания, любви... и — ответов человека на эти 3 вызова.

Афган поражает абсолютно. В этом смысле он непобедим. Здесь нет ничего...

Уже долгое время мы идём к своему Озеру, но видим вокруг всё большую нищету. Может ли быть это связано? О чём мечтают эти люди? Наша ошибка состоит в том, что мы стремимся чем-то обладать, чтобы иметь какой-то выбор, но, этим самым, сужаем его. Но лишь не имея ничего, я мог мечтать по-настоящему... Однако сказать, что эти люди, в чём-то лишённые привычных нам благ цивилизации, обладают более высокой моралью и находятся в духовном поиске, тоже нельзя...

Голодному снится хлеб.

Я смотрю на металлическую лопатку в руках шашлычника. Явно старинное металлическое изделие... Покрыто затейливым орнаментом, с изящным загибом для того, чтоб было удобно вешать на край мангала или котла. И созданное лишь для того, чтоб переворачивать угольки... Может, оно досталось ему по наследству? Кто знает? Как получилось так, что раньше люди даже самую незначительную вещь пытались сделать надёжно, красиво, изящно и на века, а сейчас создают лишь на время, предусмотренное возможным сроком службы? На раз. Здесь я ещё могу встретить красивую старинную повозку, вижу древние каменные крепости, колодцы, поившие армию Македонского, архаичный инструментарий уличных сапожников и кованые серые ножи... Но там, у меня дома, я имею автомобиль с ограниченным сроком службы, сезонные шины, съёмную квартиру, одежду, актуальную лишь пока жив тренд, временную дружбу и одноразовые отношения. Да, это удобно, потому что дёшево... Но, может, есть вещи, которые не должны быть дешёвыми? Дружба, например? Хотя ведь, действительно удобно: надоело — выкинул, купил новое... Поигрался — на свалку... Но незаметно мы точно так же стали относиться друг к другу... Нам слишком многое стало доступно. Надоел — пошёл вон. Другого найду. И так, постепенно, осознавая это, мы и сами уже строим отношения. Страхуясь. Недорого. Безболезненно. Не выкладываясь. На время. Мы и сами стали дешёвы. Именно поэтому когда-нибудь я израсходуюсь. Тогда выкинут и меня.

В старом глиняном мангале, на котором жарится шашлык, лишь несколько пыльных угольков на шершавом дне. Тем не менее, этого хватает для того, чтобы поджарить сочное мясо. И вижу подобное я не впервые... Может, у местной древесины такая теплоотдача? Саксаул, что ли? Дрова здесь стоят очень дорого, а центральное место каждого крупного кишлака занимает дровяной рынок. Ряды длинных кривых жердей и охапки сухих веток — мы навряд ли посчитали бы это достойным оплаты товаром... Но здесь это ценность. Интересно, какие чувства вызвал бы у этого пуштуна вид звонко раскалывающихся дубовых чурбаков перед баней моего отца в субботний день? Дерево? В огонь? Ё! Под навесом у шашлычника тут же висит полторы бараньих туши, от которых он отрезает «на производство» или на продажу нужные куски. Без всякого холодильника, на обочине пыльной улицы... Хе-хе. Экзотика. «Вегетариан?» — подмигнув, спрашивает он. «На, на вегетариан, ман шер», — как могу, отвечаю я. «Шер?» — переспрашивает он. Может, я сказал что-то неправильное? Но если б был «вегетариан», то мне бы заботливо повыкидывали палочкой мясо из плова и с улыбкой подали бы: «алия!» Всё для клиента! Тоскливо на шашлычника поглядывает уличный пёс. Ему бы эти полтушки... Немного приблизившись, пуштун резко наклоняется к земле, изображая, будто бы хватая камень. Пёс со всех ног уносится в переулочек. Условный инстинкт.

Мир, в котором мы живём, полон трусов. Даже, вернее сказать, что почти только из них и состоит. И вот эти трусы пытаются унижить тебя, отгрызают кусок у слабых, собираются в стаи, чтоб разделять ответственность и риски, пытаются обзавестись внешними признаками статуса, проворачивают тайком дела и мыслишки, рвутся во власть чтоб управлять тобой и, что очень страшно, спешат нажать на курок, как только видят тебя во весь рост. Потому что они боятся тебя. Потому что они слабее. Это страшно. И вот ты стоишь посреди этой суетливой, паникующей толпы, не желая никому причинять вред, но уже самим своим присутствием кому-то ты помешал. Потому что каждый их маленький страх гипертрофирован в трусливом сознании до необъятных размеров. Тысячи, тысячи людей. Тысячи маленьких страхов, каждый из которых дороже достоинства, справедливости, и даже жизни другого человека. Это и есть самое страшное.

Когда я вошёл в павильон, было уже поздно... На входе толпились санитары и опера. Пол был покрыт толстым слоем густой багровой крови. Молоток, которым ей разбили голову, борозда от пальцев ладони на стекле витрины, проведённая уже по крови. И я подумал: «...Это невозможно. Даже если есть хоть малейший шанс, я хочу, чтоб она жила. Потому что это нереально. И несправедливо. Почему не я? Почему не кто-то другой? Это несправедливо...» Я помог санитарам собрать осколки черепа, которые могли пригодиться, и, впуская оперативников, закурил. Совершенно чётко приходило на ум, какие действия я должен совершить в ближайшие часы, какие запросы, данные, распечатки, телефонные номера и персоналии. Врачи, связи, лучшие лекарства и реагенты. Сознание было абсолютно ясным. Когда все ушли, выкурив пару сигарет в тишине, я позвонил сестре, достал вёдра, тряпки, и стал последовательно и аккуратно вымывать помещение. Закончилась одна жизнь и началась другая. Это было очевидно. Настолько это было очевидно, что я, вероятно, хотел

тряпкой смыть всю эту старую жизнь, которая так нелепо закончилась, из этого помещения, из сознания, и вообще из реальности. Чтоб начать новую. Но то, что можно смыть с пола, невозможно смыть с души.

«У тебя есть дом?» Это первый и самый важный вопрос после знакомства. Понятие это на Востоке дорого и священо. «У-у-у! У твоих родителей нет жилья? Есть? Так почему ты там не живёшь? Ты в другом городе? В доме родителей уже живут семьи братьев? Тебя не любит отец?» Их понятие «дом» начинается с большого квадрата (соток 30) глиняного дувала. Внутри этой ограды, когда войдёшь, видишь пристроенную к одной из сторон (углов) прямоугольную коричневую мазанку с плоской крышей. Это уже и есть дом. Те, кто побогаче, строят и крупные строения по всему периметру. Так каждый двор превращается в небольшую крепость с внутренним двориком. Те, кто победнее — ограничиваются простой хибарой. Окон наружу никогда нет. Что происходит внутри — никому не должно быть известно. Желательно, чтоб даже Аллаху. Само жилище часто, в нашем понимании, вообще без мебели. Лежаки, или матрасы, иногда шкаф. Едят на полу, вилок и ложек тоже нет. Даже богатые люди, вероятно, пользуются лепёшкой и, может, ножом. Нам стелят «дастархан» — широкую клеёнку выполняющую роль скатерти. Ноги уже порядком подзатекли сидеть на полу... Пожилой пакистанец Наджаф вносит по порции очень вкусного супа, шорба — в каждой порции цельный кусок мяса, 1 целая морковь, 1 картофелина и 1 кусок кабачка. Так удобнее есть. Вилки и ложки, как я уже сказал, нет, я достаю нож, насаживаю мясо из супа, откусываю, отхлёбываю, отдаю нож Тимуру. Тот, не умея, но будучи голодным, ловко оперирует. Все вокруг улыбнулись... «Картошка стоит 5 афгани., — говорит Наджаф, — ...а улыбка бесценна».

«Все деньги мира здесь, за эти окном», — говорит Шараф. И он прав. Кроме обескураживающей нищеты, в Афгане много очень богатых людей. Например, официально, через аэропорт, вывоз наличной валюты из Афганистана в предыдущем 2011г составил сумму, равную бюджету страны. Откуда? По дорогам то и дело снуют новые «лэндкрузеры» без номеров с пулемётами на крышах и вооружёнными головорезами в кузовах. Это уважаемые люди и их охрана.

«3 млн долларов!» — продолжает Шараф, показывая на похожий на крепость особняк с вертолётной площадкой на крыше. Ого! Это уже цены Лондона. Однако видно, как плиточное покрытие, на 30см выходящее из-под высоченных ворот, заканчивается. Далее следует 2 метра ухабов, а потом уже нормальный «государственный» асфальт.

«Видишь, местный бай и трёх метров асфальта не хочет проложить за своими воротами. Они считают, что это должен сделать кто-то другой. СССР, афганское государство или американцы. Кто-то другой. Африканская болезнь. На те деньги, которые выделили «на развитие» Афганистану Европа и США, можно было бы построить 100 маленьких Лондонов. Очень много денег. Очень. Но пока что Кундуз, Баглан, Талукан, Шибарган (всё это центры провинций) — просто пыльные кишлаки битком набитые беднотой, со зданиями администрации на окраинах, оцетинившимися пулемётами из всех окон. В Афгане всего только 4 города! Кабул, древняя столица Герат, Кандагар и Мазари-Шариф. Всё... И где деньги, Женья?» «Сытый нарежет ломти голодному не спеша».

Человеческие достоинства лучше рассматривать через прицел. Безопаснее. И не только метафорически. Полезно знать, что человеку, держащему в руках «АКМ», легче отстреливаться по часовой стрелке, поливая огнём пространство от себя вправо-наружу. А выхватившему «макаров» или старенький «ТТ» — против часовой, закручивая стрельбу влево-внутри. Также нужно знать, что лучшее — это всегда заранее держать на мушке ситуацию, не дожидаясь, пока действующие лица осознают возможные вариации своих степеней свободы. Это имеет отношение как к войне, так и к жизни вообще. В полной мере люди непрогнозируемы. Чем больше людей участвует в системе, тем более эта система нестабильна. И фейерверк забавных и драматических проявлений человеческого ума будет радовать вас бесконечно... Чтобы не ошибаться в прогнозах, насчёт того, «что могут» ваши индивиды, достаточно обладать знанием того, что они «не могут». Одно я знаю точно: почти никто из них не способен встать из укрытия и, вскинув ствол, сделать 3 прямых прицельных выстрела...

Люди боятся. Вне экстремальных ситуаций мы живём в мире своих страхов, опасений, целесообразности. В мире выбора «правильного» действия. И поэтому, человек, встающий в рост из окопа, поднимает вместе с собой весь этот сонм сдержек и противовесов. И это заставляет его замешкаться. В этот момент человек беззащитен и уязвим. Именно в этот момент, когда хочется спрятаться под стол, оппонента легко смутить и сбить с толку. Ведь ему нужно сделать «правильно», наилучшим об-

разом. Ведь мы всегда стараемся поступить «правильно». А добивается успеха всегда только тот, кто отбрасывает сомнения... Я не говорю про войну. Я говорю про целесообразность. Бывает время, когда нужно действовать. Просто действовать — и всё. Неважно, правильным это окажется, или нет.

Когда-то мне казалось, что если я убью человека, то этим разом решу свои проблемы... Действительно, этот человек и являлся моей единственной проблемой. Мне не давало покоя чувство нереализованной справедливости, попрания закона, торжества наказания. Короче, я хотел мстить... Старая незарегистрированная двустволка, которая стояла у бати за шкафом, была опилена, укорочена, отстреляна и удобна. Наверяд ли до сих пор отец знает, куда она делась... Недешёвый австрийский «Glok», которые тогда наши бандюганы завозили из Боснии ч-з Польшу, был уже кем-то засвечен, но всё-таки, на всякий случай, лежал под сиденьем. Телефон был оставлен сотруднику с просьбой находиться весь вечер у меня дома, также были даны указания сделать пару звонков, на случай, если попаду в разработку и будет проверяться биллинг. Плюс раз в час отвечать на е-м, которых по работе ко мне приходит всегда много. Такое косвенное, непрочное алиби всегда надёжней того, для которого необходим второй человек. Ибо ты рассчитываешь только на себя... Уже 2 месяца, как я следил и искал... Я осторожничал и работал только с «ментами», которые, таким образом, не могли бы в случае чего свидетельствовать, не подставив себя. Сотрудничать с местными авторитетами — пройденный этап: если знают двое — знают все. Ну и нервничал немного... Мой кандидат, видимо, не имел прав, и поэтому, передвигался или пешком, или привлекая двух знакомых шнырей. Всё это сильно облегчало наблюдение. Два раза возле дома его проживания я замечал оперативников и одного из них даже знал — Артур Гусев, из РОВД Балтийского р-на. Ребята, однозначно, работали над тем же делом, что и я. Это, в свою очередь, сильно затрудняло процесс, но я был упорней. Так или иначе, этот день настал.

На промежутке между Пули-Хумри и перевалом Саланг дорога начинает петлять по всё более сужающимся ущельям Гиндукуша. Периодически открывая нашему взору то широкие просветы долин, то близкие мутные ручьи, выползающие на плоскую равнину, то снежные шапки высоких вершин. В какой-то момент дорога круто взбирается вверх, получая справа пропасть, а слева вертикальную скальную стену. «Неприступно узкий проход, — подумалось мне. — Идеальное место для засад». И вдруг, за виражом шоссе открылись взору распластанные буквально по стене скалы корпуса БТР и внизу, в пропасти — ржавые остовы нескольких поколений всяческой техники. Страшная картина. «Чёрт возьми. Это всё судьбы». На недостижимой высоте скального утёса надпись: «56-ОДШБ». Русские. И смерть и драма, победа и поражение. Чёрт! Возможна ли вообще победа без драмы? Ребята, ребята.. Что мы здесь забыли? Сколько народов прошло здесь, оставив своих смельчаков этим скалам?

Афган таков и поныне. Неуютен для всех пришельцев... Что значит для афганцев эта надпись сейчас? След прошедшей истории? Печать очередного завоевателя? Не приравняла ли память народа и нас, далёких русских, к ордам Чингисхана? Чингисхан. Спросить бы у него. А что здесь от него осталось? Только хазарейцы. Может, они и скажут?

Горсть плоских строений или одно большое помещение с лампочкой и лежаками, на которых лежат свёрнутые матрасы — это и есть афганский отель. Обувь нужно оставить на входе (как и везде в Афгане). Разворачиваем матрац, выключаем свет, залазим в спальный мешок — и... всю ночь наслаждаемся лаем собак и неистовой переключкой ишаков. Ну, надо же! А мне говорили, что в Иране и Афганистане преследуют собак; типа — грязное животное..! Не, живут себе... Ишаки — это отдельная тема. Во-первых нигде больше мы с Тимуром такого количества осликов не видели и не увидим... Во-вторых, рёв ишака сравним лишь с гудком судна, заходящего в порт. Дыхалка у маленького серого создания — что надо. Уже когда ты слышишь «..и-и-иИИИ» — т.е. как ишак в километре от тебя набирает воздух в лёгкие, чтоб ответить на предыдущий вопль своего коллеги, уже понятно, какой продолжительный гудок за этим последует... Реальная, дикая экзотика. Тем не менее, наступает ночь и мы засыпаем... Но распаивается дверь (замков в Афгане не бывает), включается свет, и вваливается очередной постоялец — один или с семьёй. Я, поднявшись, смотрю молча в глаза, потом говорю «салям», ложусь, и дальше пытаюсь найти прекрасное в воплях маленьких беспощадных гужевого животных... Сон.

Завершение романа читайте в следующем номере журнала

Проза

Александр Чумиков

От автора.

Имя и фамилия автора подлинны.

Кто хочет узнать больше, найдёт информацию известным и самым популярным в XXI веке способом. Или напишет на chumikov@pr-club.com или, в конце концов, на «Фейсбук» зайдёт...

Москва-400: едем мы из Жанжибая

Повесть

Тем, с кем служил, однако далеко не всем, посвящаю...

Часть I. В СОЮЗЕ

1972. Уже и ещё. Что было и чего не было.

В 1972-м Великая Отечественная уже стала прошлым. Но фронтовики — наши отцы и деды, ходили вполне молодыми. Ну, представьте, мужикам двадцатых годов рождения было всего-то вокруг пятидесяти лет. В частях служили фронтовики ТОЙ войны: и старшины, и офицеры, и генералы.

Уже завершилась победная и скоротечная война с Японией 1945-го, после чего весь остров Сахалин и Курильские острова отошли к нам.

А также Корейская война 1950—53-го, о которой мы не особенно знали.

Уже преодолён Карибский кризис 62-го — конфликт между СССР и США, связанный с размещением советских ракет на Кубе.

В 69-м произошли приграничные боевые столкновения с Китаем вокруг спорной территории острова Даманский. Те напали внезапно, положили две пограничные заставы. А мы, установками «Град», пожгли тысячи доблестных китайских воинов.

Закончилась арабо-израильская «война на истощение» в Египте 67—70-го.

Ещё шла война во Вьетнаме (1965—74), когда американцы заливали напалмом вьетнамские джунгли, а вьетнамцы в ответ изощрённо, без нашей помощи, убивали американцев. А уже с нашей помощью — интеллигентно, тактично и конкретно сбивали «ихние» самолёты. Помните песню «Чижа»:

— Отвечал мне тот раскосый,
Что командовал допросом,
Сбил тебя наш лётчик
Ли — Си — Цын..

Ещё не настало время «войны Судного дня» — очередного арабо-израильского военного столкновения в Египте (1973), где мы были всецело на стороне арабов

Ещё нет «чужих» войн в Афганистане и Анголе, Эфиопии и Сирии; нет «своей» войны в Чечне.

Разумеется, приведённый список стран и войн, в которых советские, а далее российские военные принимали участие до и после 1972 года, не является исчерпывающим. Воевали практически всегда и в большинстве случаев на чужих территориях. Хотелось бы малой кровью, по старой доктрине, да не всегда получалось.

В 72-м ещё был Варшавский Договор, куда, наряду с Союзом Советских Социалистических Республик — СССР, входили «друзья»: «северная группа войск» — Германская Демократическая Республика (ГДР), Польша, Чехословакия; и «южная группа» — Болгария, Венгрия, Румыния. А солдат-дембелей спрашивали: «Ты где служил, в Союзе или в Загранке?».

Был почтовый адрес «Москва-400», которым прежде обозначались и некоторые из перечисленных «огнеопасных» территорий, и, например, космодром Байконур.

Ещё весело пели «Не плачь, девчонка, пройдут дожди!...». Ещё не пели грустно «В Афганистане, в «чёрном тюльпане»...».

Была Советская Армия, несокрушимая и легендарная. И фильм «Максим Перепелица» середины пятидесятых, где деревенского парня-раздолбая не хотят брать в эту армию. Что для него и односельчан — позор и трагедия. Как можно не служить: в такой армии, в такой стране?!

И не было фильма «ДМБ» начала двухтысячных, где призывники только и думают, как «откосить» от новой российской армии. Что вызывало смех зрителей и уважение к смекалке «косильщиков». Кому и за что служить: в непонятной армии, в неведомой стране?!

Вот так складывался, как сегодня модно говорить, мой стартовый контекст.

Кстати, в фильме «ДМБ» есть следующий эпизод. В казарме инсценируют, как «дед» едет на дембель: «салаги» раскачивают ему кровать и машут ветками справа и слева (это лес проносится за окном поезда), а «дед» стучит чайной ложечкой по стакану и кричит: «Проводник, чаю!».

И я ехал на дембель в поезде «Одесса-Москва». На столе и чай, и водка. Под сиденьем чемодан с советским сержантским мундиром, который ни разу не надевал, армейскими значками, которые ни разу не носил. Прямо как мундир советского разведчика Александра Белова — тогдашнего советского Джеймса Бонда, в фильме «Щит и меч» — моём самом любимом. Александр, прежде ходивший в немецкой форме, наконец, оказывается на родной территории, в госпитале. Открывается чемодан, а там офицерский мундир со множеством орденов. Ни офицерских звёзд, ни орденов у меня, конечно, не было, но в остальном так же. «С секретным предписанием!».

— Одесса, милая, привет тебе, привет!
Простым солдатом прослужил я пару лет,
Пусть снег летит из-под колёс по мостовой,
А в декабре мы все воротимся домой!...

Впрочем, сие произошло не скоро.

В 72-м был не дембель, а призыв! Но я, московский парень Свирич Саша, и мои друзья уже не были «максимами перепелицами» — хотя те ещё долго оставались в деревнях. Там имел место незыблемый тезис, мотивированный главным образом девушками и, собственно говоря, всеми отслужившими ранее: «какой же ты мужик, если в армии не был?!». В малых городах и рабочих посёлках данный тезис имел дополнительную модификацию, исходившую, как правило, от родителей: «иди в армию — может, она тебя образумит». Что в переводе означало: в противном случае либо сопьёшься, либо тебя посадят.

А нам, некоторой категории московских школьников, в армию идти не хотелось. И росли вроде бы не в закрытом охраняемом пространстве, как многие столичные дети сейчас, а во дворах. И курили-пили, дрались в кровь, в карты играли, но всё же видели себя в другом разрезе.

Понимали, что лучший цивилизованный способ уклониться от армии или получить отсрочку — дневной институт с военной кафедрой и месячными сборами вместо двухлетней службы. Без военной кафедры тоже приемлемо, потом можно в аспирантуре зацепиться или как-то по-другому. А если и пойти в армию после ВУЗа, то только на год.

Заканчиваю десятый гуманитарный класс знаменитой столичной школы на Кутузовском проспекте и мечтаю о журналистике. Хожу в Школу юного журналиста МГУ им. Михайлы Васильича Ломоносова. Печатаюсь в многотиражке Шелково-ткацкого комбината им. Розы Люксембург «Красная Роза» и даже, страшно сказать, в «Московском комсомольце». В школе учусь вместе с детьми и племянниками членов правительства и партийных функционеров, ракетных академиков и дипломатов, артистов и писателей.

Куда поступать? Ясное дело, в МГИМО — Московский государственный институт международных отношений. Но то ли потому, что у членов, академиков и дипломатов есть свои дети, то ли по другим причинам, однако «пролетаю», не добрав нужного числа баллов на экзаменах.

Резервный вариант — журфак МГУ. И опять пролёт. Меж тем август, а в ноябре мне исполнится восемнадцать. В почтовом ящике уже лежит предпривычная повестка в военкомат.

И вот здесь самое время перейти к собственно армейской истории.

Это не автобиография. Это просто повесть с собирательными образами персон и армии, как таковой. Впрочем, порядка девяноста процентов событий и территорий абсолютно реальны. Люди вообще все реальные, но... столько же процентов фамилий изменены. У иных, хороших людей, свои фамилии остались, у проблемных лиц — нет. Получается, что большинство проблемных? Получается, что да.

Классическая схема построения некоторого рассказа диктует: скажи, о чем ты хочешь рассказать — расскажи это — скажи, о чем ты рассказал.

Я хочу рассказать о том, как в армии, в нормальных, не очень нормальных, а также экстремальных условиях мальчик превращается в нормального российского мужика. А порой в кого-то иного, ненормального и нероссийского.

Хочу поведать, какой была армия в то время, причём, неодинаковой в разных местах: будь то подготовка бойцов, быт, личные взаимоотношения. Чтоб сравнивали со своим опытом те, кто служил до того, тогда и сейчас.

А что, есть кто-то, кого это не касается? Вряд ли. Мамы-папы, друзья-товарищи, жёны и возлюбленные, дети и внуки солдатиков — всех касается!

Сейчас по-другому? Что-то по-другому. А что-то так же, как в 72-м. И даже как сто лет назад. Пацаны служат, делятся впечатлениями. Ну, и я поделюсь.

Человек полагает, а майор Барканов располагает.

Характерная беседа трёх студентов упомянутого выше МГИМО:

— У тебя папа кто?

— Секретарь обкома партии.

— Нормально!

— А у тебя?

— Председатель горисполкома.

— Неплохо!

— А у тебя? (обращаясь к третьему собеседнику).

— У меня папа так... никто...

— Ну-у-у-у.

— У меня мама зампред Совета министров!

У меня папа — полковник в центральном аппарате Министерства обороны СССР. Он, конечно, может решить вопрос с отсрочкой из армии. Но до этого не доходит, поскольку мама — хотя всего-навсего школьная учительница, но некоторые родители учеников занимают посты, позволяющие попросить военкомат о содействии.

— Ну, что ж, Саша, раз так сложилось. Иди в военкомат к майору Барканову и скажи, что ты от полковника Логуткина. Он сделает отсрочку на год, поработаешь в своей журналистике, а там поступишь в институт.

Иду к Барканову, мол, от такого-то. Майор с полным пониманием, помочь обещает и только один вопрос задает: у тебя день рождения когда? Называю дату.

— В этот день зайди на минутку, уладим формальности окончательно.

Родителям доложил, они довольны, а я сел в электричку с одноклассником Саней Давыдовым, приехал в город Одинцово Московской области и устроился корреспондентом районно-городской газеты «Новые рубежи». Позднее выяснилось, что многие журналистские авторитеты из нее вышли.

Ездили с Саней по полям, фермам, писали интервью и репортажи в рубриках «Пьянству — бой!» и «Молодежь остается в селе». Пьяниц находили прямо в вытрезвителе. Творческая молодежь из газеты предлагала: давайте вас прямо «туда» посадим, во какой будет материал! А что, давайте! И общались с ребятами, сидевшими в КПЗ за драку, пьянство, воровство, слушали их откровения.

А про «остающуюся в селе» молодежь — как повезёт. Бывало, и не находишь, — все норвят

в город слинять. Это сейчас Одинцовский район один из самых богатых в Подмосковье, да и в стране; там, к слову, знаменитая Рублёвка с VIP-дворцами, дорогими магазинами и ресторанами. А тогда Рублёвка была деревней.

Проработав месяца три в «Новых рубежах», совершаю «головкружительный взлёт» и перехожу курьером в «Советский спорт»: должность скромная, но газета ого-го, перспектива роста есть. Развожу «Спорт» — затаите дыхание — членам Политбюро ЦК КПСС, министрам и прочее. Не лично, конечно, а в канцелярию. Но канцелярские относятся с уважением, тем более, что на чёрной «Волге» с водителем езжу.

В искомый день рождения иду в военкомат. Останавливаюсь у близстоящей палатки и беру кружку пива. А было такое общедоступное удовольствие, да. Стоило двадцать две копейки за большую кружку и одиннадцать копеек за маленькую. Сорт пива предлагался один, условно называемый «жигулёвским»; его через шланг заливала в палатку машина типа бензовоза. То есть выбор отсутствовал, хочешь пей — хочешь нет. Хочу! Выпиваю и к Барканову.

— Ты, — говорит майор, — кто?

— Я — Свирин.

— И что?

— Вы просили в день рождения зайти.

— Сейчас посмотрим (роется в документах). На тебя почему-то ничего нет. Ну, это ладно, потом оформим. Иди в комнату номер пятнадцать.

Открываю дверь в нужную комнату, вижу стол под зеленым сукном, а вокруг него с десяток серьезных людей.

— Молодой человек, решением призывной комиссии Вы призываетесь в артиллерию...

— А... Да я, да мы...

Культурный шок и запоздалое осознание ошибочности мысли о том, что майор Барканов после первой встречи запомнил меня на всю жизнь.

Помните, у Высоцкого в песне «Инструкция перед поездкой»: «К трапу я, а сзади в спину, будто лай: «На кого ты нас покинул, Николай?!»». Ну, вот так и происходило. Родители суетятся, пытаются остановить процесс, да бесполезно; бабушка плачет, любимая девушка — десятиклассница Лена — рыдает, поступившие в институты однокашники сочувственно качают головами.

Вечером накануне явки с вещами в военкомат ко мне домой приходят гости и начинается действие, единственное и неповторимое в своём роде: не праздник, не торжество, но и не поминки же, с другой стороны. Проводы. Которые долгие и где слёзы лишние.

Семь ребят и пять девчонок. Всем семнадцать-восемнадцать, шестнадцать одной Лене. С одними учились, с другими росли. Стол накрыт, закуски, бутылки с сухим и креплённым вином. Вообще, мы пили тогда немного. Скажем, бутылки портвейна на двоих, а то и на троих в большинстве случаев хватало. Водку и совсем не употребляли.

Разговоры за столом вполне обычные: весёлые случаи, анекдоты, споры. Обстановка подобная той, что бывает на Дне рождения. Даже со свечами и танцами! И я почти забыл, что такого не будет целых два года...

Ушли с Леной в другую комнату. Сексуальные потребности у парня восемнадцати лет, разумеется, присутствуют, и в той или иной мере реализуются, как было и у меня. Но что обидно: уходишь в армию в период, когда поиметь хочется всё, что шевелится, а тут впереди такой облом. Хотя впоследствии жизнь покажет, что сексперспективы, пусть и минимальные, в армии существуют.

Последние прикосновения, поцелуи. Описать в подробностях? Как «ласкал то-то и то-то»? Но я же не Иван Бунин и даже не Юрий Поляков — гарантированно проиграю им на эротическом поле, а поэтому воздержусь. К тому же и не ласкал.

Впрочем, было, было... С Леной, да не с той. После девятого класса проходил практику в «Интуристе», машинисткой; у нас в гуманитарном классе на уроках труда вместо вытачивания молотков из цельного куска металла была машинопись и стенография. И вот там... девушка девятнадцати лет, в «Интуристе» работала и в цирке в гимнастической группе выступала. Как у Булата Окуджавы:

— Она по проволоке ходила,

Махала белою ногой

И страсть Морозова (в данном случае, меня) схватила

Своей мозолистой рукой...

А я кто? Сопляк, едва шестнадцать исполнилось, хотя и с большим самомнением. Но как-то получилось, не знаю до сих пор, смех-смехом, а прямо в телефонной будке... Продолжения в виде сексуальных ночей-вечеров не случилось — может, настрой у неё такой единовременный имел место, у женщин случается — так что вспомнить об этом больше и нечего.

Не знаю, о чём со своей, не из «Интуриста» Леной говорить. Спрашивать поминутно, станет ли она ждать меня? Ну, естественно, ответит, что да. Значительно позже, через месяцы встанет совсем иной вопрос: а надо ли ждать-то, что из этого выйдет? А пока: «Ты только жди меня!».

Военкомат. Стрижка наголо за один рубль. Почему рубль-то, я ж сюда не напрашивался? Да порядок такой: сказали рубль, значит, рубль.

Городской сборный пункт призывников на Угрешской улице в Москве. Места «для полежать» не всем хватает, только посидеть. Да и не спится.

Поезд, третья боковая полка в плацкарте в обнимку с отопительной трубой. Игра в карманные шахматы с земляком Юрой. Скука и безысходная тоска. Что делать? А делать абсолютно нечего, часы и минуты тянутся неимоверно долго. В течение нескольких дней нудная езда в непонятном направлении, с пересадками и ночевками в каких-то клубах, на вокзалах. Сегодня движемся на запад, а завтра почему-то на восток. Кто я, где я? Наконец, объявляют: мы прибыли на Украину, в славный город Новоград-Волынский Житомирской области.

Казарма. Контингент. Кушать.

Казарма на сто человек — это один из дивизионов бригады, общая численность которой восемьсот бойцов. Сортир на улице в полстах метрах от казармы. Как быть, если зимней ночью захочется пойти пописать? Инструкция гласит: шинель в рукава (внакидку, по гражданскому) и вперёд. А можно пройти не пятьдесят метров (зачем так далеко?), а, скажем, тридцать..., двадцать..., пять, в конце концов! Можно и рядом с подъездом, кто ж за тобой ночью присмотрит. Бодрым солнечным утром на снегу переливаются радуги, художник-импрессионист позавидовал бы; масштабное полотно от входа в казарму до сортира.

Когда ложишься спать, обмундирование складываешь на табуретку. Рядом сапоги, на них «душистые» портянки, отходившие целый день и меняющиеся раз в неделю. Наиболее остро палитру казарменных запахов ощущаешь, когдаходишь в помещение, например, с морозца.

Умываться обязательно «топлесс», а если на армейском языке, то «с голым торсом». Бриться обязательно. Но чем, если красивый бритвенный набор со станком, помазком, аккуратными баночками-чашечками у меня украли из тумбочки в первую же ночь? Получил замечание за небритость, а на объяснение выдали дельный совет: «Не надо ..... (ртом) щелкать!». Написал письмо домой, попросил прислать электробритву, комсомольский значок и какую-нибудь книгу из тех, что проходили в школе, для последующей подготовки в институт. Бритву прислали, ей потом пользовалось полбатареи; за месяц убили бритву насмерть.

Отбой теоретически в десять, подъём теоретически в шесть. Практически отбой может быть позже, а подъём раньше.

Это как? Почему? А вот как: когда старшина батареи бравый прапорщик Плугаторенко...

О прапорщиках. Встречались ещё старшины, из которых прапоры и произошли, с фронтовым опытом, понимавшие службу и не знавшие ничего другого; реальные армейские «отцы», ответственные и бережливые к солдатикам. И слово «сын» из их уст звучало по-отечески, и хотелось иногда припасть к ним и посоветоваться, поделиться сокровенным.

Но по большей части встречались «куски», так назывался прапорщик на армейском сленге. В соответствии с двумя маленькими звёздочками вдоль погона — генерал-лейтенант в миниатюре! Про которых ходили анекдоты: мол, вводят специальную форму для прапоров, с одним погоном, чтобы другой погон не протирался, когда со склада мешок на плече ..... (уносишь).

Плугаторенко построил подразделение и скомандовал: «Равняйся!»! В это время я вынул из кармана платок, а по команде «смирно» высморкался. Нет, без намерений продемонстрировать неуважение к «куску» и его командам, просто в носу защипало. Так получил свой первый наряд вне очереди и до часу ночи занимался уборкой помещений.

Когда сколько-то дней спустя убирал те же помещения уже в плановом порядке, с проверкой

пришёл его «высокопревосходительство» командир бригады товарищ полковник Седов. Я вытянулся по стойке «смирно» и платок доставать из кармана не стал. А полковник Седов достал. Платок был белоснежный и накрахмаленный. И вот этим платком товарищ командир зачем-то провёл по полке для головных уборов, а затем и вовсе под кроватью. Платок почернел. Полковник, даже не глядя на меня, «вставил» за это командиру батареи капитану Чекушкину и «куску» Плугаторенко. Когда комбриг ушёл, комбат коротко кивнул старшине батареи и произнёс: «Разберитесь». «Кусок» словами, среди которых с трудом обнаруживались цензурные, оценил мою работу. А затем сказал что-то о любви к моим родственникам, которые очень хорошо меня воспитали, и клятвенно пообещал, что убирать казарму я буду теперь до своего дембеля, куда так с тряпкой и пойду, если дембель в принципе случится. И снова три часа сна долой.

Постепенно я стал профессиональным мойщиком полов. В одну из суббот даже поставил рекорд: до завтрака мыл полы в казарме, после завтрака в столовой, после обеда в штабе. Не сразу, но постепенно начал испытывать от этого мазохистское удовольствие. А впрочем, это нормально. Вот вам житейское наблюдение! Клеите, например, обои в квартире. Плохо получается без опыта: одну стену заклеил криво, переклеил, другую, там-сям накосычил-поправил. А заканчиваешь — и уже профессионал; в пору бизнес по клейке обоев открывать! Да не нужно, к сожалению, следующая клейка произойдёт лет через десять... Но с ежедневным, и даже через два, через три дня мытьем полов квалификация не забывается, а только совершенствуется!

То же с внеочередными нарядами в принципе. Достал я одного сержанта-старика своей невежливостью, он меня заставил зубной щёткой лестницу чистить. Пожалуйста, но ведь и тебе со мной вместе придется «париться», спать не будешь. А если уснешь, я сразу зубную щётку и брошу. Позверствует сержант, поощряет, поймёт, что «положил я на него и на зубную щётку... с прибором», а потом присядет, достанет пачку сигарет и по-простому так: «Эх, сынок, службу ты ещё не понял...». Ладно, завязываем, дескать; давай покурим и пойдём спать.

Бывали и другие варианты. Медленно и тщательно подметаю мусор. Наблюдающий сержант: «Салабон! Что, разрядился? Зарядка нужна? Бегом!» Далее трасса полтора километра. Я бегу с удовольствием — на гражданке регулярно бегал — в конце дистанции шагом иду, дышу свежим воздухом, хорошо-то как: «Всё нормально, Саня, так держать!».

Сержант встречает и с горечью резюмирует: «Нет в тебе ничего солдатского, только форма одна».

«Так и ... (ладно)», — говорю, — а сам ты что, в «куски» решил после дембеля? Лично мне не надо».

Боевая подготовка в армии, конечно, есть, о ней доложу позже, но и небоевых работ хватает, очередных и внеочередных. Воскресенье. Выстроил прапорщик солдатский состав и заманивает:

— Сегодня выходной день, но есть блатная работа.

Голос из строя:

— Какая?

«Кусок»:

— Печенье перебирать, мошки в нём какие-то завелись, но надо только два добровольца.

Одно полушарие мозга призывает меня рвануться вперёд, но другое велит чуть подождать. В итоге вперёд выскочили не слишком задумчивые.

— Молодцы, быстро реагируете. Пойдёте чистить свинарник — там быстрая реакция очень нужна!

Пару слов о контингенте дивизиона и бригады в целом. Здесь не менее половины украинцев, причём единой национальной общины не наблюдалось. Символически это выглядело так: одни называли столицей Украины «Киев», другие — «Львив» (украинское произношение). Первые называли «львовцев» «западнцами» и даже «бандеровцами», а вторые «киевлян» «кацапами» и даже «москалями». Порой это звучало как шутка, а зачастую и нет.

Следующая по численности категория — узбеки. Им стремительно приходилось отвыкать от родных обычаев и осваивать русский язык, хотя между собой общались и на узбекском. Обидит кто-то узбека — соплеменники его защищать не придут. Возьмут гитару, перевернут вверх дном, постучат мелодично ладошками, потоскуют вместе, — на этом всё и закончится.

Характерное обращение узбека к русскому или украинцу:

— Эй, земляк, дай закурить!

— Да какой я тебе земляк!

— Так на одной земле живём...

Далее русские, в основном из глубинки. В нашем дивизионе из ста человек коренным жителем столицы СССР был я один. Но считалось, что нас семь-восемь, поскольку ребята из подмосковных городов и даже деревень гордо именовали себя москвичами. Для всех мы были одним понятием: «москвичи». От других русских отличались тем, что нам гораздо чаще них адресовывалась фраза «Ах эти ..... (нехорошие) москвичи!». В батарее русских всего трое.

На четвертом месте грузины. Их немного, но по уровню сплоченности грузинам равных не было. Заденешь кого-то из них, другие сбегутся со всей бригады товарища защищать.

Ну и остальные нации, разумеется, присутствовали, но это уже по мелочам.

Несколько слов про образовательный уровень. Во взводе призывников, прибывших в бригаду из Москвы и области, состояло двадцать восемь человек. Пятеро — с высшим образованием! Девять — со средним. Остальные (половина) ... без такового. Что уж говорить о провинции.

Теперь про покушать. За одним столом десять ртов, у каждого «люминовые» миска, ложка и кружка. Первое и второе употребляешь из одной и той же посуды. Блюда предельно простые. Причем, будь то крупа, картошка, макароны, — всё готовилось в виде какой-то жидкой кашицы. Собственно каша главным образом перловая, а рисовая считалась праздничным блюдом! Салатом называлась варёная и порубленная свёкла. Суп совершенно безвкусный, а иной раз им можно посуду мыть. Фруктов и даже яиц не видели.

А вот котлеты от Саши Матвеева — в доармейский период повара столичного ресторана «Печора» на Калининском проспекте — добрым словом вспоминаю. Бывало, съешь котлету за обедом, а потом на кухню зайдёшь, — Саша землякам добавку подкинет (на солдатском языке «ДП» — дополнительное питание). И кажется, что всё не так уж плохо, и даже хорошо, и остальное — мелочи жизни.

Но самое-самое... В общем, слушайте балладу о сливочном масле, только что не в стихах.

Ел я масло в детском саду. Не хотелось, но воспитатели заставляли. Ну и в пионерских лагерях: намажут бутерброд, сверху сыра кусок, ладно, куснёшь пару раз. Дома масло, конечно, не ел; на масле жарили мясо, картошку, клали в кашу, в макароны, в рис.

Так почему здесь масло стало деликатесом? Да потому, что никто и ничего на масле не жарил — тут фигурировал комбижир — да и каши-макароны варились не на молоке, а на воде. Отсюда и снилось по ночам, а потом становилось реальностью, как приходишь в столовую на завтрак, а там... на каждого четверть буханки белого хлеба, порезанного на шесть кусков, и порция сливочного масла в двадцать граммов. Намажешь его сразу на все куски — и с чайком! А иногда ещё немного отщипнёшь и в кашу бросишь, от чего она совершенно иной вкус приобретает. На этом всё. Ни в обед, ни в ужин масла больше не давали. Как пирожное на гражданке... Да нет, гораздо вкуснее!

На завтрак, обед и ужин ходим строевым шагом. Если не метель и не дождь, то без шинелей. Есть обязательная вечерняя прогулка, обязательно с песнями. Какими?

Ну, конечно, «Не плачь, девчонка!». Правда, строчки «Немного прошагал, пока не генерал, но может быть я стану старшиной» (сверхсрочником, «куском» то есть) мы дружно заменяли на «но может быть ТЫ станешь старшиной», поскольку в желании стать прапорщиком никто не признавался, по крайней мере, публично.

А ещё пели песни фирменные, по принадлежности к определенным войскам (на мотив «В последний бой, в кровавый бой идёт стальная эскадрилья»):

— На страже мирного труда
 Стоят технические части,
 Чтобы не пылали города,
 Чтоб защитить народов счастье...

Не знаю, как следующую песенную категорию назвать, ну, допустим, казачьи песни:

— Скакал казак через долины,
 Через привольные края...
 Эх, Таня, Танюша, Танюшечка моя!
 Если любишь, поцелуешь, милая моя!..

Город Новоград-Волинский. Казалось бы, как я могу посмотреть город, если увольнительных не дают? Да вот есть такая функция в армии — посыльный. Тогда ведь ни интернета, ни сотовых не существовало, и телефоны-то стационарные у живущих в городе офицеров и «кусков» не у каждого были. Отсюда, когда тревога, солдатики бегом по домам начальства, будить и оповещать. Я был закреплен за начальником секретной части прапорщиком Самолыгой, жившим в пригороде Новограда.

В первый «пробег» вызвал меня начальник штаба дивизиона капитан Мельников и спрашивает (дело было в четыре часа дня): сколько тебе нужно, чтобы четыре километра туда и четыре обратно. Ну, не знаю, часа два. Он, будучи в добром расположении духа, выписал увольнительную до 21.00. Так я сел на автобус и съездил туда-обратно за час. Но дальше-то что делать? Клуб, музей Леси Украинки, магазины кондовые... Не поверите, к восьми вечера вернулся.

Из городских достопримечательностей заметил я пушку, стоящую посреди города с нарисованными звёздочками. Спросил у «бывалых», как понимать звездочки? Последующая шутка вряд ли хороша для города, который более двух лет был под немецкой оккупацией и где шли серьёзные бои. Но для 1972 года шутка безобидна: «Знаешь, говорит работающий в санчасти врачом лейтенант-грузин, совсем не «притеснитель» молодых, а большой весельчак, — когда в этом городе целочка (простите, девственница) мимо проходит, пушка и стреляет. Посчитай, сколько звёзд? Во-о-от, мало. Так что берегись, а то на винт наматываешь!» Шутка в дальнейшем была подробно разъяснена на занятиях по медицинской подготовке.

В «посыльный» день можно бы, скажем, и в городской клуб на танцы, да я не в парадной форме, волосы еле-еле отрастают, а так — замухрышка замухрышкой. Жаль, не воспользовался случаем: через пару недель норматив туда-обратно восемь километров установили всего-то в один час десять минут после старта с контрольно-пропускного пункта (КПП). А до него с подъема — норматив четыре минуты, особо ни на что и не помотришь...

Стой, кто идёт?! Три выстрела.

Так служба-то в чём заключалась? Масло в завтрак, мытьё полов до обеда, наряд вне очереди после ужина? Да не-е-е-т...

Попал я в ракетную бригаду оперативно-тактического назначения. Кинематограф сформировал у нас образ ракеты, которая, огромная и зловеще блестящая, внезапно появляется из прежде незаметной шахты и сразу же летит в сторону Америки. Так и бывает со стратегической ракетой, которая всегда в готовности вместе с расчётом на круглосуточном боевом дежурстве. Но оперативно-тактические ракеты — это не те, что способны почти мгновенно после команды ударить в любую точку земного шара. Это ракетный комплекс, компоненты которого, если можно так сказать, «рассеяны» по некоторой территории. Один компонент — автомобильные агрегаты с пусковой установкой и «телом» ракеты, другой — боеголовки, третий — горючее. После команды в точке N происходит стыковка агрегата и боеголовки, заправка ракеты и пуск. Это не секунды-минуты, а часы. Радиус действия наших ракет в то время составлял до трёхсот километров, то есть ориентировался не на Америку, а поближе, — на европейский театр возможных боевых действий. В части, где я служил, были как раз агрегаты.

Определили меня старшим вычислителем в батарею управления. То есть работаю на суперсовременной по тем временам огромной ЭВМ, располагающейся в кунге (герметизированном кузове) ЗИЛа-157, считаю данные для полета ракет.

Командир батареи — капитан Чекушкин. А моим отделением всего из пяти человек, все умещаются в одном кунге, командует старлей (старший лейтенант) Сёма Левинсон. В силу сложности технической оснащённости и важности выполняемых задач.

Самая популярная операция — получить от вычислительной машины ответ, сколько дней до дембеля осталось тому или иному «старика»: «А скажи-ка ей, сынок, пусть посчитает...». Задаю вопросы про год рождения, место жительства, профессию и делаю вид, что ввожу многочисленные данные в машину, а на самом деле просто забиваю искомую цифру, заранее известную. После получения результата — восторг «заказчика»: «Йех, умная машина, вон чо выдаёт».

Вообще солдаты, как малые дети; их все время тянет поиграться. А игрушка в виде ЭВМ оказалась интересной, военной. Например, между кабиной и кунгом существовала телефонная связь.

И регулярно на учениях «деды» меня подзуживали посадить в кунг какого-нибудь простоватого паренька, не знакомого с устройством нашей техники. Сержант с максимально серьёзным и умным видом пояснял ему:

— Ты на дежурстве. Видишь, телефон? Будут звонить из штаба и передавать команду. Сразу вылезай из кунга и команду эту кричи!

После чего я тихонько проникал в кабину, снимал трубку и громко спрашивал:

— Кто на дежурстве?

— Рядовой Забегалкин.

— Рядовой, передавайте команду: «воздушная тревога!».

Солдатик вылезал и орал требуемое. Комбат капитан Чекушкин, прикорнувший под деревом, просыпался и недоуменно спрашивал: «Что за команда? Такое для нас не предусмотрено». И, немного подумав: «Батарея, газы!» Шалость обернулась часовым сидением в противогазах...

Когда ж на учениях ставится боевая задача, то происходят уже реальные и не всегда простые вычислительные операции. Старлей Сёма нас контролирует, а увидит ошибку, скажет без оскорблений, но жёстко и гневно: «А ну отойди!». И садится за пульт сам.

Собственно говоря, ЭВМ — это и была моя основная боевая подготовка. Но не единственная.

В начале службы дали АКМ (автомат Калашникова модернизированный) и три патрона. Соответственно, стрельнули по три раза одиночными, даже очередь попробовать не пришлось. Через пару месяцев выехали на учебные стрельбы, где выдавали уже по десять патронов и надо было поразить три стандартные цели: сначала «пулемёт» на дистанции в триста пятьдесят метров и двух «солдат» с расстояния на сто метров меньше. Стрельнул на «хорошо», в одного «солдата» промазал, на чем огневая подготовка закончилась. Не считая бесчисленных сборок-разборок автомата на время и чистки оного.

А вот подготовка к несению службы в карауле на территории части и прилегающих складах оказалась посерьезнее. Вначале «заряжай», «разряжай», «на плечо». Дальше — как использовать. Увидел на посту людей: «Стой, кто идёт!». Имеешь право подпустить к себе только разводящего, помощника начальника и начальника караула — всё! Никаких других, включая генералов, маршалов и президентов!

Услышал отклик, даёшь новую команду: «Разводящий (или другие означенные лица) ко мне, остальные на месте».

Не услышал отклик или происходят какие-то иные не предусмотренные Уставом гарнизонной и караульной службы действия, командуешь: «Стой, стрелять буду!». Нет реакции — предупредительный выстрел вверх, а потом и по предмету беспокойства на поражение.

Эта технология/методология, в идеале, вероятно, правильная, преподносила порой занимательные варианты. Опишу три из них, каждый из которых заканчивался, мягко говоря, не смешно, а точнее... выстрелом.

Случай первый — тормоз.

В бригаде было много узбеков, из 800 человек не менее четверти. Призванные из дальних среднеазиатских городов и сёл, они не знали русского языка, и подготовка к несению караульной службы проходила трудновато. Мы уже вовсю мёрзли на постах, а их всё муштровали. Наконец, первый выход.

На посту стоит рядовой Саидов. Ночь, улица, фонарь — только что аптеки нет. Ходит, не спит Саидов, молодец! Идём его менять, и, глядишь ты, заметил нас, кричит положенное: «Стой, кто идёт?!». Мой разводящий «дед» Донченко тоже отвечает по Уставу: «Разводящий со сменой!». Молчок. Донченко направляется к Саидову, а тот предупреждает: «Стой, стрелять буду!». Донченко его по матушке, а Саидов нажимает на курок. Выстрел! Вверх или как, кто знает, но слава Богу, не попал. Донченко тихо делится со мной мыслями: «Мне это на хрен не надо, у меня через четыре месяца дембель, пошли докладывать начальнику караула».

Доложили, старлей сам пошёл менять часового, и — аналогичная история. Правда, без выстрела: начкар вместе со сменой вовремя слинял. Отправили посыльного в город за командиром дивизиона майором Кризозом. Смурной, со сна комдив недовольно бормотал: «Были такие случаи. Сам пойду. Не пустит — знамя части понесём. Они на это реагируют!». Услышав «Стой стрелять буду»,

Кризокос набрал в грудь воздуха и заорал: «Да я тебя...» — и глаголы с существительными и прилагательными.

Тут нужно лирическое отступление. В армии матом не ругаются — на нём разговаривают. То, что я излагаю текст культурно, в принципе ничего не значит — мы же интеллигентные люди. И когда матом разговаривают не просто, а активно и витиевато, оно зачастую действует. Подействовало и в этот раз: «Ко мнэ — остальной на местэ», — произнёс Саидов и повесил автомат на плечо. В караул его не ставили ещё три месяца...

Самое время пояснить предыдущее и будущее изложение: нецензурное обозначаю точками, а в скобках пишу перевод на нормированный русский язык. Договорились?

Впрочем, кроме нецензурицины имели место и другие словесные армейские ухищрения. Скажем, подходишь к сержанту с какой-нибудь просьбой и говоришь: «А можно...?». В ответ слышишь: «Можно Машку под забором. А у нас надо говорить «разрешите!»».

Случай второй — герой.

Я не националист. Толерантен ко всем нациям, нет, как говорится, плохих народов. Но раз так вышло, что опять узбек! Забегаю вперёд. Во время службы за Бугром ни лиц кавказской, ни южноазиатской части СССР в подразделениях не было: только русские, украинцы, несколько белорусов, один молдаванин. Вероятно, чтобы больше походили на европейцев из стран социалистического лагеря. Тогдашних, конечно, а не нынешних, понятие «мигранты» ещё не родилось. И вдруг... вне всяких календарных сроков привозят Султана Отабекова, симпатичного маленького узбека. В армию ребят ростом менее 150 см не призывали. А у него — 151.

Бэкграунд у Султана любопытный. Стоит Султан в Союзе на посту, охраняет склады. А «старички» подпили и решили на склад залезть, чтобы посмотреть, что там из еды и одежды полезного для дембеля с собой прихватить.

Отабеков службу несёт четко, «стойктоидёт» кричит. А в ответ, как и в предыдущем случае, популярны в армии части речи. «Стойстрелятьбуду», кричит Султан, в ответ в него чем-то бросают. Он даёт предупредительный выстрел, а потом присаживается на колени и бьёт одиночными по нарушителям. Двоих подранил. Султану вручили часы с командирской руки за бдительность и месячный отпуск на родину, подраненным прописали лечение, питание и... дисциплинарный батальон.

Вернулся в часть, а ему друзья раненных дембелей: ..... (конец) тебе Отабеков, три дня не проживешь. Доложили осведомители (есть не только в тюрьме, но и в армии среди срочников такие «доверительные» ребята) о таких настроениях командованию, и встал вопрос, что надо узбека куда-то деть. Комиссовать нет оснований, отправили к нам.

Случай третий — записная книжка.

Теперь не про узбеков, а про меня самого. Заступили в караул на склады горюче-смазочных материалов, на машине ехать от части минут сорок. Кроме караула (начальник; помощник, он же разводящий; два поста по три сменных часовых) никого нет. Сырая зима, туман, гадость, в общем. Меня, салабона, сменяет на посту середняк (то есть прослужил больше года, но меньше полутора; о солдатской иерархии подробнее расскажу позже) по фамилии Мутилкин. Он и в части меня доставал своими наездами, руганью, оскорблениями. А тут...

Взял я с собой в армию записную книжечку, да не простую, а внешнеторговскую (сделанную в качестве сувенира для Министерства внешней торговли СССР). Это сейчас сувенирка везде распространена, а тогда и полиэтиленовый пакет с рисунком считался ценной вещью. Книжечка с пухленькой рифленой обложкой, карманчиками и разделчиками внутри и подавно. Я в нее записывал значимые фразы, стихи, песни, адреса и телефоны друзей и подруг. Брал с собой книжечку даже в караул.

И вот пришёл Мутилкин с поста и говорит:

— Я, Свирич, книжечку себе взял, она мне к дембелю пригодится. А тебе до него далеко.

— Отдай, — говорю.

— Стишки твои и телефончики твоих баб мне ..... (совсем) не нужны, на! (бросает мне вырванные странички).

— Ну и сволочь ты, Мутилкин!

Дальше ругань, мат-перемат, старики в карауле поддерживают Мутилкина, а молодые меня не поддерживают, молчат. В крайнем случае так:

— Ну, что ты, Саша, время придёт, и сам черпаком, середняком, а потом дедом станешь...

Обидно, слёзы еле сдерживаю. И вот заступаю на пост. По правилам ставить часового на пост, а также менять его не может один человек: это обязательно разводящий со сменой. Но на практике в нашем случае происходило следующее: разводящему (деду) лень, он вышел из караулки, одного послал налево, другого направо («ребята, сменитесь сами, кто тут увидит»), а сам стоит и курит.

Я так и предполагал, что мой сменщик Мутилкин пойдет один. На улице, повторяю, хмарь, туман, да ещё ночь. Ну, думаю, сейчас я тебя «стой, кто идет» — «стой, стрелять буду», а потом... ответишь за книжечку.

Вижу — идёт. А мог бы и вправду не увидеть, если бы, например, туман усилился. А, впрочем, не вижу — и не вижу! Кричу — откликается. Я автомат поднимаю и стреляю... вверх!

Он упал:

— Ты что, салабон, — орёт, — это я, Мутилкин.

А я:

— Сюда иди!

Подходит, говорю:

— Ты все понял?

Не буду врать, что того в дрожь бросило. Может, испугался, но виду не подаёт и грозит:

— Я тебе устрою красивую жизнь!

— Заложил начальству? — спрашиваю. — Тебе никто не поверит. К тому же ты один шёл, а это нарушение. Что же касается красивой жизни, то ты мне её уже устроил.

— По-другому достану.

Пытался. Не достал. Со «случайным» выстрелом в тумане разбирались. Ругали. По поводу патрона составили бюрократичный протокол. Это в войну боеприпасы ящиками списывали, а у нас штучно. Служба продолжалась. Все всё помнили.

Резюме к последнему рассказу. Периодически появляется информация, что в какой-то воинской части некий имярек расстрелял своих сослуживцев. В острой кинодраме Александра Рогожкина «Караул» (1989) конвой под командованием бывалого прапорщика этапирует осужденных в железнодорожном вагоне. Старослужащие конвоиры беспредел творят по отношению к молодым солдатам. В конце концов, один из караульных не выдерживает и убивает обидчиков.

До этого он долго терпел. Но по жизни есть менее терпеливые. Могут убить и пораньше. Например, из-за записной книжечки.

Касательно спортивной подготовки, ну... перекладина, подтягивание, подъем переворотом, выход силой — это было да, в почёте. Гоняли, как сидоровых коз. Кидали бугафорскую гранату на дальность. Бегали стометровку, редко — километр, на ежедневной зарядке пробежка носила скорее имитационный характер. То есть спортивный разговор вести почти не о чем. Поправился за полгода службы в Союзе на пять кило.

«Золотой дух» и другие.

Если набрать в браузере пояснительные слова, то про армейскую иерархию будет выдано много. Кто такие «духи» (они же «салаги», «сынки»), «слоны», «черпаки», «лимонь», «деды», «дембеля». Трактовки разные (у кого какой опыт): от юмористических до жёстких и совсем невесёлых.

С чем столкнулся я. Первые полгода ты, конечно, «молодой», «салабон», «дух». Название «салабон» происходит от салаги, а точнее салаки, маленькой рыбки длиной до двадцати сантиметров, так что «кликуха» в самый раз. «Дух» — потому что молодой солдат должен быть бесплотным: не хотеть ни есть, ни спать, а только совершать чудеса в боевой и строевой подготовке и угождать «дедушкам». Вторые полгода ты «черпак». Почему черпак? А чёрт его знает! «Черпак» почти не отличается от «салабона»: задирать и эксплуатировать молодых ему ещё не положено, отсюда ты с ними, а они с тобой почти друзья. В следующие полгода «черпак» переходит в «середняки». Он «салагам» и «черпакам» уже не друг и готовится перейти в категорию «старика», «деда», кто прослужил больше полутора лет. После приказа о демобилизации «дед» становится «дембелем». «Дембель» добрый. Он забывает на всё, в том

числе и на молодых, даже отдаёт им свои дорогие двадцать граммов сливочного масла. Спит «дембель» тоже мало, поскольку мысли о гражданской жизни спать не дают. На зарядку «дембелю» выходить не положено, работать тоже не положено, а положено созерцать. Лишь иногда, увидев нечто для себя обидное, вскрикнет «дембель» в сердцах: «Эх, салабоны, ... (блин)». И опять созерцает. «Дембель» ходит в самоволку, выпивает и иногда имеет за забором женский пол — баб, если проще сказать. Когда «дембеля» ловят за пьянкой или самоволкой, то мягко укоряют: «Что же ты, такой хороший специалист, да и домой скоро, что матери скажешь... Ты уж Вася (Митя, Витя, Коля) потерпи чуток».

Что такое дедовщина в Союзе? Главное: дед не работает, а остальные пашут. Это вполне уставные отношения, и как-то гармонизировать их было трудно. Дадётся объём работы, и дед проконтролирует, чтобы ты его выполнил. Получается, где же здесь нарушения? Поручили отдраить пол в казарме на четыреста квадратов. Старик соду посыплет на пол, песок, водички нальёт и — вперёд, сынки!

Офицеры деда поддержат, а не тебя. Опять же понятно, почему: дед стал специалистом за полтора года службы и больше, он в ходе учений на технике покажет заведомо лучший результат, чем молодой боец. Оценка части, подразделения зависит от вклада деда! Обидит офицер деда — тот на учениях отомстит мягким саботажем.

Важно! Деревенский (совсем провинциальный) дед задним умом понимает: у него здесь, скорее всего, последняя возможность «возвыситься». Кем он будет, когда придёт в своё родное село? Сначала от неуставных аксельбантов, погонов с пластмассовыми вкладками, заслуженных и «левых» доблестных значков девки, конечно, так и полягут. А потом... трактористом, комбайнёром, дальше, если не сопьется — бригадиром трактористов или комбайнёров. Вот он и лютует над молодыми, будущими «городскими» с другими горизонтами.

Ещё одно замечание. Дедовщина — явление стадное. Деды выделяются напоказ, друг перед другом, а когда остаешься с дедом один на один, да еще и надолго, он начинает тебя по имени называть и вести себя по-человечьи. Я в санчасти с дедом лежал, так нормально общались, он участливо ко мне относился. Вышел дед из санчасти — доброту как рукой сняло.

Или оказались с дедом вдвоем в караулке, которая углём отапливается. Я плохо с углём умел обращаться, и печка потухла. Дед на меня не орал, а спокойно (хотя ему положено было в это время спать, а сон в армии дороже золота) растопил печку и вполне дружелюбно объяснил, как с ней обращаться.

Спустя месяц выехали в зимние лагерь, где в палатке тоже была угольная печка. Назначенный истопником, я ночью возле печки уснул, она, как и в предыдущий раз, погасла. И тот же дед (теперь в окружении товарищей) заорал как резаный и бросил в меня сапогом. Вот такие метаморфозы.

Более интересный вопрос об отношениях неуставных. Повсюду слышатся охи и ахи, поутихшие лишь с нынешней годичной службой: вот как старики над молодыми издеваются! И никто, мол, не обращает внимания!

Пять месяцев в батарее из тридцати человек я был единственный молодой. Позднее слышал легенду о «золотом духе»: мол, есть такая традиция в частях, что если один салабон на всех, то его не трогают, а, напротив, поддерживают. Но у нас старики про такие традиции не в курсе.

И вот начинается:

— Эй, сынок, на-ка подшей мне подворотничок (простирни носочки, сбегай-принеси чего-нибудь).

Есть три варианта поведения. Первый — жёстко сказать «Не буду». Второй — подшить, но так грубо, чтобы больше не обращались (простирнуть, но чтобы, простите, ещё больше воняли; сбегать, но не принести). Третий — сделать что говорят.

По третьему варианту ты становишься нужным салабоном и фактическим денщиком при стариках. По второму — сынком, который хочет обдурить дедушку, а дедушка умный, его не проведёшь! По первому варианту будешь борзым салабоном.

А что влекут за собой искомые роли? За «обдуривание» и «борзость» тебя будут доставать и гнобить. У дедов сержанты в друзьях, и они (по дружеской подсказке) начнут объявлять тебе наряды на работу после отбоя, спать останется не восемь часов, а три-четыре-пять, как справишься с порученным. А когда на следующий день из-за недосыпа закемаришь на политзанятиях, тебе объявят следующий наряд как раз за дремоту.

Так и не досыпал пять месяцев, а точнее досыпал, где придётся. Даже и на посту у знамени части, пока совещания у командиров и мимо никто не проходит. Потом... потом жизнь сильно изменилась. И солдатики из моего призыва из учебных подразделений в батарею пришли, и... Об этом скоро.

А рукоприкладство? Здесь опять три варианта: терпеть; драться, если правильно оцениваешь свой силовой потенциал; либо докладывать начальству в случае численного превосходства нападающих, а перед этим чётко объявлять, что доложишь...

Меня заводят в каптёрку четверо дедов.

— Ты совсем оборзел, сейчас будет тебя ..... (бить).

— Давай, — говорю.

— Заложись?!

— Пацаны, если один на один (я не был самым крепким из них), то нет, а если четверо на одного — обязательно!

— Значит, ты стукач!

— Ну, как скажете.

На том и закончили. Что заставляло дедов бояться «заложивания»? В случае огласки самого факта избиения грозила гауптвахта. Второй случай избиения, а тем более с повреждениями — дисциплинарный батальон на год-два, где ты салабонам позавидуешь, поскольку будут тебя ..... (муштровать) так, что мало не покажется, невзирая на прежнее место в иерархии; а потом придётся дослуживать по прежнему месту сколько первоначально оставалось. Если увечья нанёс, легко и в тюрьму загреметь. Были подобные случаи, и о них личный состав регулярно информировали.

А в принципе думаю, что спасение салабона есть дело самого салабона. Как-то так.

Но бывает и «неправедная салабонская борзость». И «праведный» дедовский гнев.

Спустя полтора года, когда я сам стал дедом и сержантом, в режимной части — повествование о ней впереди — пропал рядовой Митричук из молодого призыва. Искали силами отделения, потом взвода, потом подняли по тревоге всю часть. За полдня перерыли все, что можно, отчаялись, и тут... Митричук вылезает из-под большой цистерны с горючим, обнесенной проволокой, где благополучно и сладко спал.

Объявили ему трое суток «губы», состоявшей частью караульного помещения. Я пошёл помощником начальника караула и за «губарей» отвечал. Захожу в камеру к Митричуку и командую:

— Веник в руки, швабру, и караулку убирать!

— Не буду робити (говорит он по-украински).

— Как это не будешь?

— Не буду и всё. Шо ты мене зробишь?

— Я приказываю.

— Клал я на твои приказы!

В руках я держал четыре армейских устава («губарям» их оставляют в качестве единственного развлекательного чтения). И эти уставами Митричука два-три раза — да по наглой роже!

Он заплакал и кричит: «Я повишусь!». А у попавших на «губу» ремень отбирали. Я с себя ремень снял, бросил ему и говорю: «У тебя десять минут. Вешайся. Не повесишься — будешь караулку убирать. Или ещё ..... (кренделей) получишь».

Митричук не повесился. Караулку убрал. Впредь от работы не отказывался и не спал в неподобающем месте и времени. А заложить заложил. Комвзвода деликатно покашливал. Комсомольский секретарь части смотрел укоризненно: «Что ж Вы, Саша, вроде бы интеллигентный парень из самой Москвы...». Я отвечал: «А шо делать, товарищи старшие лейтенанты и капитаны? Шо делать, когда хамство трамвайное?!». Разбирали меня по комсомольской части, выговор хотели объявить. Да спустили на тормозах.

Случаются «дедовские» истории совсем экзотические. Поделюсь одной, вероятно, не единственной в своём роде.

Я получал очень много писем. Думаю, что больше всех в дивизионе. Редкий день обходился без письма. А бывало и два, три, пять. Рекордным днём стал тот, когда мне пришло сразу восемь писем. Как так получалось? «Ларчик просто открывался»: я сам их, как бывший и будущий журналист, много писал!

Разумеется, писал и любимой Лене, практически каждый день, а она, будучи девушкой любящей и адекватной, отвечала в соотношении одно её письмо на три моих. Письма я, конечно, не прятал, да и прятать было некуда: лежали в прикроватной тумбочке вместе с фотографиями Лены, привезёнными с гражданки, и теми, что присылала в армию.

В какой-то момент несколько фотографий исчезло, а Лена написала:

— Сашка, не знаю, кому и чему верить. Сколько я ревела! Не хочу верить тому, что мне пишут! Но всё-таки приходится кое с чем считаться. Слишком уж много твои «боевые товарищи» знают обо мне. Что самое интересное: они приводят строки из моих писем. Неужели это правда, что ты читаешь всем мои письма? И, судя по всему, не только читаешь? Больно и горько. Не пиши мне больше!».

Что за мистика-загадка? Разгадку я узнал где-то через год; частично от самой Лены, частично от сослуживцев. Упомянутый выше середняк и вправду решил доставать меня по-другому, уж прямо как в злодейском фильме. Мутилкин добрался до писем Лены и стал их читать, о чём я, конечно, не догадывался. А потом подбил молодого с прикольной фамилией Никакий написать Лене о том, что я её позабыл-позабросил, что гуляю тут напропалую с другими девчонками, что не того она выбрала. И что своими мужскими подвигами на гражданке похваляюсь и даже письма Лены в казарме вслух зачитываю. Далее процитировал кое-что, чтобы было доказательно. Как сегодня сказали бы — жуть! Но Лена всё приняла за чистую монету.

С фотографиями оказалось попроще. Собирается солдат на дембель и готовит дембельский фотоальбом. Вот он с автоматом, из которого три раза за службу стрелял; вот рукава гимнастёрки засученные, которые засучивать не положено — да и зачем; жарких боёв не случилось — вот танк, рядом с которым он стоял один раз и так далее. А девушек-то может не быть у дембеля; ни на гражданке, ни здесь. А у других-то есть! Поскребёт дембель по сусекам-гумбочкам, наберёт себе фотокомплект чужих девушек и за своих выдаст. Так и моя Лена украсила дембельскую реликвию, разместившись в альбоме в интерьере причудливых дембельских вензелей.

«Родине» — слава!

В Прикарпатском военном округе, где я служил, выходила газета «Слава Родины». Большая, солидная, формата А2. И вот думаю про себя: «Я журналист или кто? Напишу-ка туда чего-нибудь». Через несколько лет на журфаке преподаватель, разбирающий зачётные публикации, скажет: «У вас, Свирина, стиль польского бульварного журналиста. А у нас на дворе время развитого социализма!». Может, этот не совпадающий с развитым социализмом стиль в армии и зародился?

Ваяю юмореску по мотивам известной анекдотической байки. Как призывают парня в армию, а он служить не хочет. И когда двенадцать ночи пробивает, встаёт на койке и кричит громко «ку-ка-ре-ку»! И деды его шпыняли, и в наряды внеочередные ставили, и врачи осматривали, лекарствами кормили..., — ничто не действует! «Ку-ка-ре-ку» в полночь и всё тут.

В общем, комиссовали от греха, мол, как бы чего не вышло.

Послали прапорщика парня на поезде домой сопровождать. Двенадцать стукнуло, а тот спит без задних ног. Прапорщик за плечо толкает:

— Ты чего не кукарекаешь?

— А я своё откукарекал, теперь ты покукарекай!...

Запечатал я вырванный из школьной тетрадки листок с юмореской в конверт, отправил и забыл. Однако довольно скоро приходит ответ из редакции: бланк «Славы Родины», номер, машинописный шрифт... И подпись подполковника Важина, начальника отдела культуры и быта:

— Уважаемый тов. Свирина!

Ваша юмореска не получилась. Нельзя строить рассказ на нежелании парня идти служить в армию. Тем более, в этом нет ничего смешного. Да и жизненного, реального очень мало. Всё выглядит надуманным, необидительным. Юмореску напечатать не можем.

Но пусть эта неудача Вас не смущает. Писать Вы умеете. Ждём от Вас полезных, содержательных материалов...

К письму прилагалась памятка военкору. В ней говорилось, что «военкор — это передовой воин. Он выразитель и проводник общественного мнения. Своим участием в газете он помогает командиру, партийной и комсомольской организациям бороться за высокое качество боевой и политической подготовки, за рост рядов отличников, за укрепление дисциплины, организованности и боевой готовности подразделения».

Что «правдивость — важнейший принцип коммунистической печати». И что «солдатская газета — это трибуна передового опыта. Важно поэтому, чтобы военкор глубже изучал опыт лучших людей своего отделения (расчета, экипажа) и передавал этот опыт через газету...».

Такое внимание к караулям молодого солдата меня вначале поразило. Но потом ситуация прояснилась. Она была связана с чудом, когда меня, одного из бригады послали в сопровождении офицера во Львов на окружную комсомольскую конференцию: более пятисот делегатов, однако! Город куда интересней чем Новоград-Волынский. Несколько часов хожу по улицам, рассматриваю здания, памятники. Великолепный оперный театр, похожий на одесский, красивый цирк, католические костёлы вместо привычных церквей, Лычаковское кладбище — серьёзный исторический памятник.

На конференции собрались «сливки» армейского комсомола. В президиуме полковники, генералы, а рядом солдаты, сержанты, прапорщики для демократичности. Приехал и выступил даже командующий округом генерал-полковник Георгий Обатуров (через несколько месяцев его сменит генерал армии Валентин Варенников). Аудитория слушала всех выступающих с огромным вниманием и замиранием сердца. Лишь иногда, когда начинали «лечить» слишком настойчиво, с задних рядов раздавалось непредусмотренное сценарием: «Дембель давай!».

Должен был выступать и я. Готовился, написал речь размером почти в тетрадку. Но прения досрочно прекратились, и меня на трибуну не позвали. Думаю; а зачем тексту пропадать? И послал его в «Славу Родины». Напечатали! Правда, с нюансами. Первый нюанс заключался в том, что сократили раз в десять. Второй — что мой не слишком оригинальный заголовок «Как тебе послужится» заменили на куда более «креативный»: «На них равняемся!». Третий нюанс: речь в заметке шла о молодых коммунистах, которых я не очень хорошо знал, да и сам молодым коммунистом не был. Четвёртый... Я обнаружил одну фразу, принадлежавшую точно мне: «Все наши воины включились в соревнование за отличное знание и содержание боевой техники и оружия, мастерское владение ими».

И тут я смекнул, что у них, вероятно, существует план по публикациям военкоров из солдат-срочников. А откуда эти публикации возьмутся: в нашей бригаде, например, я такой был один? Вот и написали за меня. Так здорово! И начал я поточным методом производить для «Славы Родины» истории. О спортивных соревнованиях, на которых отличились комсомольцы рядовой Петров, ефрейтор Кузнецов, сержант Харитошкин под руководством, естественно, коммуниста капитана Чекушкина. О политзанятиях, где отличились... (прилагал, на всякий случай, полный список отличившихся, чтобы у редакции был выбор); комсомольских собраниях, на которых выступили... (список выступивших). Газета такие материалы с удовольствием публиковала. Не совсем интересно? Зато бульварного стиля нет, а правдивость, содержательность и полезность присутствуют! И гонорар есть!

Однако случилось одно приятное содержательное исключение. Иду на пост, на вышку. Знаю, что будет скучно, на вышке даже не походишь, поэтому беру с собой листок бумаги и ручку, засовываю в сапог. Обыскивать не обыскивают, но смотрят пристально, чтобы посторонние предметы на пост не проносились. Достая писчебумажные принадлежности и думаю; о чём бы написать? Ага, а если про москвичей, которые призывались вместе со мной? Кто как служит, чего достиг, как смотрит на армейскую жизнь... Пишу, посматривая периодически по сторонам: не крадётся ли где враг? Или, что хуже, проверяющий. За два часа получается очерк под названием «А мы из Москвы!», простой и откровенный, без списков отличившихся и перечисления побед. Напечатали! Жаль, что оригинал увидеть не пришлось. Переслали мне из бригады на новое место службы извещение о переводе на 6 руб. 69 коп. за «москвичей». Так и не получил...

Продолжу о гонорарах. Представьте себе: рядовому, коим я являлся, полагалось денежное довольствие в размере трёх рублей восьмидесяти копеек. Сержанту — в районе десятки. Сигареты без фильтра стоили порядка двадцати копеек, скромный поход в солдатскую чайную обходился копеек в пятьдесят. А мне за одну публикацию пять, семь и даже, бывало, десять рублей «натикивало».

Замполит дивизиона, как-то беседуя с молодыми бойцами о доблестях, о подвигах, о славе посоветовал: «Ты матери деньгами помогай, нуждается ведь». Мать работала учительницей в школе, у отца зарплата приличная, так что никакой нужды не наблюдалось. А мне и шикануть было особенно негде. «Пропивал» гонорар так: шёл в чайную, выливал в стакан банку сгущённого молока, брал штук пять пирожков с повидлом, таким образом компенсируя нехватку сахара, жиров и углеводов.

«Родина» мне понравилась. Слава ей!

Мрак, папа и Петя.

Погода на восточной Украине, в Полесье осенью и зимой, прямо скажем, мрачная, а точнее, дерьмовая. При нуле градусов, при плюс-минус один, два, три ветер и дождь с мокрым снегом пронизывают до костей. Сырость: царапнул руку, потом месяц гниёт и заживает. Фурункулёз пошёл, чирьи на ногах набухают и прорываются, а у некоторых ребят и на лице, — никакая пластика потом не возьмёт.

Да в придачу наряды вне очереди, караулы, старики достают, температура в казарме плюс десять. Брожу, хромая, исподнее фиолетовым стало от гнойных разводов. Но кому жаловаться и на что? Я исходил из того, что деды мои в Великую Отечественную воевали. Один санитаром был и умер в 1943-м через день после тяжёлого ранения. Другой — наводчик противотанкового орудия — стал инвалидом первой группы.

Рассказывает:

— Лежим, отбиваем танковую атаку. Раз — осколком в спину ранило. Командир говорит: ползи в медсанбат. Я пополз, а тут второй осколок в ногу. Думаю, что лучше уж назад в окоп вернуться, а то и не доползу. Вернулся в окоп, чуть замотали бинтами, — помогаю расчёту, чем могу. И тут мне пуля в глаз. Отключился, но товарищи вытащили, госпиталя потом пошли...

А я, получается, на чирьи жаловаться пойду? Армия — это армия! Для испытаний, видно, и предназначена. Хрен с ними, с фурункулами! Переждём-перетерпим.

Впрочем, хотели меня испытаний лишить! Я же москвич коренной всё-таки, грамотный более-менее. Как говорил командир бригады, в Москве десять классов — это как в глубинке высшее образование. Видимо, поэтому приглашает меня, рядового, начштаба дивизиона капитан Мельников и делает сногшибательное предложение: перевести с «боевой» ЭВМ-ной должности писарем в секретную часть. Что это такое? А это даже на физзарядку не ходить! В наряды не заступать!! Утром ушёл в секретную часть («секретку»), закрылся там, и всякие наряды, старики, караулы в принципе исключаются. Чайку заварить, тетрадки-книжки выдашь и мечтай, читай, кури. В казарму возвращаешься ближе к отбою, придираешься к тебе некому и некогда. И уважаемым человеком становишься автоматически даже у офицеров! Ведь просьбу выдать какой-нибудь документ можно выполнить быстро, а можно и тормознуть. Шансы в отпуск домой поехать побыстрее значительно увеличиваются!

С другой стороны, все тревоги в части — твои. Ночь-полночь — беги в секретку и документацию выдавай. И ругань начальника штаба, которую хорошо слышно через окошко «секретки», придётся терпеть целыми днями. И очень уж однообразно всё это.

Отказался я, не задумываясь, причём, даже не из-за названных «проблемных полей». Попал в армию, так надо служить в армии, а не бумажки перебирать.

Знал я на гражданке двоих ребят. Пришло им время идти в армию. Один говорит в военкомате: в десант и всё. Ему в ответ: ты, сынок, нам будешь указывать, куда тебя направить? Куда пошлём, туда и пойдешь. Парень не дрогнул: в таком случае, говорит, кучу бумажек про нездоровье соберу — мол, есть такая возможность — и вообще не буду служить. Пошли навстречу! С другим парнем такая же история, но он в морфлот хотел. А там три года служить! Так и что с того? Три — так три. И тоже настоял на своём.

Да, про ЭВМ стоит дополнительную подробность рассказать. Поскольку она «суперсовременная», то там электрическая печка стоит, которая питается от аккумуляторов. Кроме нашего кунга на 157-м ЗИЛе в батарее ещё три радиостанции на ЗИЛах 130-х. Кондовые, примитивные машины, но... с дровяными печками. Затопишь печку — и Ташкент внутри, а у нас поздней осенью и зимой еле-еле плюс три...

В феврале, на пике чирьёв, холодов и стариковско-сержантских притеснений приезжает в часть отец, в полковничьей форме и папахе. Без объявления, так сказать, скромный. Дежурный офицер на проходной язык проглотил: чего изволите, как доложить? В Новограде-Волынском не «Арбатский военный округ», а Прикарпатский, где полковник — большая величина. Прискакал командир дивизиона:

— Вы с какой целью?

— Просто сына проведать. Можно в увольнение (в котором пока ни разу не был) на день отпустить?

— Конечно, какие вопросы!

Разговор между ними состоялся и о моём писарстве.

Пришли в гостиницу, отец сто пятьдесят коньячку взял, а я, по традиции, батон белого хлеба разрезаю поперёк, намазываю пачку масла (это уже не двадцать, а сто двадцать пять граммов) и баночку сгущёнки в стакан. Выпили, поговорили.

— Ты почему писарем не хочешь?

— Дык, как же, папа? Вернусь домой, ребята спросят: «кем служил», а я отвечу «писарем»?

— Ну и правильно, — отвечивал полковник.

Отец почему-то спросил, не думал ли я о чем-то особенном в эту увольнительную ночь. Я ответил, что думал на гражданке, а теперь, как рекомендовал прапорщик Плугаторенко, думать не надо, поскольку думают за меня начальники. Вот и не думаю; сплю мёртво, ни сны, ни бессонница не мучают. Разве что книжки-учебники почитываю и вот тогда над характерами литературных героев думаю.

Папа, видно, забыв свою дополковничью службу, делится ощущениями:

— Спортивный костюм под одеяло надел, а всё равно было холодно спать.

— У, папа, надо не только треники надевать, но и шинелью сверху укрываться. Мы так в зимней казарме делаем — и тепло!

Обсуждали планы: как они с мамой приедут ко мне в июне или в июле, как мы вместе отпросимся на сутки и отлично проведём время. У Константина Симонова в «Живых и мёртвых» периодически звучит такая фраза: «Они ещё не знали...». И мы ещё не знали, что не увидимся в эти два года ни в июне, ни в июле, что не увидимся никогда.

Когда я вернулся в часть раньше положенного и трезвый, все долго удивлялись. Потом удивляться перестали и опять стали парить меня, как молодого. Да я и был молодой!

Через несколько дней после визита папе-полковнику исполнился полтинник. Десятилетку он закончил ровно в июне 41-го. Его отец — мой дед Серёжа, про кого уже рассказывал — ушёл на фронт. А отца оставили в колхозе трактористом. Всю войну пахал, чернота из рук долго не вымывалась. После войны поступил в институт связи, потом прокладывал «связийные» магистрали по стране. И уже в возрасте тридцати призвали в армию, младшим лейтенантом. Полковником стал, но военным... никогда не был. Военспец, как квалифицировали в двадцатых годах прошлого века, сугубый технарь. Отмеченный, впрочем, за «технарство», связанное с оповещением населения в случае начала ядерной войны, орденом Красной Звезды.

Служил под началом знаменитого маршала Советского Союза, героя Сталинградской битвы Василия Ивановича, правда, не Чапаева, а Чуйкова. Ни маршал, ни начальствующие над отцом генералы в «технарстве» особо не понимали: задача есть, и чтоб к утру (мать, мать, мать, твою мать — неизбежное) было сделано. Делалось, и маршал был доволен.

Вскоре мы выехали в зимние лагерь. Днём погреться негде, мерзнем в своем суперкунге. Да и ночью печка в палатке то горит, то не горит. Чувствую, реально колбасит меня и таки пошёл к дежурному доктору. Тот градусник дал, а температура 39,5. Ну, тут уж вопросов не задавали; на машину и в стационарную санчасть.

Надо сказать, что если на гражданке болезнь воспринимается как что-то неприятное и нежелательное, то здесь совсем иначе.

Я на койку упал, первый раз за три месяца нормально отоспался. В течение суток вставал только поесть и в туалет, а на вторые сутки температура пропала. Болезнь как рукой сняло! В санчасти нравится, но приходит грустная мысль: а ну как выпишут сейчас? Чтобы этого не произошло, я, оставив воспоминания о героических предках и мужественные амбиции, стал жаловаться на боли тут и там. Ещё трое суток полежал.

Со мной вместе три москвича одного призыва. Люди, с которыми можно хоть говорить по-человечески. А из батареи даже никто писем не принесёт, поскольку нет у меня там друзей. Так что настроение вроде праздничного.

Дальше настали выходные, и случился настоящий праздник. Лежавшие в санчасти старики выступили с неуставной инициативой, сбросились деньгами, мы подключились своим материальным вкладом — и вот уже «гонец» приносит водки. Всю ночь бухаем, курим, рассказываем о сексуальных подвигах.

Наутро пришёл с проверкой замполит части, чтобы пожелать нам скорейшего выздоровления. Но, увидев следы оставшейся вакханалии, выгнал всех к такой-то маме, а точнее — в строй, в мрак. Как там у Горького в пьесе «На дне»? «Праздник испортил...».

Февраль на украинском языке «лютый». Первого марта ждали весну, а выпал снег и задул вестрище. Встретил весну на посту, в тулупе и валенках. Ходила у нас шутка: часовой — это труп, завернутый в тулуп, проинструментированный до слёз и выставленный на мороз. У тулупчика к тому же воротник подынешь выше головы и провололочкой скрепишь, чтоб не спадал. Зато комфортно. Правда, эта комфортность мирного времени в иных ситуациях оборачивалась смертью и часового, и его товарищей. За полгода службы в Союзе нам раза три гоняли фильм братьев Васильевых «Чапаев», на который потом, когда кто-то засыпал на посту или забивался куда-то греться, забывая про службу, ссылались отцы-командиры:

— Помнишь, сынок, как Чапаев погиб? Часовые уснули, белые неслышно подкрались и всех порезали. Затем в спящую станицу влетели. Чапаев геройски отбивался из пулемёта, потом бежал с Петькой, но Урал переплыть не смог: вражья пуля сразила. Наматывай, сынок, на ус!

Да у меня и свои истории были. Дядька Володя в Великую Отечественную десантником был. Мы, дети, спрашиваем, как десантники воевали, а он отнекивается. Потом, когда выпьет изрядно, рассказывает:

— Как воевали? А так... Сбрасывают нас с самолёта в лес. Спустились, парашюты спрятали и выдвигаемся к заданному месту. Там барак-казарма, где немцы расположились. Часовой ходит и спотыкается; спит, видно, на ходу. Мы его легко... Потом тихо вошли в казарму, встали около коек и... — по команде их ножами. Нас восемь человек, а спящих человек тридцать. Пришлось в несколько заходов: никто не проснулся...

Уснувших на посту я и сам не щадил, будучи впоследствии разводящим или проверяющим посты: лупил нещадно, наряды объявлял.

Но опасность была, хоть и грозящей, но, слава Богу, несостоявшейся. Не обходилось и без курьезов. Ходили мы на посты в касках, и, когда за мной, как за разводящим, увязывался бдительный офицер с проверкой, на всякий случай, как бы случайно, я постукивал примкнутым к автомату штык-ножом по каске, чтобы часового предупредить. Может, он и не спит, но вдруг присел или курит, что тоже запрещено. Так зачем парня «спаливать»?

Иду и вижу: не спит часовой, ходит. Фу, думаю, хорошо. Но ходит-то он к нам спиной и никак не поворачивается, а тем более «стойктоидёт» не кричит. Двадцать метров остаётся, десять, пять, вплотную подхожу и кладу часовому руку на плечо. «Мама», — сказал часовой и упал на землю. Мы вместе с проверяющим так и покатались со смеху...

Мрак стал рассеиваться позже, в конце апреля — начале мая, когда в часть, в том числе в нашу батарею, стало прибывать пополнение. Ранний призыв и ребята после «учебок» — учебных подразделений, где готовят младших командиров и технических специалистов. А некоторые вредные деды так уже и на дембель ушли, поскольку, заражённые социалистической активностью, на комсомольские стройки рапорты написали: типа БАМ, КАМАЗ. Ушёл и самый противный сержант, кто больше всех мне нарядов внеочередных давал. Сука, простите, пожалуйста.

Первым из новичков появился Петя Чесноков — в прошлой жизни помощник машиниста из Пензы, моего призыва. Нас, молодых, стало уже двое! Мало? Нормально, если друг друга поддерживать! Началось с того, что объявили мне наряд вне очереди, а Петя говорит: «Давай помогу». А дальше идёт полы со мной мыть или картошку чистить. Я оценил!

В батарею назначался барабанщик. Барабанил он при походах в столовую, а также на вечерней прогулке под песни. Барабан передавался «по наследству» от новоявленного середняка к черпаку. Кидают Пете барабан с притчей «на, солобон, барабанить будешь». Петя в растерянности. Я барабан обратно середняку кидаю: сам до дембеля барабань! Да, скандал, друзья середняковские налетели, рты разевают, но мне уже не привыкать, не страшно. Просто Петя был поменьше и послабее, а с двоими-то биться уже проблемно.

Вскоре в лесу подснежники расцвели. Целое море, никогда такого не видел. Будучи ребятами голодными и хозяйственными, мы надрезали берёзовую кору и подставляли бутылки. В ушах, да и по приёмнику иногда звучала популярная песня ансамбля «Песняры»:

— Лишь только подснежник
 Распустится в срок,
 Лишь только приблизятся
 Первые грозы,
 На белых стволах
 Появляется сок,
 То плачут берёзы,
 То плачут берёзы...

Через год-полтора воспринимали это лирично, а пока вполне конкретно.

Офицеры набирали букетики подснежников жёнам домой. Выходит, весна наступила неформальная, настоящая. На посту в карауле теперь гораздо приятнее. Думается не о том, как скорее смениться, согреться и поспать. Думается... Ну, как в рассказе Василия Шукшина «Думы»:

— О чем думалось? Да так как-то... ни о чем. Вспоминалась жизнь. Но ничего определенного, смутные обрывки...

Ещё вспоминались какие-то утра... Идешь по траве босиком. Она вся бусая от росы. И только след остается ядовито-зеленый. И роса обжигает ноги. Даже теперь зябко ногам, как вспомнишь...

Послали готовить летний лагерь; палатки завозить, матрацы, хлам всякий. Разгрузились, машина обратно пошла — должна вернуться через два часа. Разлеглись на матрацах в чистом поле и уснули. А машины пять часов не было! Первый раз выспался, как следует! Да на природе, на свежем воздухе.

В общем, как говаривал великий вождь всех народов Иосиф Виссарионович Сталин, «жить стало лучше, жить стало веселей»!

Захотелось в далёкую чернозёмную деревню, где родилась моя мать и куда электричество провели не при Ленине, а в 1967 году. Помню, в детстве летом там жил с дровяной печкой и под керосиновой лампой. Изба под соломенной крышей; стадо возвращается домой вечером, наша родная речка Мокша. Вторая родина...

Но хочется и на первую, в Москву! Где нет ни стада, ни соломы, а есть стекло и бетон, рёв машин, людская суета. Где есть несуществующий теперь роддом им. Грауэрмана на Арбате, в котором я родился. Восемнадцать лет прожил в такой обстановке, привык к ней. И греет желание вновь пройти по Калининскому проспекту, посмотреть смену часовых у Мавзолея, съесть мороженое московское...

Ленин. Партия. Кам-са-мол!

Сталина уже давно заклеили, а вот Владимир Ильич Ленин оставался непорочно чистым. И на молодёжных комсомольских форумах залы дружно и весело скандировали: «Ленин. Партия. Кам-са-мол!». Идеологическая часть службы проходила исключительно под этим лозунгом, впереди боевой и спортивной шла политическая подготовка. Она представляла собой политзанятия с последующим конспектированием ленинских и иных актуальных с точки зрения развитого социализма трудов, а также сдачей экзаменов (то, что на гражданке носит название «экзаменационной сессии», в армии именовалось «проверкой»).

Политзанятия представляли собой некоторый синтетический учебный предмет, слепленный из истории, географии, обществоведения и ещё многого чего. Я эти синтетические отрывки-обрывки помнил со школьной скамьи и на занятиях стремился использовать время продуктивно — поспать. Но возникали трудности: последние парты занимали старики, а молодых сажали за первые, где твой сон офицеру-лектору становился быстро заметен.

— Свирин, встать!

Вскакиваю.

— О чём я сейчас рассказывал?

Докладываю, что о том-то и о том-то (у солдата сон чуткий, иногда даже с открытыми глазами).

— Тогда продолжайте!

Продолжаю, почему не продолжить.

- Конспект ваш где?
- Зачем мне конспект, если я материал знаю.
- А я говорю, что не знаете!

Перепалка заканчивалась очередным внеочередным нарядом на работу...

Специальное время отводилось на самоподготовку. Следовало конспектировать работы вождя пролетарской революции. Я быстро нагонял нужное количество строк и опять думал о своём, дремал, писал письма. Снова вспоминаю фильм «Максим Перепелица», где ведущий занятия офицер просит раздолбая Максима показать конспект. Тот нехотя отдаёт тетрадь, офицер открывает её и читает: «Дорогая Маруся!...». Максим следует на кухню чистить картошку.

Узбеки в процессе самоподготовки письма домой не сочиняли. Они открывали том Ленина и начинали его переписывать подряд, начиная с обложки. Сколько сумел за два часа, столько и переписал. На экзамене-зачёте узбек открывал «конспект» и зачитывал содержимое. Офицер узбеков хвалил, а меня недолюбливал: грамотный больно!

Меж тем идеологически я был вполне подкован, предан и знающ. Скажем, в ходе подготовки к поступлению в институт (такая подготовка в армии не прекращалась), читал нужные литературные произведения и тренировался в написании на них рецензий. Примерно, так. О повести известной советской писательницы Лидии Сейфуллиной «Вириная»:

- Это о том, как человек, женщина, находит себя в революции, становится мыслящим борцом.

О повести Л. Сейфуллиной «Каин-Кабак»:

— Человек, принимающий участие в революции, натура волевая, яркая, сбивается со своего пути и запутывается в годы НЭПа, попадает в тюрьму, а после выхода из нее скатывается до мещанина, думающего лишь о том, как бы хорошо поесть да в картишки поиграть...

В целом рассуждал так: наше дело правое; белые — плохие, а красные хорошие; рабочие и крестьяне (моя родословная выростала как раз из крестьян, правда, раскулаченных за то, что не бухали, а работали) — наши люди, а нэпманы — кровопийцы трудового народа.

О, как!

Или вот ещё:

— Сравнивая «Воскресение» Толстого с «Поединком» Куприна, нахожу общность приёмов, применяемых авторами для справедливой критики государственного строя. Относительно же выводов о его перестройке и тот, и другой писатель недалеко ушли. Куприн вообще ничего не предлагает, а Толстой в качестве рекомендаций приводит дословные цитаты из Евангелия.

А Достоевский и подавно не видит зла в государстве, не желает рассматривать его как вредный и бесполезный аппарат насилия. Вернее, он согласен с этим, но всё же сосредоточивается исключительно на внутренних проявлениях человеческой души...

Узнав, что я из Москвы и «комсомолил» в школе, командир батареи капитан Чекушкин предложил избрать меня секретарём комсомольской организации батареи вместо прежнего, уходившего на дембель. Идея абсурдная, поскольку комсомольского секретаря из молодых кто будет слушать и слушаться? Тем более, что в комсомольском бюро батареи состояли старший лейтенант и три сержанта. А я рядовой и молодой — смех один! Однако проголосовали единогласно, так как с комбатом никто ссориться не желал. На собраниях офицеры Чекушкин и Левинсон сидели в качестве моего «прикрытия»: солдатики смотрели на их реакцию и делали вид, что слушают меня.

Однажды встал вопрос о вынесении строгого комсомольского выговора середняку Лядову за воровство вещей у молодых солдат. В перерыве между обсуждениями ко мне подходит дед и страшает: «Попробуй объяви выговор, салабон, мы тебе потом такое объявим!». Отвечаю: «Первое. Ты меня можешь ... (достать) по службе, а я тебя по ленинскому комсомолу. И второе. Я предложение внесу. А вы за него не голосуйте». Собрание возобновилось, я предложение о строгом выговоре внёс, и «оппозиция», под испепеляющими взглядами офицеров, проголосовала... «за». Лядов возбудился: «Да клал я на ваш выговор. И на хрен мне не нужен ваш комсомол!». Ну и загремел на губу за идеологическую неустойчивость.

Власть в армии не у комсомола, и даже не у партии. Власть у командира, что правильно. Так и наказывали бы по служебной части, причём здесь комсомол?! Поэтому на комсомольскую и партийную деятельность смотрели как на неизбежную обязанность. Иногда даже выгодную.

В армии я впервые услышал присказку: «Комсомол у нас значительно вырос. Раньше ему было всё по плечу, а теперь всё по ... (до одного места)».

Как-то в одной из «задушевных» бесед (нужны они кому? Но «задушевно» внимаем) замполит предложил мне посещать партшколу: ты парень грамотный, походишь, подучишься, и будем в партию (тогда единственную в стране, КПСС — Коммунистическую партию Советского Союза) тебя рекомендовать. Получив дополнительную информацию, я немедленно согласился, потому что сплошные преимущества. Во-первых, два раза в неделю освобождают от работ, и ты идёшь слушать лекции. Во-вторых, на этих лекциях можно опять же кемарнуть, и лектор-подполковник гнобить тебя за это не будет, — несолидно это и неудобно по отношению к будущему коммунисту.

На лекциях в партшколе звучал уже не синтез ликбез-предметов, а только история КПСС. Я даже заинтересовался и начал вопросы задавать, как там Троцкий Ленина, Ленин Троцкого, а Сталин их обоих... Но подполковник каждый раз за ответом лез либо в свой конспект, либо в учебник по заявленной дисциплине. Я вопросы задавать перестал и спал с лицом, изображающим предельное внимание и серьёзность намерений.

Хотел ли я вступить в партию? Конечно, да. Лучшие люди состояли в партии, карьера делалась с помощью партии, интереснее, в конце концов, было с партией, а не без неё. Беспартийные... Ну, во-первых, на выборах тогда фигурировал «единый блок коммунистов и беспартийных». Во-вторых, беспартийные мне казались людьми неактивными, сомнительными или вовсе отщепенцами. Беспартийной, впрочем, была моя мать. Она желала вступить, но отец мягко отсоветовал: «Не надо. Хватит меня одного».

Анархия. Николай Иваныч и синие комбинезоны.

Плавню переходжу к интриге.

В начале марта 72-го нас, троих из восьмисот человек, вызвали к бригадному начальству: в штаб, в политотдел, в особый отдел. Первый из моих сотоварищей был Женя Дёмин — мы призывались из одного военкомата и жили в Москве на соседних улицах. Друг друга раньше не знали, а теперь служили в соседних дивизионах, виделись периодически. Вторым — парень с Украины Степан Гурторик. Его в дальнейшем отсеяли, причин не знаю. Может, потому, что на политзанятиях на вопрос, какой город является столицей Украины, отвечал: «Львов!».

На беседах уточнили какие-то данные наши, а потом сказали:

— Будете служить в другом месте.

— В каком? Кем?

Ответа не последовало. Начались далеко не поверхностные, а напротив, углубленные медосмотры. Даже не в бригаде, а в Новограде-Волынском и даже Житомире. Что, в космос будут запускать? — шутили мы друг с другом. Но в медкарточках углядели: «Для прохождения службы в странах с сухим жарким климатом».

Уж не Вьетнам ли? Так вроде далековато от Украины-то, можно и поближе бойцов найти...

С этим промежуточно-загадочным периодом службы связан любопытный эпизод.

Обычные учения в лесу. Вдруг бежит солдатик: «Свирина к командиру дивизиона!». Майор Кризозок сидит в машине «радийке», которая из старых, но с дровяной печкой. Знает майор толк в армейских машинах!

— Ну что, — говорит, — я тебе кое-что сейчас предложу, но учти: это большой аванс. Ты этого пока не заслужил.

Теряюсь в догадках и отвечаю:

— Спасибо, товарищ майор. Постараюсь оправдать.

— Направим тебя в Одесское командно-артиллерийское училище. Станешь курсантом, а потом офицером.

Я так и сел:

— Ещё раз спасибо за доверие, товарищ майор, но у меня того..., другие планы.

— А что тебя смущает? Училище — это самые лучшие планы!

— Я бы свободы хотел побольше, чем в армии.

— Какая же в училище несвобода? Я вот курсантом был и каждые выходные ходил в увольнение.

— А я каждый день хотел бы...

— Хитёр ты, Свири́н. Знаю, что тебе уже и другое предложение сделали. Молодец, военную тайну держать умеешь! Большое будущее впереди! Ага. Иди, рядовой.

Ну и ну: куда ж зашлют, если даже майора не проинформировали?

В лесу на этот раз наш кунг проболтался почему-то дольше других. А когда я вернулся в казарму, то увидел чудо чудное: все до одного салаги пострижены наголо. На меня сразу накинулись старики: «Свири́н, ты что, особенный? А ну иди сюда, будем тебя стричь!». Выяснилось, что вышел приказ министра обороны СССР (тогда маршал Советского Союза Андрей Гречко) о демобилизации, и в честь такого радостного события молодых надо оболванить.

На моё «не хочу» деды налетели, аки вороны. И салаги дедов поддержали: «Ну, чо ты не как все?!».

«Ладно, говорю деду Шелеху, — который уже стоит с машинкой, — стриги. Но учти, что я тебя об этом не просил».

Через пару дней пришёл вызов в штаб армии. Выписали мне с Дёминым увольнительную в Житомир на день — не по нашей просьбе, а по команде сверху. Добираемся общественным транспортом, прибываем в штаб.

И там нас — человек двадцать солдат первого полугодия службы: рядовые и два-три сержанта из учебки, собранных со всего округа — встречает... генерал! Уже смешно, правда? Для салабонов и майора-то много! При всей торжественности обстановки мне вспомнился рассказ Василия Шукшина «Миль пардон, мадам!». Там сельский житель Бронька, служивший в Великую Отечественную санитаром, «пудрит мозги» приезжим охотникам:

— Было это, как я уже сказал, двадцать пятого июля сорок третьего года. Кха! Мы наступали. Когда наступают, санитарам больше работы. Я в тот день приволок в лазарет человек двенадцать... Принес одного тяжелого лейтенанта, положил в палату... А в палате был какой-то генерал. Генерал-майор. Рана у него была небольшая — в ногу задело, выше колена. Ему как раз перевязку делали. Увидел меня тот генерал и говорит:

— Погоди-ка, санитар, не уходи...

Сели мы с генералом в машину, едем куда-то...

— Стреляешь метко?

— Да, — говорю, — чтоб зря не трепаться: на пятьдесят шагов свечку из винта погашу...

— А вот если, — говорит, — ты нам погасишь одну зловредную свечку, которая раздула мировой пожар, то Родина тебя не забудет.

Тонкий намек на толстые обстоятельства. Поняли?..

Потом говорит: «Партия и правительство поручают вам, товарищ Пупков, очень ответственное задание. Сюда, на передовую, приехал инкогнито Гитлер. У нас есть шанс хлопнуть его...

То есть смеюсь про себя и думаю: «Значится, нас, недообученных бойцов, посылают в страну с сухим жарким климатом забить нового Гитлера?»).

Но дальше стало невесело.

— Вас, сынки, отобрали из многих, — говорит генерал. — Куда и зачем, узнаете в своё время. А пока скажу одно: может, и повоевать придётся. Если у кого какие сомнения есть, можно отказаться. Тогда шаг вперёд.

Никто не шагнул. Генерал прочёл небольшую лекцию про любовь к Родине, а потом осмотрел нас внимательно, заметил среди двадцати человек пять постриженных наголо и приказал: «Все свободны, а вот вы пятеро останьтесь. Полковник, разберитесь с ними!».

Интересно, думаю, с чем они намерены разобраться?

Полковник с места в карьер:

— Вы на ..... (чудаков) похожи! А должны выглядеть как люди! Я за это на Кубе солдат на губу сажал!

И поочередно задаёт каждому вопрос:

— Ты зачем оболванился?

Четверо отвечают примерно так:

— Захотел и постригся. Для гигиены.

А я думаю правду сказать; мол, старики заставили. Потом прикинул: генерал с полковником из штаба армии всю часть за такое показательно вдребзги разнесут. Решил локализовать проблему и говорю:

— Мне командир отделения приказал, а я приказ выполнил.

— Понял, идите, — сказал полковник и попрощался.

У нас увольнительная до вечера, Житомир — большой город, поэтому, как там в песне поётся: «а солдат попьёт кваску, купит эскимо...». Конечно, и с девушкой какой встретиться бы неплохо, да где там...

Под вечер являюсь в часть, а у проходной замполит бригады подполковник Трусов хромовыми сапогами дробь выбивает, замёрз. Оказалось, что меня ждёт.

— Как же так, Свирина, ты сразу в штаб армии доложить решил! Нехорошо! А меня почему в известность о таком случае не поставил!

— А вы, товарищ подполковник, сами не видите, что у вас треть части лысая ходит? Не знаете об этом?! Или это Уставом предусмотрено? Я ещё вас выручил, сказав, что это приказ командира отделения. А на самом деле... Да ладно, не надо непонимающий вид делать!

— А вы, рядовой, не дерзите! Идите в дивизион.

Пошёл, естественно, чего бессмысленный разговор продолжать? На вечерней поверке в строю «парикмахер» дед Шелех встал рядом и шепчет мне в ухо:

— Скажи, салабон, что ты меня попросил, а я тебя постриг.

— Ага, щас!

Вставили Шелеху с компанией!

В начале июня мы выехали в лагерь. По этому случаю опять решили всех стричь наголо. Середняки стали дедами, им не терпелось попробовать себя в новом качестве. И постригли! Один я остался нестриженный.

Иду по полянке с Петей Чесноковым (он уже лысый), несём из полевой кухни бачок с супом для бойцов, а тут крик новоиспеченного деда:

— Тю, Свирина, а ну бегом стрыца!

А другой ему советует:

— Слушай, ну его ..... (в сторонку). Не связывайся лучше. Его всё равно куда-то забирают.

Н-да, забирают. Прапорщику с классической фамилией Сидоренко велено доставить рядовых Свирина и Дёмина в украинский город Староконстантинов (в солдатских кругах он именовался проще — Скотинов).

А несколькими днями раньше... В дивизионе появляется солдат со стойким южным загаром. Прознали мы, что его полтора года назад тоже куда-то засылали «Гитлера убивать», а теперь вернули: пойдёт на дембель отсюда. Мы к нему, про себя обстановку обрисовали, он и раскололся:

— Я, пацаны, в Арабии был. В Египте то бишь. Только вот чего не пойму: оттуда войска почти все вывели. Может, новая война начинается?

И рассказал нам про жару, про пески, про верблюдов, про боевые дежурства. Про приличные, по сравнению с Союзом, бабки, которые там платили, про импортное барахло, которое удалось прикупить на дембель.

Дык вон оно чо!

В Скотинове прапорщик Сидоренко сдал нас кому положено. «Кому положено» был реально не в курсе нашей дальнейшей судьбы, он только принимал бойцов из разных частей со всей страны, коих набралось около шестидесяти, и знал, что должен обеспечить их довольствием, занять чем-нибудь и продержат в части две недели.

Ну, тут началось. На работы нас ставят: землю кидать, в столовой посуду мыть, переносить чего-то с места на место, да кому это надо? Делаем вид, что работаем, а на самом деле сачкуем по полной. Но приструнить, наказать нас некому. Плюнули на всё местные офицеры и отвязались.

Старики части тоже попытались пристать, вещи или деньги выманить. Да у нас отдельная казарма, можем, как говорится, и по кумполу дать, омрачить заслуженную старость. Отлепились старики.

Выборы проходили в это время! В какой-то всероссийский орган. Нас построили и повели под гармонь на участок, сказали, что голосовать надо за кого надо. Но, собственно говоря, кого не надо, в бюллетени и не включали! Интереснее был приготовленный по случаю выборного праздника

завтрак: кофе с французской булочкой (и маслом, разумеется) и рисовый плов с мясом. Вот это выборы — за любого проголосовал бы!

После предыдущего полугодия салабонской муштры такая ситуация показалась неожиданной свободой. Понимая, что она призрачна и краткосрочна, мы залезали на забор, высматривали девушек Скотинова и просили их принести портвейна. Девушки приносили в надежде на серьезную отдачу! Но уйти в самоволку мы пока боялись. Бухали по вечерам, курили прямо в казарме и строили фантазии насчёт неведомой Арабии.

Потом появился человек лет пятидесяти в штатском и назвался Николаем Ивановичем: «Я теперь ваш начальник». Вместе с ним прибыли синие комбинезоны, которые Николай Иваныч приказал нам надеть, а солдатскую форму снять.

— И куда её?

— Повседневная форма останется здесь, а «парадку» пакуйте в чемоданы, возьмёте с собой. Впрочем, до дембеля она вам больше не понадобится. Да, и записей с собой никаких брать не разрешается. Писем из дома это тоже касается. Если они особо вам ценны, отправляйте обратно.

Две недели прошли. Садимся в крытые грузовики, выдают сухой паёк, останавливаемся для перекуса, а также «оправиться и покурить», едем целый день. Приезжаем в военный аэропорт, но надписи-то понятные. Ба, так это Одесса! Однако на красоты черноморского города взглянуть не приходится, поскольку оперативно загружаемся в десантный самолёт.

Рассаживаемся на скамейках вдоль самолётного корпуса, взлетаем и поём характерную и популярную среди нас песню того времени:

— Аэропорт, аэропорт,
Ночное зарево огней.
Лечу за борт, лечу за б-о-орт
Любви моей, любви моей...

В иллюминаторе земля
Кружится, догоняя ночь.
Попутчик смотрит на меня-а-а,
Как будто хочет мне помочь.

Пускай сто тысяч лет пройдёт,
Но я упрямый, я дождусь,
Когда заправят самолё-о-от,
В котором я к тебе вернусь...

Продолжение следует.

Проза

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв родился 7 февраля 1948 года в Украине — город Коростень Житомирской области.

В 1972 окончил ВГУ, журналистика. Служил в Советской Армии, работал сторожем, электриком, грузчиком, сборщиком большегрузных шин, а также в различных СМИ Воронежа, в том числе «Подъеме». С 2003 по 2009 гг. — главный редактор журнала «Воронеж». Сейчас — редактор газеты Воронежского аграрного университета им. императора Петра I. Член Союза писателей СССР (ныне России) с 1984 года, прозаик, автор 9 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве.

Гололед среди лета

...На родине другие облака.

Зоя Колесникова.

Из книги «Для сонаты из снов».

Повесть

1

В гробу Марина лежала с кротко-нежной улыбкой. А в минуту смерти на её губах была мертвенная судорога. Лучшая подруга моей жены, искусствовед, аккуратно прошептала мне, что улыбка Марины загадочней, чем у самой Джоконды. Видно там, за пределами жизни, ей открылось нечто запредельно отрадное.

Эта её неземная, потусторонняя улыбка надолго стала последним, что я отчётливо видел в этом мире. С тех пор я больше не жил, а лишь существовал в сумрачном нулевом пространстве, в котором не было ни-че-го, в том числе и меня самого...

...Три дня тому назад после нашего с Мариной традиционного послеобеденного сна зашёл я на кухню насчёт чая. Она уже сидела за столом. Перед Мариной стояла недопитая чашка с разбухшими мертвенно-матовыми пакетиками «утопленников». Рядом на празднично-ажурной пластиковой скатерти, оплавив её, лежала пепельным трупиком изгоревшая сигарета. Я машинально произнёс мини-тираду об осторожности при курении и пагубности табака с точки зрения Минздрава и вообще по жизни. Марина не отозвалась — она никогда не реагировала на банальности. После смерти моей тётки, никогда не расстававшейся с папиросой после семи лет в сталинских лагерях, Марина, прежде не курившая, с тех пор уже не представляла себя без сигареты.

Поняв свою оплошность, я шагнул покаянно обнять жену и тут увидел на её судорожных губах сиреневую пену. Она пузырилась, словно живая...

Пульса не было.

Похоронили Марину за городом у села Девица на распаханном высоком взгорье, броско разделеншемся молодой апрельской травой. Внизу, неподалёку от кладбища, основательно стоял двухвеховой, не по-сельски рослый храм Архангела Михаила с высокими белоснежными колоннами — он встретил нас скорбным перезвоном.

...Твоей же благой и премудрой воле изволися отъяти у мене сию рабу Твою Марину, юже дал еси мне, яко помощницу и сопутницу жизни моя. Преклоняюся пред сею Твоею волею, и молюся Ти от всего сердца моего...

Я покаянно вспомнил, как Марина утром в день смерти позвала меня на кухню: «Серёжа, иди послушай... Кто-то рыдает наверху... У соседей что-то случилось! Так плачут только над покойником...» Я постоял минуту, сосредоточенно глядя в потолок, но оттуда не доносилось никаких звуков. «Нет, всё тихо. Тебе показалось», — простодушно объявил я свой вердикт. «Плачут...», — закрыла глаза Марина.

А где-то за полгода до того, как тромб остановил её сердце (типовая версия врачей), она попросила меня уйти с работы: «Я больше не хочу ни минуты жить без тебя...» Я был тогда главным редактором неплохого журнала, но она и слушать не хотела мои прагматичные возражения.

Было ли у меня предчувствие надвигавшейся беды?.. Незадолго до смерти Марины мне стал почти еженощно сниться один и тот же мучительный сон: я заблудился в кладбищенском мраке катакомбных лабиринтов и, спотыкаясь об отвалившуюся от склепов черепицу, безнадежно пытаюсь нащупать выход...

Всё заканчивалось тем, что Марина будила меня: «Проснись, Серёженька, что ты плачешь, милый?..»

Теперь снов у меня нет. Никаких.

Когда уходили с погоста, я, вдруг, явственно услышал за спиною стон. Он как будто шёл из-под земли...

В храме Архангела Михаила служба закончилась, и под небесно-объёмным куполом уже установилась по-особому благодатная, умиротворённая тишина. Молитвенно пахло ладаном, свечным разогретым воском, и от панихидного стола пряно, точно от стога сена, — поминальным хлебом. Аккуратно пройдя по танцующим доскам пола, я заказал в церковной лавке сорокоуст и панихиду. Сын бережно поставил на канун поминальные свечи. Они затеплились пламенем тихим, вкрадчивым.

— Принял Господь твой огонь во имя рабы Божьей новопреставленной... — строго вздохнула монашески бледная служка и бережно перекрестилась. — Вон как свечечки нежно горят... Не коптят, не трещат, не гаснут... Видно душу призвал к себе Христос светлую...

Я нетвёрдо, взволнованно подошёл к солее; намолёный иконостас, сурово истемневший за столетия от свечной копоти, как распахнул передо мной свои потускневшие золочёные крыла. Высокие, многоликие, они словно строго обороняли особое алтарное присутствие мира Божьего.

Я жадно пал на колени. Голова отчаянно пуста: ни одной молитвы в ней. Точно вывернули меня наизнанку и вытряхнули. Слезы были; слёзы дикие, вразлёт.

Дома после поминок я стал с «Молитвословом» перед иконами и замер — тёмный лик Курской коренной Божьей Матери, писанный на липовой доске лет около двухсот тому назад и столько же простоявший в Красных избяных углах предков Марины, пронзительно прояснился до вдохновенной яркой голубизны...

2

Не умерев вместе с Мариной, я начал подсознательно уничтожать себя дешёвой народной водкой с оптимистически бодрым названием «Доктор Столетов». Сейчас она исчезла также внезапно, как и появилась. Миссия её окончилась? За несколько месяцев я отвратительно, мертвенно похудел, постарел и даже стал говорить иным, хрипловато-рыхлым голосом. Знакомые перестали меня узнавать. В итоге я сделался точно заразный больной — заразный горем. Все вокруг это видели и подсознательно сторонились меня.

Первым шефство во моё спасение взял на себя сосед Павел Бутков, дипломированный экстрасенс международного класса, в миру — системный администратор воронежского НИИ чернозёма, а в душе — вольный хакер-романтик. Как бы там ни было, народная тропа к нему не зарастала. На приём к Паше люди с ночи стояли в нашем подъезде, вызывая мрачное негодование отдельно взятых жильцов. У меня было ощущение, что эта толпа со дня на день объявит Пашу Пророком и потребует вести её оздоровительной труссой в даль светлую.

Работал Паша напористо, честно. Запечатав меня в гипнозе, он мальчишески тонким, эзотерическим голосом озарённо приступал внедрять в мой истерзанный Альтер эго прописные истины о том, как прекрасен окружающий мир, наполненный щебетаньем птичек и лучезарными перспективами духовного возрождения.

Где-то через месяц, не видя у меня реальных сдвигов в лучшую сторону, он профилактически провёл со мной сокрушительный сеанс снятия порчи. По всей квартире пышно, тепло горели свечи, во все стены под обои, а также в столы, стулья и рамы окон были вонзены цыганские прокалённые иглы. Сеанс напоминал яростную смесь экзорцизма, знахарства и православного призывания в помощь Духа Святого и моего Ангела Хранителя. Намучавшись со мной до изнеможения, Паша затарил меня трёхлитровыми банками заговорённой воды и отправился на отдых в Таиланд.

Следующим взялся за моё возвращение в русло нормальной жизни отец моей невестки Гали — Владимир Петрович. Хотя был он начальником цеха на авиазаводе, но чиновничья кондовость не изъела его душу — сват до сих пор оставался человеком из народа, умеющим говорить и действовать с женщиной убедительностью.

— Сваток! Дорогой!! — обняв меня, проговорил Владимир Петрович: немного враспяжку, басовито. При этом от него дохнуло принятыми недавно ста граммами водки, термоядерными сигаретами «Прима», а от спортивного костюма — горьковато-смолистым запахом печного дыма. — Засиделся ты дома! Собирайся ко мне на дачу! По вечерам соловьи, как шалеют! А какой чай травяной сотворю тебе на печке! Грушёвыми поленцами её заряжу!

И вот я среди его шести соток отяжелевшей соками огородно-садовой зелени. И, как всегда, обед свахи Светланы Олеговны — это нечто.

После часового перекура пришло время трудотерапии. Светлана Олеговна определила нам со сватом вырыть две траншеи под посадку огурцов. Сама сделала лопатой разметку.

Я исполнил задание раньше Владимира Петровича. Наверное, потому что рыл землю со злостью. У меня с ней теперь были особые мстительные отношения.

— Ох, Олеговна! У тебя два мужика вкалывают, а я женщина одинокая — у меня и одного нет. Поделись! — услышал я за спиной крепкий, по-девичьи весёлый голос.

Около наших со сватом огуречных окопов бодро стояла их рослая соседка. Такие за нас, мужиков, кладут шпалы, носят брёвна, а при необходимости под мышкой доставляют домой в определённом состоянии.

Я понял, ради чего сват пригласил меня. Вот она, моя соловыха...

— Сергей Владимирович, — проникновенно сказала сваха. — Разрешите представить: Зинаида Евграфовна Полуяркова, народная учительница СССР! Учила нашу Галюньку русскому языку и литературе. Так что вам будет о чём поговорить. Как Зинушка Пушкина знает, Лермонтова! Заслушаться можно! И нужно. Особенно некоторым отчаявшимся мужикам. Чтобы родных и близких своим расхристанным поведением не пугали.

На скамейке все расселись так, чтобы мне досталось место именно рядом с почётной гостьей. Я сразу почувствовал, каким жаром жизненной силы пышет она. Словно чересчур близко подошёл к большому костру с раскидистым огнём.

— Будем знакомы... — кивнула гостья.

— Сергей Владимирович... — глухо проговорил я, и тотчас слёзы растеклись по скулам.

— Не плачь по ней... — твёрдо сказала Зинаида Евграфовна. — Им там через это очень плохо. Они по пояс стоят в наших слезах.

Это было уверенное мнение «Народного учителя СССР». Я невольно почувствовал себя рядом с ней, как далеко не лучший ученик, которого вызвали к доске.

— Да соринка в глаз попала... — буркнул я.

— Тогда ноги в руки, и айда ко мне — куст крыжовника засох, надо бы выкопать. И у вишни ветку спилить — лопнула. Старушка она у меня, а урожай на ней вызрел, как никогда. Не знаю, куда и девать.

— А как с мужиком рассчитывать будешь? — лукаво встряла в разговор сваха.

— Олеговна, за мной не заржавеет! — аккуратно приобняла меня за плечи Зинаида Евграфовна. — Мы с Серёжей сговоримся. Поллюбовно. Вставай, друг мой любезный!

— Извините... А в другой раз? Что-то я неважно себя чувствую... — смялся я.

Народная учительница мощно вздохнула:

— Душа, милый, у тебя крепко надорвалась... Понимаю. Сваха говорила: вы с Мариной сорок три года прожили душа в душу. Да вот и я мужа пять лет назад схоронила... Ладно, работа не волк. Подожду, пока у тебя резвые крыла за спиной вырастут! На свежем воздухе восстановишься только так! Будь.

Зинаида Евграфовна пошла к калитке с удивительной для такого большого тела грациозностью. Сдёрнув засов, обернулась: на лице у неё была сердечная, умная улыбка. Гостья неожиданно оказалась мне... красивой!

— Выхожу один я на дорогу... — вдруг чутко, протяжно до боли, запела соседка хорошим, нежно густым контральто.

Я сказал, что мне тоже пора.

— Да вы бы пожили у нас, Сергей Владимирович!.. — печально вскрикнула сваха. — Места всем хватит!

— Спасибо, спасибо... В другой раз — обязательно, — буркнул я и беззвучно заплакал.

Вечером Саша в очередной раз принёс поесть своему катастрофически худевшему отцу. В пластиковых коробках была сочная картофельная запеканка со свининой, отороченной аппетитным сладким жирком, далее — смугло-розовые стейки сёмги и румяные блины с печёнкой. Всё с пылу, с жару. Саша в смысле кухни пошёл в Марину и любил готовить.

— Твоё нынешнее положение становится опасным, — сдержанно сказал он. — Тебе нельзя больше жить одному...

— Ты предлагаешь переехать к вам?.. — тупо улыбнулся я.

— Папа, я о другом. Ты зайди как-нибудь на сайт знакомств. Почитай, что женский народ там пишет. Я не любовь тебе советую найти. Просто начнёшь переписываться. Вот уже и общение. А со временем вы, вполне вероятно, захотите познакомиться поближе. Только будь осмотрителен. В Инте куча аферистов и извращенцев.

3

Что мне оставалось? Я так и сделал. От зазывных женских предложений настораживающе веяло прагматичной расчётливостью.

«Вдова нормального телосложения, ведущая активный образ жизни, надеется встретить порядочного, образованного мужчину без вредных привычек. Желательно автолюбителя».

Более всего меня озадачило поголовное желание одиноких женщин завести в доме мужчину без вредных привычек. Чтобы ногти не грыз? Или как? Ясно, трезвость — норма жизни, курению — бой. Вашими молитвами, как шестами подпираемся...

Мой Альтер эго презрительно хохотнул над моими потугами — обрести с помощью Интернета видимость душевного равновесия. Мышка раздражённо прицелилась курсором на «Выключение». По лицу медленно ползли гадкие невротические слёзы. «Доктор Столетов» спохватился и решительно воспротивился такому проявлению моей минутной слабости. Он в приказном порядке настоял продолжить поиски благодатного приюта для души. Мол, не спешите пасовать, батенька. Счастье впереди!

Вдруг откуда-то на экран монитора выпало украшенное золотистыми амурами и мультяшными феями окно с девизом «Регистрируйся бесплатно и обрети свою любовь!» Жесть, да и только. Хоть кто-то про любовь вспомнил. Однако, одно объявление этого сайта реально показалось мне стоящим. В нём, по крайней мере, не было ничего близкого к настырному поиску мужчины-автомобилиста без вредных привычек и карающего навязывания активного образа жизни.

«Всем хорошего настроения! Меня зовут Ирина, мне 54 года, разведена, проживаю в Литве. Общительная, с чувством юмора. Хочу найти друзей по переписке, и возможно, встретить надёжного, порядочного и доброго мужчину».

Я старательно набрал её e-mail. Опыта переписки у меня не было. Я настроил первое, что пришло в голову: «Здравствуйте, мне 62. Вдовец. Живу в Воронеже, который сейчас принято упоминать почти в каждом телевизионном сериале, как символ русской провинции. Жена умерла недавно. Сам не знаю, чего хочу».

К вечеру пришёл ответ из Литвы: «Здравствуйте, Сергей. Расскажите о себе немного подробнее, хорошо? Чем вы занимаетесь, чем увлекаетесь? Я родилась в Каунасе, но уже полвека живу в красивом и чистом городе Клайпеда на берегу Балтийского моря».

И меня вдруг понесло. Сам не могу до сих пор понять, с какой стати я так завёлся.

«Здравствуйте, Ирина! Вы живёте рядом с Балтикой, моя нынешняя квартира тоже неподалёку от моря. Воронежского. Недавно овдовел. Сейчас вокруг Воронежа пожары. Горят леса, дачи, сёла. Хотел жене, Марине, на могилу собрать полевых цветов, ан ничего нет. Сказались засуха и огонь».

Ирина отозвалась через два дня. Ей было над чем раздумывать.

«Здравствуйте, Сергей. Конечно, я смотрю новости и знаю, что творится сейчас в России и у вас в Воронежской области. Молю Бога, чтобы люди пережили этот природный кошмар. У нас тоже была непривычная жара, но сейчас все хорошо, прошли дожди, стоит прохлада. Сказывается близость моря. От моего дома на велосипеде по отличной велосипедной дорожке до пляжа 15 минут спокойной езды. Если всё-таки захотите узнать обо мне побольше, пишите. Отвечу. Всего вам наилучшего!»

Я не заставил себя ждать.

«Добрый вечер, Ирина. Кем вы работаете? Как живёте?»

«И вам добрый вечер, Сергей Владимирович! Или все-таки, Сергей? По образованию я психолог. Мой отец — ветеран Великой Отечественной. Уже 17 лет работаю в детском доме социальным педагогом. Естественно, общение на государственном языке, то есть на литовском, поэтому скукаю по хорошему русскому. Моя личная жизнь... Жила двадцать лет в гражданском браке с капитаном торгового судна. Вообще моряки в Клайпеде — элита. Я, как девочка, заглядывала ему в рот, была счастлива! А потом банальная развязка... В общем, у него появилась новая женщина. На десять лет моложе меня. Мы расстались. Сейчас живу одна. В этом есть свои плюсы, но иногда одиночество достаёт, становится невыносимым. Познакомиться в своем городе?.. Да, наверное, можно, но я не предпринимала никаких попыток, да и не знаю, где и как это можно сейчас сделать? Разве что через Интернет? Только там и без меня немало соискательниц на руку и сердце. Наверное, моё сообщение о поиске друзей по переписке — «отчаянный голос одинокой женщины». И грустно, и смешно... Ну, вот, написала, сама не знаю, почему, так много и искренне. Может быть, это расстояние между нами способствует откровенности? Конечно, у меня есть сын, внуки, есть подруги, но у них семьи, свои заботы, свои проблемы. Тем не менее, мы иногда встречаемся, общаемся, но неужели моя «родственная душа» где-то заблудилась?.. А с кем ты общаешься? У тебя есть друзья? Извини, я много задаю вопросов, но ведь на то оно и знакомство, правда? Не могу не сказать, что я искренне тебе сочувствую в связи с потерей жены. Сердцем чувствую, что ты её очень любил (любишь до сих пор!!!). Кстати, вчера разыскала в Интернете информацию о тебе (её так много!), про твою книгу «Счастье впереди». Её название для меня просто пророческое. Прочитала на одном дыхании. Да, счастье впереди, несмотря ни на что! Удачи тебе во всём. Ирина.

P.S. Здесь же в Инте нашла твой снимок. Ты красивый и интеллигентный! Я так рада! Лови мою фотку. Ой, боюсь, но как иначе? Если покажусь страхолюдиной, забудь про меня».

Ирина явно кокетничала. Я увидел на экране монитора элегантную красивую женщину с велосипедом, золотисто блиставшим спицами колёс. Зеленоглазая, в меру полноватая, со слегка вздёрнутым аккуратным, остреньким носиком. Взгляд умный, содержательный. О таких близкие знакомые говорят — куколка.

«Велосипед — мой друг! — со скаутской бодростью приписала Ирина под фото. — Каждое утро по три часа к морю и обратно! Кстати, у нас погода отличная: плюс 20 и ветерок. Мне даже неловко хвастать этим — не могу представить, как вы в России переживаете пожары? Сочувствую вам. Ох, как здорово нестись по клайпедскому утреннему лесу после ночного дождя (воздух насыщен хвойным ароматом!), а велосипедные дорожки у нас — супер, одно удовольствие. Сергей, если хочешь, завтра сделаю фотки тех мест, где я бываю и скину тебе? Кстати, в школе меня называли «кнопкой». Догадался почему?»

«Носик остренький?.. Нормально!»

На другой день Ирина прислала уже с десятков своих фотографий. И на каждой снимке она, говоря пацанским языком, ну, просто чики-чики!

Ире в тот день я не ответил. Лишь назавтра послал короткое и достаточно невнятное письмо:

«Согласись, нельзя не понимать, что в жизни любого из нас есть минуты, часы и дни, когда хочется исчезнуть, затаиться... Кроме горечи утраты, у меня не меньшее чувство вины, что я в прямом смысле проспал смерть жены. Я бы спас её!!! Ко всему, умирать первым должен мужчина».

«Всё так, Серёжа, всё так... — откликнулась она. — Два года назад, когда отношения наши с мужем напряглись донельзя, депрессия накрыла меня с головой! Не хотелось НИ-ЧЕ-ГО! Возникали даже самые страшные мысли: для чего мне она, такая моя жизнь? Всё было серого цвета (не чёрного, а именно серого!), всё безразлично. Думала, не выкарабкаюсь. Принимала горстями антидепрессанты. Мимо! А спасло меня то, что я стала молиться... Мысленно читала раз за разом «Отче наш»...

И отпуская!!! Со дня твоей тяжёлой утраты прошло совсем немного времени. Кого-то время лечит. У кого-то остаётся незаживающая рана до конца жизни. Но! В любом случае НЕЛЬЗЯ ВИНИТЬ себя и КАЗНИТЬ! Иначе вся твоя оставшаяся жизнь превратится в одно непреходящее страдание. Чаще бывай в храме. Ах, какие они у вас в России красивые, намоленные! У нас в Литве гораздо скромнее. Я с детдомовскими детьми ездила по вашим монастырям. Мы были паломниками. Если это всё описать, получится большое письмо. Коротко: мы были в Новгороде, Питере, на Валдае в Святоозёрском монастыре. Это совсем другая жизнь. Мне было там очень хорошо, но бедные дети уставали от долгого стояния на службах. А я бы ещё поехала с удовольствием. Слушай, а ты мои фотки получил? Пожалуйста, напиши мне о себе ещё, да? У меня сейчас отпуск, я особо не занята, и общение с тобой доставляет мне удовольствие. На связь можно выходить после часа дня, я буду уже дома. И до ночи «комп» не выключаю. Так что после обеда в любое время смотрю почту. А я подумаю о том, что интересного ещё хотела бы рассказать тебе, ок? Спать ложусь позднее позднего, я — сова. Поэтому пиши, пиши! Мне очень интересно читать всё, о чём ты рассказываешь. Хорошо? Я переписываюсь только с тобой, и это нормально, нельзя раскрывать душу нескольким людям. Да и не ищу я никого. А то, что ты мне ответил, и у нас завязалась такая активная переписка, это Божий Промысел. Мне ОЧЕНЬ хотелось общаться с человеком интересным, неординарным. Спасибо тебе. До завтра, Сергей. Спок нок».

В эту ночь мне приснилась Марина.

4

Сегодня впервые после смерти жены я был в центре города. На рынок ездил. В автобусе, на улицах безлюдно. Блекло-сизый смог плотно разлёгся по Воронежу, так что не все рисковали выходить из дому. Продавцы редких покупателей чуть ли не за рукава хватали. Цены обвалились.

Смог смогом, но нельзя было не заметить — в центре (и не только, честно говоря) с приходом нового губернатора Алексея Гордеева много перемен к лучшему. В Кольцовском сквере новый фонтан с цветными струями. Театр драмы, наконец, отреставрирован — наверное, впервые после XVIII века. Но мне ничто не было интересно. Лишь слегка улыбнулся, когда увидел у рынка двух продавцов, прикольно надевших противогазы. Да, гнусно одному. Это давит. Унижает неполноценностью. Тягостно и непривычно, что иду не под руку с женой.

Я буду искать тебя, Марина, в иных мирах так же настойчиво как Данте свою Беатриче. Даже если этим мирам числа неть.

Дома компьютер, который я забыл выключить, настойчиво предлагал мне кликнуть призывно мигающий значок конверта.

«Серёжа, привет! Давно хотела спросить: а тебе в Прибалтике приходилось бывать? Хвойные светлые леса, изумительные песчаные дюны. Сейчас у нас отдыхают в основном немцы. Пожилого возраста. Этакие ухоженные дедульки и бабульки, непременно увешанные фотоаппаратами и видеокамерами. У них ностальгия по этим местам. Приезжают посмотреть, во что превратили их Мемель (довоенное немецкое название Клайпеды). По Куршской косе ездим в Калининградскую область. Маленький кусочек России самый близкий к нам. Я за последние 18 лет вдоволь накаталась туда. К внуку Роме».

Прости, Марина...

«Ирина, Прибалтика для меня — терра инкогнито. Уверен, там своеобразный колорит природы, культуры. Так и должно быть. Солнце сегодня у нас весь день мутно-красное из-за смога от пылаю-

щих московских торфяников. Дым во всех дворах. В тени плюс 43. Завтра в первой половине дня поедем с Сашей и его женой Галей на реку в Рамонь. Пока».

Из Рамони вернулись вечером. Первый загар, опаливший нас у реки, сделал меня и сына братьями краснокожих индейцев. Так что я сел к компьютеру, густо намазанный сметаной. Недоставало облепить себя кольцами репчатого лука и посыпать тёртым сыром. В таком виде я бы напоминал салат с помидорами.

Интернет долго не пускал меня, точно и его заклинило от экстремальной жары.

«Ирина, здравствуй! — наконец деловито защёлкала моя клавиатура. — Мы с обоюдной, смею думать, заинтересованностью потянулись к дружескому общению. Интернет кишит такими переписчиками. Среди них есть всякие фигуранты: мошенники, развратники, ублюдки, психически нездоровые личности. Но в том числе и нормальные люди. Их намерения лучше не объяснишь, чем словами из твоего «анонса» на сайте: «Хочу найти друзей по переписке».

Друзей, но не нытика. А тут некий воронежец чуть ли не молит спастись его от горечи утраты. Ты, Ира, не сестра милосердия, и с гормонами у тебя, смею думать, всё в порядке. Я же — пустотелая гиря. Все мои перспективы остались в прошлом».

Над правкой этого короткого письма я просидел до пяти утра. Уже птицы стали насвистывать. Иволга кошкой «замяукала».

Ответа я не ждал. У моего письма была прощальная тональность. Однако Ира поняла его по-своему.

«Серёжа, добрый день! С утра была на велосипедной прогулке! Народ ещё не проснулся, велосипедистов мало, раздолье. В лесу после вчерашней грозы хорошо, свежо. На обратном пути уже ехали навстречу и группы молодёжи, и семьи с детьми — в Литве сейчас очень поощряется и поддерживается массовый велоспорт. Проложены велосипедные дорожки по всему городу, и, что интересно, никакого роптания со стороны пешеходов. Они вежливо идут по своим серым дорожкам, а велосипедисты катят по своим красным. Это ведь так здорово — и экологию сохраняем, и деньги экономим на транспорте, и здоровьем заправляемся. Ну, это так. Лирическое отступление. Вернусь к твоему посланию. Да, я всё понимаю и оцениваю реально. Да, в моём сообщении на сайте знакомств была робкая надежда, а вдруг встречу в Интернете НАДЁЖНОГО, ПОРЯДОЧНОГО И ДОБРОГО мужчину? Идея, можно сказать, утопическая. Да, переписываться мне с тобой интересно, и это прекрасно. Но! Сегодня я вдруг поймала себя на мысли, что хотела бы услышать твой голос! «Стоп, Ирина!» — одёрнула я себя. А тот ли он человек, за которого себя выдаёт? Прежде чем начать серьёзные отношения с женщиной, я должна его принять в свою душу, меня должно к нему ТЯНУТЬ! Да, я жду твоих писем, возможно, даже могу увлечься тобой, но это ничего не значит, ведь мы пока «как на разных планетах». Миллионы женщин живут сами по себе и ничего... Не знаю, смогла ли я правильно ответить на твоё письмо. Если ты просто не хочешь больше общаться — никаких проблем! Не пиши, и всё. Это очень-очень просто...»

Я не мог не высказаться тотчас.

«Ира, и я жду твоих писем. У меня благодаря тебе жизнь как-то полегчала... Но как её строить дальше — не знаю. Ты права: пусть судьба сама всё расставит на свои места. Но как бы не наделать ошибок в ожидании её мудрого решения? Как не хлебнуть в нетерпении горького яда, когда вот-вот подспеет пора пить сладкое вино? Ответишь?..»

«Да, конечно! Понимаешь, Серёжа, если бы я почувствовала в твоих письмах фальшь или мне не по душе пришлись бы темы твоих писем, думаю, я нашла бы слова, чтобы прекратить нашу эпистолярную дружбу. Но я хочу с тобой общаться! У меня такое ощущение, что я припадаю к прохладному роднику и всё не могу напиться — такая вода вкусная... Извини, за такое высокопарное сравнение... Давай просто узнавать друг о друге что-то новое, пусть даже повседневное, не будем торопить события, пусть всё идет своим чередом. Только желание поговорить с тобой вживе меня не оставляет... Звонить из России в Литву надо через код 37046 плюс номер моего домашнего телефона или мобильного.

Серёжа, прежде чем звонить, очень-очень хорошо подумай. А вдруг разочарую? По голосу тоже можно многое определить, он может понравиться, а может и нет. Надо оно тебе?»

«Наверное, надо... Когда были на реке, я сказал Саше: «Сын, это ведь неправильно — умирать заживо. Будем жить?». И он ответил: «Будем. Мама другого бы и не хотела для нас».

Я аккуратно набрал номер Ирины.

— Слушаю вас, — строго, тоном классного руководителя, сказала она.

— Ну, здравствуй..., — проговорил я. — Это Воронеж.

— Серёжа?! — вскрикнула она.

— Вроде того.

— Какой молодец! Приветик!!! А голос у тебя такой красивый!.. Обалдеть. Слушай, что ещё честно скажу, — и ужасно сексуальный! Он теперь всегда будет звучать во мне... Я — пропала?!

— Нежелательно. А твой голос в первую минуту было показал мне всю свою педагогическую строгость. Правда, он уже скоро обрёл волнующий тембр.

— Спасибо...

— Хочу обменяться комплиментами. Если я — прохладный родник, то ты — чудесное вино из одуванчиков. Кстати, они у вас растут?

— Одуванчики? Сколько угодно! Ой, как здорово, что мы услышали друг друга...

— И я так считаю!

Связь разорвалась, возобновить её не удалось.

— Привет, пап, — наавтра позвонил мне Саша. — Слушай, вы с Ириной ещё переписываетесь?

— Вроде так.

— У меня есть для тебя интересное предложение. Вот бы вам начать пользоваться скайпом?

Для меня, компьютерного «чайника», это стало открытием. Не меньшим, чем для Колумба Америки. Само собой, с эмоциональной стороны.

Я, не откладывая, сообщил Ире про скайп.

«У меня эта система уже давно есть, — поведала Клайпеда. — Так что покупай себе хорошую камеру. Но как ты думаешь: мы уже созрели для общения лицом к лицу? Я отчего-то начала волноваться по этому поводу. А может, ну его, этот скайп? Давай подумаем. Пока всё так хорошо в нашей переписке, что я даже боюсь, как бы из-за скайпа не постигло нас разочарование? После нашего телефонного разговора я ещё острее почувствовала, как хочу с тобой общаться! Не сглазить бы! Утром, как встану, так уже первым делом включаю «комп». Я ведь нормальная женщина была, откуда во мне это неуёмное желание — сидеть у «железа» в ожидании твоих писем? Серёжа, Серёжа, как хорошо, что ты появился в моей жизни... Хочешь, признаюсь? Меня не оставляет мысль — сделать тебе вызов в Литву. Приедешь? Хорошего тебе дня...»

«Ира, а что если я действительно приеду?»

Кликнул «отправить». «Комп» всё проделал успешно. Я вышел на балкон. Над Воронежем развернулась грозная туча. Первая молния вёртко врезалась у меня под окнами в трамвайные рельсы, точно цель поразила. От грохота посыпалась с потолка штукатурка.

Хотел выключить «комп», но вдруг увидел ответ из Литвы:

«Серёжа! Какое интересное и откровенное письмо я получила от тебя! Сережа, да ты прелесть! Я, наверно, делаю комплимент чисто по-женски, наверно, должно быть так: Сережа! Ты — настоящий мужчина! Теперь можно о себе? С утра накупалась! Вода спокойная, тёплая. Очень было хорошо! А воздух какой!!! К нам в Прибалтику приезжают не столько за достопримечательностями, сколько подышать нашей неповторимой морской атмосферой. Серёж, у нас с тобой ещё достаточно времени, чтобы узнавать и узнавать друг друга, правда? «Не торопи события, и они сами тебя догонят». По-моему, есть такое выражение. Как здорово, что у нас много событий впереди: по скайпу пообщаемся, письма можем писать вдосталь (дай Бог, чтобы не наскучило тебе, за себя я отвечаю), опять же по телефону можно связаться, если что... Насчёт вызова уверяю тебя, что в этом нет ничего невозможного. Люди через океаны друг к другу летают! А тут два дня на поезде. Было бы только желание встретиться обоюдным... Я скучаю по твоим письмам, а голос твой... завораживает. Слу-у-у-шай! А может ты маг, волшебник, приворожил? Но КАК СЛАДКО!.. Извини, Серёжа, я правду говорю, не лукавлю...»

«Ира, Ира, Ира... Волшебник? Приворожил? Кажется, у тебя и у меня начинается VITA NOVA. По крайней мере, я переступил черту на пути к ней. Всё, что связано с тобой, мне уже далеко не без-

различно. Я и не предполагал, что такое в моей жизни ещё возможно. Уверен, не совершаю греха, говоря так. Это не должно быть наказуемо. Лучше пропадать пропадом? Молча затянуть петлю? Впасть в юродство? Пока всё так здорово у нас. Заметь, пишу тебе под бурный аккомпанемент грозы! Мы с дождём! Да ещё каким! Разверзлись хляби небесные. Прощай, убойная жара? Ира, помнишь, был фильм «И дождь омоет наши души»? Ты не против такой небесной процедуры?»

«Да! Да!! Да!!! Я сейчас как никогда боюсь тебя потерять... У меня уже есть такой горький опыт. Человек, с которым я жила в гражданском браке, которому я бесконечно верила (доверчивость — это недостаток?), оказался в определённой жизненной ситуации грубым, злым и крайне эгоистичным. Наверное, он не любил меня. Ему было со мной комфортно. А потом он меня оставил. Вот и всё. Но сейчас ЕСТЬ ТЫ, и для меня жизнь тоже началась с белого листа. Кто-то ТАМ, наверно, так распорядился?..»

«Ира, а когда мы выйдем на первую видеосвязь по скайпу, ты со мной поднимешь бокал с хорошим европейским вином?»

«Ой, Серёжа, знаешь, чего мне сейчас очень-очень захотелось? Встать на цыпочки (ведь у тебя рост 180 см, мой — 160) и нежно поцеловать тебя в щёку».

«Ирина! Что-то у меня лопатки чешутся. Наверное, крылья стали прорастать. Пока. Извини... Только что мне позвонила из поликлиники участковый врач. Позвала нас с Мариной на очередной профосмотр. Я объяснил, почему приду один».

И было утро, и был вечер.

«Прости меня, Серёжа, я ведь никогда никому так не писала... Может быть, мои страхи напрасны, но я так боюсь чем-то испортить нашу переписку... Нет, ты как хочешь, а я всё же касаюсь губами твоей щеки... Серёженька, Серёжа, чем больше я тебя узнаю, тем большей симпатией к тебе проникаюсь... Ты мне сейчас так нужен... Серёжа, меня захлестнуло чувственное притяжение к тебе... Как оно тянет... Я сама себя не узнаю. Чудеса... НЕТ!!! Всё проще и сложнее! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!!!!!!»

«Что тебе ответить в моём-то положении «свежего» вдовца? Честное слово, надо сходить, не откладывая, в храм. Исповедаться. Любимая? Любимая...»

«Серёжа, ласковый мой мужчина... Ты пишешь мне такие умные и нежные письма, столько приятных слов... Читая их, я чувствую свою нужность в этом мире, защищённость и неотразимость твоего мужского обаяния... Как хорошо, что ты есть! И всё-таки мне страшно... Почему-то порой вдруг тоскливо кажется, что долгой любви между нами быть не может... Мы с тобой живём как на разных планетах! Ко всему между нашими странами далеко не дружелюбные отношения...»

«Наверное, Марина плачет на небе над моими более чем дружественными чувствами к тебе... Но оставить тебя... выше моих сил».

«Что мне сказать... Мне радостно-приятно в очередной раз! Я опять повторяюсь — ты умница! Я уже после первого нашего общения почувствовала, что ты мне можешь быть безумно интересен, но чтобы ТАК? Это для меня подарок. Всегда помни, пожалуйста, что в далёкой Прибалтике есть женщина, которая очень дорожит нашими отношениями и восторженно думает о тебе!»

С этого времени мои уходы в Сумрак под руку с «Доктором Столетовым» стали всё реже. Саша не мог не заметить это моё новое состояние. Оно и радовало его, и подспудно тревожило. Как и меня самого. Я никак не мог отделаться от гадливого ощущения, что ради себя любимого поспешно дал волю чувствам.

«Ира... — на днях написал я в Клайпеду. — Есть определённые традиции жизни вдовца, за соблюдением которых так любят следить пожилые соседки. А Вот отрывок из материалов одного из православных сайтов: «Вдовцу хороший тон предписывает носить траур на половину более короткий срок, чем вдове. У него траур продолжается полгода, по прошествии которого он может жениться, и никто его не осудит». А батюшка нашего храма отец Виктор сказал мне, что венчать вдовца не возбраняется даже после помина сорокового дня, дабы не впал он по слабости расстроенного духа в тяжкий грех блуда. Святитель Феофан Затворник особенно подчёркивал, что траур внешний излишен, а главным для умершего человека является наша молитва и милостыня о нем: «Плакать или ещё что? Я думаю радоваться за усопшего. Слава Тебе, Господи! Не будет уже более маяться на этой прескучной и прескудной всем земле. Может быть, за себя поплакать надо? Не стоит... Много ли тут осталось? День-другой, и сами туда пойдём. Я всегда был такой мысли, что по умершим не

траур надо надевать, а праздничные наряды. И не заунывные петь песни, а служить благодарный молебен». Ира, я не мог рисковать, выжидая временные границы, установленные в народе для траура по усопшим. Такую женщину, как ты, судьба не повторит».

Кажется, я в чём-то переборщил.

«Да, Серёжа, ты мудр... — ответила Ира. — И всё верно в твоих «размышлизмах», только вот у меня от них на душе что-то стало беспокойно. И только ты сможешь внести в неё, мятущуюся, должный покой. Напиши мне что-нибудь хорошее... Скучаю по тебе.

Р. S. Спешу поделиться новостью. Скоро еду в Калининград к внуку. Думаю пробыть там дней пять. Когда вернусь, надеюсь, у тебя уже заработает скайп. И я смогу наговориться с тобой всласть глаза в глаза... А сейчас, хочешь, подкину тему? Сегодня утром приходил мой бывший гражданский муж Юрий Семёнович. Якобы передать забытые мной у него книги. У этого человека звериное чутьё. Как он сейчас объявился? Именно сейчас? Зачем? Всё, переделалась, ищу зонт, дождь не сдётся».

Я долго не отвечал.

«Что ты замолчал? Я тебя огорчила? Спешу-у-у!!!»

«Нехорошие предчувствия».

«Да, всё так, Серёжа... К сожалению, нас разделяют две тысячи километров... У нас с тобой только виртуальное общение, виртуальные отношения (желания реальные), виртуальные разборки... Хорошо, если потом от всего этого останутся самые тёплые светлые воспоминания, ну и письма, если их хранить, но...»

Я дёрнулся:

«Вот что, Ира. Выброси меня пораньше из своей жизни, пока я ещё способен сгруппироваться при падении...»

«Я не хочу тебя ни терять, ни бросать, ты для меня сейчас СПАСИТЕЛЬ! Как же я без тебя? Серёжа, ты — чудо!!!»

«Тогда нам надо встретиться лично. И как можно скорей!»

«Не боишься? Ох, уж эти знакомства в Интернете... Они порой такие коварные! А что за человек на самом деле — мой любимый Сергей? Не замышляет ли чего страшного, приглашая на встречу женщину из Прибалтики после непродолжительной переписки?... Что вы скажете в своё оправдание, гражданин Сергей? Вам даётся последнее слово. Ваши чистосердечные признания будут учтены и, возможно, они повлияют на суровость приговора... Хотя даже за убийство женщины из натовской Литвы у вас в России теперь вообще могут приговорить лишь к условному наказанию? А может тебе даже грамоту вручат? Или нет, медаль «За мужество» какой-то там степени... Зло? А вот такая я!»

«Ира, надеюсь, что всё это шутка... Неужели тебя, дочь советского полковника, героя Великой Отечественной войны успели запугать жупелом агрессивно-имперской России? Встряхнись. А насчёт встречи с тобой я действительно замышляю страшные планы: как не ударить в грязь лицом? Весело и умно развлечь, что-то хорошее подарить на память...»

«Извини, ты всё-таки торопишь события. Да, в скромной велосипедистке скрываются нешуточные страсти. В виртуале я могу позволить себе любые фантазии. Но с реальным человеком мне надо побыть вместе какое-то время, чтобы привыкнуть. Не уверена, что, встретившись, я сразу брошусь к тебе на шею и потребую сумасшедшей любви. Даже боюсь встречаться!!! Вот и всё!»

«Умно, взвешенно написано. Читать горько. Всюду у нас почему-то появились острые углы, тупики. А ведь поначалу я, было, почти поверил, что есть свет в конце моего одиночества. Увы, нет. Видно мы наигрались. Переписку уничтожу, не беспокойся. Забудем всё».

«Эй, тормози! Ты меня не так понял! Да, я боюсь нашей встречи. Но не из-за тебя — это уж точно. Забудем всё? Давай поговорим по взрослому, спокойно и нежно. Не хочу с тобой расставаться, видит Бог, не хочу. Нам с тобой пришло время перейти как бы на другой виток отношений. Прочь страхи!!! Ты мне нужен! Необходим! Целую, целую, целую... Ещё целую и не могу оторваться... Всё... ушла... жди моего возвращения...»

Я ждал письмо от Иры, как заблудившийся ночью в лесу человек ждёт рассвета.

И вот оно:

«Сегодня по случаю моего приезда в Калининград собралась небольшая компания. Выпивают, говорят, а я, наконец, получила свободный доступ к «компу». Волнуюсь ужасно... От сознания того, что я сейчас в России, а мы не вместе? Не могу понять, что происходит со мной... Я пропала... Целую тебя, дорогой, с нетерпением жду писем, звонков, общения. А КАК Я ХОЧУ К ТЕБЕ В РЕАЛЬНОСТИ!»

«Так зачем стало?»

«Хочу с тобой встретиться вживе! Да ты и сам уже не раз требовательно писал мне об этом! Мы, конечно, можем ещё два-три месяца сидеть в скайпе, но ничто нам не заменит реальной встречи. Только так. Я думала обо всём. Приехать и остановиться у тебя я не хочу. Зайти в гости — могу. Самый лучший вариант — снять комнату для меня на несколько дней. Встретиться на нейтральной территории, думаю, было бы лучшим выбором и для тебя, и для меня. Поговорить, побыть вдвоём... И мы всё поймём. Про наши отношения, про нашу дальнейшую жизнь. Думаю так».

«Ира, быстрая встреча — самое наилучшее решение в нашей ситуации».

«А давай назначим её... в Калининграде? Для меня дорога сюда хорошо знакома. Да и тебе не придётся заморачиваться с визой. Моя невестка — мать Ромы — поможет нам снять комнату. Дней, скажем, на пять?..»

«Умно!»

«Вот и замечательно!!! Сразу сообщи, когда возьмёшь билет — дата приезда, номер вагона. Тебе нужен поезд «Адлер-Калининград». Он идёт через Воронеж. Так договорились, ок?»

«Ира! Есть у водолазов болезнь, кессонная. При быстром выходе с больших глубин в крови опасно закипает азот. У влюблённых тоже есть свои «профессиональные» недуги. Приступ одного из них я только что пережил... Не слишком ли быстро я всплываю из Сумрака моего вдовства? Пульс яростно зачастил, дыхание стало как у человека, бегущего в гору, а мышцы судорожно напряглись, настойчиво требуя разрядки обрётённой мной невероятной силы! Мы переступили точку невозврата. И приняли по Калининграду бесповоротное решение?»

«Милый Серёженька! Так ты писатель или философ?»

«Я скупой лыцарь. От любви — к арифметике. Вот такие метаморфозы быта, о который порой разбивается лодка любви. А как иначе при пенсии в 7500 рублей? Цифры набежали следующие: дорога до Калининграда и обратно — около 5000 (если не шиковать, обойтись «простонародным» плацкартным вагоном), комната «любви» на пять дней — примерно 5000, еда и прочее в соответствии со статусом встречи — не менее 10 000. Плюс разные там экскурсии по историческому городу К. — Бранденбургские, Королевские и Фридландские ворота, Кафедральный собор 1333 года, построенный с одобрения Магистра ордена тевтонских рыцарей, памятники Иммануилу Канту, барону Мюнхгаузену и Фридриху Шиллеру — эх, ещё несколько тысяч.

Эти цифры (плюс резервные на всякий непредвиденный случай) составили итоговые 27 000 рублей. Не представляя, как буду потом рассчитываться, попросил их в долг у сына. Он не только не отказал, а даже подчеркнул, чтобы я не напрягался его возвращать. Он видел, во что превращает меня Сумрак одиночества.

И было потом унылое стояние в длинной очереди к железнодорожной кассе. Когда подошёл мой черёд молитвенно склониться перед окошком кассы, из её чрева отчуждённый, словно не для меня прозвучавший голос, попросил мой паспорт.

Я протянул его с торопливой вежливостью. На грани заискивания.

— Не этот... Иностранный!

Адлеровский поезд по дороге в Калининград около трёх часов едет от Кены до Кибартая по территории суверенной Литвы. А для правомерности этого международного мини-круза мне требуется паспорт, которого у меня отродясь не было.

Раскидистая шатровая люстра под купольным потолком вокзала, мерцавшая на хрустальных гранях подвесок глубокой звёздной синевой, словно покачнулась.

Не знаю, что за выражение лица было у меня сейчас, но кассир вдруг заговорила со мной по-женски сострадательно.

— Вам срочно надо ехать?..

— Более чем.

— Тогда берите билет на московский поезд, а из столицы на самолёте беспрепятственно пролетите через Литву до Калининграда. На высоте десять тысяч метров таможенных и пограничных постов пока ещё нет.

Я подтвердил в Клайпеду свой приезд. Вернее, прилёт.

«Над Воронежем клокастые облака, как чернозём после глубокой вспашки. И ветрище, и зябко... И душа напряжена... Кто мы такие с тобой? Что нас свело? Только написал эту строчку, как сверху ударило блистающее лезвие солнечного луча. Прорезал дыру в облаках. А что мы привнесём с тобой в этот мир? Только бы ничего не нарушить в нём...»

После смерти Марины я будто разбился о новую для меня жизнь вдовца. И долго не мог в ней ничего ни понять, ни принять. Всё меня отталкивало. А с тобой я, наконец, почувствовал себя полноценным человеком. Конечно, после встречи в городе К. ты наверняка сделаешь обо мне свои выводы. Я приму любой твой вердикт, но навсегда останусь благодарен за моё хотя бы краткое возрождение: пять калининградских дней... У многих за весь их долгий век не случается подобного Ренессанса. Солнце вновь омертвело в мутных облачных развалах. Предосеннее томление во всём. Канун перемен».

«Милый Серёжа! Чудо-письмо ты мне написал! — влёт ответила Ира. — Меня даже лихорадочная дрожь проняла! Всё так красиво тобой сказано, правильно, разумно! Буду ещё и ещё всё это перечитывать... Спасибо! Тебе скоро в дорогу... Это так здорово!!! Очень хочется увидиться с тобой, посмотреть тебе в глаза и прикоснуться губами к твоей щеке не в письме и не в мучительно болезненных фантазиях...»

Несмотря на такое щедрое напутствие, с первых минут в поезде у меня начался очередной приступ самоедства: «Куда еду? Что делаю? Невестка плакала на перроне, Саша стоял, опустив голову... На прощание мы с ним раз десять пожали друг другу руки... Прости, сын... В итоге нечто подобное всё равно бы со мной произошло. Только вместо Иры была бы другая женщина... Была бы? Да, жизнь сложнее всяких схем».

От Воронежа до Москвы поезд едет всего ничего. Я напряжённо сидел весь вечер над стаканом блеклого чая, пока мой мобильник не тренькнул, бдитительно уловив эсэмэску из Клайпеды.

«Привет! Открыла почтовый ящик... Пусто. Ау! Ты где? Уже едешь в город К.? У меня сегодня была наивысшая точка кипения моих волнений перед твоей дорогой. Впервые в жизни у меня любовное свидание в другой стране!»

И был мой ответ: «Пусть большие политики возьмут с нас пример, как налаживать сердечные отношения».

Я улёгся «типа» спать. Кажется, уже под утро. Моей колыбельной стал напряжённый шёпот соседей-гастробайтеров, почтительно ласково, но, тем не менее, достаточно упорно зазывавших фальшиво-белокурую проводницу разделить с ними праздник поедания плова, истекающего курдючным жиром. Успешно или нет, я так и не успел понять.

Наш поезд аккуратно, чуть ли не на цыпочках, въехал в московское, зрелое утро. На Павелецком вокзале я сошёл первым: домодедовский аэроэкспресс отходил с минуты на минуту.

На месте выяснилось, что я спешил напрасно: борт на Калининград задержали на час, потом снова на час, ещё на полчаса. Само собой, без объяснения причин.

Марина... Не она ли тем самым давала мне время одуматься и отложить полёт?

Однако здраво рассуждать я был непригоден. Да и не хотел. Моё авантюрно-романтическое настроение никак не располагало к глубокомысленным размышлизмам.

Чтобы разбавить паузы между нашими с Ирой эсэмэсками, я выпил в буфете три чашки чая по 200 рублей каждая. Такова суровая реальность дерзких аэропортовых цен. Правда, чай подали отличный. Ко всему я, ощущая в портмоне живую припухлость 20 000 рублей, чувствовал себя мини-олигархом.

«Я встречу тебя возле дома, где мы будем жить. Так надо. Я так хочу! Я хочу увидеть тебя впервые на улице!..» — это была последняя эсэмэска от Иры перед взлётом нашего, надеюсь успешно подлатанного «Боинга».

Он оторвался от полосы бодро. Даже азартно. Когда вспороли облака, гигантский головастик «Боинга» словно остановился над бесконечностью потусторонне сияющей белизны.

Час лёту... Воздушные ямы... Смелый вираж над Балтикой... Посадка и щедрые аплодисменты экипажу... Случайное такси... Цветочный тесный киоск с торжественно пылающими розами... И вдруг — окраинная разрытая улица с прозаическим названием «Машиностроительная», унылая панельная пятиэтажка, где мы будем жить с Ирой целую вечность — пять дней...

Она стоит возле подъезда боком ко мне и напряжённо, нервно разговаривает с пожилой «искусственной» блондинкой — высокой, серьёзно полной и, как видно, очень добродушной. По всей видимости, это хозяйка нашего временного приюта — Ангелина.

Ира то и дело оборачивается в мою сторону, но ещё не видит меня.

Я высоко поднял над собой букет рдяных роз как эстафетный факел, словно готовясь возжечь в чаше Олимпийский огонь.

Чашей в моём понимании было её сердце. Слащавая красавица? Пусть так. Но меня такое сравнение тогда вполне устраивало.

Я всё ближе...

Ира вдруг отталкивается от хозяйки и бежит мне навстречу.

— Ты самая лучшая во Вселенной!

— Ты мой Бог!

Я судорожно обнял её, словно только сейчас огушительно полюбил эту внимательно, трогательно смотревшую на меня зеленоглазую, застенчивую девочку пятидесяти четырёх лет.

«Она так чудесна!» — нежно подумал я и неловко поцеловал Иру в мило аккуратный носик.

— Милая Кнопка!

— Приветик, русский богатырь!

Мы оба заплакали.

Дальше помню лишь то, что ни в один из ПЯТИ дней ТВОРЕНИЯ нашей новой любви ВЖИВЕ не было ни памятников Шиллеру, Мюнхгаузену или Канту, а тем более разных там исторически знаменитых ворот и башен. Даже еду и вино для Иры, а для меня водку известной врачующей марки заботливо организовывала хозяйка Ангелина. При этом она так восхищённо глядела на нас, словно мы были первыми влюбленными на этой планете. Но при виде воинственно побеждённой мной армады пустых бутылок из-под «Доктора Столетова» она украдкой взволнованно крестилась.

На излёте нашей первой близости Ира вдруг цепко, лихорадочно прижалась ко мне, будто отчаянно ища спасения. Казалось, нечто властно пытается утянуть её в иное, неземное измерение. Оно радостно втягивало Иру в свою вихревую воронку. И тогда она хрипло закричала, словно испугавшись навсегда потерять это ощущение...

А потом — немая бездна тишины.

— Что это было? — напряжённо спросил я.

Ира уткнулась в подушку.

— Неужели не знаешь?..

— Прости, нет.

— Ты притворяешься?.. Оргазм, милый.

— Жесть... — смутился я.

— Не поверю, что он для тебя — открытие.

— Но это так.

— Может быть, я у тебя вообще первая женщина?.. — весело зажмурилась Ира.

— Надо думать...

— Я словно покидаю всё земное... И как рождаюсь заново в другом восхитительном мире...

— В следующий раз возьмёшь туда меня?

— Я не знаю, как это сделать...

Но у неё получилось. Запросто, само собой. Раз за разом. Даже когда до моего отъезда оставалось двадцать минут. Диспетчер позвонила, что машина в аэропорт стоит у подъезда, а это ещё прощально продолжалось...

— Милые мои ребятки, водитель ждёт вас! — звонко подала голос Ангелина.

Ира лихорадочно прижалась ко мне:

— Любимый, чудный, прекрасный... Как мне с тобой было ХОРОШО!!! Я ни на одну секунду не пожалела о нашей встрече! Я ни в чём не обманулась! Ты меня ни в чём не разочаровал! Напротив!!!

По-моему, у нас всё настоящее лишь началось... И впереди столько прекрасных моментов, что у меня перехватывает дыхание!

На прощание Ангелина, заплакав, подала мне горячий кулёк с самыми вкусными в мире оладушками — радостно румяными, соблазнительно нежными толстячками.

— Я желаю вам непременно пожениться! Вы такая замечательная пара..., — счастливо сказала она на прощание и, улучив удобную минуту, секретно шепнула мне. — Серёжа, вы замечательный мужчина... Такие рождаются раз в тысячу лет!..

Прежде чем ехать в аэропорт, таксист отвёз Ирину к внуку. Она дорогой так крепко держала меня за руку, что, выходя, не сразу смогла разжать пальцы.

— Серёжечка, ты навсегда мой?.. — бережно шепнула она.

Я провёл руками над её головой, точно нимб очертил.

7

Воронеж показался мне чужим. Словно я не был здесь никогда. Наша встреча с Ирой как спрессовала время. Так час на звездолёте, взрезающем Вселенную со скоростью света, для землян растянется на века.

Открыв дверь квартиры, я вошёл не сразу. Меня остановила ждущая за порогом сумрачная бесконечность одиночества. Дерзко хлопнула форточка. Наскочил сквозняк, как норовя вытолкнуть меня: «Вон порог на семь дорог!»

Дом не хотел впускать блудного хозяина. Будто и он противился неожиданному появлению в моей жизни литовской женщины.

— Здравствуй, Марина... Прости за всё... — тихо сказал я у портрета жены. Даже «комп» раскапризничался и поначалу упорно не пускал меня в почту. Раз за разом требовал повторить пароль и логин. Я вводил. В ответ он настырно не признавал их совместимость. Я долго пробивался к письмам Иры.

«Серёжечка, милый! Привет! Пишу от Ромочки! Так скучаю по тебе! Словно первый раз влюбившаяся девочка!!! Как ты доехал? Я вчера кое-что рассказала о наших славных пяти калининградских днях своей невестке. Но она и до того по моему виду всё поняла и порадовалась за меня. Завтра у Ромы день рождения — девятнадцатилетие!!! Мне обязательно надо здесь побыть. Думаю только о тебе. Я совсем с ума сошла. Прости».

Я бережно, как рук Иры, коснулся клавиатуры.

«Доброго дня, милая! Вновь у нас все ощущения совпадают... Хорошо, радостно... А какая фальшь могла быть между нами? Только вот с ума не сходи, пожалуйста. Мы же скоро увидимся, пусть и по скайпу... В городе К. ты меня огушительно удивила своей изысканной чувственностью и фантазией. Ты самая загадочная женщина. И во всём неповторима!»

«Спасибо, Серёжа! Я сейчас ежеминутно нахожусь под впечатлением нашей чудесной встречи! Милый, ты подарил мне незабываемое... Конечно, мы будем общаться по скайпу, конечно ещё будем о многом говорить, но теперь по-другому, с другими чувствами, ведь мы уже были вместе живую, о чём я так мечтала. Всё было так хорошо... Между прочим, на фоне счастья меня теперь не оставляет подспудный страх: а вдруг мы больше не увидимся?.. Вдруг ты охладеешь ко мне... Ведь такое бывает».

В ответ я наиграл на клавишах счастливый саундтрек к нашей любви.

«Я зову тебя к себе!!! Нам нельзя, нам невозможно после Калининграда жить порознь! Ни минуты...»

«Как я рада твоей решимости, милый!!! Чувствуется воля настоящего мужчины. Наконец в наших отношениях обрисовалась конкретика. Я счастлива! Дерзай, Ира! Надевай шапку-ушанку, валенки и вперёд в далёкую загадочную столицу Черноземья! Серёжа, а у вас там по улицам не бродят угрюмые медведи?»

«Нет, Ира, нет. Они уссурийских тигров боятся».

А ведь сегодня день рождения Марины!.. Ей бы исполнилось шестьдесят два. Я вышел на балкон. Зарядил в себя сигарету. Была полночь. В мутном жёлтом свете фонарей напротив моего дома

я вдруг заметил женщину в тёмном длинном плаще с капюшоном. Поначалу она показалась мне просто деревцем. Женщина внимательно смотрела в мою сторону... Смотрела долго. Я замер, не сводя с неё глаз. Вдруг она точно очнулась, медленно прошла под моим балконом и будто канула... Как видно заступила в тень деревьев. Или всё-таки реально исчезла?

— Марина?! — судорожно крикнул я. Мне стало не по себе. Будто я невзначай увидел то, что живому, здешнему человеку не следует знать.

Я едва нашёл в себе силы написать Ирине. Меняхватило всего на три слова.

«Жду. Это эпикальное событие».

Ошибку поправлять не стал.

Утром я не поднялся с постели, а стартовал. Само собой, в направлении «компа».

«Так много света над Воронежем! Небо такой твёрдой сини, что кажется, если крикнешь вверх, оно отзовется эхом. Проснулся — и все мысли о тебе. А сейчас за работу, товарищ! Рынок, уборка и прочее!»

«Серёженька, ты мой спаситель! Да, остались считанные дни до нашей встречи в Воронеже. И у меня такое чувство, что еду к тебе на свидание в первый раз. Да, был город К., да, было личное знакомство, да, было и всё остальное, но, по-моему, именно в этот мой приезд ВСЁ будет настоящим. Я этого очень хочу... Очень...»

За день до приезда Иры я отправился в город на Центральный рынок. Я хотел по-настоящему удивить и порадовать мою литовскую гостью. Здесь я с первых шагов тотчас стал главным покупателем. Намётанный глаз продавцов легко распознал во мне человека, который не намерен экономить и настырно торговаться.

Я отупел, когда заволок продукты на кухню... Там царил странный полумрак. Словно началось внеплановое затмение Солнца. И ещё какой-то неприятный, шелестящий звук... Кухонное окно сплошным месивом затонировали большие, жирные чёрные мухи. Ко всему вялые, полудохлые, точно ещё и слепые. Настоящий мушиный Майдан. Я яростно распахнул окно и смахнул веником наружу это крылатое «зверьё», как отстегал его. Мой Бог! Мухи через мгновение снова облепили стекло. Уже слоя в три! А завтра приезжает Ира!!!

Я яростно бросился на мух. Гадливо давил ладонями. Недоставало пустить в ход зубы. Мухи сочно трескались. На место разможжённых незваных гостей тотчас самоубийственно налипали новые крылатые сотни. Отчаявшись отбиться от мух, я, невзирая ни на какие международные конвенции, взялся за химическое оружие и полил кухню из баллончика убойным хлорофосом. Победа...

8

Ирина приехала под утро, в пятом часу. В прибывающем на станцию в такое время поезде всегда есть что-то торжественно волнующее. Кругом, несмотря на фонари, загадочная, словно живущая своей особенной жизнью крепкая октябрьская темнота. Посреди неё здание вокзала кажется каким-то мистическим оазисом света. Вернее, его последним бастионом. Свет робкий, осторожный. И люди в нём передвигаются с неестественной заторможенностью, словно рыбки в бледно подсвеченном ночном аквариуме.

И вот в эту потаённую тишину света, мощно извиваясь железными сегментами вагонов, неостановимо победно вползает локомотив, словно вестник какой-то новой удивительной жизни. Его циклопически одинокий прожектор залпом густого напористого света жёстко опрокидывает привокзальную темноту.

Ирина стояла в тамбуре вся в белом: курточка, джинсы, берет. Разве что недоставало снежно сияющих крыльев за спиной. По крайней мере, улыбка у неё была вполне ангельская. Правда, робко ангельская. Словно она ещё не вполне освоилась на этой своей новой неземной стезе.

Адреналин воинственно объявил всеобщую мобилизацию моих ещё нерастраченных сил. Я мальчишески «сиганул» в тамбур через все ступеньки.

— Гражданочка, это вы сошли с небес обетованных?! — Я со щенячьей радостью ткнулся губами в щёку Иры и сунул ей букет роз (само собой, белых) с такой резвостью, что едва не испугал: — С прибытием на грешную землю!

Выспренно? Найдите лучшие слова. Мне не удалось. Зато я был искренен.

Ира на мой победоносный олимпийский прыжок отреагировала по-своему:

— Господи... Ты такой худой, такой измождённый! — нервно вырвалось у неё. — Как только я не разглядела это по скайпу!

— Я в камере кое-что подкрутил, чтобы поднадуть щёки, — повинился я.

Дома нас ждал стол, сервированный мной с помощью легенды советской кулинарии — раритетной, ещё сталинской книги «О вкусной и здоровой пище». Кроме всего прочего в смысле гастрономических изысков, она популярно объясняла вдохновенно строящим социализм рабочим и крестьянам какой бокал возле какого ставить, сколько подать ложек, вилок, ножей и прочие особенности рекогносцировки блюд, тарелок и бутылок.

Еда была, так сказать, от вдовца, правда, раскошелившегося по особому случаю: копчёного поросёнка, словно вылепленного из глянцевой коричневой глины, я раздобыл в главном воронежском магазине «Утюжок», нашем провинциальном аналоге московского «Елисейевского» гастронома; от туда же сыр «Цезарь» и консервированный тунец. Стейки сёмги и салат «Оливье», фишку народного праздничного застолья, я прикупил в кафе «Вкусный дом».

Снисходительно оставив на столе бутылку шампанского «Абрау Дюрсо» с женственно изящным горлышком, Ира брезгливо убрала куда подальше моего заботливого «Доктора Столетова», заменив его изысканной пятидесятиградусной литовской водкой «SUKTINIS».

У меня в руке живо вспыхнула спичка, сгорая от нетерпения воспламенить высокие мраморно-белые свечи.

Ира её решительно задула.

— Банальный киношный штамп. Я жду другого: пусть повторится наш «солнечный удар» в Калининграде...

Семь дней мы не выходили из дома. Постель покидали только по острой необходимости.

Через неделю Ира вспомнила, что ей, иностранке, полагается в трехдневный срок зарегистрироваться в миграционной службе. Очередь туда, как подсказали знающие люди, я добросовестно занял в четыре утра. Всё равно оказался сто пятьдесят седьмым. У мощной металлической двери районного УФМС людей собралось чуть ли не больше, чем за билетами на премьеру «Юноны и Авось» московского театра «Современник». Это был реанимированный в миниатюре Союз Советских Социалистических Республик. Дагестанцы, украинцы, таджики, азербайджанцы, молдаване... И лишь Ира представляла продвинутую западную цивилизацию. Одета по-европейски просто, но со вкусом, она держалась так независимо, защищённо, что нервные и чем-то запуганные представители «постэсэсэровского столпотворения» старались держаться подальше от неё, говорить потише. Курить и вовсе уходили за угол.

Я всё это заценил.

— Товарищи! Господа! — мягко-суровым голосом чиновника из районной, хотя нет, даже городской администрации сказал я, когда изнутри в пуленепробиваемой двери миграционной службы злобно заскрежетал ключ. — Вас здесь почти двести человек. В основном доблестные мужчины, джигиты. Так проявим благородство горцев — пропустим без очереди очаровательную представительницу великого Евросоюза! Заранее благодарен.

Многонациональная толпа ещё заметней обрела. Моя холёная номенклатурная интонация сработала. Сказался и языковой барьер. Почти никто не понял мою витиеватую речь, но всё же так почти каждый интуитивно проникся ощущением, что я самый что ни на есть «большая начальника».

Как бы там ни было, но когда раздалась первые тревожно-возмущённые голоса, само собой женские, мы уже сидели в нужном кабинете.

Старший инспектор — весёлая, молодая дама с красивой полуголой грудью, не прерывая озорной разговор с подругой по мобильнику, оштрафовала нас на четыре тысячи. При этом так представила всё это, словно сделала нам одолжение.

— Вы легко отделались, Ирина Петровна и Сергей Владимирович. Вашу гостью из Литвы за нарушение сроков регистрации могли депортировать. Особенно если учесть напряжённость отношений между нашими странами. Ха-а-а-ха-а! — уже в телефон раскрепощёно засмеялась инспектор, шала волнующейся грудью. И снова нам, строго. — Присядьте.

Перелистав переселенческие документы Иры, она сунула их в урну, как протухшие продукты в мусорное ведро.

— Не та форма. У нас теперь другие бланки! — чуть ли не с гордостью сказала инспектор.

— Но я же их не на улице нашла... — осторожно проговорила Ира со всем своим европейским уважением к институту государственных чиновников. — Эти документы мне подготовило российское консульство в Клайпеде.

— Они там оторвались от российской действительности! Судите сами. Вот, скажем, у вас на справке об отсутствии судимости стоит апостиль.

— Да. Мне из-за этой печати пришлось специально ездить в Вильнюс в Министерство внутренних дел. Двое суток жила в столице, где придётся, — вздохнула Ира.

— Ну вот! А в апостиле на миграционных документах уже давно нет никакой надобности! Мы не раз извещали об этом посольство! Только им всё по фигу.купаются в прелестях западной жизни, а наших бумаг даже не читают! — Инспектор чуть ли не растроганно посмотрела на Ирину. — И зачем только вы, милая, приехали в нашу тьму-таракань из такой благополучной Литвы?! Ох, накушаетесь вы здесь «прелестей» российской жизни... По самое не балуй... Да ещё в её провинциальном воронежском варианте!

Новые документы мы собирали почти месяц. Само собой, никакого «солнечного удара» с нами уже не случилось. С утра до вечера в наших пасмурных головах крутились одни и те же мысли: как отвоевать очередную справку с наименьшими потерями сил и нервов? Как Ире выстоять в застойных, мёртвых очередях и не упасть в обморок? Увы, мои номенклатурные интонации действовали не всегда. Особенно если угрюмые толпы будущих гастарбайтеров поспешно водили оформляться какие-то строго-энергичные девушки, свойски открывавшие двери всех кабинетов своими красивыми, резвыми ножками.

Когда однажды так-таки выдалось окно в бегах по чиновникам, врачам, нотариусам и переводчикам, Ира попросила меня отвезти её на кладбище к Марине.

Купили цветы, поехали на Сашиной машине. Кладбищенская кошка пришла и на этот раз. Привычно легла в гробничку, точно в свою постель. Ира попросила меня отойти и опустилась перед могилой Марины на колени. Что-то тихо, аккуратно ей то говорила, то бережно прислушивалась как бы к ответу. Уходя, поставила у памятника стеклянный литовский подсвечник, похожий на большую лампаду.

Покаянно сказала:

— Давай сегодня во всех ваших православных храмах поставим свечи за упокой души рабы Божьей Марины...

— Один небольшой вопрос. Сколько их у вас в Клайпеде?

— Два. Покрово-Никольский и во имя Всех Святых.

— В Воронеже больше двадцати. Но я, кажется, знаю, где тебе понравится.

И я повёз Ирину в храм четырёхсотлетнего Акатова монастыря, женской обители с особо чтимыми мироточивыми иконами Божией Матери и целителя Пантелеймона.

— Здесь, как в Европе! — мило захлопала в ладоши Ирина, оглядев ухоженный монастырский двор с радужными цветниками и клумбами, по-осеннему терпко, густо духмяные ещё яркими астрами, хризантемами и флоксами. — Но что творится у вас в городе, в парках! Везде сорняки, дикие кусты, горы пластиковых бутылок... А какие тут монахини... Строго-кроткие, возвышенно отрешённые... Мне хочется стать перед ними на колени!

— А поедем ещё в одно место! — предложил я. — Ты увидишь просто сказку из камня!

В Отрожке, у Казанского храма Ира заплакала.

— Он так великолепен! Зелёные шатры... Синие купола... Красно-белые стены. У меня такое ощущение, что сам Бог подсказал архитектору все линии и узоры! Только мне здесь отчего-то так грустно...

Мерно, вдумчиво ударил литой из церковной бронзы тридцатипудовый Благовестник. Его малиновый, соборный звук прошёл через меня густой волной. Я невольно вспомнил, как в далёкие годы, ещё в начале прошлого века, жители приворонежского села Отрожка, долго спорили, где им заложить свой храм. И будто бы один из них, кажется, Колбешкин, то ли Иван, то ли Илья, как-то поздно вечером, выйдя из дома, вдруг ошеломлённо увидел сходящий с неба слепящий столп света.

В центре его серебристо-огнисто сияла Казанская икона Божией Матери. Луч указывал на пустырь среди домов. Так споры односельчан и прекратились.

— Мне почему-то кажется, что я больше никогда не увижу этот чудный храм..., — тихо сказала Ира.

— Что же тебе может помешать, милая?

— Не знаю, но его колокол сейчас словно попрощался со мной...

Вечером мы помянули Марину её любимым массандровским тёмно-золотистым портвейном. Ей особенно нравилось его орешковое послевкусие.

Около полуночи позвонил Пётр Иванович. Ира слушала отца почти молча, а когда отвечала, то раз от раза всё напряжённей. И трубку положила, не дождавшись окончания разговора.

— Ну, и старик! Достал меня!! — закрыла она глаза. — Шагу не даёт ступить без него! Уезжала — был бодр, готовил сам себе свои любимые молочные завтраки с детским питанием, громил сканворды, слушал новости, регулярно ходил в Совет ветеранов... А сейчас он чуть ли не при смерти! Так и давит: «Возвращайся, дочка, приезжай скорей, мне очень плохо!..» У тебя водка есть?

— Само собой.

— Твой старый дружан «Доктор Столетов»? Кстати, отличное название для зелья, убивающего организм на корню.

— Сейчас я мигом сбегая за «Парламентом». Или лучше «Немиров»?

— Не суетись. Налей рюмочку...

С того вечера Пётр Иванович стал звонить по два раза на день и всегда в одно и то же время — сказывалась былая воинская дисциплинированность. А когда он на днях прислал Ире эсэмэску «Целыми днями лежу как мёртвый. Хожу по стенке» — она расплакалась.

— Милая... Мы не молоды, прости... И у каждого из нас за плечами свои проблемы, ответственность за судьбы близких. Но мы же не сдадимся?

— Фиг им! — услышал я от Иры голос «Кнопки».

Она прижалась к моей щеке своим остреньким носиком, словно хотела с досады кольнуть её.

Ночью осторожно, чуть ли не тайком просыпался первый снег. Канун предвизья. Всё вокруг аккуратно посветлело, даже как бы повеселело, приободрилось.

Я предложил Ире пойти в Парк культуры и отдыха, когда-то носивший имя знаменитого сталинского соратника Кагановича.

Спускались в него по Пионерской горке. У подножия лошади со здешнего конного клуба сосредоточенно выщипывали из-под снега траву. Одна из них, сочно фыркнув, с любопытством потянулась мордой к Ире. Она шарахнулась и сломала каблук.

Парк раскинулся в распадке на окраине Берёзовой рощи. Место просторное, лесистое. Только за последние пятьдесят лет на его содержание ни копейки не выделялось. Так что здесь давно нет ни бывшего колеса обозрения, издалика похожего на гигантское велосипедное колесо, ни любимого пацанами аттракциона «Мёртвая петля» или павильона с кривыми зеркалами. Многотонные развалины Летнего театра напоминали последствия жестокой бомбардировки. Хотя это было отличное место для любителей экстремального пейнтбола. Здешнее озеро «Дядька Черномор» забили такие густые водоросли и тина, что при желании по нему вполне можно было ходить аки по суху. А общественный туалет, судя по степени его загаженности, посещали ещё народовольцы — в 1879 году они собрались в нашем парке на очередной съезд своей «Земли и воли». Имена известные, знаковые. От террористов того времени до «деревенщиков»: Плеханов, Желябов, Фигнер, Перовская, Михайлов, Морозов...

— У нас в Клайпеде нет заброшенных парков! — строго проговорила Ира.

Но ни умерший парк, ни страшные для Иры миролюбивые, заскучавшие без ездовых лошади, пасущиеся вольно, будто на безлюдной планете, ни туалет народовольческой эпохи не могли сравниться с тем впечатлением, какое произвели на неё бродячие собаки.

Они всем кагалом азартно выскочили на нас из корявых зарослей одичавшей калины, оплетённой ржавыми стеблями осеннего хмеля. Он чем-то напоминал выброшенную за ненадобностью новогоднюю гирлянду с бездействующими разбитыми фонариками.

Впереди стаи вперевалочку бежала неопределённой породы одноглазая коротконогая сучка, зазывно потряхивая шерстью, свисавшей с неё грязными сосульками. Вид у неё был самодовольный

и счастливо шальной. Как видно течка сделала её героиней дня. Кобелей двадцать, от дворняг и до породистых ирландских овчарок, упёрто, вдохновенно скакали за ней, изредка ревниво огрызаясь друг на друга.

Ира заскочила за мою спину; нельзя было не почувствовать её лихорадочную дрожь.

— Собачья свадьба... — сказал я как можно буднишной. — Они даже внимания на нас не обратят.

— Бог мой... Я сейчас умру от страха..., — простонала Ира. — Где ваша полиция?!!

— Кого-нибудь крышуют, — усмехнулся я.

— Вашей России никогда не быть европейским государством! — раздражённо дёрнулась она.

Стая целенаправленно пронеслась мимо; их вождельно разъявленные пасти обдали нас слащавым амбре псины. Его усиливали сложносочинённые помойные ароматы. В Воронеже, к сожалению, ещё не налажена служба стрижки и купания бездомных собак.

На другой день Ира встала намного раньше меня, хотя почти до трёх ночи запойно играла на компьютере во что-то умно-мистическое. Как видно уже и чай попила.

Она обняла меня; аккуратно, вскользь поцеловала в шею.

— Ты не подумай ничего такого. Только мне надо ехать... Но я скоро вернусь! Как поставлю отца на ноги... Ты выдержишь нашу разлуку? А пока будем уповать на скайп, идёт?

— Передавай привет Петру Ивановичу, — глухо сказал я и закурил сигарету, название которой дал явно какой-то злобствующий атеист — «Святой Георг».

Только открыл дверь балкона — белый голубок, мазнув меня крылом по щеке, как вонзился к лёту в комнату, заметался от стены к стене.

Мимо наших окон строго, с достоинством сильного, медленно спланировал чёрный коршун, непоколебимо распластав свои мускулистые крылья. Я мельком уловил его взгляд — деловитый, отрешённо-мудрый.

Ира обморочно закрылась на кухне.

Я не скоро исхитрился поймать знобко дрожавшую, горячую птицу. Когда убедился, что коршун поднялся высокого вверх, подбросил голубка над балконом. Снежком полетел он на волю.

— Вот уж не соскучишься у вас... — Ирина прижала ладони к своим пухленьким щёчкам.

И начались сборы. Половину вещей Ира оставила. Те, которые годны для весны и кое-что летнее.

Я вызвал такси из фирмы с ностальгическим названием «Домино». На вокзале проблем с билетами не было: не сезон. Возле вагона мы раз триста поцеловались. Глядя на нас, проводница промокала слёзы своим красным флажком. На обратном пути я едва нашёл выход из подземных лабиринтов вокзала: голова как отключилась, глаза застили слёзы. Я давил их кулаком, как чёрных мух на своём кухонном окне.

Вокзал, который не хотел меня выпускать, вдруг напомнил мне сны, в которых я отчаянно метался по катакомбным галереям. Вот и теперь, куда ни сунусь, — везде тупик.

Помогла пригородная электричка. Народ из неё бодро повалил навстречу Воронежу. Я догадливо пристроился в кильватер к этой быстрой, деловитой толпе.

Ехал домой автобусом. На такси денег уже не было. Вообще любовь российскому трудовому пенсионеру явно не по карману. А какие-либо дотации по этому поводу (типа материнского капитала) государством пока не предусмотрены. Министерства любви у нас нет. Да и у кого оно есть?..

Под эти мои размышлизмы вспомнил я одну историю. Как-то наш гений Алексей Кольцов полюбил некую вдову Варвару Григорьевну Огаркову. Хотя и слыл в смысле женского пола первейшим святошей Воронежа. Да вот такая оказия с поэтом вдруг вышла.

«Всю мою жизнь я не жил такой жизнью... — панегирически сообщил Кольцов в Москву неистовому Виссариону. — Этому наслаждению конца нет; я весь утонул в блаженстве до самозабвения, до исступления. Варвара в одну минуту сделала из меня другого человека... Что за чудо женщина! С меня ростом, брюнетка, стройна до невероятности, хороша чертовски, умна, образована порядочно, много читала, думала, страдала, кипела в страстях. Голубые большие глаза, чёрные брови, тело — мрамор, тёмно-русые волосы, коса — шёлк, дивная коса, НОЖКИ лучше нет в Воронеже. Кажется, я от этой женщины скоро не откажусь: сам я этого ни за что на свете не сделаю. Скорей погибнуть, чем оставить её»...

Только прелесть Варварушка гения пробросила. Предпочла передать своё мраморное тело и лучшие ножки Воронежа в забаву богатому уездному помещику. Одной поэтической любовью Варвара Григорьевна удовлетвориться никак не могла. Здравомыслие не позволяло. Она до Кольцова-младшего, ничтоже сумняшеся, была на содержании у одного состоятельного человека. Поднаторела в этом деле. Так что же теперь ей принципам изменять? Ведь сына своего Алексея его зажиточный папаша в смысле денег вовсе не баловал.

«А всё из того оставила меня эта чудо женщина, что я живу без гроша, — примерно так поведал Кольцов Белинскому о своих любовных муках. — Имей я в год хоть 500 рублей, она бы жила в Воронеже, сколько мне б угодно было. Она права, что уехала: чем ей было жить? Не воздухом же питаться. Здесь я вполне почувствовал своё нищенство».

А что же далее? Итог таких чувств знали ещё древние латиняне: «Amor, ut lacrima, ab oculo oritur, in cog cadit» — любовь, как слеза; из глаз рождается, на сердце падает.

9

«Всё хорошо. Еду в женском купе. Читаю мою любимую газету «Семья и жизнь». Целую, милый Серёжа!» — бодро объявилась в моём мобильном первая эсэмэска из весёлого курортного поезда «Адлер-Калининград».

Я радовался ей не долго. Все следующие сообщения «с колёс» уже были удручающими: в дороге Ира заболела. Так отозвалась ей побывка в стране с непривычной для клайпедчанки эпидемиологической обстановкой. Температура под сорок и прочие малоприятные симптомы. Её так-таки зацепил воронежский грипп. У нас с ноября по январь для него самая разгульная пора. И теперь Ира везла через две границы в далёкую Литву на экспорт наши дерзкие до наглости вирусы. То-то они вольно, просто-таки пиратски разгуляются в тихой, благодатной гавани умиротворённой европейской жизни, где даже мосты строят с подогревом. Одним словом, не женщина, а страшное для всего Евросоюза русское бактериологическое оружие. И никакие таможенники и пограничники эту заразу изъять не смогут. Ко всему Иру стала беспокоить ноющая боль в правом подреберье. Она объясняла это только одним — непоколебимой традицией нашего бизнеса торговать просроченными продуктами и их отвратительным качеством в прибыльном безгостовом пространстве.

— У вас только ряженка вкусная... — как-то призналась Ира. — Всё остальное — тихий ужас.

Мол, в колбасах нет мяса, у кофе аромат толчёных желудей, хлеб на второй день рассыпается под ножом на мелкие крошки, на гриле поджаривают протухших кур, а огурцы и помидоры так переполнены нитратами, что на другой день после покупки становятся склизко-мягкими и на них нежно расцветает пушистая плесень.

Вернувшись в Клайпеду, Ира попросила неделю перерыва в нашем электронном общении. Записалась на декабрь перед их Рождеством ко всем врачам, исключая психиатра. Я чуть было не послал ей эсэмэску: «У вас дезинфекция или сжигание одежды после приезда из России не предусмотрены? А может быть всё это заменяет карантинная изоляция?»

Но всё-таки сдержался.

31 декабря я размашисто начертил в дневнике: «Уходи, мерзкий 2010-й!!! Ненавижу тебя!!! Ты — год убийца. Никогда не прощу тебе Марину».

В полночь, за минуту до традиционной речи Президента, я, не взирая на недельное табу в переписке, отправил Ире по мылу новогоднее поздравление.

Она ответила мне стихами. Кстати, нашей воронежской поэтессы Зои Колесниковой. И где она только разыскала эти её строчки, так подходящие к нашему настроению? Возможно, в Инте.

«Наш день в декабре. Он кончается рано.

Он, грустный, уходит ни с чем и ни с кем.

А если — иначе? Мне было бы странно

От тонкой морщинки твоей на виске.

И ты убегаешь в его осторожном объятьи.

Вчера ты шутил, а сегодня бормочешь: «Цейтнот».

А я примеряю уже новогоднее платье,

Из сот утешенья беря восхитительный мёд...

Наш день в декабре...»

И приписала: «Серёжа, я хотела бы выпить с тобой по скайпу за Новый год! Подними бокал! Или рюмку! Надеюсь, хоть в этот раз в ней будет не знахарское снадобье «Доктора Столетова»? Желаю тебе всего-всего!!! Горько, что мы не вместе... Кстати, «дедушка» после моего возвращения сразу выздоровел! И даже утренние прогулки по парку возобновил. Дорожки там прекрасные, деревья и кусты ухоженные, а бродячих собак у нас отродясь не было».

Мы врубили видеосвязь.

— Привет, Ируша! — по-мальчишески помахал я ей. — Ты всегда красивая, но сейчас — особенно! Причёска что надо! А чёлка у тебя такая весёлая, веерная! Европа, одним словом.

— В дорожный салон ходила... — засмеялась она, прикрыв ладонями свои уж очень сегодня озорные щёчки.

— Что у тебя в бокале ключами так резво бьёт?

— Видно?

— Ещё бы!

— Французское шампанское! «Вдова Клико» обзывается, между прочим. Сын с невесткой и детьми летали на Рождество в Париж. Вот мне и перепало от них. Кстати, я недавно ночевала у своих ребят. И знаешь, что мне на ночь сказала моя внучка Ритуся? «Соберем игрушки, ляжем в постель — и у нас с тобой будут свои девичьи разговоры». И они были. Кстати, о тебе. Но вовсе обворожительно другое. Невестка пожелала мне счастья с тобой, но, тем не менее, скептически заметила с высоты занимаемой ею должности Генерального директора крупной фирмы: «Работу твоему Сергею в Литве не найти. Пусть он хоть трижды известен как писатель, но без знания языка его даже дворником не возьмут. Да и у тебя уже поезд ушёл в этом плане. А чем вы тогда будете заниматься? Сидеть и глядеть друг на друга? «Чем, чем... — себе под нос сказала моя прелестная Ритулька, расшнуровывая обувку. — Детей рожать!» Но моя невестка не унялась. И вот ещё какой перл выдала: «Ирина Петровна, и зачем вы только оформили в консульстве свою поездку в Воронеж по программе переселения соотечественников в Россию? Они могут отнять у вас квартиру!!! Российские бизнесмены, я с ними немало работала, очень хитрые. Но им далеко до российских чиновников! Смотрите, не подписывайте там никаких бумаг, а то можете навсегда лишиться своего жилья в Клайпеде». Ладно, отвлеклась от новогодней темы. А ты что там в своём Воронеже пьёшь?

— У тебя «Вдова Клико», а у вдовца свахин самогон, настоящий на китайском лимоннике... Уникальное, доложу тебе, произведение. Разные там ваши виски, бренди, ромы отдыхают перед таким настоящим мужским напитком.

— Только ты больше не вдовец, милый... — вдруг многозначительно тихо проговорила Ира. — Волею данной мне богами я в эту сущностную минуту на всю Вселенную объявляю тебя своим мужем во веки веков!

— От жены слышу!.. — засмеялся я.

Царственно зазвучал большой колокол Кремлёвских курантов, словно благословляя наше с Ирой новое время.

— Всё, пока, муж мой! — она наклонилась близко к камере и состроила мне рожицу а'ля Кнопка из шестого «В». — Ещё раз с Новым годом, с новым Счастьем! И не забудь третью рюмку по нашей литовской традиции выпить за тех, кого с нами нет...

— Уже пью девятую... — повинился я.

Первого января Ира проснулась первой. Это ей далось легко. У них непоколебимая праздничная традиция: у русских литовцев — пить не больше трёх пятидесятиграммовых рюмок, у истинных литовцев — так и вовсе одна-разъединственная на всё время застолья.

«Серёжечка! — забегал вёрткий карандашик Иринога скайпа. — Утро доброе! Хотя, прости, уже 14 часов, а у вас — полдень. Ты — прелесть! Я уже по тебе очень скучаю... Жаль приболела. Но я оптимистка, потому что люблю тебя!»

Я ответил, как мудрый змий. Не путать с зелёным, который всё ещё стискивал своими кольцами мою новогоднюю голову.

«Ира, ты по-прежнему прихварываешь? Не пускай это на самотёк. Всё внимание себе! Пойдёшь утренними делами заниматься или можно на две минуты повидаться по скайпу?»

«Повидаться... хочу!!! Включи, пожалуйста, видео. Только не обращай внимания на беспорядок на моей голове и домашний застиранный халат»

«Всё нормально. Я — твой муж, ты — моя жена. Для нас вполне приемлема домашняя обстановка».

Поначалу мы только улыбались, оглядывая друг друга.

— Серёженька! — помахала мне Ира. — Здравствуй, муж! Как ты? Понимаю твоё сегодняшнее состояние и сочувствую! Я тоже прибалываю, правда, по другой причине. Честно говоря, мне совсем плохо... Буду сегодня больше лежать.

— Здравствуй, Ируша образца новорождённого 2011 года! Ты по-прежнему хорошая девочка?

— Ага.

— Тогда прости меня. Я должен сейчас ненадолго отойти.

— За пивом? Ох, оно у вас просто бр-р-р!

— Причина совсем другая. Ты разве не видишь на мне ошейник с поводком? Саша с Галей и Лизой уехали на Мальту, а мне на время подбросили свою собаку. Аманда. Помнишь фильм «Бетховен»? Она из этой же породы, сенбернар. И сейчас Аманда решительно желает выгулять меня в здешнем лесу. Кстати, у него хорошее древнее название — Русский.

— Ой, осторожней, Серёжик! Я что-то боюсь за тебя! А вдруг вам встретится та самая собачья свадьба?..

— Аманда способна порвать их как тузик грелку.

— Ладно, я тоже скоро отключусь. Только напишу тебе письмо. Рассказать его суть глаза в глаза мне стыдно. В общем, оно тебе не понравится, милый. Оно бессовестно испортит твоё новогоднее настроение. Но то, что ты прочитаешь, я больше не могу держать в себе. Ты должен это знать.

И снова упорно заработал карандаш скаяпа. На этот раз он то и дело подпрыгивал, переворачиваясь. Такие нервные кульбиты говорили о том, что Ира стирает написанное. Обещанное письмо как видно давалось ей трудно.

«Господи, Серёжа, с первых минут в России, я не переставала удивляться, как трудно вы живёте. Со всех сторон одни опасности. Отравиться некачественными продуктами, быть раздавленным на остановке пьяным лихачём, попасть на клыки бездомных собак, разбить голову из-за сплошного гололёда на ваших ухабистых тротуарах, отдать Богу душу от фальшивых лекарств или палёной водки!.. Кругом грязь, беспорядок. Твой Русский лес похож на свалку пивных бутылок и одноразовых тарелок. А террористические акты?! Я читала: только у вас в Воронеже четыре раза подрывали остановки и маршрутки! Понимаешь, Серёжа, болезнь меня как-то встряхнула и избавила от многих иллюзий. Я ведь не молодею, я уже, в общем-то, пожилая женщина... Хоть и хочется бесконечно слушать твои слова о том, что я ещё «девчонка»... Но честно... Знаешь, чего я больше всего испугалась в России? Мне стало страшно от мысли, что я могла бы заболеть у вас! Здесь, в Клайпеде, всё привычно, всё знакомо... В наших поликлиниках и больницах уютно, комфортно, персонал предельно внимателен и вежлив, оборудование — новейшее, супер. Высшее образование наши врачи получают не благодаря взяткам преподавателей, а своему старанию и любви к профессии. А купить диплом где-нибудь в переходе метро для нас и вовсе нонсенс! Но у вас что со мной было бы?.. Даже моё успокаивающее снотворное «Лорафен» в России перестали продавать. А я без его пачки в сумочке начинаю по-настоящему паниковать!!! Ещё я читала в «Аргументах и фактах» (эта газета на русском языке продаётся и у нас в Литве), будто ваши врачи обдирают пациентов как липку — умышленно находят у них ради дорогостоящего лечения болезни, которых на самом деле нет. А российские чиновники! Сколько унижений я от них натерпелась, пока оформляла разрешение на временное проживание... И это по президентской программе переселения соотечественников на Родину! Помнишь, как та дама в УФМС брезгливо бросила в урну мои документы из российского консульства? Серёжа, видеть всё это больше не хочу!!! Короче, я жутко боюсь твоей страны... Постарайся понять меня правильно».

«Aequam mentememento rebus in arduis servare mentem. Старайся сохранить присутствие духа и в затруднительных обстоятельствах», — уныло отозвался я.

«Серёжа, прости!!! Только не вызывай сейчас «Доктора Столетова». Стерпи. Я даже из-за папы больше не приеду в Воронеж. Человеку девяносто лет! Как я в этот раз отчаялась его бросить? Точно ты сказал, влюблённые безумны... Папе никак нельзя оставаться одному!»

Проза

Елена Тулушева

Елена Тулушева пишет строгую, жёсткую и притом тонкую, истинно художественную прозу. Её рассказы оставляют ощущение документальности. Не думаю, что они действительно абсолютно документальны, но настоящий реализм и должен быть достоверным. Реализм призван к тому, чтобы люди поверили: вот так и было на самом деле. В этом его сила, в этом сила и редкий нынче дар Елены Тулушевой.

Она не играет словами, смыслами, интеллектом; не играет в литературу. Она её создает. Превращает в кристаллики месиво ежедневной жизни, запечатлевает людей с их нехитрыми, но всё же особенными, неповторимыми в деталях судьбами...

Роман Сенчин

Подъезд

Рассказы

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Моей бабушке М. Круподёровой

Мария Васильевна неспешно оделась: натянула спортивные брюки, ветхую блузу, достала калоши, повязала косынку. Дом начинал затихать. Миша бы очень ругался, увидь он её сейчас в “таких лохмотьях”. Но она всё рассчитала. Два года бессонницы дали ей достаточно времени, чтобы изучить ритм жизни соседей.

Программа “Время” давно закончилась, собачники возвращались с прогулок — значит, уже начало одиннадцатого. Виктор с третьего этажа вернётся не раньше часа. Его смена в автобусном парке до полуночи. Он — единственный, кто может пройти мимо неё. Из “неспящих” есть ещё молодёжь. Они часто подолгу стоят у подъезда, шумно расходясь уже за полночь. Но, во-первых, они откуда-то сверху и всегда ездят на лифте. А во-вторых, сегодня понедельник. Мария Васильевна давно заметила, что по понедельникам жильцы стараются поскорее прийти домой и больше не выходят. Устают. Подъезд засыпает раньше. Она потому и выбрала понедельник — первый понедельник каждого месяца. Вот, например, в пятницу она бы не рискнула. Подъезд бурлит, гудит, суетится. Всю ночь слышен топот. А зимой эти с верхних этажей вообще так и сидят на лестнице, курят, выпивают и всё болтают, болтают. Слышно даже через закрытую дверь.

Когда-то, ещё в первый год после переезда, она посоветовалась, было, с Мишей; не поговорить ли с ребятами, чтобы вели себя потише. Сын разгорячился:

— Это тебе не Гомель! Не надо здесь никого воспитывать! Ты понимаешь, что здесь так не делают?! — Потом заметил её растерянность и чуть мягче добавил: — Mam, я тебя прошу. Пожалуйста. У меня и так столько проблем. Не усложняй. Сидят они, лично тебе ведь спать не мешают?

— Да мне-то, Мишенька, не мешают. Я и днём могу прилечь, а остальным какво? У нас и с детьми семьи есть, а на первом этаже пара врачей. Им бывает с утра на дежурство. Я же только попросить хотела, чтобы потише...

— Mam, пожалуйста, заканчивай эти свои привычки. Вот ведь, зашёл на чай, а в итоге, как попугай, одно и то же тебе объясняю! По какому разу, а ты не слышишь!

— Мишенька, ты извини-извини! — всполошилась она. — Я не буду. Я тебя поняла. Ты поешь, отдохни, а я молча посижу. Извини меня.

Так и не поняв реакцию сына, она всё же не решилась поговорить с шумной компанией, хотя и была уверена, что нашла бы нужные слова. Всё-таки тридцать пять лет проработала в школе. Почётный гражданин города. Сколько было сложных ребят, непростых семей, но диалог всегда получался.

Она была строгим учителем. За принципиальность и активность директор продвигал её по партийной линии. “А разве можно было быть не принципиальной, — привычно заговорила она сама с собой. — История это не литература: двух мнений здесь быть не может. А история компартии в старших классах — тем более. Разве можно тут искать компромиссы? Так не патриотов вырастишь, а предателей. Их ведь, молодых, так легко запутать, так легко увести по ложному пути. Тогда нам, конечно, было проще. Учебники на всю страну одинаковые, программа утверждённая, идея единая. Была система, была логика. А вот как им преподают события 90-х? Ведь и не поймёшь. Раньше одна страна была. А сейчас, Миша говорит, каждый учитель может выбрать, какую точку зрения преподносить на уроках. Вот и хамят ребята педагогам, потому что чувствуют, что нет у старших единства, нет честных ответов, оттого и уважения у детей к старшим нет”.

Она зашла в кухню, по привычке взяла сухую тряпку и протёрла раковину. Подставила под кран пластиковую баночку из-под сметаны. Миша чинил кран в прошлом месяце, но тот снова подтекал, и за ночь раковина покрывалась бисером брызг. Вымытая посуда высохла. Она переложила приборы в шкаф, повесила влажное полотенце на батарею и огляделась в поисках чего-нибудь недоделанного. Всё чисто. Руки по привычке потянулись к радио. После треска раздались знакомые речи “Политического обозрения”. “Тьфу, пропади вы пропадом. Одно и то же мусолят. Лучше бы Радзинского включили. А то вас, лодырей, каждый вечер слушать, а его только по субботам! Ведь какой умничка, как рассказывает... С голосом только не повезло”, — она вздохнула, сопереживая писклявому телеведущему.

Мария Васильевна подошла к окну. Со второго этажа проглядывался небольшой участок широкого проспекта. Ей нравилось вечерами смотреть на разноцветные огни автомобилей и яркие витрины. Ночами было красиво, хоть и шумно. А вот днём она старалась в окна не глядеть, особенно засушливым летом. Выцветший на ярком солнце пейзаж навевал уныние: серое шоссе, пыльные тротуары, измождённые жарой люди. Из окон не видно было ни одного дерева. А с прошлого года убрали и газоны. Миша был доволен: “Наконец парковки у вас нормальные сделали! А то, как ни приедешь — один стресс; где бы во дворе прибиться!” Ей было тоскливо наблюдать, как последние зелёные лоскутки — единственные маяки лета, исчезают под серой гладью асфальта. Но если это облегчит сыну приезды в гости, то, что ж, она потерпит. Она потерпит.

В Гомеле вокруг её окон извивалась виноградная лоза. Летом тени от листьев кружились по кухонному столу, выписывая узоры, как в детском калейдоскопе. Её маленький огородик, плотно засаженный овощами и малиной, пестрел всеми оттенками зелёного. Летом приезжали внуки, и весь день проходил в готовке. Но когда она возилась у плиты, переворачивая к полднику ароматные пышки, или строчила девочкам кружевные выходные платица, она, и не глядя в окно, знала, какая картинка снаружи. Каждый куст, каждую вишню соседского огорода, лужайку с ребятнёй, обрамлённую аккуратными сараями, яблоню у общей калитки. Она прожила здесь сорок лет. Они сами с мужем строили этот дом, как и другие пятнадцать семей. Строили долго, добротнo, для себя, для детей, для внуков. Два этажа, два подъезда, погреба, огороды, сараи, закрывающие двор от посторонних глаз. Сорок лет ничего не менялось. Только деревья росли всё выше, да вьюн расплзся от крыши подъезда, укрывая тёмной зеленью весь фасад дома.

Когда она вышла из квартиры, в подъезде было темно и холодно. Отопление включали только в конце октября. У них в Гомеле в доме была газовая колонка. Тепло и горячая вода каждый день. После переезда сюда ей казалось странным снова мыться из тазика летом, как в далёком довоенном детстве.

Из-за соседской двери доносились звуки сирены и стрельбы: сосед засел за сериал. Значит, уже одиннадцать. Она тихонько прикрыла дверь, не решаясь захлопнуть. В прошлый раз из-за перегоревшей лампочки она долго не могла попасть ключом в скважину. И чем дольше пыталась, тем сильнее переживала, что кто-то из соседей её увидит, а потом Мише скажут, и он снова будет

ругаться, что она занимается не своим делом и позорит его своим видом. “А в каком, прикажешь, виде выходить? — рассуждала она, натягивая плотные резиновые перчатки. — И потом; ведь я всегда в чистом. А что не новое — так ведь и не на танцплощадку”. Она беззвучно переставила к лифту ведро с водой, развернула цветастый, вручную обмётанный лоскут ткани, бывший когда-то её домашним платьем, и беззвучно погрузила его в воду. Отжав тряпку, насколько хватило сил, она поднялась на один лестничный пролёт и принялась плавно, одну за другой, мыть ступени. Спустившись к площадке своего этажа, она прополоскала тряпку, с облегчением заметив, что грязи накопилось не так много. В прошлом месяце всю неделю до её “дежурства” город затапливали ливни, и воду пришлось дважды менять. А это время и силы: на улицу вылить, подняться...

Сейчас было сухо. Дожди ушли, а снег пока ни разу не укрывал столицу. Да и пару недель назад к ним всё-таки заглянула уборщица — тучная женщина в грязной сине-оранжевой форменной куртке с обветренным лицом. Убирать должны были раз в месяц, но уборщица приходила, только когда Рая с первого этажа звонила с жалобами в ЖЭК. Мария Васильевна тоже хотела звонить в ЖЭК, но Миша, услышав это, заворчал: “Ну почему тебе всегда больше всех надо, мам?! Какая тебе разница, что там. Ты же не в подъезде живёшь, а в своей квартире. Придёт время — уберут. Только не вздумай сама мыть — я тебя знаю! Или тем более соседям предлагать — решат, что ты не в себе”.

Она и заикнуться не успела о своей идее, а Миша уже запретил! А ведь он и сам наверняка помнил, какой у них в доме был заведён порядок. Каждую неделю одна из квартир мыла оба этажа, график висел у входа. В подъезде всегда было чисто, никому и в голову не приходило плюнуть на лестнице или разрисовать стены. То были *свои*... Раньше ей казалось: *свои* — потому что ровесники, к труду в войну приучены, идеей одной шли, воспитанием общим жили. А их дети уже по инерции включались в правила дома. Но переехав сюда, Мария Васильевна с удивлением обнаружила, что дело не в возрасте. Две старушки с первого этажа ни разу за пять лет не ответили на её “добрый день!”. Притом та самая громкая молодёжь здоровалась, даже когда она просила их не курить в подъезде. Её сверстницы здесь жили поодиночке, ни с кем не общаясь, редко выбираясь из квартиры. Куда уж с ними было завести разговор о дежурстве. А к тем, что помоложе, она и сама с таким предложением не подошла бы: угрюмые по большей части, всегда торопятся, уставшие, раздражённые. Как и её Миша в последнее время. Совсем другим ведь был.

Пока она вспоминала сына, его шутки, приключения и первые разочарования, она и не заметила, как уже дважды вымыла всю лестничную клетку. Лёгкий запах соды почти выветрился. Она выпрямилась, кряхтя от боли в спине и ногах. Чисто...

Мария Васильевна сидела на кровати, массируя колени дрожащими руками. Всё было вымыто, выстирано, развешано. За стеной давно замолчал телевизор. Наверху сегодня никто не скандалил. Подъезд глубоко спал.

У входа послышались шаги, затем звуки кнопок домофона. Шаги устало зашаркали по ступеням, замерли перед вторым этажом...

Она улыбнулась, представив, как Виктор удивлённо смотрит на сияющую чистоту и осторожно, стараясь не наследить, пробирается по краю лестницы домой.

Виктор привычным жестом выгреб из почтового ящика все бумаги и начал разбирать письма. “Опять одни счета! Света белого от вас не видно!” — он раздражённо сплюнул в коробку для листовок и поплёлся домой.

ЗВУКИ МУЗЫКИ

— *Вставай, тварь такая!*

Господи, что случилось?

— *Я тебя, мразь, сейчас пришибу!*

На часах 8:05. Откуда доносится рёв — непонятно.

— *Школа, твою мать, через двадцать минут!*

Школа? Да вроде уже за плечами институт. Кошмарные воспоминания из детства? Вроде такого не было.

— *Ты у меня поспишь! Подняться она не может!*

Послышались сдавленные вопли. Открыв глаза и сообразив, наконец, откуда доносятся крики, Лиза облегчённо выдохнула. Недоумевая, она прошлёпала кухню:

— Мам, это что?

— Ты о чём? А, это? — подняла она глаза к потолку. — Это *артист* свою дочь будит в школу. Доброе утро!

— Да уж, доброе... И давно это у них так?

— Года три. Ты просто раньше в будни не приезжала. Как жена его сбежала, так и началось.

Вопли продолжались ещё минут пятнадцать. Конфликт, по-видимому, разрешился: в окно Лиза увидела вылетающую из подъезда растрёпанную девчонку лет тринадцати с расстёгнутым рюкзаком, на ходу натягивающую не по погоде лёгкую куртку. Со второго этажа её лица было не разглядеть.

Когда Лиза была маленькая, сверху часто раздавались ритмичные постукивания. Мама говорила, что сосед “бьёт чечётку”. А теперь, похоже, бьёт он свою дочь. Хотя через пару лет она вернёт ему всё сполна. Раньше Лиза и не видела девочку. На улицу своего ребёнка соседи не выводили, но, судя по грохочущим перекатам, разрешали покататься дома на роликах. Однажды Лиза заметила в заоконном пейзаже метаморфозу: крепкий старый каштан побелел. Но не воздушные свечи соцветий украсили его: сверху на ветки плавно приземлялись серпантинки туалетной бумаги. Развлекалась соседская дочка. И ведь тогда на неё никто не накричал...

Ещё часто ночами Лиза слышала вальсы и симфонии. Всё тот же сосед включал классику не очень громко часа в три ночи, полагая, что все уже спят и не проснутся. Музыкальный мужик... Она отхлебнула горячего чая, размышляя, как странно меняются люди. Может, артисты, особенно неудачники, склонны к деспотизму? Сами живут под диктовку режиссёров, продюсеров и всяческих выжиг, вот и требуется компенсация. Не улучшает характер и бытовая неустроенность — гастроли по райцентрам, нетопленые ДК, гостиничные номера на пять коек, больше смахивающие на обшарпанные комнаты общаги...

Хотя этот ещё ничего — сосед сбоку включал музыку днём, да погромче. Даже с годами Лиза так и не научилась понимать, что это: рок, металл или какая-то другая самодеятельность. Отвратительный гортанный рёв был одобрен хаотически размазанными воплями электрогитар и рассыпающимися барабанными дробями. Вживую этого странного типа она видела не чаще, чем соседскую дочку сверху, но его музыку слышала даже через беруши. Безуспешно попытнев над “домашкой” под ядерный аккомпанемент, Лиза с детской вспыльчивостью усаживалась за пианино и изо всей мочи вбивала в клавиши бетховенского “Сурка”. Сосед должен был испытать на себе всю тяжесть музыкальной мести!

— А рокера нашего что-то не слышно? — она поглощала завтрак, разглядывая унылое утреннее небо.

— Похоронили его летом. Утонул пьяным, царствие небесное. — Мама перекрестилась. — Ещё сырников подогреть?

— Судя по его музыкальным вкусам, подземное царство ему было ближе. Да, ещё бы парочку навернула.

— Лиза, ну что за богохульство!

— Да ладно, может, он вообще неверующий был. Да и какая ему теперь разница — вряд ли обидится.

— Лиза!

— Да, мамуль? Слушаю тебя. Очень вкусные сырники, пасибки.

— На здоровье. Ты всё-таки в родительском доме. Можно как-то без чёрного юмора?

— А без юмора в нашем доме никуда, ты же понимаешь. Ладно, пойду шкаф, что ль, разберу, пока время есть.

— Батюшки, что творится! С чего бы это?

— Кхм, я ведь и передумать могу... — она ехидно улыбнулась и пошла, напевая, в комнату.

Дом просыпался. Натужно гудели водопроводные трубы, нетерпеливо скользили стулья, щёлкали дверные замки, неуклюже топали лестничные пролёты. Сонный лифт лениво карабкался вверх, чтобы, замерев на мгновенье, выдохнуть вниз.

Ей захотелось посмотреть на этот поток жизни, выплывающий из подъезда. Она забралась на

подоконник, сложила по-турецки ноги и оглядела “сцену”. Дворник ритмично почесывал дорожку корявой метлой. Торопливые офисники загружали обрюзгшие тела в машины, ругаясь на узкие проезды. Раздражённая мамочка, собрав остатки выдержки, уговаривала плетущегося рядом недо-спавшего малыша.

Двор терпеливо ждал, пока его жильцы отыграют привычные роли и разбегутся, оставив его наслаждаться антрактом до полудня. Жизнь будет кипеть где-то там, на проспекте, а здесь... тишина... до второго действия, в котором вернуться школьники, закопошатся по углам площадки, заполняют смехом подъездные пролёты. Домохозяйки выплывут с собачонками размером с ладонь. После обеда выползут и мирные пьянчуги посидеть у площадки. В это время они ещё трезвые, выходят пообщаться. Двор снова оживёт. И будет услужливо предоставлять свои подмости до самой ночи.

Кстати, о пьяницах. В последние годы их почти не видать. Один только и остался местный псих с шестого этажа, сам с собой ругается, уже с утра закупившись алкоголем.

А когда Лиза была маленькая, в пресловутые девяностые никому не было дело до пьющих. Она вспомнила весёлого кукловода из соседнего подъезда. Он иногда приходил к ним в детский сад со своими смешными номерами. А по ночам, хорошенько выпив, декламировал целые поэмы, прохаживаясь вдоль двора. Читал с выражением, громко. Никто его не гонял, не кричал с раздражением из окон. Принимая игру, жильцы припоминали строчки и старались проговорить их раньше хмельного чтеца.

Однажды они пошли с мамой в детский сад, а у соседнего подъезда стоял гроб. Лиза первый раз живую увидела гроб. В нём лежал кукольник. Сморщенная бабулька сидела рядом на табуретке, поправляя венок. Кукольник был такой нарядный и чистый, лицо его было без щетины, заметно моложе, и улыбалось. Лизе показалось, что он был очень добрым в тот момент. Даже захотелось подойти поближе, но мама резко ускорила шаг, перекрестившись. Потом мама несколько раз переспрашивала Лизу, не плохо ли ей, не испугалась ли она. А чего было бояться — он вон какой лежал радостный. Ещё мама как-то сбивчиво и не очень понятно рассказала, что так обычно делают в деревнях: выставляют гроб, чтобы соседи могли проститься. Лиза не поняла, почему только в деревнях, но спрашивать не стала: уж очень мама торопилась и как будто сердилась.

Лиза сидела на подоконнике, перебирая детские воспоминания. Откуда-то издали послышалась неуверенная мелодия. Спотыкаясь, она никак не могла разлиться вволю. Лиза замерла, прислушиваясь, пытаясь определить, что это. Слабые звуки долетали едва-едва. Видимо, детские ручонки выводили снова и снова воздушную польку. Это была флейта. Волшебная городская дудочка.

НА ПОСЛЕДНЕМ

Ковёр бы выкинуть давно... Сколько раз бабушке говорил... Да теперь уж ладно, пусть сама решает. Они наверняка будут рады его новости. Бабушка столько лет спала в кухне, а теперь наконец сможет спокойно вздохнуть. Только отчего ж так тоскливо?

Ему хотелось пройти по комнате, как в американских фильмах, когда герой прощается с домом, медленно шагая по пустым коридорам, прикасаясь к знакомым стенам... Но весь проход между его разложенным диваном, громоздким письменным столом и шифоньером преодолевался за три неуклюжих шага.

Диван... Когда-то очень дорогой, чешский, пахнувший новизной, доставшийся дедушке каким-то невероятными усилиями. Теперь, с вытертой красной вельветовой обивкой и выползающим из всех щелей поролоном, он представлял собой унылое зрелище. Никита твёрдо решил, что уговорит Настю купить кровать. Неважно, что квартира будет съёмная. О кровати он мечтал всегда: всю жизнь спал с ощущением, будто это временное место. Этот ритуал, каждый вечер раскладывать и утром снова складывать диван — он напоминал поездку в поезде: скатать матрас, сдать белье... Наверное, как и у всех малышей, у него была когда-то маленькая кроватка. Но сколько он себя помнил, этот диван был неизменным и таким недвижимым, он как будто врос в комнату, со временем даже отказавшись складываться.

Он уговорит Настю, хоть они уже и поссорились из-за кровати. У неё же куча идей, как заполнить пространство, создать “уют”. А ему нужно так мало. Ей придется уступить. Теперь он будет решать. Так должно быть. Он мужчина.

Никита заметил, что стучит пальцами по запылённой коробке. Компьютер... За четыре месяца он так и не нашёл время, чтобы подключить отчиму ноутбук. А ведь тот пару раз спрашивал, а потом, видимо, застеснялся.

Стало стыдно и совсем тоскливо. Он вспомнил, как они ездили в магазин. Мама, конечно, тоже поехала, такие покупки всегда выбирали вместе, готовясь и обсуждая уже за неделю, а то и две. Никита ощущал на себе сочувствующие взгляды продавцов и злился, когда молодой высокомерный парень демонстративно игнорировал чудаковатую пару и обращался с предложениями только к Никите. А мать с отчимом, как дети, подходили к каждой модели, трогали, читали вслух описание и рекламные брошюры. Им было важно выбрать самим. И Никита молча ждал, не отвечая продавцу.

Когда-то он стеснялся ходить с мамой в магазин: смущала её болтливость, наивные вопросы, привычка разговаривать с незнакомцами. Продавщицы обычно бывали вежливыми, но ему это казалось лживым. Мать не понимала детского смущения, но на помощь часто приходила бабушка: она находила маме дела по дому, а в магазин с внуком ходила сама.

А потом появился отчим. Точнее, сначала он был просто Славик. Смешной, застенчивый, немного заикающийся. Познакомились с мамой в социальном центре на занятиях. У них оказались одинаковые диагнозы, и они радовались этому так искренне, как будто не сниженный интеллект, а особый мир связывал их.

Никита помнил, как Славик приходил в гости и всё говорил, говорил, больше мамы, но при этом постоянно краснея. Никите было лет тринадцать, жизнь кипела, и он не заметил, как Славик стал частым гостем, болтал какую-то ерунду про свадьбу. В “детскую” Славик не входил, иногда подолгу смущённо топчась на пороге. А Никита забавлялся, зная, что тот ждёт, что его окликнут, а нет, так и будет стоять, хоть полдня.

Однажды вечером Никита вошел в подъезд и услышал шорохи под лестницей. Привычное дело: там часто болтались ребята или курили семейные мужики. Он уже начал подниматься к лифту, но что-то знакомое уловил в шёпоте. Он резко повернулся и заметил мамино пальто.

— Ты чего тут?! — крикнул он.

— Привет, Никит! — мать по-доброму улыбнулась, шагнув к лестнице. Только сейчас он увидел в её руках розу в дешёвом целлофане. — А мы тут со Славой болтаем, — за маминой спиной перетапывался Славик. Лица не было видно, но Никита и так мог представить его обычное выражение неловкости.

— Совсем сдурели?! — Никита и сам вздрогнул от своего крика. Возмущение, гнев, стыд — всё слилось воедино. — Кухни вам не хватает?! На весь дом позориться решили! — перед глазами замелькали картинки, как соседи, поднимаясь к лифту, вежливо отводили глаза. Как мать по своей привычке наверняка с каждым заговаривала. Воображение мгновенно надумало о всеобщем смехе, сплетнях и перешёптываниях. Стыд навалился на него, такой огромный и невыносимый, что он впервые заорал на мать, не думая, что кто-то может войти в подъезд. А они стояли растерянные, смущённые, непонимающие. Потом он ухватил мать под руку и потащил к лифту, рывкнув Славику, чтобы валил, пока жив. Тот так и замер внизу, пугливо прижимая мамину сумку.

Никита не помнил, что он орал маме, не помнил, что пытался прокричать бабушке. Он нарочито громко хлопал дверьми в квартире, что-то рвал, выкидывал в окно, потом со злобой тщетно пытался прилепить самодельный крючок, чтобы запереться в комнате, хотя к нему и так никто не заходил. Он проснулся за полночь. Заглянул в спальню — бабушка спала. В комнате пахло валерьянкой. Из ванной слышалось журчание. Он открыл дверь. Там была мама. Она сидела на краю ванной и плакала... Его мама, простоватая (“Уж лучше бы молчала”, — случалось, сердился Никита), но улыбчивая и светлая, никогда не плакала. Или просто он никогда не видел... Что бы ни происходило, она не унывала: улыбалась восторженно или задумчиво, сочувственно или с сожалением, но улыбалась.

Он растерялся, не зная, что делать. А мама сжимала в пальцах сломавшуюся подвядшую розу и плакала.

Даже сейчас, вспоминая ту сцену, ему было всё так же горько. И вроде всё потом наладилось, со временем он привык к Славику; никто не вспоминал ту вспышку ярости... Но отвратительное щемящее ощущение в горле иногда накатывало. Вот и сейчас он некстати вспомнил этот случай, хотя и так было паршиво. Он знал, как родителям хотелось свой ноутбук, как им важно было “не отставать

от прогресса? ... Теперь обязательно надо успеть подключить. Только где же выкроить время. Переезд, работа, Настя... Но без него точно не справятся.

— Никит! — в дверь постучали.

— Да, бабуль, чего?

— Никитушка, обед готов. Ты поешь или подождём маму? Они уже вот-вот должны прийти, — бабушка приоткрыла дверь. — А ты чего такой? У тебя всё в порядке? Бледный какой-то — не заболел? — она дотянулась до его лба. — Вроде прохладный. Работает ты много, совсем зелёный стал.

— Да не, всё нормально, ба. Я подожду, вместе поедим. — Ему хотелось оттянуть момент разговора, ещё какое-то время не слышать их вопросов, не видеть их лиц... — Мусор есть? Выйду, подышу.

Никита вышел на лестничную площадку. Удивительно чисто. Только паутинки у потолка ещё с лета. Последний, девятый этаж, чужие сюда не забирались. Он оглядывал знакомые стены, перила, с выцарапанным им самим лет в десять “Цой жив”. Он тогда и не знал, кто это. Просто видел везде надписи и повторил.

Сколько времени он проводил здесь, откладывая момент возвращения домой, когда нёс из школы очередную двойку или весть о пропаже сменки, когда прятал в портфель трофейный, честно выигранный арбалет, который бабушка заставила потом отдать обратно. Он стоял и по детской привычке ковырял ботинком скол плитки у ступеньки. Возле соседней 143-й квартиры узор из уродливых коричневых квадратиков сбивался. Не хватило, видать, цветной плитки и всё залепили белой. В детстве он был уверен, что там, под этим белым куском находится лаз. Настоящий, секретный. Только нужно встать на нужное место, чтобы он открылся. Он улыбнулся, вспоминая, как пытался “нажать” правой ногой на свой коврик, а левой на соседский — это и была тайная схема. Потом старуха-соседка жаловалась бабушке: “Никита-то ваш об мой коврик ноги вытирает, чтобы ваш не пачкать”. А он стоял, вдавливая подбородок в грудь, готовый взять на себя любую вину, но не выдать догадку о потайном лазе. Да и отпираться было глупо — на цветастом коврике развалились фигурные кусочки мартовской грязи с его ботинок.

Лифт поднимался, приближая знакомые голоса. Через пару мгновений двери открылись:

— Никита, привет! А ты чего так рано? — мама поцеловала его в щеку.

— П-п-привет, Ни-и-кит, — отчим протянул красную от холода руку.

— Привет! Да поговорить хотел. Мы с Настей собираемся жить вместе. — Он выпалил это так быстро, что сам не понял, как проговорился. Но в тот же момент стало удивительно легко, как в детстве, когда приходил с плохими новостями, а дома сидели гости, и никто уже ругаться не мог.

— Вот это новость! — мама засияла. — Здорово, Настенька хорошая такая!

— Поз-здр-здравляю! — Славик снова протянул руку.

— Да, спасибо, пока не с чем особо, — Никита был смущён их реакцией и досадовал на себя, что так долго тянул с новостью.

— А бабушке говорил? — мама звонила в дверь, неотрывно глядя на Никиту и улыбаясь.

— Не успел ещё, вас ждал.

Бабушка открыла, они зашли в коридор.

— Мам, Никита-то наш женится! — выпалила мама.

— Этого я, между прочим, не говорил. — Никита улыбнулся маминой прямоте.

— Да ладно уж, понятное дело! — мама подмигнула ему. — Настя к нам переезжает, будем все вместе!

Повисло молчание. Бабушка удивлённо взглянула на Никиту, который растерялся от маминых слов. Славик стоял у двери, не решаясь пройти дальше, пока все столпились на проходе.

— Это правда, Никитушка? — бабушка прижала руки и расплылась в улыбке. — Ты мой дорогой! А я смотрю: чего такой с утра? Что ж не сказал, думал, родная бабушка не поймёт? Да мы все так любим Настю! Давно пора. А то живёт с подружкой на съёмной квартире, и ей житья нет, и ты, бедный, выдохся туда вечерами ездить. А тут и дом, и все свои, и на всём готовом.

Никита стоял, не зная, как лучше продолжить разговор.

— Да это ещё не решено. Может, мы обедать пойдём? — ему было неловко стоять под общими взглядами и улыбками, осознавая, что придется их разочаровать.

— Конечно, идём! — мама сняла пальто и пошла мыть руки. Славик продвинулся вперёд и начал старательно пыхтеть над шнурками.

— Это ещё не точно, бабуль. Своё жильё всё-таки хочется... Может, мы одни...

— Конечно, своё лучше. Эта-то квартира твоя. И комната у вас своя будет. Мы маму со Славиком в “детскую” переселим, а вас в спальню. Кровать купим или диван раскладной? Хотя места там много, чего вам на диване мучиться.

— Да я не знаю, ба, — Никита совсем растерялся, уже не понимая, где его мысли, где Настины, где бабушкины... — Может, снимать лучше...

— Да чем же это лучше?! Сам сказал: своё жильё хочется. Настя что ли хочет?

— Вроде того, — ему снова стало стыдно за враньё, но сказать по-другому не получилось. С другой стороны, это и правда была Настина идея. Как и сейчас с бабушкой, так и месяц назад в разговоре с Настей он и не заметил, как предложил ей жить вместе. Она что-то говорила про цветовые сочетания в доме, он как-то невнятно пошутил... и тут она вдруг расплакалась, что ему на неё плевать, он и не любит её вовсе, раз за два года не предложил жить вместе... Ни с чего как давай рыдать. Он и предложил. Потом они сразу помирились, и он удивлялся, почему раньше сам не додумался, ведь это так просто и логично — жить со своей девушкой вместе... — Мы пока ещё не решили, бабуль. Снимать квартиру сейчас легко, можно найти недорого и к работе поближе.

— Ох, натаскались мы с дедом по казармам и съёмным квартирам! И уж бывало и комната хорошая, и соседи замечательные, и жили дружно... но ничего не сравнится со своим жильём. Здесь каждый угол твой. Тепло хранит, воспоминания, и всё здесь так, как хочется именно тебе. А в съёмной квартире каждый шаг обдумай, даже стены пахнут чем-то чужим, лишний раз гвоздь не прибьёшь — разрешение спрашивать нужно. А ведь это, Никитушка, очень важно, когда можешь сам решать. А что Настя хочет, так ей так и так вдали от своих жить. Но она просто пока не понимает: на тебя и приготовить, и постирать, и погладить, а она сама работает и учится вечерами. Когда всё успевать будет? Вот и начнётся у вас ругань. А тут ещё и квартира съёмная.

— Ну, это мы ещё не решили. Мы пока обсуждаем...

— А чего обсуждать, если здесь твой дом. Всё-таки мужчина должен решать, а ей придётся и уступать иногда. Так она и строится — семья-то. — Бабушка принесла маме полотенце. — Ну, пойдёмте обедать! Теперь столько всего надо обдумать! Славик, что ты всё мнёшься у двери, разделся, так иди за стол.

Славик неуклюже протиснулся за женщинами на кухню. Никита рассеянно захлопнул входную дверь и осмотрелся. Из его комнаты выглядывал край дивана с уютно свисающим пледом. Он остановился на пороге, пытаясь понять, что теперь делать.

БЛИЗНЕЦ

— Пошёл на хрен! Я тебя с лестницы спущу!

— Мы на улице, дурень!

— Вон, я сказал!

— Олежка-сыроежка! Ты же знаешь, ничего ты мне не сделаешь. Мы ж родные люди.

— Вот и сделаю, урод! Я тебя... — Олег замахнулся огромным разбухшим кулаком. Спешащая навстречу девушка, пискнув, метнулась к дороге.

— Чего людей пугаешь, болван? Ой, ты глянь, как вылупилась на тебя — вот умора! — он начал гоготать во всё горло, тыча пальцем в прохожую. — Ща глаза вывалятся от ужаса!

— Больной! — бросила девушка и засемила на звонких каблуках по другой дорожке.

— Как она тебя, а? Получил?

— Пошёл к черту! — злобно прошипел Олег.

— А чего ждать? Давай прямо сейчас? Как мужики! Ну же, давай! — он начал махать кулаками перед носом у Олега, ехидно посмеиваясь.

Олег старался не поднимать головы, он шёл знакомым маршрутом, периодически громко сплёвывая под ноги. Перед глазами мелькали грязные лужи, прилипшие жвачки, сморщенные окурки.

— Пройдёмся по двору? Вон спиногрызы орут — давай распугаем! — он состроил уродливую

гримасу. — Ну, давай, весело будет! Помнишь, как в прошлый раз они разбежались по домам, как только мы подошли к площадке? А мамышки, мамышки-то! Своих слюнявых кривоножек подхватили и давай в коляски сажать! А те орут, не поймут, что такое!

Олег повернул за угол дома и двинулся к проспекту, прочь от воспоминаний о площадке.

— Стой! Ты куда? Эй!

— Сам знаешь!

— В магазин?! Опять за старое! Давай лучше погуляем! Пожалуйста, я буду хорошо себя вести! А в магазине сейчас народу — туча! Все будут на тебя пялиться, а ты боишься!

— Ни хрена я не боюсь!

— Оле-е-ежка, я ведь по-хорошему прошу: не ходи в магазин. Я ж не отстану. Помнишь, как в прошлом месяце тебя охранники вытолкали? И милицией угрожали.

— Я те покажу! Только попробуй! Измочалю! — Олег не удержался и пнул ногой куда-то в воздух. Группа соседских мужиков, пьющих у гаража, покосились на него и отвернулись.

— Мазила! — звонкий смешок забулькал истерическими переливами. — И не стыдно тебе так с родным братом! Тем более, я тебя младше!

Олег остановился у дверей магазина в нерешительности. Народ бесконечным потоком заходил внутрь, периодически задевая его. Безразличные толчки напомнили ему о метро. Голова начала кружиться, а подступающая тошнота уже заполняла горло. В метро он не был уже несколько лет. В последний раз пришлось выйти на остановку раньше, когда он заметил, что очкастая тётка начала нажимать кнопку связи с машинистом, косясь на него. И весь вагон смотрел, кучкуясь у выходов.

— Ну, зачем тебе пить? Ты матери обещал бросить, — услышал Олег въедливый голос. Матери он, конечно, обещал, но она давно не верит. Навещает раз в неделю, принося частями его пособие по инвалидности. Боится, что пропёт сразу. Она не понимает. Не понимает, что не пить уже нельзя.

— Отвали, тогда и брошу!

— Родной мой, я тебя не оставлю. Мы ж близнецы! — ехидная улыбка озаряла его лицо.

— Оставишь, урод! Сам знаешь! — Олег заметил любопытные взгляды. Злость, смешиваясь со страхом подкатывала, грозя разразиться новым приступом.

Он развернулся и помчался к светофору. Обратный отсчёт зелёного света поторапливал. Вот и осталось два шага до серой палатки. Знакомый армянин скусающе смотрел из окошка.

— Две. Большие. Как обычно, — руки Олега судорожно выудили из карманов мятые купюры. Армянин неспешно исчез в глубине. Брат стоял, злобно скалясь.

Армянин вынырнул, поставив на прилавок две двухлитровые пластиковые бутылки. Не дожидаясь, пока продавец пересчитает деньги, Олег трясущимися руками отвинтил крышку и жадно приклеился к горлышку. Тёплое пиво пенилось, ускользая струйками по его щетинистому подбородку.

Армянин брезгливо наблюдал:

— Может, заесть возьмёшь? Хлеба возьмёшь?

Олег залпом выпил половину бутылки, громко выматерился от облегчения и посмотрел по сторонам.

— Ну что, урод, свалил?! Вали-вали, пока цел! — прокричал он куда-то вверх.

Армянин, качая головой, поспешил закрыть окно палатки. Олег озирался, скалясь гнилой улыбкой. Брата не было. Он пихнул в полуоторванный карман непечатую бутылку, а вторую крепко прижал к себе: пробка куда-то улетела.

Добравшись до подъезда, он взглянул на детскую площадку. Та гудела, смеялась, жила воскресной жизнью. Ему захотелось швырнуть туда бутылкой, чтобы всё вмиг утихло. Отвратительный детский визг эхом отдавался в голове. Несчастный случай... Он бы давно забыл, если б не они... Если б не их мерзкий крик. Он залпом влил в себя остатки пива, вторую бутылку он выпьет дома. А когда протрезвеет, уже настанет вечер, и они замолчат, тогда можно будет и ночь как-нибудь протянуть.

Поднявшись к квартире, заплывывая лестницу, он завистливо замер возле соседской двери. Как бы хотел он жить в той квартире. Пусть и в «однушке», но с окнами на проспект. Что угодно, лишь бы не слышать детский крик! Прошло уже больше двадцати лет, а эти звуки всё не смолкали. Если бы не этот крик тогда, он бы услышал и успел на помощь. Он бы спас брата. Он бы успел... Не он, так кто-то другой. Если б только кто-то услышал...

В квартире ему на миг привиделось, что брат тут. Он не сразу сообразил, что смотрит на своё отражение в зеркале. Они были абсолютно одинаковыми. Только шрам, который брат схлопотал в шесть лет, прыгая с крыши гаража, только эта маленькая полоска возле рта отличала их. Брат всегда был неугомонным, стремительным, всё нёсся куда-то. Мать шутила, что если б первым в родах шёл брат, то не понадобилось бы кесарево сечение. Это Олег никак не хотел рождаться. Он всегда тормозил. Он и тогда не пошёл с братом к люкам. Струсил. Если бы пошёл, ничего бы не случилось. А он остался на площадке и ничего не услышал из-за неугомонного детского крика.

Олег стянул грязные ботинки и доплёлся до окна. Он прислонил к стеклу фанерную доску, недавно найденную на помойке, притащил с дивана старые подушки и плед, поплотнее завалил подоконник и задёрнул шторы. В комнате стало тише. Сейчас ему плевать, но когда он начнёт трезветь, крики заполнят квартиру, с издёвкой разлетаясь эхом по углам. И тогда брат вернётся. Сядет напротив и уставится брезгливо и жалостливо. А Олегу нечего будет сказать. Он и сам себя ненавидит. Он уродлив и убог в своём отражении. Брат выглядит лучше. Он выглядит так, как Олег лет пятнадцать назад, когда лекарства ещё помогали. Интересно, если бы они не были близнецами, в каком бы обличье приходил его брат? Тем десятилетним пацаном? Ведь фантазия не смогла бы додумать, каким бы он вырос, останься в живых. Но судьба посмеялась. Олег видел брата в своём отражении, знал все его черты.

Когда-то ему очень хорошо подобрали таблетки, и брат не приходил лет семь или восемь. Олег жил почти как нормальный подросток. Даже школу окончил на домашнем обучении. Он мог выходить на улицу один, только обходил стороной детские площадки. Теперь все эти психиатры нужны были лишь для продления инвалидности. Их лекарства больше не действуют. Брат уходит только тогда, когда Олег пьян. Он объяснял это безмозглым врачам на комиссии в психдиспансере. Они только качали головой и утешали мать.

Олег включил погромче телевизор, нашёл какой-то ужастик и безразлично уставился в экран. Ему бы только рассчитать вторую бутылку так, чтобы не протрезветь до вечера. А там и ночь.

ОДИННАДЦАТЬ ПЛАТЬЕВ

Рая провернула ключом, и дверцы старого дубового шкафа, слегка хрустнув от ветхости, отворились.

— Ты мой хороший. Что, разохся совсем? Э-эх, моложе меня, а вон как кряхтишь — не стыдно? Сейчас мы тебя проветрим, протрём и смажем. Ты ещё поживешь, мой дорогой, послужишь. Вон, какой гладкий, — она ласково провела рукой по прохладной полированной поверхности.

Из шкафа пахло мандариновыми корочками, разложенными с осени от моли. Каждый год 31 декабря Рая разбирала весь шкаф, тщательно перетряхивая белье, протирая каждую полку и вешалку, просматривая каждую вещь на предмет дырочек. Так делали ее бабушка и мама. Так могли бы делать ее дети.

Прямо перед ней рядком висели, отгороженные от других несколько платьев. Когда отцу дали эту квартиру, Рае было двенадцать лет. Они переехали в ноябре, в середине учебного года. У неё не получалось привыкнуть к новой школе, друзей не нашлось, а из-за высокого роста ей всё время хотелось куда-нибудь спрятаться. Родные понимали, как Рае тяжело, но отложить переезд было нельзя, а ездить на другой конец города в старую школу оказалось слишком долго. Как-то под Новый год, увидев в очередной раз её слезы, отец открыл шифоньер и достал большой сверток в грубой серой бумаге, перевязанный бечёвкой:

— Держи, Раечка. Это тебе для поднятия боевого духа!

Отец и раньше старался побаловать её, как младшую, но подарок такого размера бывал только на день рождения! Она с предвкушением развязала бантик и развернула бумагу: новенькое бирюзовое шифоновое платье пахло счастьем. От восторга она не могла вымолвить ни слова. Такой красоты не было не только в мамином гардеробе, но и вообще не встречалось ни у кого из ее знакомых! Рая бросилась целовать отца. На радостный визг из кухни пришла мама и с деланной сердитостью заворчала:

— Ты посмотри на него: не мог подождать две недели до праздника!

Рая танцевала в обнимку с платьем. Плиссированная юбочка кружилась каруселью. Ощущение волшебства переполняло до слёз.

— Надевай, Раечка, конечно, надевай! — улыбнулась мама. — Когда ещё отец такую красоту достать сможет.

— Вот они, женщины! Только одно платье подарил, так они уже о новом рассуждают!

— Да что ты, папулечка! Ты можешь мне долго-долго ничего не покупать! Спасибо тебе, преспасибо!!!

— Долго-долго — это, конечно, хорошо, но не обязательно. Руки-ноги есть, а трудящемуся человеку в нашей стране всегда работа найдется. Будут тебе ещё платья!

— Ну-ну, наобещаешь еще дочери! А у нас из мебели один шифоньер!

— Вот и наш казначей вмешался! — папа с улыбкой приобнял мать. — Я и не говорю, что каждый год. Всё купим, всё будет. А раз в пятилетку я обещаю моей дочери самое красивое платье. Уж если они там на всю страну могут планировать, то на своих девочек и я смогу.

Платье действительно хватило на “долго-долго”. Оно было длиннее на целую ладонь, брали “на вырост”. Мама заботливо подшила подол и каждый год отпускала по два сантиметра. Рая надевала платье только на самые важные праздники, и каждый раз все спрашивали родителей, где достали они своей дочке такую красоту.

Вслед за первым бирюзовым, Рая достала из шкафа шёлковое коралловое платье с кружевным накладным воротничком. Этим летом она видела такие воротнички у молоденьких девушек. Мода возвращается! Папа сдержал обещание: через пять лет он подарил ей это платье. Совсем взрослое, элегантное, с расшитым белым кружевом пояском. Мама в тот год совсем ослабла. Она лежала в комнате возле наряженной елки и любовалась на Раю: “Ты пока не надевай его никуда, впереди выпускной — будешь самой красивой!”.

А через три месяца первого апреля мамы не стало. На выпускной Рая, конечно, не пошла, да и в ближайшие полтора года не ходила ни на какие праздники. Настроения хватало лишь на вечернюю учёбу и работу днём в лаборатории института. Платье она надела только на втором курсе, на свадьбу брата. Зря надела: весь вечер хотелось убежать и вдоволь наплакаться, вспоминая тот последний мамин Новый год.

Вот и сейчас слёзы снова подступили, но теперь это были слёзы нежности и любви. Отболело. Рая неспешно вынимала свои сокровища: вот платье на окончание института. Бархатное, с коротким рукавом и широким поясом. Она тогда уже сама копила, откладывала с каждой полочки. И когда на Новый год отец подарил шкатулку для украшений, и не подумала напоминать ему про “пятилетку”. Но к ее удивлению, после удачной зимней сессии отец принёс точно такой же, как десять лет назад, сверток:

— Раечка моя, самая умная! Вот держи, пусть хоть этот выпускной будет для тебя счастливым! Новая жизнь у тебя начинается! Трудовая, полноценная, радостная!

Отец, так искренне и полно умевший любить свою семью, страну, работу, всегда верил в достойную жизнь каждого трудящегося человека. Он успел уйти из жизни до того, как страна начала разваливаться, а трудящиеся люди перестали получать зарплаты. Он подарил ей четыре восхитительных платья. Конечно, покупали и другие, обычные, как у всех. Но раз в пять лет в гардеробе появлялась настоящая красота.

Последний папин подарок был перед Московской Олимпиадой. Рая раздобыла билет на лёгкую атлетику: выменяла у Людки из чертёжного отдела на джинсы. Тогда она уже устроилась после института на ювелирный завод. Джинсы, конечно, было жаль, тем более, что у Раи они были одни, а у Людки несколько пар! Людкин брат работал каким-то чиновником в Министерстве, и ему билетов на Олимпиаду дали целую кучу. Свою сестру, как ни просили родители, он к себе пристраивать не хотел (глуповатая она была и очень болтливая), но регулярно откупался дорогими подарками. Тогда на заводе Людка чего только не выменяла на эти билеты, а себе оставила на закрытие, о котором потом ещё несколько месяцев трещала в каждом перерыве.

Всё равно Рая была счастлива: её знакомые надеялись посмотреть Олимпиаду только по телевизору, и то, если с работы будут отпускать. Ей и завидовали, и наставляли, как завязать знакомство: в свои «двадцать семь» она всё ещё была не замужем. В марте папа подарил ей польское летнее платье: сверху белое в сиреневую мелкую клетку с непривычно глубоким декольте, а от

пояса белое вразлет с сиреновой прострочкой на подоле. За столько лет Рая так и не смогла выведать, где и по чьему совету папа доставал ей такие модные и редкие наряды. На фоне девушек, неспешными потоками направлявшихся к стадиону, Рая заметно выделялась. На неё оборачивались, с интересом разглядывали, возможно, принимая за иностранку. И вот она сидит где-то на галёрке с армейским биноклем брата и разглядывает пёструю толпу зрителей: другие лица, иностранная речь, стойкий запах духов, инопланетного вида фотоаппараты. К ее удивлению, женщины из Западной Европы, обозначившие себя маленькими флажками Франции, Италии или Испании, в основном были одеты в тогда ещё не известные в Союзе платья-сафари, достаточно унылой расцветки, больше похожие на рабочую одежду. На стадион Рая смотрела редко: спорт её никогда особо не интересовал.

— Извините, что отвлекаю, но разве на трибунах тоже кто-то бежит? — высокий мужской голос донёсся откуда-то снизу. С переднего ряда на неё в упор смотрел смуглый молодой человек лет тридцати.

Рая покраснела, представив, как давно он на неё смотрит, а она водит биноклем по всей арене. Сколько её ни учили подружки, она совсем растерялась и не могла завязать беседу, только смущенно улыбнулась.

— Вот там, на девятой дорожке бежит мой друг. Ему нужна поддержка! — паренек говорил с сильным акцентом, дополняющим его образ волшебного принца.

— А я как раз туда смотрю. Я с удовольствием за него поболею!

— Не получится! — рассмеялся паренёк, — там всего восемь дорожек! Это шутка!

Рая смутилась еще больше.

— Меня зовут Марко! — паренёк, не обращая внимания на уставившихся на них соседей, продолжал кричать ещё громче. — По-моему бег — это очень скучно! А у вас в городе есть что-то интересное?

— Да, конечно. У нас очень красивый город! Много интересных мест и памятников архитектуры, — Рая говорила, как по учебнику. Она впервые общалась с иностранцем. В институте она видела индусов и африканцев, но ни разу к ним не подходила. Да это было совсем другое.

— А я в Москве в первый раз, бывал только в Ленинграде. Меня зовут Марко! По-вашему Марк!

— А меня Рая, — наконец поняла она его намек.

— Рая? Как там? — он показал пальцем в небо, — очень красивое имя! Покажете мне город после бега?

Рая почувствовала, как залилась краской, опустила голову и только украдкой кивнула. Оставшиеся пару часов она сосредоточенно изучала всё происходящее на стадионе, стараясь запомнить имена, дистанции и прочие детали, на всякий случай.

После соревнований Марко пригласил её в кафе рядом с ареной. Прохладные залы, живая музыка, за столиками много иностранцев, и Рая вместе с другими счастливицами! Хорошо, что не пожалела джинсы!

— А откуда вы знаете русский?

— О, я несколько лет жил в России! Четыре года учился в русской школе! Даже плохие слова выучил! Мой папа — он инженер, помогал строить фабрику в Тольятти. Мы там жили, но недолго, там сложно было со школой. Потом уехали с мамой в Ленинград, а папа к нам приезжал на выходные. Он строил фабрику автомобилей, у вас её называют завод. Знаете у вас наши машины “Фиат”?

— Кажется, не слышала. У нас есть “Волга”, “Жигули”...

— Вот-вот, эти ваши “Жигули” — это наш “Фиат-124”!

— Правда? Странно, никогда бы не подумала.

— Его немного поменяли: у вас проходило много испытаний разных машин. И нужен был завод. Да, это была грандиозная стройка! Завод создавали с нуля, тогда все детали везли из других стран! Папа рассказывал очень много смешных историй!

Марко так активно жестикулировал, что случайно толкнул бутылку с “Пепси-колой”: она покачнулась и со звоном упала на столик. Карамельная пена побежала сотнями пузырьков по стеклянной поверхности и мелкими водопадами потекла прямо на Раю. Мгновенно отскочив, она всё-таки не смогла уберечь платье: бурое пятно на глазах разрасталось на белоснежном подоле.

— О, простите! Какой я неуклюжий! Я просто разволновался от вашей красоты!

— Не отстирается... — Рая почти готова была расплакаться.

— Не переживайте! Всё будет хорошо! Как я мог расстроить такую потрясающую девушку!

Рая слышала его комплименты, но они её только злили. Иностранец — это, конечно, редкость, но такое платье в Союзе — редкость не меньшая. Да и Марко уедет через несколько дней, оставив лишь приятные воспоминания, а платье — она успела его надеть только один раз, а рассчитывала блеснуть в нём ещё на стольких праздниках!

— Вы так расстроились из-за этого пятна? Я обязательно куплю вам новое платье! Хотите — прямо сейчас? Пойдёмте, в любой магазин!

— В любом такого не купишь...

— Тогда мы купим ещё лучше! Самое красивое!

Конечно же, Рая не повела Марко ни в какой магазин. Не только потому, что ей хотелось произвести впечатление человека воспитанного, но и потому что прекрасно знала: хорошее платье в магазине не купишь. А объяснить это иностранцу невозможно. Следующие несколько дней Марко старался компенсировать свою оплошность: дарил цветы, катал на теплоходике и водил в кафе. Всё было так красочно и легко. А потом пришло время прощаться. Они стояли в аэропорту, не зная, увидятся ли когда-то снова.

— Ты мне, пожалуйста, пиши! Давай не потеряемся. Приезжай ко мне на Рождество!

— Это немного сложно.

— Почему? Ты отмечаешь Рождество с родными?

— Нет, что ты, мы Рождество не отмечаем.

— Тогда что же? Лететь всего три часа до Рима, а там я тебя встречу и дальше на поезде!

— Сложно выехать. Для этого нужен повод.

— А я разве не повод? Это ты нашла повод отказаться. Я думал, нам с тобой хорошо?

— Марко, ты смешной! — она нежно держала его за руку, иногда боязливо озираясь. — Мне очень понравилось с тобой общаться. Нужен повод, чтобы разрешили выезд из страны. Ты же знаешь, у нас с этим сложно.

— Но у тебя очень важный повод: я должен купить тебе новое платье! Так им и скажи! — он широко улыбнулся и поцеловал её при всех.

В Италию она к нему так и не доехала, но их общение продолжилось в дружеской переписке. Пятно, кстати, не отстиралось, и на платье пришлось сделать кармашек. Сейчас Рая с улыбкой разглядывала эту “доработку”, а тогда жарким летом 80-го она в отчаянии обегала не один магазин тканей, чтобы найти лоскуток подходящего сиреневого цвета. Оно того стоило: платье до сих пор выглядело вполне свежо, а ведь она его носила несколько лет, бережно стирая детским мылом.

Марко сдержал обещание: он всё-таки подарил ей платье, пусть и через десять лет. Замечательное, наверное, самое роскошное из тех, которые ей дарили. Марко приехал в девяностом. Тогда Рая уже решила отказаться от идеи с пятилетками: слишком сложно стало доставать вещи в перестройку. Страна ждала перемен, все были и истощены, и воодушевлены одновременно. Вот-вот должно было всё наладиться, и Рая решила просто подождать, когда страна, наконец, заживет свободно и богато, каждый день обсуждая эту будущую новую жизнь с коллегами в перерывах.

К тому времени Марко уже был разведён и по выходным воспитывал сына. В письмах они рассказывали друг другу обо всех жизненных поворотах, и когда Марко выпала возможность приехать в Россию, он за два месяца начал писать Рае о том, как они будут проводить время.

Они сидели в каком-то ужасно дорогом ресторане. Как и много лет назад, здесь тоже слышна была иностранная речь и хорошая музыка. Марко не столько постарел, сколько стал более мужественным. Он был наголо выбрит, но это ему удивительно шло, подчеркивало элегантность. Голос его стал ниже и мелодичнее, хоть на этот раз они больше молчали, нежели говорили. Вроде и так всё знали. Или, может быть, их жизни стали столь непохожими за эти десять лет... Рае казалось, что она выглядит и ощущает себя гораздо старше Марко. От этой мысли и странной роскоши, существовавшей в её же стране, но где-то в параллельном, закрытом для неё мире, она начинала стесняться и даже раздражаться.

— Я снова предлагаю тебе приехать в Италию. Ты хочешь?

— Марко! Ты такой импульсивный! Мне очень приятно, но такие вопросы нужно хорошо обдумать.

— Я много думал. Я предлагаю тебе приехать насовсем. Или хотя бы на месяц, чтобы присмотреться.

— К чему?

— Рая, мы можем с тобой жить вместе. Мы много знаем друг о друге: характер, хобби, особенности работы, любимые вещи. Совместная жизнь — это не страсть, как я теперь понял. Это — взаимопонимание. Я много думал, Рая. Мне кажется, мы очень хорошо друг друга понимаем, чувствуем. Я постоянно практикую русский: у нас в компании много ваших эмигрантов. Как видишь, мы легко общаемся.

— Марко, это, конечно, звучит заманчиво. Но что я там буду делать? Где я найду работу?

— Я достаточно зарабатываю. А в Италии женщина может не работать, и её не будут осуждать.

— Дело не в осуждении, а в том, чем я буду заниматься?

— Чем? Ты будешь заниматься домом, своим мужчиной. Ты наверняка хорошо готовишь. У меня много родственников и друзей, они будут приходить к нам в гости. Ты будешь заниматься собой. Как все женщины: ходить в парикмахерскую и на массаж, покупать фрукты на базаре, что-нибудь шить, гулять с собакой.

— У тебя появилась собака? — Рая машинально поддерживала ход его беседы, как будто и не воспринимая всерьез обрушившееся на нее предложение.

— Нет, но я бы хотел. Я сам часто бываю в разъездах, ты же знаешь. Очень хочется приезжать домой, где тебя ждут. Ты понимаешь?

— Понимаю. Я бы хотела английского дога... Это такие высокие с острыми ушами, знаешь?

— Нет, большого — это неудобно. Ему нужно много места и он слишком много ест.

— Да, ты прав... — Всё это звучало так странно, как будто с киноэкрана. Ещё несколько лет назад Рая фантазировала о том, как Марко предложит ей выйти замуж. Как в фильмах — встанет на колени и откроет маленькую бархатную коробочку. Но сейчас... Всё-таки они такие разные... — Я не знаю, Марко...

— Я тебя не тороплю. Просто приезжай сначала хотя бы на две недели. Если нужно — я куплю тебе билет. А потом, если ты захочешь остаться, ты сможешь оформить себе документы. У вас сейчас всё очень сложно, этим можно воспользоваться, чтобы получить убежище. Подумай, у нас есть время. Но всё-таки мне бы не хотелось затягивать, я устал жить один.

Целую неделю они ходили вечерами гулять, потом ехали на ночь к нему в гостиницу, скучный интерьер которой возмущал Марко. Рая стеснялась привести его к себе в ещё более скудно обставленную квартиру.

На прощание Марко вручил ей бордовую коробку с золотой лентой:

— Я хочу, чтобы ты прилетела ко мне в этом платье. В аэропорту все будут смотреть только на тебя...

Это платье Рая помнила хорошо, хотя не разу его не надела. Желтое с золотыми нитями, струящееся почти до самого пола. Платье даже пахло чем-то заграничным, сейчас уже и не вспомнить точно. Она его “съела”. Вскоре после отъезда Марко Раин завод вместе с лабораторией закрыли, а через пару месяцев сотрудники перестали строить иллюзии, что кто-то о них позаботится. Рая обнаружила, что её профессия новой стране не нужна. И образование тоже оказалось невостребованным. Стране нужны были продавцы, вышибалы, официанты, бандиты. Первые полгода получалось протянуть на сбережениях. А потом пришлось продать платье. Оно прокормило Раю ещё добрых три месяца, хотя и очень скромно. Но за это время удалось устроиться учителем в школу. Зарплата, конечно, мизерная, но хоть какая-то. Рая не очень понимала, как работать с детьми, переживала первое время. Но дети быстро к ней привыкли, а через год появились частные ученики.

Что же касается Марко... Во всей кутерьме и страхе девяностых, тот разговор превратился для Раи в какую-то добрую сказку. Очень старую, почти забытую. Марко напоминал о себе письмами и фотографиями. Но каждый раз, перечитывая их, всё сложнее ей было представить себя бесцельно расхаживающей по солнечным улицам или лежащей на диване в ожидании “своего мужчины”. О чем им говорить? Чем заниматься вечерами в его маленьком городке? Что делать целыми днями, когда он будет в командировке? Да и можно ли всю жизнь поменять теперь... Она откладывала и от-

кладывала решение. Ведь он всё-таки слишком “чужой”, чтобы стать близким человеком. А Марко спустя пару лет снова женился, потом через четыре года развелся, всё так же продолжая звать её в Италию, хоть и с меньшей настойчивостью.

О продаже золотого платья Рая не жалела: как будто и не для неё оно было — про какую-то другую жизнь. А о Марко намного лучше напоминало то самое, олимпиадное. Рядом с ним в шкафу висели два самых невзрачных “экспоната”. Первый — подарок брата в восемьдесят пятом. После смерти отца он хотел продолжить традицию и привёз из Латвии что-то вроде сарафана. Со вкусом у брата было намного хуже, чем у папы, но сама забота очень трогала, и Рая подарок сохранила, надевая для простых выходов в магазин. Второе платье она купила сама в девяносто пятом. Денег заранее не накопила, потому и платье пришлось купить простое. Хотя для школьных праздников оно было в самый раз. После этого Рая решила обязательно откладывать с каждой зарплаты по чуть-чуть.

И вот в 2000-м, Рая со старшими классами поехала в Чехию. Там девчонки, конечно же, вывели про её коллекцию. Платье выбирали всей группой. Ученицы приносили ей в примерочную лучшие, а потом Рая, смущаясь от такого внимания, выходила к ним, как на подиум, и терпеливо слушала комментарии. Выбирали два дня, казалось, обошли все магазинчики Праги. Раю до слёз трогало такое внимание. Остановились на серебряном вечернем платье с рукавом три четверти. Пришлось разориться и на туфли. Рая вздыхала, что и носить эту красоту некуда, на что девчонки шутливо обижались: а разве их выпускной не повод.

В школе слух о её традиции “платьев-пятилеток” быстро долетел до учительской. Да и наряд из Чехии пришлось показать. На выпускном вечере платье действительно смотрелось шикарно. “Рая Максимовна, да от вас глаз не оторвать!” — слышала она от многих. Тем теплее ей было, что эту вещь выбирали её ученики.

А спустя три года на её юбилей коллеги преподнесли сюрприз — платье в стиле индийского сари удивительного незабудкового цвета. На такое она сама бы не рискнула и посмотреть! Не по возрасту оно казалось, да и какое-то сказочное. Даже сейчас она доставала его с особым трепетом, но вдруг на плече заметила зацепку.

— Э-эх! Это всё, небось, ты, старый скрипун! О твои петли, наверное, задела. Придется вправлять. Шёлк-то, вон какой, нежный, как бы следов не осталось.

Рая бережно отложила сари на кресло и потянулась к последней вешалке. На ней висело приятное сиреневое платье в мелкий серебристый цветок. Красивое. Но совсем “бессюжетное”. Рая смотрела на него и не могла вспомнить ничего примечательного, что сопровождало бы покупку или вообще тот 2010 год. Вроде бы и деньги отложены были, вроде и выбирала долго. А вот вспомнить нечего...

* * *

Шкаф был разобран и протёрт, петли смазаны, зацепка успешно спрятана. Рая принесла с кухни чайник, чашку и коробочку с безе, расставила на столике, села в мягкое кресло и включила телевизор. “Голубой огонёк” уже начался.

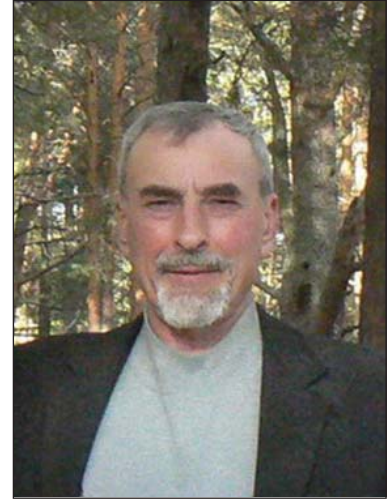
— Ну, вот и год прошёл. В понедельник магазины откроются, надо будет сходить примерить то кружевное с накидкой.

Поэзия

Геннадий Сазонов

Родился 1950 году в Тверской области. Окончил Ленинградский государственный университет. Публиковался в журналах: «Воин России» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Аврора» (Санкт-Петербург), «Дон и Кубань» (Ростов-на-Дону), «Алтай» (Барнаул), «Москва» (Москва), «Журналист» (Москва), «Домовой» (Тверь), «Пятницкий бульвар» (Вологда) и др. Автор 20 книг поэзии, прозы, публицистики, лауреат ряда премий и конкурсов.

Раненый бор*

Поэма

1

Преданьем предков
Манит косогор,
О тайнах разных
Он молчит до срока —
Пока не позовет
Сосновый бор.
И вот стою я
У его порога.

И встречу здесь
Покой сторожевой,
И дятла стук,
И мха ковер скрипучий,
А в глубине —
И сумрак вековой,
Где отдыхают
Молнии и тучи.
Дождем умытый
Чисто — до иглы,
Бор загляделся

Утром в поднебесье.
А сосны песню
Мне приберегли —
Люблю
Их нестареющую
Песню!

Про жизнь земли,
Про волю и про нас.

Пленен чарующей
Зеленой речью,
Я от вершин
Не отрываю глаз,
Как будто там
Лесов российских
Вече!

2

Сюда пришли,
Под светлые лучи, —
Сосновая гряда от Селигера,
Сибирские литые кедрачи,
И кущи достоправные Мещеры;
Печорской пармы дивные стволы,
Да Пинежские лиственницы-девы,
И Брянские еловые углы,
Башкирии березы, как напевы;
И тот, кого считали, что пропащ,
Не подавал он о себе известий, —
Высокий вереск Новгородских чащ!
Осокори, осины всех предместий,
Ольха и ива, тальник и кусты —
Всех перечислить даже не сумею!, —
Являли образ Мира, Чистоты,
Сроднённые фантазией моею!
Шумело Вече, как шумит базар,
На языке листвы неслось по свету:
«Мы — ваша жизнь, и этой жизни — дар,
Ценнее дара не было и нету!»

* Журнальный вариант, обновлённый.

И Вече призывало нас к добру,
Напоминало — мы во всем едины.
Заворожено я стоял в бору,
И мне являлись новые картины.

3

Я прикипал к зелёному огню.
Веками время в кронах шелестело.
И вслед за ним, зовя свою родню,
Душа тонула в сини без предела...
Вдруг слышу звуки — нежны и близки,
Славянка пела о любви зовущей.
И спрашивала песня у реки:
«Придет ли друг из сумеречной пущи?»
Он уловил значенье редких слов.
Дела оставил, вышел на поляну.
Ждала славянка. Лился из цветов
Душистый запах, аромат медвяный.
Цвела их встреча дивной красотой,
Ее, как колыбель, трава качала...
И, может быть, в любви далекой той
Лежит мое извечное начало!
От их любви, душевного огня,
Во мне горит свеча неугасимо:
Всеми живому поклоняюсь я,
Сквозят пристрастия другие мимо.
На склоне дня, срывая васильки,
Славянка шла в родимые пределы,
И все в ней пело: бор, и плеск реки,
И поцелуй, что в дрожь бросает тело!

4

Присел под сосною в тени,
А песня славянки звенит:
«Любовь моя ежечасная,
Сильнее, чем в речке вода,
Милый, золотко ясное,
Будь со мною всегда!
Любовь моя — цвет зеленый,
Обнимет тебя везде:
В бору и на горном склоне,
И не отдаст беде.
Любовь моя — цвет лиловый,
Жить не могу, не любя,
Только расстанусь, и снова
Видеть хочу тебя.
Любовь моя — цвет небесный —
До глубины — чиста!
Милый, тоскую в песне,
Как сладки твои уста!
Летят под копытами искры
У твоего коня.

Милый мой, сокол быстрый,
Не забудь меня...»

5

И чудилось — куда я не взгляну —
Костры, повозки на глухих полянах.
Сюда, кляня разбойную войну,
Бежал народ от ворогов поганых.

О, русская земля!
К тебе с мечом
Шли все, кто падок
До чужого злата,
До грабежа с насильем...
Только в том
Вина твоя —
Что ты была богата!

Когда война крушила наш порог,
Когда деревни пожирал пожар,
Лес Русь родную от беды сберёг —
Укрыл от поруганья татар.
И где неслась разора кутерьма,
Где ухо резал азиатский гам,
Там, как грибы, росли опять дома,
Назло грядущим вора и врагам.

О, русская земля!
Твой дикий лес,
В просторах, где ветра
Про смерть поют,
Являл собою чудо из чудес —
Обогревал, душе давал приют!

Как поредел в родной он стороне!
Страдания народа и потери
Живут в веках, живут в любой сосне —
И тайнам бора я охотно верил.

О, русская земля!
Твой светлый вид
Рождает трепет,
Прогоняет стужу.
И пусть мой бор
Завещанный стоит —
Он, как София в Вологде,
Нам нужен!

6

И в глубь веков несло меня опять!
Когда хоромы божеству воздвигли,
Задумались: «А как же их назвать?».

Сказал один: «Да спорить мы могли бы!
Но предлагаю, не ходя в Царьград
К мудрейшим за советом, кончить спор:
Назвать наш храм, и всякий будет рад,
Сосновый бор, а коротко — «собор»!
Сияй в веках творенье мастеров:
Там мастер — человек, а тут — природа.
Она нежна, он по-мужски суров.
Но их роднит поэзии свобода!

7

Воистину зовет зеленый храм —
Унылых, и поверженных, и блудных,
Смысл позабытый возвращая нам:
«Ты светом жив,
Как не жилось бы трудно!».

8

С души снимаю напряжение,
Когда войду в сосновый бор.
И вся она придёт в движенье,
С привычных снимется опор!
Бодрит настой из свежей хвои,
Целебным чудом входит в грудь.
И отступают беды, хвори
И неудачи — хоть чуть-чуть!
Легко! Пустой сердечной лени,
Как червь сосущий, — нет во мне.
И груз тревог без сожалений
Дарю я кронам в вышине.
Взамен возьму, и не раскаюсь —
Шум древних сосен, птичий смех.
И заблужусь, и потеряюсь
На час, а, может быть, на век!

9

Но всё же не сгину я где-то,
Прошу тебя, друг мой, всерьёз:
Беги сквозь зелёное лето
В мой бор — по тропе вдоль берез.
Поверь в наважденье такое,
Отринь самомнение и ложь.
В прохладе лесного покоя
Ты радость и мудрость найдешь.
Она — этот бор, эти тучи,
Она — в лепетаньи ручья,
И в ландыше майском пахучем,
Когда его нежность ничья.
И вот, соучастник цветенью
Простора, что сердцу пригож,
Ты — вечен, не предан забвенью,

Пока бор с рекой бережешь!
Природу ломая на части,
Железом круша естество,
Себе не прибавим мы счастья,
А только убавим его!
Почувствуешь, как постепенно,
Назло перепадам в судьбе,
Душа из житейского плена
Спешит к первородной себе!
Как радостно с травами слиться,
С дыханием веток и птиц,
И сам ты — как будто частица
Простора без зла и границ!

10

Но безмятежности моей
На этот раз не повториться —
Раздался рядом плач ветвей,
Бор вскрикнул раненою птицей!
Сквозь слезы из зелёных глаз
Тоска предсмертная сквозила.
Кто посягнул в тиши на нас?
Что за неведомая сила?
И я увидел: будто враг,
Прошёл в нём жёсткою стопою,
И превратил бездумно в прах
Всё, что дышало красотой!
Брусничника и мха узор,
Как будто ведьмой, перекручен,
А сосны — их не брал топор —
Навалены с корнями в кучи.
Везде от трактора следы,
Как от ножа бандита, раны.
И в ямах сосны из воды
Торчали жалобно и странно.
Там, дальше — ров с густою жижей
Безжалостно разрезал бор,
Чтобы засох он и не выжил.
Но бор шумел — наперекор!
Там, рядом — просека-стрела,
Вонзившись в дальнее болото,
Грозь всё иссушить дотла,
Зловещее таила что-то.
И бора шум про старину
Уже не радовал загадкой,
Как будто яда я глотнул —
Так стало муторно и гадко!
Я сел на пень у шалаша.
Живые — губим мы живое,
Корёжим, рвём... А где душа?
Смолчит? Или, рыдая, вззоет?

11

Сколько верила, сколько любила —
 Нет, казалось, износа тебе!
 Надломилась народная сила —
 Расплескалась в борьбе и гульбе.
 Одолела врага-супостата,
 Что полмира повел на тебя.
 Ввысь стремилась легко и крылато,
 А случилось — живешь, не любя.
 Шайка алчных людишек нервозных
 Истребляет народную плоть,
 И желает, насколько возможно,
 Её силу совсем размолоть!
 Что вы с бором наделали, братцы?
 Дух могильный летит над страной.
 Неужели совсем не подняться
 Соснам, что здесь гудели стеной?
 Надломилась народная сила.
 Так уж было — текли реки вспять.
 Но терпела и силы копила,
 Чтобы недругов вновь поражать.

12

Возле ног муравей, не спеша,
 Нес былинку какую-то споро.
 Наклонясь, я спросил мураша:
 «Как беду отвести мне от бора?»
 «Задаёшь, — отвечал, — не пустяк!
 Мы всё видим, страдаем во гневе.
 Человек стал природе как враг:
 Он забыл, что рожден в её чреве,
 Он забыл, что она — наша мать,
 В самомненье не знает предела.
 Понимать — посложней, чем ломать.
 Созидать — вот великое дело!».
 И пополз по тропе, не спеша,
 Волоча за собою былинку.
 Но не стала спокойней душа.
 Я припомнил другую картинку.

13

Исчезли очертанья берегов —
 вода и небо, пена облаков!
 Как радостно, что ехал я домой,
 Что радуга живая за кормой!
 Упрямо резал воду теплоход.
 А я глядел в простор,
 Где вдруг мелькнёт
 То остов колокольни, то сосны —
 Затоплены безжалостно они.
 С трудом представил,

Что когда-то здесь,
 Косили, по грибы ходили в лес.
 Не сам ли я поляною ходил,
 Теперь она — глубокий вязкий ил!?
 Где над лугами нежилась заря —
 Разлиты бедоносные моря!
 Ни городов, ни сел, ни даже троп —
 Как бы библейский
 отшумел потоп!
 Темнел вдал широкий водный путь.
 А что под ним?
 Не вспомнить, не вернуть!
 Но память невозможно обмануть,
 Не затопить водой, не зачеркнуть!

14

Сушь погнала волну от порога,
 И преступная тайна видна:
 Мертвый город — райцентр Молога,
 Жутким призраком вышел со дна.
 Центр размыт, там могильные плиты,
 Храмы взорваны, кучи из дач;
 Из глубин долетал не забытый
 Душ загубленных режущий плач.
 Триста добрых крестьян, не желая,
 Покоряться безумству властей,
 И, надеясь, что власть к ним не злая,
 Не ушли из родных волостей —
 От домов, от лугов, от уклада
 «Не согласных — под воду, за борт,
 Так им, лаптям навозным, и надо!» —
 дал команду кожан Рапопорт.
 Загудела водища, всё шире
 Поглощала людей и стога,
 Затопляла и лучшие в мире
 Сенокосные чудо-луга,
 Деревеньки и сёла, и храмы,
 И усадьбы известных дворян,
 И леса, что стояли упрямо, —
 Все накрыл «рапопорт-океан».
 Кто оплатит народу долги?
 Себе сами мы точно враги!

15

Эй, царь природы, властелин!
 Мертвы озера, рощи редки...
 Но знай: ты в мире не один —
 Грозят потомки, плачут предки,
 И мириады бывших глаз,
 Из тьмы пронзят тебя печально,
 Их гнев и боль сольются враз
 В стихии дикой изначальной.

Не ты ли, в жажде всем владеть,
 Себя забыл, предал их души?
 Ты — лишь звено в цепи. И смерть
 Суда потомков не заглушит.
 Мой бор с надрывом голосит,
 И стонут сумрачные дали.
 Печали этой на Руси
 И в годы худшие не знали!
 Кровавый наш двадцатый век
 беды не обещал в начале —
 И пили все из чистых рек,
 и бором душу врачевали.
 И, как святые закрома,
 Леса нам предки передали,
 Где дичь жила,
 Где ягод тьма,
 Где рощи топора не знали.
 Взгляни вокруг, о, властелин!
 Что ты другим оставил ныне:
 В лесу, в болоте — дух пустынь,
 И дух болот стоит в пустыне.
 И суд грядущий не простит,
 Что жил ты дьяволом всеильным.
 И за духовный дефицит
 Ценой расплатишься обильной.

16

Смерть раздела березы и ивы,
 И увидели мы без прикрас,
 Как Чернобыль — сто атомных взрывов —
 Нашу ложь засветил и растряс!
 Ядовитые птицы пожара
 Далеко разметали крыла —
 И на север, до Сыктывкара,
 Радиация эта дошла!
 Все мы жуткого горя попробовали.
 Но откуда холопство опять?
 Ведь в России другие Чернобыли
 Мы стараемся не замечать.
 Наши реки, озера отравлены.
 Наши села без жизни — страшны.
 Будто чьей-то рукою направлены
 Сюда беды похлеще войны!

17

Извини, я опять говорю о больном:
 Вырастают березы на поле льняном,
 И за речкою фермы без всякой войны
 В груды хлама превращены.
 Там, где юности дни зеленели, цвели —
 Исчезают селенья с родимой земли,
 Ни домов, ни названий. Туда не пройти —
 Встал олешник стеною на бывшем пути.

Кисляково, Обухово, Рогачево —
 Пусто там! Нет от них ничего!
 Русь издревле не знала сей мирный недуг:
 Будто впился в неё преогромный паук,
 День и ночь её тело он жадно сосет,
 Пожирая деревни, поля и народ.
 Кто пригрел, кто впустил паука-хитреца?
 Паутинному плену не видно конца.
 Извини, я опять о больном неспроста —
 Без деревни и жизнь, как игрушка, пуста!

18

Полонила осока реку
 Заросло её буйное русло...
 Я стою на родном берегу
 И до слез мне обидно и грустно.
 Бор печально притих за спиной,
 Как два друга молчим, безутешны.
 Не зыграет речушка волной,
 Не вспоит её паводок вешний.
 Где когда-то плотинка была,
 И шумел водопад невысокий,
 Словно смерть торопливо прошла —
 Тина, грязь... И стеною — осока!
 А залётный водитель и рад,
 Он купает машину в протоке,
 Масляные круги по воде колесят,
 Помутнел её взгляд волоокий.
 Побросал в речку хлам
 И пошел босиком,
 А следы на песке —
 Будто с когтями лапы.
 И ярится вода,
 и своим языком
 Закричать и заплакать могла бы!

19

Где внизу по теченью село, —
 Жил безбедно начальник ретивый.
 Ему в голову как-то взбрело,
 Будто речка течет... «очень криво».
 Двинул технику он к берегам,
 И спрямлял их с усердьем немалым.
 «Щедро вас одарю, — говорил землякам, —
 Будет рыбы в запруде навалом...».
 А плотину от дедов — на слом,
 И как память, ее утопили.
 Бурно речка пошла напролом —
 На запруду бетонную в иле.
 А потом в одночасье сдалась,
 Потекла, будто пленница, тише.
 А начальник — на то он и власть —

На ступеньку поднялся повыше.
Не сбылось обещанье его —
Рыба в тухлой воде не водилась.
Но как будто бы колдовство,
По округе отсюда шла сырость.
Я стою, где запруда была,
Слышу, будто зовет меня кто-то.
Нет красивой реки у села,
Вместо луга с цветами — болото.

20

Я — волгарь, и по Волге я плачу,
Переделанной грубо в моря.
По Двине и по озеру Лача,
И по Ладоге светлой я плачу,
Все они — боль моя, боль моя!
Сколько речек-красавиц стреножили,
Сколько рек, как заложниц судьбы,
Переделали, перекорёжили,
Чтоб печали их
вас не тревожили.
Но они — не рабы, не рабы!
В светлых храмах, где пенье летало, —
Мусор, грязь, иль решетка тюрьмы.
Эти целы! А скольких не стало!

И страна от бесчестья устала,
Вопиёт: «Кто же мы, кто же мы?».
Я волгарь, и по Волге я плачу,
Переделанной грубо в моря.
по Двине и по озеру Лача,
и по Ладоге светлой я плачу,
Все они — боль моя, боль моя!

21

«Не глумись, если пьешь из колодца!» —
вспомню мудрость народную вновь.
Мы уходим — Земля остается,
Несравненная наша любовь!
Нет другого соснового бора,
Жизнью этот подарен, — люби!
И былинного нет косогора,
Где за речкой живут соловьи.
Не от счастья ли счастье мы ищем?
Словно где-то в запасе у нас
И луга, и боры, речек — тыщи.
Только призрачен этот запас!
Отдыхать опускается солнце,
Ночь на сосны бросает покров.
Все проходит — Земля остается,
Наша память и боль, и любовь!

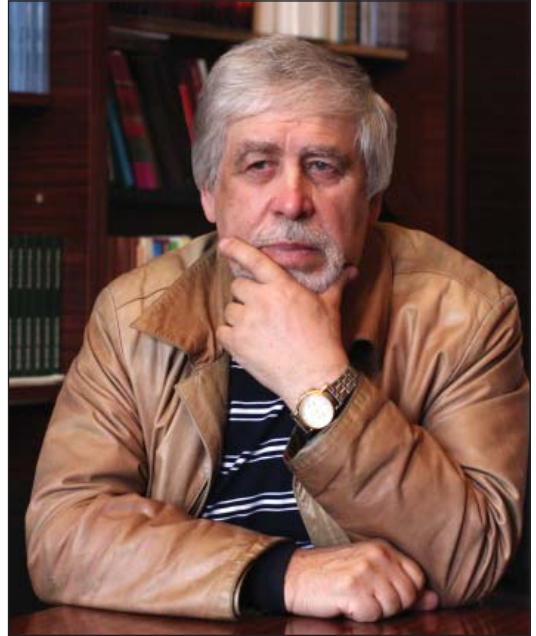
1982-2009 — 2016 гг.

Поэзия

Владимир Скиф

Скиф Владимир Петрович родился в 1945 г. в пос. Куйтун Иркутской области. Автор 25 книг: *Зимняя мозаика* (Иркутск, 1970); *Журавлиная азбука* (Иркутск, 1979); *«Живу печалью и надеждой»* (Иркутск, 1989); *«Копьё Пересвета»* (Иркутск, 1995); *Над русским перепутьем* (Иркутск, 1996); *Золотая пора листопада* (Иркутск, 2005); *Письма современникам* (Иркутск, 2005); *Русский крест* (Серия «Библиотека лирической поэзии «Золотой жираф», М., 2008); *Молчаливая воля небес* (Иркутск, 2012); *Все боли века я в себе ношу* (Иркутск, 2013); *Перевод «Слова о полку Игореве»* (М., 2014), *«Скифотворения»* (Иркутск, 2014), *«Где моей скитаться грусти»* (Иркутск, 2015), *«Байкальское Переделкино»* (М., 2015), *«Где русские смыслы сошлись»* (Серия «Библиотека российской поэзии», СПб., 2016) и др. Член СП России. Секретарь

Правления Союза писателей России. Член Приёмной коллегии Союза писателей России. Член редколлегии журнала «Подъём», зав. отделом поэзии журнала «Сибирь» (Иркутск). Лауреат Международных премий им. П. П. Ершова (2009), «Имперская культура» им. Э. Ф. Володина (2014), «Югра» (2015), Лауреат Всероссийских литературных премий «Белуха» им. Г. Д. Гребенищикова (2013), им. Николая Клюева (2014), Лауреат премии издательского дома «Российский писатель» (2014), Лауреат премии журнала «Наши современники» (2015), трижды лауреат Губернаторской премии (2010, 2011, 2015). Живёт в Иркутске.

* * *

Скрипит вселенская рессора,
Повозка времени скрипит.
Меж сном и явью нет зазора,
И потому весь мир не спит.

Достигший перенаселенья
На всей земле,
он ждёт, когда
Начнётся светопреставленье,
Взорвутся скалы и вода.

Взовьётся лавою Везувий,
Проглотит старца и раба.
И никого не образумит
Помпеи гибельной судьба.

Не станет силы у природы
Спасти народы и леса.
И будет много всем свободы
Уйти навечно в небеса.

С Чеховым

Опять по небу длинно-длинно
Плывут живые облака.
— Откуда вы?
— Из Сахалина! —
Слова упали сквозь века.

Неужто с острова? Оттуда,
Где шёл я с Чеховым в туман,
И сполохом большого чуда
В меня вливался океан.

Он — то разнuzданный, то льстивый
Щенком ложился подле ног.
А Чехов тихий, не спесивый,
Мне говорил: «Суров восток,

Порой жесток. Тут не до смеха.
Я с ним пытаюсь говорить...»
И замолкал смиренный Чехов,
Забывший спорить и острить.

Мы с ним по берегу бродили,
Где в синеве закат дрожал...
Как будто в норы заходили,
В землянки хмурых каторжан.

Он знал их многих. Перепиской
Он занимался много дней,
Лечил, расспрашивал о близких
И становился им родней,

Чем те, кто дома ожидали,
Или не ждали: время — дым...
Но видел Бог — они страдали,
И Чехова направил к ним.

В бою

Я каждый день живу в бою,
В атаке неприкрытой.
Я вижу Родину мою
Развенчанной, убитой.

И я с утра вступаю в бой
Со злом и фарисейством,
С чиновной сворою тупой,
С холуйством и плебейством.

Порою, загнанный, как зверь,
Смотрю в окно слепое
И задыхаюсь от потерь
Проигранного боя.

А рядом тысячи врагов
Идут за мной по следу,
Готовят лёд глухих оков
И празднуют победу.

Не спят мои леса, поля,
Свод неба нависает.
Меня родимая земля
Находит и спасает.

Стою, к Байкалу прислоняясь,
И посреди планеты
С ним чую родственную связь
Повстанца и поэта.

Я на победное крыльцо
Взлетаю легкокрыло
И в бой иду. Своё кольцо
Не зря ты подарила.

* * *

Я себя совершенно не знаю,
Может, чернь — я,
а, может быть, — знать.
Среди многих и прочих, страдая,
Я пытаюсь себя распознать.

Я себя совершенно не знаю
И гадаю порою: кто я?
А любовь моя — рана сквозная,
А любовь — гильотина моя.

Я себя совершенно не знаю,
Постигаю себя каждый день.
Рядом — кто-то... Ты кто, дорогая?
— Я твоя безутешная тень.

У меня покосилось сознание,
И сказал я себе или всем:
— Я себя совершенно не знаю
А тебя я не знаю совсем.

И ответила тень: — Я похожа
На тебя всею кровью своей,
Всею болью,
любовью,
всей кожей.
И тогда-то поверил я ей...

Восьмитомник Блока

Неужто я — предатель Блока?
Я путь свой к Блоку начертал,
С ним был и жил. Я видел Бога!
Но как-то бедствовал жестоко,
Чуть было Блока не продал.

Его могучий восьмитомник
Уже в коробку отгрузил,
Уже отправил на подъёмник,
Но Блок — учитель мой и скромник —
Мне из коробки погрозил.

Нет, не грозил! Но я увидел,
Как он плечами вдруг поник.
Неужто Блока я обидел?
И я — себя возненавидел
И — неуклюжий грузовик.

Прости меня, великий гений!
Я, как летучую звезду,
Без колебаний и сомнений
Твоё собрание сочинений
Догнал и сдёрнул на ходу.

Мой восьмитомник, обещаю
Хранить, как тайну, твой огонь,
Где Незнакомка очищает,
И мне грехи мои прощает
Христа пробитая ладонь.

Я равным той силе не буду,
Что тайной гудит в языке,
Но рад я великому чуду,
Что светит в библейской строке.

* * *

Не упасть бы, не разбиться
Посреди разломов дня.
Расхитители, убийцы
Тайно смотрят на меня.

Им неведомо, наверно,
Что испытан я собой,
И надеждою безмерной,
И бессмертною судьбой.

Что ведёт меня прямая
Сквозь разломы бытия.
...Я-то знаю, понимаю:
Для врагов — загадка я.

Катится жизнь моя по переулкам
Доли моей, моей странной судьбы.
Катится время то тихо, то гулко,
Мимо проносятся тучи, гробы,

Женщины-омуты, тёмные годы,
Нежные связи, пустые дома,
Остовы леса, небесные своды...
Катится в омут Россия сама.

Я цепенею под свисты и гулы
Вёсен летящих, немеющих зим,
Боли народа. Светло мои скулы
Станным предвестьем
ночных Хиросим.

Снегопад

Был свет на улице потушен...
Вдруг с неба рухнул снегопад.
Ах, нет! С небес летели души
Убитых на войне солдат.

Я думал, что летят снежинки,
Минуя Лондон, Амстердам,
А это души, как пушинки,
Летели к русским городам.

Летели души и искрились,
Дымилась рощи и поля.
Их было столько, что покрылась
Летучим саваном земля.

Я видел — это были жизни
Солдат, погибших на войне.
И дрожь прошла по всей Отчизне,
И болью вскрикнула во мне.

Сыплет черёмуха палевым цветом,
Сыплется каждый её лепесток.
Если бы не был я нежным поэтом,
Я бы тоски и любви не исторг

К небу и полю, к дремучему лесу,
Что истязает подлец-человек.
Палит тайгу, превращается в беса
Жжёт свои лёгкие, губит свой век.

Плачет земля и кровавит рябиною
Стёжки-дорожки, дымится тайга...
Родина милая, неистребимая,
Не умирай под напором врага.

Суть человечества падшего странная,
К смерти оно совершило бросок...
Не уходи, моя роща желанная,
В тёмную небыль и в мёртвый песок.

* * *

Я — русского мира поборник,
Пришедший к нему на века.
Я — стражник, радетель и дворник
Живого его языка.

Пластинка

1

Пластинка моя, как судьба, долговечная.
Пластинка моя — вечеринка моя.
Вдруг ты появилась — девчонка беспечная,
Упавшая с неба, чтоб высмотрел я

Живые глаза, в коих огонь вылетающий,
Сжигает дотла, призывает любить.
Я жизнью избитый и сердцем не тающий,
Не смог ни пластинки, ни глаз позабыть.

Пластинка, будь нежной и долгоиграющей,
Как в юности жизнь, что нельзя покарать...
Мне в жизни греметь.
Жизнь беспечная та ещё,
Где мне веселиться, в любви угорать.

Пластинка из детства пропавшего катится,
Где летнего запаха пряный настой.
Там песни и боль, там желаний сумятица,
Там солнца пластинка и сон золотой.

2

Пластинка, пластинка. Звучали то Глинка,
То Григ, то Вивальди. Утёсова хрип.
Но в тёмной ночи разбивалась пластинка,
И дыбилось время, как атомный гриб.

Я время царапал в скучающем классе,
Крутилась земля, просыпалась семья
И пела: «Давно не бывал я в Донбассе»,
Хрипела: «Тянуло в родные края...».

И первые рифмы сквозили так рано,
В ночи учащённо дышала земля...
Пахнуло горячей резиной с Майдана,
Жабрей, как татарин, стремился в поля.
Что стало с Донбассом, скажи мне, пластинка?
На съезд верлибристов я ездил в Донецк,
А нынче другая предстала картинка,
Где взрывы и танки... Неужто конец

Тебе, моё доброе воспоминанье,
Тебе, мой усталый и верный Донбасс?
И где же ты, детства живое дыханье,
И где ты, пропавший во времени, класс?

3

Пластинки не стало и поля не стало,
Качаются в небе стихи и цветы...
И льются дожди... Кто-то скажет устало:
— Ты пишешь ещё и влюбляешься ты?!

Мне верится, что возродится пластинка,
Могучий Утёсов взойдёт, как утёс.
И ласковый колос взойдёт из суглинка,
И явится Родина та, что я нёс

На сердце и в сердце с любовью, тревогой,
Какие в себя ещё в детстве вобрал...
Просторы земли были верной подмогой,
Чтоб свет нашей Родины не умирал.

У края судьбы появилась тычинка
И стала цвести. Это ты или я?!
Но, чу! Некий звук... Зазвучала «Калинка»...
Вернулась пропавшая даль бытия...

Запели Шульженко и поздний Вертинский,
И, вздрогнув, ожили родные края.
И крикнула ты: — Прикатилась пластинка!
Пластинка твоя — журавлинка твоя...

На краю любви

А впереди — пульсировала бездна,
В ней тёмный хаос чувствами играл.
Гудел провал.

И было неизвестно:

Кто в нём кричал, и кто в нём умирал.

Над холодной бездной в одеянье строгом
Стояла тень по имени любовь.
И, как заря, пылая по отрогам,
Из сердца в сердце протекала кровь.

Пустая бездна чёрный зев отверзла,
Но закричали бедные сердца:
— Давай не сгинем на краю у бездны,
Любви не потеряем до конца!

Быть на краю любви небезопасно,
Разлуку не погасишь, как свечу.
Сорвав безлюбье, будто с глаз повязку,
Бегу от бездны и в неё лечу...

Незнакомка

Е. М.

Тебя узнал я. В этом доме
Ты проживала в третьем томе
Записок Блока и стихов
Среди туманов и духов.

Ты неожиданно явилась,
Ты ожила и удивилась,
Что я с тобою не знаком,
Хотя любил тебя тайком.

Ты протянула мне перчатки,
Сказала тихо: — Всё в порядке.
Я покидаю третий том,
Не покидая этот дом.

И я подумал: как жестоко —
Уйти из осени, из Блока!
Знакомой для знакомых стать
И прежней тайной не блистать.

Меня ты словно пролистала,
Сказала горько: — Я устала
От нелюбви, от немоты...
Хочу слоняться у плиты,

Варить, любить, смеяться громко...
И улыбнулась Незнакомка.
— Но кто ты? — изумился я.
— О, Господи! Жена твоя!

* * *

Биенье сердца, словно осыпь
С высоких гор — века стучат.
Над нами огненная осень
И поцелуев жарких чад.

Мне кажется: иду по краю
Высокой бездны — вдруг сорвусь.
Сгораю или выгораю
В твоих объятьях. Ну и пусть!

Сгораю или умираю
Среди огнистых скальных гряд,
Но не срываюсь, а взлетаю,
Любовным полымем объят.

И там, где жизнь моя клубится,
На гребне страсти мировой,
Лечу к тебе, как будто птица!
Ты слышишь клёкот горловой?

Валентина Коростелёва

Валентина Коростелёва родилась в Кирове. Окончила Литературный институт им. Горького. С 1982 года живёт в Подмоскowie. Стихи, а позднее и рассказы публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали на Всесоюзном, а позднее российском радио. Издано 19 книг поэзии (избранное «Золото судьбы») и прозы (избранное «На ветрах горячих лет»), в том числе документальные («Парнас, рискованная высь», «Не случайные встречи», «Парнаса дорогие имена»), в том числе за границей (поэзия, Болгария). Член Союза писателей России. Лауреат литературных конкурсов им. Андрея Платонова, Андрея Белого, Фёдора Тютчева, «Добрая лира», а также международных (Вена, Берлин, Нью-Йорк). Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Дороже насущного хлеба...

Весенние грозы и ливни,
Святая борьба за тепло,
Всё меньше угрюмости зимней,
И в доме, и в сердце — светло.

И ставит на холоде точку
Щемящая нежность ночей...
Взрываются спелые почки
Под натиском ярких лучей.

Дороже насущного хлеба
И ранних заморских мимоз
На фоне чистейшего неба —
Зелёные брызги берёз...

Когда жива душа...

Жива душа — и путь заветный прям,
И дарит свет любимая икона,
А память возвращается к полям
Родной земли и небесам бездонным.

Когда жива душа — поёт любовь
И мёдом разливается по жилам,
И двум сердцам почти не надо слов,
Поскольку всё за них любовь решила.

Блаженство

Как шиповник распустился,
Полыхнул тоске назло!
Дождик ласковый пролился —
И опять вокруг светло.

Воздух чист, душист и розов,
Детству давнему знаком...
И блаженствуют берёзы
Под родимым ветерком.

Сосны вытянулись к небу,
Пьют июльское тепло,
Среди них забыться мне бы,
Если б нынче повезло.

Я не знаю, я не знаю,
Как всё это сохранить:
Сладкий дух родного края,
Золотую в сердце нить?

Жена

Хоть ума, может быть, не палата, —
Отодвинуть обиду плечом
И понять, что сама виновата,
Хоть душа не виновна ни в чём,
Ибо быть молодой хотела,
Ибо счастья и света ждала...
Но какое до этого дело
Прозе жизни, которая зла?
Нет мечты о боярских палатах
И о счастье — проси, не проси...
Наша доля — ходить в виноватых,
Как давно повелось на Руси.

И этот час...

Из дома выйду, как невеста,
Июнь зовёт аж за версту...
Поскольку далеко до леса,
Я тихим сквериком пройду.

А там каштаны на бульваре
Красуясь, словно женихи,
Глядят вокруг, и всюду — пары,
И сердцу слышатся стихи.

Суббота. Город отдыхает,
И муравьями — детвора...
Пенсионеры жизнь не хаот, —
Что делать, всех прощать пора.

А я пройду по закоулкам,
Где в силе всё ещё сирень,
Где жизнь отстукивает гулко
И этот час, и этот день...

Золотые письма

«Клён ты мой опавший...»

С.Есенин

Говорят поэзия уходит
Так же, как уходят времена...
Но она живёт ещё в народе,
Греют золотые письма.

Не пора ли выдернуть беруши,
Что замкнули души и мозги, —
Просто песню осени послушать,
Тихий шелест листьев у реки,

Голову поднять к роскошным кронам,
Что свою затеяли игру...
И сияют пряниками клёны
На осеннем праздничном пиру.

В стороне от будничной мороки,
В чём живём, терзаясь и спеша,
Вспомнятся есенинские строки,
Дрогнет благодарная душа...

В ожерельи закатного солнца

Всё как будто счастливо смеётся,
Звуки радости пьёт тишина...
В ожерельи закатного солнца
Вся горит молодая сосна.

Воздух светится, травами пьяный,
А сосна и царит, и поёт...
То ль её возвышает поляна,
То ль она укрывает её.

Разошёлся июль и уважил,
Разбросал все богатства свои...
Это отклики юности нашей,
Это всполохи нашей любви.

Потому и почти каждый вечер
Мы невольно приходим сюда, —
И опять расправляются плечи,
И царит над душой красота...

Песни и надежды

Не в моде нынче деревенский труд!
В домах латать уже не будут щели,
А население в сёла соберут,
Так проще, ну, а главное, — дешевле.

Да вот село — уже ни то, ни сё,
И старые дома теснят коттеджи...
Летит со свистом жизни колесо,
Летят в овраги песни и надежды,

И тишь заката, зорь весенних звень!..
Без них душа — у чёрта на подхвате.
Но, слава богу, русских деревень,
Сдаётся мне, на наши годы — хватит!

Ещё вчера...

С утра туман взвивался над рекою,
Да не сумел на холод повернуть,
И снова небо ясное такое,
Что так и тянет в сини утонуть!

Ещё вчера тянулся день нескладно,
Казалось, верить нечему уже...
А нынче свет — божественный, закатный —
Играет в окнах, ластится к душе.

И замерла над лесом птичья стая,
И ветерок пронёсся по садам,
И под окошком клён не облетает —
Не верит предстоящим холодам.

Вот так и я, считаю тучки в небе,
Не думаю о завтрашнем ничуть —
Ни о тепле в квартире, ни о хлебе —
Пока лечу душой, пока лечу...

То ли, то ли...

Всё в холодных перьях небо сине,
Стали горы книг добычей мух...
Что же это делается с Россией?
Выживают всюду русский дух,

Наши песни добрые и были,
Что носили в сердце мы любя, —
Чтобы мы самих себя забыли,
Перед Богом предали себя,

Чтоб замкнули уши серой ватой,
Чтобы плакал колокол в тиши...
То ли иноземцы виноваты,
То ли сами очень хороши!

Хмурые дни

Засыпает уставшее поле,
У природы — иная страда.
Мутноваты сентябрьские зори,
Бледновата в озёрах вода.

Ветерок шебуршит в перелеске,
Будто рядом гуляет метла...
Отливает листва ржавым блеском —
Что вчера позолотой цвела.

Позабыто о небушке синем,
Лишь душа вспоминает о нём.
Только вспыхнет у поля осина,
Ей ответит раскидистый клён.

Всё осеннее золото — на кон,
Будто занавес-край — у судьбы.
...И дубы облетают, однако.
Облетают. Но это дубы.

Иного нет расклада...

Памяти В.Распутина

Россия — в сонме буден,
А в душах горячо.
Вот был у нас Распутин.
А будут ли ещё?

Но время ждёт работы, —
Не только слов и слёз.
И надо делать что-то
В преддверье новых гроз.

Иного нет расклада,
Чтоб пели соловьи
Над головой солдата
Великой той любви.

Наши песни

Как сетка, накинута разума нить
На всё, что поставлено на кон...
А русскую песню нельзя объяснить:
И счастье, и хочется плакать, —

И вот на задворки уходит беда,
И быт ослабляет поводья...
Но та же в эстраде кругом суета,
И то же кругом мелководье.

О, звёзды торопкие нынешних дней!
Хоть голос отнюдь не завидный, —
Блестят бриллианты и платье на ней,
А что на душе — и не видно.

Отдавшие песню во власть барыша,
Спроворят себе пьедесталы...
Неужто покинула песню душа
И песня калекою стала?

Нараспашку

В моде — яркие рубашки,
Позади — весны межа.
Наконец-то нараспашку —
Окна, небо и душа!

Будни сдобрены «сметаной»:
Воздух тёплый и живой,
Пышным облаком каштаны —
Над зелёною травой.

И любить ещё не поздно,
И не гаснет путь вдаль...
Я вдыхаю щедрый воздух,
Обожаю дух земли,

И с утра пою об этом,
Не дрожу на вираже...
Снова лето, ай да лето,
Радость телу и душе!

Как водится

Европа хороводится,
То ласкова, то зла.
А на Руси, как водится,
Давно свои дела.

За морем много золота,
Мозгов огонь и гнусь,
И все ломают головы:
Как облапошить Русь?

Нас не собьёшь приметами,
Не рассчитаешь дни,
Ведь Русь славна поэтами.
Да здравствуют они!

Поэзия

Александр Лайков

Родился в 1953 году в рыбацком селе Икряное. После окончания литфака Астраханского пединститута работал учителем в сельской школе, служил в частях ПВО, был корреспондентом районной газеты «Северо-Каспийская правда». В 1980 году переехал в Ульяновск, работал в ульяновских газетах, в областном корпункте, был редактором объединённой отраслевой газеты «Волжский строитель», ныне — заместитель редактора журнала «Симбирск». Член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор нескольких поэтических книг. Публиковался в коллективных сборниках, журналах и литературных антологиях, составитель ульяновских альманахов «Карамзинский сад» и «Беседка муз», поэтических полос и сборников местных авторов. Стихи А. Лайкова «Январские ночи студёны и долги», «Опять осенняя хандра», «За окном рассвет простужен» и другие переложены на песни. Лауреат журналистских премий Законодательного собрания Ульяновской области и ОАО «Волгателеком», литературной поэтической премии им. Николая Благова.

«От рожденья до вечности...»

* * *

Галине Антончик

Листья ложатся мазками Ван Гога,
Старые птицы сбиваются в круг.
Сколько шагов остаётся до Бога?
Сколько ещё мы напишем, мой друг?

Первая изморось тронула травы,
Свищет над Волгой норд-вест ледяной...
Нет, я не жажду ни денег, ни славы —
Лишь бы Россия навеки со мной!

В мокром саду покосилась ограда,
Падают яблоки «белый налив».
Как хорошо в кутерьме листопада
Тихо насвистывать бодрый мотив!

Но заколочены ставни у дома,
Лозунг трепещет на шляпках гвоздей...
Я — современник эпохи разлома
И меркантильно-бесовских страстей.

Бедные души темнее, чем готы.
Что там расскажет потомок про нас?
Слово родное выходит из моды,
И зарастает тропа на Парнас.

Змейкой железною вьётся дорога,
Тянет полынью и пылью разлук.
... Сколько шагов остаётся до Бога?
Что же ещё мы напишем, мой друг?

* * *

Мороз трещал, аж рамы в стёклах кричали,
Сугробы-волны гнал крутой норд-ост.
Казалось, дом-корабль сорвёт он с якоря
И унесёт в пучину мёрзлых звёзд.

Но дом стоял — пропахший хвойным холодом
И женским свежестированным бельём...
А в комнате, набитой лунным оловом,
Я был один за письменным столом.

Со школьных лет над ним я молча горбился,
Ломая с хрустом в пальцах карандаш...
Матросским кубриком качалась горница,
И ключья туч неслись на абордаж.

Давным-давно забыты страхи ранние,
Скрипенье ставен, нафталиновый быт,
Прабабушкин сундук, окно с геранями,
Румянец щёк и первородный стыд.

Летели дни, а жизнь была не гладенькой,
На волосах свинец февральских выюг...
Меня в толпе окликнул звонко: «Дяденька!» —
Былой отличницы курносый внук.

Ах, первая любовь! Косички с бантиком,
Глаза — две пчёлки с крыльями стрекоз.
Теперь я знаю: губы пахнут яблоком —
Особенно под ёлками, в мороз.

* * *

Это осень, мама, осень.
Иней на траве.
И роятся мысли-осы
В грешной голове.

Облетает рыжий волос —
Плата за стихи,
И как будто расколосось
Сердце от тоски.

Вспоминаю Волгу, вербы,
Первые слова...
Как давно я дома не был,
Не колол дрова!

Сор в глаза и драйв по нервам...
Но назло врагам
Остаюсь, как бакен, верным
Здешним берегам.

Здесь цветы живые в банке —
Память о сестре.
Я поправлю фото в рамке
На седом бугре...

А года бегут, как поезд,
И резвей коня,
Но чиста душа и совесть
В чёрной злобе дня.

Здесь печаль моя и радость,
Горе от ума,
И любовь, с горчинкой малость,
Посох да сума.

Сколько я сапог протопал
Пешим по Руси,
Жди меня, дружище-тополь,
Вишня, не грусти!

Завтра к отчету порогу
Выйду на заре.
...По утрам знобит немного —
Осень на дворе.

* * *

За окошком метель, как молочная пенка,
Накрывает кварталы, дороги и лес.
И луна, как забытая Богом копейка,
Одиноко мерцает в копилке небес.

Ветер ломится в щель задубевшей фрамуги
И скулит, как щенок, потерявший сосок...
Я — февральский, дитя непогоды и выюги!
Вечный снег налипает свинцом на висок.

Что же делать? Бессмертья не будет — вы бросьте! —
Но останется лунный и солнечный след...
Вновь февраль, куржавельный, пожаловал в гости,
Чтоб напомнить, зачем я родился на свет.

Зимородок судьбы, я не рвался в герои,
Рифмой тронул всего лишь с десяток сердец...
А Россию люблю я до капельки крови,
Как в боях до Берлина дошедший отец.

В журавлином строю хватит места солдатам.
Беловежский разлом зарастает травой...
Но смертельную боль от сапёрных лопаток
Чую я поседевшей своей головой.

Будто кони, летят окаянные годы,
Ложь ликует, и рвётся убойно тротил...
И шатается твердь, и волнуются воды,
Третий Ангел над миром уже вострубил!

Перед вечным забвеньем, на краешке века,
Я покаюсь во всех поднебесных грехах.
И Господь изречёт: «Возлюби человека!
Остальное — тщета, или пепел и прах».

И когда я уйду, белый свет не померкнет,
Крест дубовый мой путь увенчает земной.
Кто я есть и кем был на земле своих предков?
Да пребудет земля эта вечно со мной!

* * *

В моём краю в яры вырастают вербы,
А в корни верб — стальные якоря.
В белёных трубах воют злые ветры,
И жизнь хранят сугробы января.

Как ржавый бинт, рывком сорви коросту,
Заройся в снег по локоть — и замри! —
Почувствуешь, как маленький отросток
Толкается в ладошку от земли.

Пускай живёт и греется до срока.
Зачем губить зародыш вербы зря?
Его судьба прекрасна и жестока —
Держать корнями в бурю якоря!

* * *

Опять осенняя хандра,
Туман безденежья...
И небо пасмурно с утра —
Куда тут денешься?

Сидишь в потёмках, как в кино,
Сердечко мается.
А мне бы солнышка в окно,
Хоть самой малости!

Дождинки тренькают в стекло
Гитарным тремоло.
Уже с карниза натекло —
Но это временно.

Тускнеют краски октября,
Деревья в инее.
И дышит лист календаря
Погодкой зимнею.

Суровой стужею — январь,
Февраль — метелицей...
Хандра, безденежье, печаль —
Всё перемелется.

Ударит первая гроза,
Взойдут подснежники.
И я взгляну в твои глаза,
Такие нежные!

Растопит холодок в крови
Лучами вешними,
И губы влажные твои
Запахнут вишнями!

Январские ночи

Январские ночи студёны и долги.
Луна налипает на стёкла фрамуги,
И сыплется хвоя с божественной ёлки,
Как будто заколки с причёски подруги.

И тикают ходики возле гардины,
И капает ямбом вода из-под крана,
Как звонкая рифма великой Марины —
Слегка приглушённо, морозно и странно.

Воркует голубкой вода в батарее.
Тепло и уютно. Все в доме уснули.
Янтарною каплей густой акварели
Мерцает нарядное платье на стуле.

Но дышат соблазном другие картины,
Старинные вальсы, бенгальские свечи,
И вкуса прогорклой осенней калины
Открытые томно роскошные плечи!

Все было и будет прекрасно и мудро:
И ёлки, и вальсы, и шорохи снега!
Январь истекает. За окнами утро.
И длится любовь до скончания века.

* * *

Анатолию Чеснокову

Я в прошлом столетии печь затопил —
Завыла чугунная вьюшка,
Дымком потянуло до самых стропил,
И брагой наполнилась кружка.

А угли с шипеньем стреляли к ногам,
Как брызги ядрёной вишнёвки,
И, босый, молился с похмелья снегам
Кудрявый поэт из Теньковки.

Замёрзнешь, дружище, ступай-ка ты в дом —
Согрей свою душу и тело!..
Опять по России раздор и содом,
И тьма бесынят налетела.

Но рано нам мерить терновый венок,
Обжёгшись о холодность мира:
За нами — Россия, Языков и Блок,
И Пушкина звонкая лира!

Подкинем поленьев, чтоб дым к небесам,
Чтоб в стужу запели капели,
А утром поклонимся древним местам,
Где вечнозелёные ели.

А самая старшая память хранит
О встрече друзей достоверно.
...Истлеют дискетки, и рухнет гранит —
Одно только Слово бессмертно!

Ты слышишь, дружище, певучую речь?
Не все ещё песни допеты,
Кудрявый потомок затопит нам печь,
Чтоб в круг собирались поэты.

* * *

От рожденья до вечности
Только Родины свет,
Вновь за окнами плещется
Волга в сизый рассвет.

И туман над осокою
Вяжет млечный узор...
Мне бы кречетом-соколом
На отеческий двор!

Там под шиферной крышею
Распевает скворец,
Под раскидистой вишнею
Вяжет снасти отец.

Там у мостика с яликом
Рай для жёлтых утят,
Пахнет морем и яблоком,
И золою утрат.

Там под сливой на лавочке
Я девчат целовал.
...Мама, милая мамочка,
Ставь скорей самовар!

Мы нащёлкаем чурочек,
Чтобы круче был чай,
Прибауткою-шуточкой
Всю разгоним печаль.

По обычаю веником
Подметём у ворот.
Над Икрянкою-ериком
Красно солнце замрёт.

И подковами цокая,
Конь взлетит на бугор.
...Мне бы кречетом-соколом
На отеческий двор!

Поэзия

Олег Захаров

Родился в 1961 году в селе Новоликеево Кстовского района Нижегородской области. Окончил Волго-Вятскую академию госслужбы (Нижний Новгород). Поэт, публицист, председатель Нижегородского городского отделения Союза писателей России, учредитель и главный редактор Издательского дома «Земляки». Печатался во многих отечественных журналах и альманахах, в российской прессе, автор четырёх книг иронической и юмористической поэзии. Лауреат ряда российских и международных конкурсов и фестивалей. Призёр Всероссийского фестиваля иронической поэзии «Русский смех» 2007 и 2012 годов. Депутат городской думы города Кстово, член Совета общественного движения «Город для горожан», председатель правления Нижегородского регионального общественного фонда «Журналист».

Родина

Ты, Шура, неба звёздного свеченье,
Ты — Бога наилучшее творенье,
Любовь моя и Родина моя!

(Михаил Бобков, Городец)

Ты неба синева и даль степная,
Ты, Шура, мне и реки, и моря,
Ты широка страна моя родная,
Ты отчий край, по правде говоря!

Никто не уличит меня в подвохе,
Признаюсь честно — ты моя страна,
Ты ум, и честь, и совесть всей эпохи,
Ты мне моё Отечество, жена!

Другой такой Отчизны Бог мне не дал,
Но я вчера не ведал, что творил,
Ведь получилось — Родину я предал —
С республикой соседней изменил.

Питерский трамвай

Лист берёзы и дуба
Поспешили на вальс...
Прошептала: «Я — Люба»,
И спросила: «А вас?»

(Александр Темников, С.-Петербург)

Раз в вагоне трамвая,
Помню я, как сейчас,
Вдруг услышал: «Я — Рая»,
И спросила: «А вас?»

Чтобы дружбу затеять
С незнакомой мадам,
«Без пятнадцати девять, —
Я ответил. — А вам?»

Вдоль по Невскому спору
Шёл трамвай этот наш.
Слышу: «Нет, я не скоро».
И спросила: «А ваш?»

На вопрос этот честно
Отвечаю тотчас:
«Я — писатель известный»,
И спросил: «А у вас?»

Все в трамвае чумели
От беседы такой.
А чего вы хотели
От слепого с глухой?

Быков капут!

Неотменимого зноя неощутимая боль.
Кто ты? Тебя я не знаю. Ты меня знаешь? Яволь.
(Дмитрий Быков, Москва)

Господи, как же я болен,
Как же наутро я плох!
Что это рядом за фройлен?
Где я её хэнде хох?

Кто ты? Я где тебя склеил?
Как ты попала в постель?
Ждет тебя муттер, ферштеен?
Ты бы оделась шнель-шнель.

Я от тебя не в восторге —
Видно, вчера через край...
Так что давай — гутен морген
И айн-цвай-драй, айн-цвай-драй!

Очень важное уточнение

Они мне снились ночами
В отсеке лодки боевой,
И я смотрел, смотрел очами
На цвет их бело-огневой.

*(Юрий Пятанов «Яблони в цвету»,
Кстово)*

Мне снятся яблони ночами —
Их белый цвет и шум листвы.
Его я слушаю ушами —
Двумя, что сбоку головы.

Цветы раскрылись отважно.
Гляжу на них, как в первый раз,
Гляжу — внимание, тут важно! —
Зрачками, спрятанными в глаз.

Вдыхаю носом цвет пахучий.
А чем вдыхать? Ничем иным.
И вдруг стишок на этот случай
Придумал мозгом головным.

Сажуся в кресло. Ягодицей.
Верней, обеими из них.
Одной садиться не годится —
Корявым выйдет светлый стих.

Короче, сел.
Как все, вприсядку.
И в позе сгорбленной такой
Я записал стихи в тетрадку,
Что примечательно, рукой.

Да, да, мадам и джентльмены,
Я записал их, чтоб потом
Для вас, друзья, вот с этой сцены
Прочеть.
Шевелящимся ртом.

Спасатель

Целый день как крест несущу,
Думая невольно:
«Чем Россию я спасу?»
Вам смешно? Мне больно.

*(Николай Зиновьев,
Краснодарский край)*

Шёл я лесом, грудь в крестах,
Стих пришёл по теме.
Вижу — родина в кустах,
Брошенная всеми.

Удивился — ё-моё! —
Это против правил,
Кто-то ноги об неё
Вытер и оставил.

Я расплакаться готов,
Свёл концы надбровьев.
Слышу голос из кустов:
«Выручай, Зиновьев!»

Репу вдумчиво чешу —
Трудно без смекалки.
Чем Россию я спасу?
Где мои спасалки?

Мне б ей руку протянуть,
Я ж мужчина в силе.
Нет, увы, продолжил путь
С думой о России.

Ты уж, милая, прости,
Рыцарь я никчёмный.
Если родину спасти,
То писать о чём мне?

Шекспировские страсти

А ты не вспомнишь, не напишешь,
Эх, ё-моё!..
Стою продрогший и притихший,
В руках ружьё.

(Николай Симонов, Н.-Новгород)

Когда вернусь из дальних странствий,
На сердце дрожь.
Скажу: любимая, ну здравствуй...
В кармане нож.

Мы будем вместе в этот вечер,
Как до сих пор.
Я обниму тебя за плечи.
В руке топор.

Вот, слава Богу, я и дома,
Жене сюрприз.
Ну что притихла, Дездемона?
Давай молись!

Уютность

Ни в отельности, ни в каютности
Не найду я себе уютности...

*(Эдуард-Гелий Александрович,
Саров)*

Я пытался найти уютности
И в отельности, и в каютности,
И в плацкартности, и в купейности,
Но везде эффект скорлупейности.
Надоело быть пассажирностью —
Стал уютность искать в квартирности.
В туалетности шарил, в ванности,
А нашел её на диванности.
А она и была тут, в сущности...
Вот такие бывают случности.

Современные поэты

И к полке книжной подошёл
И с полки снял поэта...

(Александр Ковалёв, С.-Петербург)

Какой-то внутренний сигнал
В душе моей раздался,
И я поэта с полки снял,
Хоть он сопротивлялся.

Второй хотел сбежать под стол.
А третьего поэта
Я в холодильнике нашёл —
Он ел мою котлету.

Двоих я вынул из тупли,
Троих — из-под газеты.
Нет, всё же мелкие пошли
В стране у нас поэты.

Долой существительные!

До зари взялась она за дела:
Из колодца полные принесла.
И с какой не встанет ли свёкр ноги,
В печке уж румяные пироги.

(Маргарита Шувалова, Кстово)

Чтобы вышел искренний, не пустой,
Я беру в линейчку и простой.
У меня в израненной дремлет грусть,
Может, это старческий, ну и пусть.

Заблестели яркие на ночном,
Снова вижу сельскую за окном,
На селе достаточно до зари:
Наколи, растапливай, навари.

И пока не с ложками за столом,
Я с пустыми к дальнему за селом.
Поднимаюсь с полными по крутой,
Свёкра слышу матерный — встал не с той.

Перейду с прогулочной да на рысь:
Вот твои румяные, подавись!
...Опишу простыми я сельский быт.
Свекру пусть икается —
Не забыт!

Призвание

Жаль, друзей на свете нету,
И художник я плохой.
Подарить бы жизни цвету
Или музыки какой...

(Сергей Паско, Н.-Новгород)

У меня талантов нету,
Но подумалось надьсь:
Сочинить каку балету?
Али фугой обойтись?

Может выйти на экране
С ролью главной в кине?
Но туситься в этой Канне,
Прямо скажем, не по мне.

Стать бы докой по портрету
Иль пейзажности какой!
Подарил бы жизни цвету...
Что мне стоит? Но на кой?..

У меня талантов нету.
Я не лезу на рожон.
Оставаюсь лишь поэтом —
Тут талант-то не нужен!

Эта тёмно-вишнёвая

Юбок ты износила немало,
Но хранит моей памяти глубь
То, что ты для меня надевала
На свиданье вишнёвую юбь.

*(Фома Конфузов,
Н.-Новгород)*

Не пойми меня слишком превратно,
Гардероб обсуждать не берусь,
Но сидит на тебе элегантно
Эта тёмно-вишнёвая блузь.

Ровный выточь. Подобраны пуговь.
И приталено грамотно вродь.
Правда, с обувью, кажется, туговь —
Слишком грубь эти желтые боть.

Польт и юбь покупала на рынке?
Сразу видно китайскую строчь:
Морщь в груди, на плечах и на спинке
И, похоже, крива оторочь.

С этой юбью пора бы проститься:
В прошлом годь было моднь эта тканьь.
Как уходишь! Куда мне катиться?
Вот так случь..! Что же дель..? До свидань...

По законам физики

Поскольку младая берёзка
Прошла, не взглянув на него.

А дальше — по формуле Ома,
Наш пень повернулся к судьбе,
Берёзке своей незнакомой
Вослед всё глядел и глядел.

*(Валерий Темнухин,
Н.-Новгород)*

Когда выхожу я из дома
Гулять по тропинкам аллея,
Иду по законам Ньютона
И как завещал Галилей.

С большим к Архимеду почтеньем,
К Паскалю, что был мне как брат,
Всемирным сражён тяготеньем,
Сажусь на скамьи постулат.

Расставил пошире коленца —
Готов примитивный кронштейн.
Вот, следуя правилам Ленца,
Беру из пакета портвейн.

По принципу Гея-Люссака
Достал праворучный бурав.
Тут птичка мне с ветки... Собака!..
А Ньютон-то, кажется, прав.

И вдруг замираю, балдея, —
Красавица мимо идёт.
Етишкин Ампер с Фарадеем,
Тудыт-твою, Бойль-Мариот!

Увы, нет такого закона,
Чтоб сразу её за бока.
Скрутило мне формулой Ома
Два шейных моих позвонка.

С бутылкой в руке непочатой
Побрёл я к себе в конуру.
Пеньком я родился, ребята.
Пеньком я, похоже, помру.

Повелитель дождя

И от небес любви уже не ждя,
Я буду петь мелодию дождя.

*(Владимир Фёдоров,
Москва)*

И от небес любви уже не ждя
И мокня от осеннего дождя,
Я сочинял, по улицам бродя,
Свои стихи на музыку кладя.

А может быть, на музыку ложа,
Я сочинял, по улицам брожа.
А дождь меня промачивал, лижа,
Свою натуру мокрую кажа.

И вот, не зная ни нотов, ни октав,
Я вдруг запел, на музыку поклав.
А небеса, кошмар такой не ждя,
С испугу перестали лить дождя.

Склочная соседка

А соседку склочную
Точно ветром сдуло.
В скважину замочную
Вкладываю дуло.

*(Сергей Лавров, Москва,
министр иностранных дел России)*

Я соседку склочную
Проучить готов:
В скважину замочную
Насую болтов,

Дёгтем обязательно
Вымажу порог
Да засуну затемно
Спичку ей в звонок.

Вот удача редкая,
Хоть рукоплещи —
Ей с балкона метко я
Муху бросил в щи.

Враз поймёт,
По-быстрому,
Если разум цел,
Как шутить с министрами
Иностранных дел.

Письмо другу

Дай руку пожму, ты такое, старик, написал,
Такое затронул... такие, короче, глубины...
...Ты сам сочинил? Не, ты правда всё сам накатал?
Да верю, чего ты, я просто признаться, блин, в шоке...

*(Лев Козовский,
Москва)*

Здорово, чувак!
Не поверишь — растрогало очень,
Глубины задело,
Когда твою книжку читал.
Ну, ты и башка!
Чумово, блин,
Я в шоке, короче!
Скачал в интернете?
Неужто всё сам накатал?

Респект с уважухой,
В натуре, ты истинный Пушкин!
А я-то, прикинь,
В этой теме совсем ни бельмес.
Ну, ладно, покеда,
До встречи, братан, на опушке.
Патроны купил я вчера,
Не волнуйся.
Дантес.

Берега памяти

Владимир Герасимов

Владимир Иванович Герасимов родился 7 ноября 1955 года в селе Больше-Песчанка Называевского района Омской области. Окончил филологический факультет Ишимского пединститута им. П.П. Ершова. Автор четырех поэтических сборников. Дипломант международных конкурсов. Победитель 2-го Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы — 2016». Лауреат премии имени В.И. Муравленко. Живет и работает в Тюмени.

Солдатский колодец

Отцу Александра — Анатолию Мельникову — в начале той страшной войны было уже под пятьдесят. Но на фронт он рвался с первых ее дней. Казалось бы, куда? Пятеро детей. Ранение еще в гражданскую. И теперь серьезная должность на селе — председатель сельского потребительского общества (сельпо). В его ведении находились не только организация торговли в окрестных деревнях, но и создание подсобных производств. Еще он руководил заготовительной деятельностью на территории потребительского общества. С началом войны жестко был поставлен вопрос о создании местной (собственной) продовольственной базы, особенно здесь в Сибири. Один за одним шли на село серьезные бумаги-циркуляры с требованием все делать для увеличения объемов продовольствия, изыскивать пути их увеличения. Надо было кормить и свое население и заготовить необходимое количество продуктов для фронта и для тыла. И за этой работой был ежедневный контроль и жесткий спрос. Сельпо получало плановые задания (в зависимости от сезона) по заготовкам рыбы и грибов, дикоросов, картофеля, яиц, молока, лекарственного сырья, березового сока, лыка, табака. Позже стали доводить планы на отлов зайцев, дичи, ондатры. Был план и на овчины, теплые вещи (варежки, носки, шапки-ушанки). Заготавливали и металлолом, и березовые веники. Картофель сдавали не только клубнями с огорода, но были планы и по сушеному картофелю. Мыли, резали и сушили, готовили и отправляли. Сушили и местные ягоды, морковь.

Шла жестокая война, всё тревожнее и тревожнее вести доходили до Сибири. Чаше стали приходить похоронки, всё больше черных платков стало появляться в деревнях и в райцентре. Для фронта, для разрушенных городов и сёл нужно было всё, особенно продукты питания. Их надо было всё больше и больше.

Порой со своими работниками, активом сельсовета они сутками занимались только заготовками, чтобы выполнить план, обеспечить своевременную отгрузку заготовленного.

Поэтому ни о каком уходе на фронт не могло быть и речи. И ответ для Мельникова в военкомате и в райкоме партии всегда был один:

— Тыл, особенно сибирский тыл, должен обеспечить фронт всем необходимым. Здесь сейчас такой же фронт, только не стреляют и не убивают.

— Ты нужен здесь. Вопрос закрыт и в ближайшее время его поднимать — нет смысла.

Проводив на фронт старшего сына Василия, Анатолий Петрович как-то сник, затосковал. Ходил, порой, как отрешённый, словно предчувствовал что-то нехорошее.

Однажды, промотавшись целый день по делам служебным на сельповской лошадаёнке, он уже поздно сдал коня и кошёлку старому конюху. Присел отдохнуть и покурить на высокое деревянное открытое крыльцо сельповского магазина.

Было уже поздно, магазин не работал, от озера тянуло свежестью. Как-то тихо, незаметно к нему подошёл конюх Григорий Матвеевич. Сколько ему было лет — Мельников не знал. Но сколько себя

помнит — дед этот был всегда. И прозвище было у него странное — «Лоза». Только незадолго до войны Анатолий Петрович узнал откуда оно, как прикипело к этому странному деду.

Оказывается, вся его родова по-мужицкой линии, умела искать и находить места, где под землёй вода была. Искали с незамысловатым приспособлением — раздвоенной веточкой лозы. Эта нехитрая вещь знающему человеку о многом говорила. Всегда находили воду и дед его, и отец, и братья. И вода в том месте, куда указывали мужики, всегда была добрая. Вот за это их сильно уважали в округе.

Из всей большой родни остался Григорий Матвеевич один. Кто сгинул в гражданскую, кто в Китай «убёг» с белогвардейцами, кто на финской голову сложил, кто ушёл «германца воевать» уже в нынешнюю войну. Старик давно жил один.

Матвеевич присел рядом с Мельниковым. Помолчали. Разговор начал дед.

— Слышь, председатель. Лето вот нонча жаркое задалось. Дождём мои кости не чувствуют и дале...

— Да, ты прав, горит всё! Жарковато, — отозвался тихо Мельников. — Ты это к чему, старый?

— А к тому, милоч. У нас сколько колодцев-то добрых в деревне? Четыре? Правильно, четыре. По одному на улицу.

— Наверно, знашь, бабы-то жалуются — вода уходит. Не хватат воды-то, председатель.

— Ить видно жилы и те ноне скудеют. Не даёт земля-то кровушки своей.

Дед некоторое время помолчал, словно с мыслями собирался.

— А в озерах-то зацвела водица, совсем худа стала. Скотина — и та, понимаешь, моргует! Лягушки — и те бегут, куда глаза глядят.

Дед опять замолчал.

Мельников уже понял к чему ведёт разговор этот сухонький и мудрый человек и внутренне обрадовался.

— Рассказываю тебе как партийному, — опять начал Лоза. — Я тут неделю помароковал чуток, помаршировал во время своего ночного безделья около коней-то. Походил вокруг с палочкой-то, как тятя учил.

— Ну и как? — с нетерпением перебил его Мельников.

— А вот никак, — загадочно ответил ему дед.

— Ну, по-первости, с тебя причитается, председатель. И не просто какой-нибудь Улькин магарыч. А давай-ка, любезнай, из своих сельповских запасов, скуسنенькую! Поди есть? А, начальник!

— Есть, дед, всё для тебя есть, родной ты мой! — с каким-то подъёмом ответил Мельников.

Дед на мгновение закрыл глаза. Потянулся, потом как-то не по возрасту бодро крякнул.

— Это ладно, это хорошо. Тогда, слушай.

Вишь, вон там, в саду, между сельсоветом и школой, низинка небольшая..? Туман любит там утрами нежиться. Так вот там, мой «колдун» вроде воду кажет. Чует, понимаешь, жилу хорошу и не сильно глыбоко...

— Сколько? — спросил нетерпеливо Мельников.

— Ну, милоч, скрозь землю-матушку грешный видеть ещё не сподобился. Ну, так кумекаю, метров семь, можа чуть боле будет.

Мельников ответил, думая о чём-то о своём:

— Да, это было бы неплохо. Место хорошее, бойкое, самый центр деревни. Если получится, сделаем его резервным, общим колодцем.

Дед в согласии молча кивнул.

— Одна проблема, старик: кто и когда копать-то будет?

На что дед, немного помолчав, возразил:

— Проблему эту знаю и без тебя.

И дальше уже твёрдо сказал:

— Решатся она просто! Ты вот спрашивашь, когда? А непременно нонча; летом, когда сушь. Пока маракуюем — глядишь осенью и с водой будем. Дальше кака промблема? Народ? Руки работащи... Знаю. Мужиков нет. Бабы с утра до ночи в работах — чуть живые домой тянутся. Да мелкота на деревне. И той работы хватат.

Дед замолчал и вдруг, как выстрелил:

— А мы на что?

Потом резко вскочил, торопливо заходил по крыльцу. Потом остановился рядом с Мельниковым и сразу задал вопрос:

— У тебя, Мишаня, когда с курсов-то возвернётся?

— Да через пару недель, — ответил Анатолий Петрович. — И сразу технику к уборке готовить. А осенью, как восемнадцать стукнет, сразу и на фронт. Если по броне-то не оставят. Мужиков-то к технике особенно нет, сам знаешь.

Видно деда это вполне устраивало, и он веселее уже сказал:

— Ну, вот и славно, это хорошо.

— Расклад, милоч, простой. Ты, председатель, будешь находить в день 2-3 часа для земляных работ. Кротом поробиш...

Лоза лукаво улыбнулся.

— Глядишь, в головёнке-то светлее будет, да на молодых меньше глазеть будешь.

Дед с подъёмом продолжал:

— Опять же Мишка. Часок — другой выкраивать будет до уборки-то..

— И по времени сговоримся. Одним словом, не кружи голову, служивый, справимся!

Опять же, где бесенята постарше подмогут, в школу сходи. Там директор-ленинградец, мужик понятливый, хоть и старый и из бывших говорят. И ладно будет.

И дед резко сел. Даже не сел, а плюхнулся рядом с Мельниковым на крыльцо.

Анатолий Петрович некоторое время молчал, что-то взвешивал, прикидывал.

Потом достал кисет, протянул деду табак в баночке из под леденцов и нарезанную бумагу. Скрутили самокрутки. Прикурили, затянулись с удовольствием. Молчали.

— А знаешь, дед, ты и здесь прав. Спасибо тебе за мысль дельную.

— Согласую время своей работы да и сынишки в райкоме и в хозяйстве. Сам понимаешь, время какое — война, будь она трижды клята.. И вперёд!

— Сам-то как со здоровьем, Матвеевич? Сдюжишь?

— Я, паря казак старый, к тому же сибирской. Сдюжу! — ответил дед, и Мельникову показалось, что он даже лицом посветлел.

— Ну, вот на том и порешили.

Он помолчал, потом сказал:

— Ну что, дед, время позднее; может откроем бутылочку, выпьем за почин? У меня в кабинете есть.

Григорий Матвеевич как — то весь подобрался, лицо его стало серьёзным.

— Нет, милоч. Сам говоришь, время такое. Ты вот сейчас под бок к бабе своей, а у меня служба. Извини. Вот как дело сладим, с тебя причитается. И не просто каку-то сургучевую, коньяк поставишь! Лады?

У Мельникова после их разговора на душе как-то стало тепло и чисто, будто помыли ее водой светлой родниковой или выпил уже напиток этого, что запросил дед. И он весело ответил:

— Лады, дед, лады!

Попрощавшись и пожелав старику доброй службы, он пошёл притихшими деревенскими улицами в сторону своего дома. В нём был ещё заметен свет лампы. Дома его ждали.

Утром Анатолий Петрович приступил к своим обязанностям, занялся текущей работой. Он не стал форсировать решение вопроса по колодцу, в деревне никому не рассказал о позднем вчерашнем разговоре. Завтра вызывают в район — совещание. Там он и решил обговорить с секретарем райкома этот вопрос, так, скажем, не афишируя пока инициативу прежде времени.

Назавтра, во время перерыва, Мельников извинившись, зашел к секретарю райкома и рассказал о вчерашнем разговоре с Лозой, его инициативе.

Секретарь райкома Ваганов был свой, из местных. Бывший учитель, моряк. На фронт не забрали по причине серьёзного ранения на Балтике в финскую. Вот и оставили его, как сказано было на пленуме, на хозяйстве. Руководить совместно с исполкомом всей работой в районе. Ваганов инициативу поддержал сразу.

— Ты — молодец, что зашел на разговор. Дело нужное. Ведь у вас и у соседей с водой плохо; соленая и с запахом нынче в деревнях.

— Пробуй. Получится, мы деда твоего на руках по району носить будем. Ведь, по-моему, больше то нет у нас мастеров таких?

Секретарь немного помолчал,

— Только, Петрович. Тебе не тридцать лет. Ранение было. Сам-то как? Сдюжишь?

— Надо сдюжить, надо, Ефимович.

— Тогда ещё, — сделав паузу, продолжил секретарь. — На основной работе, чтобы это не отражалось. Сам понимаешь, обстановка.

Расставшись с секретарём, получив добрые напутствия, решив остальные вопросы, Мельников уже поздно выехал из района на лошади домой.

К вопросу о колодце вернулись недели через три, в начале июля.

Сын Мельникова — Михаил вернулся с механизаторских курсов и сразу подключился к важной работе по подготовке техники к уборочной, что вели уже работники МТС. Он пропадал там допоздна, парню нравилось копаться с техникой.

Анатолий Петрович согласовал время работы сына в мастерской с руководством хозяйства, руководством МТС.

В это же время дед Лоза активно на сельповской лошадежке собирал по деревне инструмент, все «приспособы», как он сам выражался, для земляных работ.

Он ремонтировал и точил лопаты, в мастерской ему новым обручем обтянули деревянную бадью, соорудили разборный ворот для подъема грунта.

Там же к старому топору приварили металлическую трубу, топор наточили.

Со всем этим полегче будет проходить крепкий глиняный слой, да и, кто знает, что там ещё будет в земле-то родной.

Начать решили утром в воскресенье. У всех троих был какой-то особый настрой, будто возводить будут церкву величественную, как выразился Матвеевич, а не в землю углубляться.

С ними пришла и жена Мельникова — Ульяна. Она всё что-то многозначительно переглядывалась с дедом, который на лошади подвёз инструмент для работы.

Потом дед торжественно сказал:

— Ты, сынок, не обижайся. Отцы и деды наши дело доброе завсегда с богом зачинали, просили поддержки. Так давай и мы начнем дело это, людям нужное, по-людски да по-божески. Нужное дело зачинам для народу. Думаю, партия твоя не осерчат на дело такое, а мы и не скажем.

И он скомандовал:

— Давай, Ульяна. Неси, дочка.

Ульяна быстро достала из грубой тряпичной торбы, где были харчи, чистый рушник, быстро его развернула. Там оказалась небольшая старинная иконка.

Мельников помнит эту икону; ею когда-то их — молодых — благословила на жизнь семейную покойница теща, мать его Ульки, старая казачка Авдотья Пантелеевна. Ничего не сказал Мельников ни жене, ни Матвеевичу, а стал наблюдать за спокойными действиями деда. Тот молча трижды перекрестился, встав лицом к взошедшему уже солнцу. Потом несколько раз, не спеша, с иконой обошёл по кругу место, где планировались земляные работы. Иконой трижды перекрестил небольшую полянку, поцеловал икону. Молча постоял, глядя куда-то вдаль, за озеро, где над лесом повисло утреннее солнце. Потом взволнованно, как в церкви сказал:

— Ну, дети, с богом!

И с этого дня, углубляясь каждый день в землю, они работали на колодце в любую погоду.

В это же время, одновременно с основными земляными работами, два ещё крепеньких старика из деревенских — старинные дружки-приятели деда Лозы — на лесоскладе из оставшегося доброго довоенного леса за харчи рубили сруб для колодца. Лоза успевал и туда; иногда «проведовал» приятелей, контролировал работу стариков, возил харчи, что собирали женщины для работников. Иногда видно «вкладывалось» туда что-то горячительное и тогда дед прибывал оттуда навеселе в веселом расположении духа, много шутил над «червями земляными». Не помнит уже сейчас Александр Анатольевич сколько времени его родные и дед Лоза копали этот колодец, сколько тогда прошли они метров, но он хорошо помнит каким уставшим приходил отец домой после этой работы, как порой стонал ночами. Помнит Мельников и то, как они с ребятней помогали иногда мужикам на колодце. Помнит запах свежей земли, что доставали они из глубины. Помнит какой мягкой

и липкой была там глина, как они с ребятами лепили из неё всяких зверушек, коней, птиц. Помнит и то, что уже к уборке колодец был в основном готов. Сруб спускали звеньями, всем миром — тут помогали и женщины и работники МТС. Сруб вывели наверх, он поднялся над землёй метра на полтора, с учетом будущей осадки. Сделали сразу и добротную крышку.

Да, Лоза не ошибся, водоносный слой здесь действительно был неглубоко и был как выразился дед «шибко резвый, как стригунок».

Столб воды буквально за несколько дней значительно поднялся и прибывал ежедневно, а после прошедших дождей уровень дошёл почти до самого верха. Вода, отстоявшись, «промывшись», как говорили односельчане, была всегда чистой, с голубизной, холодной и очень вкусной. Особых торжеств тогда по случаю готовности колодца тогда не было. Время начиналось жаркое — подошла уборочная.

Но секретарь райкома партии Ваганов приехал. Собрались активисты, сельсоветские работники, учителя, свободные от работы женщины, старики, кто смог, да ребята.

Ваганов сказал коротко, но душевно. Связал всё с текущим моментом, кратко остановился на успехах на фронте, сказал о предстоящей уборке. В заключение торжественно вручил деду Лозе новые хромовые сапоги и рубаху — за инициативу и посильную работу. Некоторые женщины всплакнули, радуясь за старика. Растрогался и сам дед. Пытался что-то сказать в ответ, но махнул рукой и отошёл от народа, вытирая застиранной тряпичей набежавшие слёзы.

Давно не видели односельчане таким старого казака.

Мельникову и Мишке Ваганов крепко пожал руки, поблагодарил и сказал, что после победы он непременно приедет к ним на рыбалку и уху и тогда они это дело отметят «по полной».

Не знает и не помнит Александр Анатольевич и того, выпили ли отец с Лозой тогда заветную бутылку коньяка или нет. Конечно, выпили! В этом, зная отца, который всегда держал слово, он не сомневался.

Так или примерно так происходили тогда события в его родной деревне. Колодец этот стал для людей спасением и в годы войны и последующие годы.

Его полюбили и свои и проезжающие через деревню. Из соседних деревень за водой для питья приезжали специально. А для Александра он до конца жизни оставался отцовским.

* * *

Темным ноябрьским вечером в дом Мельниковых тихо постучали. Дома был и хозяин, и его жена Ульяна. Вошёл давнишний друг Анатолия Петровича — районный военный комиссар Руденко. Он и раньше в ночь-полночь заезжал в этот дом. Был он большим и высоким и ему всегда не хватало места в этом деревенском домике, Вот и сейчас, согнувшись почти вдвое (из-за нависавших над головой полатей), он из темноты вышел к столу, где было светлее от света керосиновой лампы висевшей под потолком.

Он поздоровался как-то сухо, официально. Ульяна женским сердцем сразу поняла; плохие вести в их дом принес этот старый друг-военный и сразу села на скамью у печи, где и стояла.

Военком начал сразу, без предисловий.

— Анатолий, Ульяна, — по-свойски обратился он к испуганно-настороженным хозяевам, — Ваш сын — Мельников Василий Анатольевич — пал смертью храбрых в боях под Москвой.

Подросток Саша с маленькой сестрой Клавой спали в тот «чёрный» вечер на полатях. Набегавшись и наработавшись за день, дети спали крепко. Конечно, они не видели и не слышали, что происходило в доме после страшного известия военкома. Только утром они узнали о страшном горе, что пришло в их семью.

Саша увидел почерневшую и сгорбленную мать в плохо повязанном платке и неприбранными волосами, ее потухшие глаза. Испугался, когда увидел постаревшего за ночь отца. Его лицо стало землисто-серым.

Отец много курил, руки его подрагивали, не находили себе места. Много сразу изменилось в небольшом доме Мельниковых. Брат Михаил, который неделю после уборки был в райцентре, в ремонтных мастерских, вечером того же дня на попутках добрался домой.

Он уже побывал в военкомате, где решительно заявил, чтобы его срочно направили на фронт. Его держали «на брони» в ремонтных мастерских до самой посевной. Он принял самое активное

участие в весенне-полевых работах и перед их окончанием, в конце мая сорок третьего ушёл на фронт. Ушёл на фронт и отец, несмотря на то, что райком партии и лично секретарь Ваганов были против. Видно всё-таки помогла старая дружба с военкомом.

Как потом выяснилось, отца увезли на фронт в составе сибирских стрелковых дивизий в июле сорок третьего под Смоленск, где готовилось что-то серьёзное, большое. А поздней слякотной и холодной осенью в Сибирь, в дом Мельниковых, снова пришла скорбная весть; принесли Ульяне на бумаге казенной опять извещение. В нём скупо сообщалось, что при наступлении в кровопролитных боях в Смоленской области муж её — Мельников Анатолий Петрович — пал смертью храбрых.

Погиб старый солдат и коммунист. Не вернется в дом их муж и отец. Время многое стерло из памяти Саши. Он с трудом вспоминает какие-то детали, подробности. Помнит, что жилось трудно, помнит как стала сильно сдавать мать. Но он хорошо помнит, как он вдруг сразу повзрослел, по-другому, ответственнее стал относиться ко всему происходящему, к окружающим его людям. Ещё одним страшным ударом по его семье стала похоронка на сына и брата — на их Мишку, гармониста и весельчака, любимца девчат и всех посиделок. Похоронка пришла через месяц. Уже выпал снег, скромно отпраздновали очередную годовщину Октябрьской революции, стояли ядреные ноябрьские морозы. В колхозных амбарах неспешно велись работы по обмолоту пшеницы, народ ездил в дежаны. На деревне селяне прибирали какую-никакую живность.

Не сохранились те извещения. Все документы и письма с фронта от отца и братьев мать бережно хранила, часто перебирала, подолгу плакала. Письма однополчан отца, которые приходили позднее, и в которых рассказывалось как погиб отец мать часто читала детям. Саша хорошо помнит, как переживали гибель близких и его мать, и её подруги-солдатки. Уже став взрослым, будучи студентом, он написал простые стихи, посвящённые родным и землякам своим, которые не дожили до победы, не вернулись в край сибирский. Написал и о солдатках-вдовах, что не дождались с проклятой войны своих близких.

Никого не щадила в те годы война —
Словно метки, несли похоронки.
От потерь и от слёз задышалась страна,
Оборвался надолго смех звонкий..

Убивалась от страшного горя жена,
Угасая, мать молча страдала.
Она знала, что в горе таком не одна,
Всех война чёрным когтем достала.

И искали по карте — где Ковель и Брест?
Где же Волхов, Смоленск, а где Орша?
И достойно несли они тяжкий свой крест,
А от слёз становилось всё горше...

Там, в огне, на огромных просторах земли,
Её обняв, ушли они в вечность.
На чужбине лежат их мужья и сыны,
Далеко там, в краях неизвестных.

Утешали себя и подруг, как могли
И молились, скорбя пред свечою....
Свято в памяти образ родных берегли,
Душу женской облегчив слезою.

Со смертью матери потерялись и письма, и похоронки. Позднее соседки — подруги её — говорили, что многое и они отдали, и мать в школьный музей. Но школа теперь новая, музей несколько раз менял свое месторасположение, и в архивах музея не удалось обнаружить эти бесценные для их семьи документы.

Это уже потом Александр Анатольевич стал писать по всем инстанциям, чтобы узнать, где воевали, как погибли и где захоронены родные.

В одном из ответов Центрального архива Министерства обороны, что в Подольске, была внесена некоторая ясность по отцу. В скупой архивной справке сухо сообщалось, что ездовой 938 стрелкового полка 306 стрелковой дивизии, рядовой Мельников Анатолий Петрович, 1898 года рождения, призванный РВК Омской области, погиб 13 сентября 1943 года при наступлении. Похоронен в братской могиле у д. Горохово Пречистинского района Смоленской области.

По брату Михаилу в этой справке сообщалось вообще кратко: рядовой

Мельников М.А., 1924 года рождения и т.д., пропал без вести в сентябре 43-го же года. И всё.

Александр Анатольевич делал ещё несколько запросов в разные инстанции и организации. И уже после смерти матери наконец-то пришёл ответ от работников Смоленского Совета ветеранов, в котором подробно было описано, что воевал отец на Калининском фронте (командующий генерал-полковник Ерёмченко А.И.), в составе 43 армии (командующий генерал-майор Голубев К.Д.) и 306 стрелковой дивизии, под командованием генерал-майора Шкурина М.М. Сообщалось также, что вся 306 стрелковая дивизия была укомплектована солдатами призыва из Омской области. При наступлении через Пречистинский (ныне Духовщинский район) большинство сибиряков полегли на поле боя.

Последний покой земляки-сибиряки нашли в братских могилах этой священной, но далёкой от дома земле.

Сообщалось, что отец похоронен вместе с боевыми друзьями в братской могиле № 2, что находится на территории Бересненского сельского Совета Духовщинского района.

До конца прояснилась и судьба брата Михаила. В письме сообщалось, что он погиб при наступлении 4 сентября 1943 года в деревне Репино Ярцевского района там же, в Смоленской области, и похоронен в братской могиле № 6.

Вот так семья Мельниковых узнала, что смоленская святая земля стала последним земным пристанищем их родных. Александр Анатольевич некоторое время вел переписку с Советом ветеранов. Получил оттуда фотографии братских могил, где захоронены его отец и брат вместе с боевыми друзьями-сибирякам. Получал приглашение приехать на место кровопролитных боёв и захоронения родных. И он непременно там побывает и не один, а с внуками своими.

А колодец, что, уходя на фронт, оставили его родные, живёт и приносит радость людям. Маленькие березки и сирень, что посадил тогда у колодца отец, прижились и стали уже большими. Теперь это стройные белоствольные берёзы, а кусты сирени, что тоже разрослись вокруг, весной чудесно пахнут и манят вечерами в сад молодых земляков.

Колодец этот все жители села с любовью и теплотой величают Солдатским.

Это ли не память, о тех, кто сложил свою голову где-то вдали от родного порога за светлые зори, за улыбки внуков.

Не дождался тогда дед Лоза с войны своих помощников и друзей. Но ещё пожил. Он встретил май сорок пятого. Всё чаще приходил к колодцу. В летнее засушливое лето поливал водой из этого колодца берёзки и сирень и подолгу сидел на скамье, часто курил. О чём размышлял, что вспоминал этот старый человек — неизвестно.

Иногда он медленно уходил к простому памятнику в саду, Там, на черных металлических листах, что прикреплены к пьедесталу, золотом горели имена всех погибших его земляков. Были там фамилии и его родных. Прожил он с ними свою долгую жизнь. Всё бывало между ними, всё ушло, всё забылось. О всех остались только добрые воспоминания.

Он винил себя, что ещё живет, небо коптит, а их вот нет. И не придут солдаты уже никогда в дом родной, к детям, к семьям. К земле своей отчей, которая любила их и ждала и ждёт до сих пор.

Года через три-четыре после войны, в начале мая, нашли односельчане деда Лозу— Григория Матвеевича Леднева — такая, оказывается, была фамилия у старого сибирского казака — на его любимой скамье у колодца. Он был мёртв. На крышке колодца стояла банка с водой и несколькими ветками сирени. А на лицевой стороне двухскатного козырька, что возвышался над колодцем, была нарисована яркая красная звезда.

Мельников хорошо помнит, как хоронили этого, ничем неприметного, сухонького старика, прожившего бурную, трагическую жизнь. Оказывается, он ещё в гражданскую из-за тифа потерял всю семью — молодую жену и детей.

Так и жил после один, но жил всегда для людей, для своих земляков.

Его несли на руках, меняясь до самого кладбища. Впереди детвора бросала бутоны, веточки сирени, а сам председатель сельсовета в окружении пионеров, нес на подушечке два Георгиевских креста деда Лозы за Первую мировую, о существовании которых никто в деревне и не знал.

А колодец Солдатский живёт и поныне. Его периодически чистят, ремонтируют. Жила питающая его не исчезает. Любят свой колодец односельчане, гордятся им и всем рассказывают историю его возникновения.

Любят этот колодец и в семье Александра Анатольевича. Бывая на малой своей родине, он с детьми непременно облагораживает его, выпиливает в кустах сирени старые ветки. В прошлом году на новый козырек над колодцем прикрутили металлическую красную звезду.

Старший сын Александра Анатольевича — Арсений написал даже стихи об этом Солдатском колодце, о своём дедушке и дяде, которых, конечно, никогда не видел, но о судьбе которых знает, гордится ими и любит.

Иногда Александру Анатольевичу думается: а сколько же по огромной России-матушке таких Солдатских колодцев и родников, скверов и садов, просто аллей, мостиков через речушки наши малые и многого другого, что руками солдатскими с любовью перед войной сделано? Сделано добротнo, надёжно. Всё это ещё живёт, живёт своей памятью о тех людях, что обещали вернуться домой. И надо, непременно надо, чтобы не иссякли ни родники эти, ни колодцы с водой студёной и чтобы шумели повсюду аллеи и скверы Солдатские, и становилось их ещё больше, и память наша тоже была светлой и полной.

Берега культуры и искусства

Год кино

Редакция журнала «Берега» поздравляет Николая Петровича Бурляева, народного артиста России, кинорежиссера, актера, сценариста, продюсера, общественного деятеля, с 70-летним юбилеем, с 55-летием творческой деятельности, 25-летием международного форума «Золотой витязь» и выражает благодарность от имени авторов и читателей журнала за огромный вклад в развитие кинематографа России, безбрежный актерский талант, за неустанный труд в сфере духовно-нравственного возрождения общества!

Почему в России сейчас хорошо?

Интервью главного редактора журнала «Берега» Лидии Довыденко с Николаем Петровичем Бурляевым.

Встретиться с Николаем Петровичем было чрезвычайно трудно. К радости, у него нашлось около часа с перерывами на общение в Ницце, где проходил 4-й кинофестиваль российского кино 2016 года. Мне дорого каждое слово гениального актера и величайшего общественного деятеля России нашего времени, поэтому полностью привожу ответы на заданные вопросы, с которыми предлагаю познакомиться читателям нашего журнала

— Николай Петрович! Вы сказали, что в России сейчас хорошо. Почему Вы так считаете?

— Я, можно сказать, только что проехал Англию, Шотландию, Италию, Францию. Я там бывал и прежде, но на этот раз увидел, что кризис у них, а не в России. Это кризис духовный, выражающийся в дехристианизации, демонизации. Увидел атакующий арабский мир. «Почеренела» и «пожелтела» Франция. Идешь по Парижу и думаешь, где же ты находишься? Где лица французов? Подсчитал, что увидел лишь примерно 20% людей, похожих на французов. Очень это печально, и это то, что разъедает весь западный мир. В других странах то же самое. Это нечто чужеродное, которое разъедает коренную культуру. И очень агрессивное оно, как оказывается. В России — все иначе. У нас нет кризиса духовного, наоборот, у нас духовное возрождение. Я лично благодарю Бога и Запад — за санкции. И молю Бога, чтобы еще какое-то время нас оставили в покое и не поднимали цены на нефть. Так Россия сейчас «сосредотачивается», как говорил Столыпин. Потенциал у нас огромный.

— Какой фундамент у Вашего оптимизма?

— Лет пять назад я стал утрачивать присущий мне оптимизм, видел, что в области культуры у нас воцаряется та же вседозволенность, что и на Западе. Чиновники от культуры делают все, как говорил бывший министр культуры Швыдкой: «Надо сделать все, чтобы подвинуть нашу культуру на панель». Это он говорил на коллегии министерства, и он это сделал. Но сейчас я стал оптимистом, после того как президент услышал нас, и в частности — меня. Я 15 лет говорил на разных трибунах, в том числе на Патриаршем совете по культуре, что в стране нет стратегии государственной культурной политики. 15 лет я эту мысль долбил, даже начал думать, что, возможно, я не прав, так как один я говорю об этом. Но на Патриаршем совете по культуре я выступил, поставив две задачи: надо повышать культурный уровень общества, во-вторых, в стране нет стратегии культурной политики. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл услышал меня и обратился к президенту России с посланием, где эти два пункта были главными: повышать свой культурный уровень и стратегия культурной политики государства. Президент услышал патриарха, дал полгода на разработку этого вопроса. 24 декабря 2014 года был подписан исторический указ «Основы государственной культурной политики». Этот Указ будет помогать очищать наше культурное пространство.

— **Жизнь показывает, что все позитивное и здоровое происходит, скорее, вопреки, а не благодаря чиновникам от культуры... Лучшие произведения, опираясь на национальное, выходили на вселенский уровень, отводя России особую миссию в мире.**

— Это особенно понимали русские люди, жившие на Западе. В частности, Николай Рерих, он говорил, что «спасение России есть спасение мира, гибель России есть гибель мира». У нас сейчас есть все шансы и самим не погибнуть, и миру этого не дать сделать; показать, как надо жить и как она должна быть подлинная культура. В России сейчас удивительное время. Раньше я думал: «О, за границей! Какой там аэропорт, как здорово!» Сожалел, когда же будет такой у нас. И вот прилетел в Домодедово и подумал: «Извините! У них, в Англии, 4 звездочки, у нас — шесть. И кухня лучше». У них там поесть негде. Идешь по городу, а там же кругом фастфуды, в Италии — надоевшие спагетти, это лодыри их делают, им лень что-то еще делать, кроме пиццы и спагетти. А у нас: приехал я в Сергиев Посад, зашел в кафе «Ого-го!» А там — пельмени, пироги русские: капустные, рыбные — любые. Все лучше у нас, и люди лучше. Хотя молодое поколение подросло неоднозначное. Когда объявили перестройку, то радио «Свобода» говорило: «Цель перестройки в том, чтобы приблизить русских к западным стандартам, чтобы произошла мутация русских. Задача — выбить русских из традиции». Получилось у них? Да, во многом, благодаря преступной политике наших чиновников и правительству «младореформаторов».

— **Какова роль киноискусства в современном мире?**

— Экран, кинематограф — это духовно-стратегическое оружие. Это Америка знает. Киноискусство или поднимает человека, или опускает в бездну. Я думаю о современном кино иначе, чем наш министр Мединский. Мы с ним говорили. Я сказал, что мы пришли к катастрофе кинематографа в России, к духовной катастрофе, которую предсказывал мой друг Андрей Тарковский. На исходе своей жизни Тарковский жил на западе и видел их духовную катастрофу, катастрофу рыночного кино. Мои коллеги делают фильмы, чтобы вписаться в западный мир, в убегающий от них эффектный паровоз под названием Голливуд. Коллеги делают картины, чтобы их там тоже показали. Плохо делают: плохая режиссура, разучились люди писать для кино. Актеры играют плохо, раз плохая режиссура. Настроили кинотеатров, где едят попкорн, сидя в кресле, наделали фильмов — по 80 фильмов в год, а каких фильмов наделали? На чьи деньги они сделаны? Наша продукция — в подражание им. Это катастрофа, потому что если положить на одну чашу весов то, что сделано до перестройки, и что — после, то какая перевесит? Что до перестройки? Сергей Эйзенштейн, Александр Довженко, Лев Кулиджанов, Станислав Ростоцкий, Сергей Бондарчук, Андрей Тарковский, Сергей Параджанов. Много сюда можно положить. А что на другую чашу весов? Никита Михалков все тот же, который и держит марку, и дает понять, что кино должно быть искусством.

— **Какие вопросы решает Патриарший Совет по культуре?**

— Патриарший совет был и есть не то, чтобы альтернативой, а он находится параллельно совету при министерстве культуры. Собрано 39 выдающихся деятелей русской культуры и 10 представителей церкви, председатель — Святейший патриарх. Мы обсуждаем самые главные темы культуры и нравственности. Подлинная культура должна решать именно эти задачи.

— **«Золотому витязю» уже 25 лет! Расскажите о нем.**

Международный форум «Золотой Витязь» объединяет известных представителей кинематографа и многих видов искусств под девизом: «За нравственные идеалы, за возвышение души человека». За 25 лет существования «Золотой Витязь» провел более шестидесяти форумов, включая кинематографический, театральный, литературный, музыкальный, живописи, экологический и форум русских боевых искусств. «Золотой витязь» ставит своей главной задачей — вовлечение в единое движение всех, кто не желает растворяться в безнравственном, бездуховном потоке глобальной массовой «культуры», кто хочет сохранить самобытность свою личную и самобытность своего народа. Хочет передать своим детям традиции культуры предков и высокие нравственные идеалы. Это — попытка собрать и выявить позитивные силы в стране. «Золотой Витязь» объединяет многие страны. Хотя начинали как всеславянский форум, теперь приезжают из разных концов земли. Из Америки я мало приглашаю. «Золотой Витязь» отличается своим стоянием, непреклонностью перед деструктивными силами, перед пятой колонной, борясь за сохранение наших идеалов.

Лидия Довыденко и Николай Бурляев

Инга и Николай Бурляевы, Лидия Довыденко, Георгий Шишкин

— **Николай Петрович! Расскажите о Вашем взаимодействии с МЧС России.**

— 1,5 года назад Министерством по чрезвычайным ситуациям мне предложило возглавить институт культуры МЧС. Я согласился, и мы провели огромную работу — около 50 полномасштабных программ только за первые 8 месяцев. Открыли 20 кино клубов «Золотой витязь» по всей России, в структурах МЧС. Дарим им по 50-100 фильмов безвозмездно. В нашей коллекции 8 тысяч фильмов, и все они соответствуют девизу: «За нравственные идеалы, за возвышение души человека». Создан государственный хор МЧС. Министр был удивлен тем, как мы быстро работаем. Сейчас практически создали телевидение института культуры МЧС. Есть техника, которая позволяет снять качественные программы. Я приехал из Ставрополя, где прошел VII Славянский форум искусств «Золотой Витязь». Снят фестиваль киноискусства, ансамбль казацкой песни, ансамбль Моисеева, приехал туда Болгарский театр. Мы привезли аппаратуру, которая позволила транслировать прямой эфир нашей главной программы: «МЧС-112» (МЧС-Медиа). Это начало работы нового телевидения. Пока очень скромно, но это начало.

— **Ваш фильм «Лермонтов» — потрясающий. Каждую секунду ты находишься во внимании, пристальном и волнующим. Каждый кадр несет правду и красоту. А как великолепно Вы читаете Лермонтова! Вы работаете над каким-то новым фильмом?**

— Я шел вразрез с нашей культурной политикой, критиковал ее и министров культуры, поэтому трудно было получить постановку. Я поставил фильм по роману Василия Белова «Все впереди» в 1991, а потом я не желал участвовать в рыночном пошлом искусстве. Я человек другой эпохи, мой учитель и друг Андрей Тарковский вообще презирал этот рыночный процесс и мне говорил: «Уровень режиссуры в мире настолько низок, что подняться над ним не составит никакого труда», он признавал лишь пять-шесть имен в режиссуре в мире. Он удивлял меня. Я где-то его не понимал в его отвержении многих кинодеятелей, а сейчас я понимаю, что он был прав по большому счету, и я, как его наследник — духовный, экстремально отношусь к нашему кино, которое я охарактеризовал как духовная катастрофа и предательство киноискусства. Все ударились в «доходный промысел», как говорил Иван Ильин, в «эффект пустоты», а я не хочу работать в пустоту.

— **Какие ближайшие задачи стоят перед Вами?**

— Мне министр МЧС предложил снять фильм о героях МЧС, и я уже написал сценарий. Видимо, скоро уже приступлю к созданию фильма «Катастрофа», где главными героями будут два сотрудника МЧС России. Моя задача — создать телевидение МЧС. Уже начали создавать театр и киностудию МЧС, и мы можем делать фильмы о героях нашего времени. Мы сможем показать истинную Россию, показать какой должна быть культура в России, какое должно быть кино, телевидение и театр, остановить засилие лжи, издевательства над классикой, продолжать и сохранять русские культурные традиции.

— **Благодарю Вас, желаю Вам и дальше так же прекрасно выглядеть и чувствовать себя и новых творческих успехов!**

Справка журнала «Берега»: Николай Петрович Бурляев — Президент Международного Форума «Золотой Витязь», член правления Союза кинематографистов РФ, лауреат Государственной премии Югославии, академик Международной славянской академии, президент Фонда культуры казаков России, член Патриаршего совета по культуре, член Общественного совета при министерстве культуры Российской Федерации, член Союза Писателей России. Автор книг: «Одолеевая радостью страданья», «Летопись «Золотого Витязя». Автор поэтических текстов к художественным фильмам «Живая радуга», «Детство Бемби», «Юность Бемби». Автор публикаций поэзии, прозы и публицистических статей в периодических изданиях, снялся более чем в 70 фильмах, среди которых «Мальчик и голубь», «Иваново детство», «Птицам крылья не в тягость», «Русская рулетка», «Какая чудная игра», «Любовь и правда Федора Тютчева», «Адмирал» и др.

Режиссерские работы: короткометражные фильмы: «Егерь», «Ванька-Каин», «Выбор», «Круг»; полнометражные художественные фильмы: «Лермонтов» — сценарий, режиссура, исполнение главной роли (1986, Мосфильм), «Все впереди» — сценарий и постановка (1991, «Беларусьфильм»). Родился 3 августа 1946 года в Москве. Закончил актерский факультет театрального училища им. Б. В. Шуккина (мастерская Л. М. Шихматова) и режиссерский факультет ВГИКа (мастерская М. И. Ромма и Л. А. Кулиджанова).

Русский мир без границ

Берега Греции

Князь Александр Трубецкой

Александр Трубецкой является прямым потомком князей Трубецких, а по линии матери — князей Голицыных. Свою родословную эти две фамилии ведут от князя Гедимина Литовского, который происходил от князя Владимира Красное Солнце. Князь Александр Трубецкой, живущий ныне в Париже, всегда открыто говорит, что является патриотом России. И делает все, что может, чтобы способствовать сохранению ее исторического прошлого, культурного и духовного наследия. В жизни он — любитель моря и паруса, страстный охотник, увлекается конным спортом.

Речь, произнесенная на форуме Русского мира «Русские дни на Лемносе»

Русские дни на Лемносе посвящены памяти русских солдат, похороненных на греческом острове Лемнос в 1920 году, моряков, принимавших участие в борьбе за освобождение Греции, а также кубанских и донских казаков, интернированных в 1920—1921 годах после разгрома Белой армии.

В этом году наша встреча на острове Лемнос отмечает 13 лет с тех пор, как началась работа по восстановлению кладбища и памяти о тех, кто оставил навсегда русский уголок на этой греческой земле.

В этом году мы тоже находимся накануне рокового столетия, когда курс нашей истории резко повернулся по инициативе тех, кто хотел мировую революцию, экспериментируя её в России, потому что, как Ленин сам говорил: «ему на Россию наплевать».

Я хочу тоже подчеркнуть убийственную для России акцию тех, кто совершил февральский переворот, причем в самый разгар первой мировой войны. Их преступная измена и неопытность управления страной предоставила большевикам возможность совершить этот эксперимент.

Хочу начать со слов Леонида Петровича Решетникова, который в замечательной статье о матери ребёнка, погибшего здесь, на Лемносе, задаёт нам простой, но внушительный вопрос: ЗАЧЕМ?

Дальше он пишет: «Зачем это творили вы — борцы за счастье трудового народа? Сколько горя, слез, принесли вы на русскую землю? Сколько жизней вы погубили и исковеркали?»

Мало кто хочет сегодня отвечать на этот вопрос: ЗАЧЕМ?

А чтобы не отвечать, много усилий прилагается для прославления советского патриотизма, внушая нам вплоть до того, что те, кто не воспринимают, «как положено, советский строй», не могут теперь считаться настоящими патриотами нашей страны.

Появились даже среди верующих такие, которые исповедуют, что можно быть христианином и сталинистом.

Это и есть та бомба, которую, как сказал В.В.Путин, Ленин заложил под фундамент России.

А теперь я хочу продолжить вопросы Леонида Петровича: ЗАЧЕМ?

1) Зачем вы принесли России эту деструктивную систему, взамен исторической культуры и, главное, духовных ценностей, на которых строилось величие России?

2) Зачем вы устранили Россию от плодов победы в Первой мировой войны? (вторая — Отечественная война, как тогда её называли)?

Напомню, что между Россией и западными союзными державами существовал секретный договор, по которому после победы, кроме прочих преимуществ быть победителем, России предназначалось господство над проливами Босфор и Дарданелл, то есть свободный выход из Чёрного моря. Этот договор распространялся и до нынешнего Ирака, то есть до Персидского залива.

Можно ещё предположить, что если бы Россия осталась среди победителей, она урегулировала бы будущее европейских королевств, как это в своё время сделал Александр Первый на Венском конгрессе. Тогда, вероятно, не было бы третьего Рейха и, следовательно, Второй мировой войны.

3) Зачем вы привели страну к развалу, несмотря на определённые достижения советского периода? Пришлось даже срочно вводить НЭП, нечто другое, чем дореволюционное экономическое управление. А то, что случилось в 90-ых годах, показывает хрупкость советской системы, и это не говоря о том, что по прогнозу западноевропейских и американских экономистов, Россия должна была занять первое место в Европе в первой половине 20-го века.

4) Зачем начался, по приказу самого Ленина, небывалый в мире террор, начиная с варварского убийства Царской семьи и духовенства?

5) Зачем уничтожение церквей и верующих? Сколько их сегодня в списке прославленных церковью, как новомученики, и сколько анонимных, принадлежащих всем слоям российского общества?

6) Зачем голодомор, особенно в самых богатых чернозёмных краях?

7) Зачем ГУЛАГИ?

Сегодня нам усиленно внушают, что нельзя сравнить Сталина и Гитлера.

А вот с этим я полностью согласен. Преступность Гитлера — это геноцид негерманских народов. А большевики по приказу Ленина, Троцкого, Сталина и их сподвижников, сажали и уничтожали своих же россиян.

8) Зачем активная попытка уничтожения всех исторических и духовных ценностей, тех, которые были богатством России и нашего народа? Доходило даже до того, что серьёзно изучался вопрос замены нашего алфавита на латинский.

Можно так ещё долго продолжать и много раз задавать вопрос: ЗАЧЕМ?

Я лучше напомню несколько достижений русского народа, которые велено было тогда забыть или, по крайней мере, не упоминать.

1) До 1914 Россия была третьим в мире экономическим государством. Рост экономики превышал 10% в год.

2) Рождаемость: за последние 10 лет до 1914 г. население России перешло от 125 до 167 миллионов жителей; это рост 18 /1000, самый крупный рост тогда в Европе.

3) В конце 19-го века Николай Второй на Гаагской конференции предложил создание международной лиги сохранения мира. Это до образования Лиги Наций и тем более ООН.

На этом пока остановлюсь и перечислю теперь некоторые достижения Российской Империи, научный и промышленный рост которой доказывает нам, что Россия не была той устарелой страной, как это часто пишут.

Посмотрим изобретения и реализации:

— Электрические лампочки: А. Лодыгин и П. Яблочков — 1874 г.

— Электросварка: Николай Бернадос и П. Славянов — 1882 и 1891 гг.

— Фотография, в том числе цветная, которую С. Прокудин-Горский показал на выставке в Париже — 1900 г.

— Радио: Александр Попов — 1895 г.

— Телеграф: К. Константинов — 1848 г.

— Телефон: П. Голубицкий — 1888 г.

— Телевизор: Борис Росунг — 1908 г.

— Металлургия — Вл. Шухов

— Подводные лодки: в 19-ом столетии реализовал первые эксперименты К. Шильфер. А в 1910 г капитан первого ранга Меркушов проводил испытания плавания подо льдом. (Он похоронен в Сент. Женевьев де Буа).

- Ледоколы: М. Бритнев – 1864 г.
- Авиация: А. Можайский – 1881 г.

И за ним плеяда авиаконструкторов: Сикорский, Григорович, Поликарпов, Туполев, а крупный самолёт «Русский Витязь» появился в 1914 г. Самолёт «Илья Муромец», который стал первым самолётом с двигателями под крыльями.

- Гидроплан: Григорович — 1913 г.
- Гироскоп: С. Ульянин — 1916 г.
- Химия: всем в мире известный Д. Менделеев — 1869 г.
- Биология и медицина: Илья Мечников получил Нобелевскую премию в 1908 г.

А вообще первую Нобелевскую премию в России получил физиолог Павлов в 1904 г.

Так зачем заставляли забывать то, чем мы должны гордиться только потому, что перечисленные примеры свидетельствуют о дореволюционных достижениях.

Правда, запад тоже старается до сих пор внушить, что до революции наша страна была отсталая. А тут понятно, зачем. Это нужно русофобским силам.

Тогда зачем нам им помогать?

В начале моего выступления я напомнил, что мы готовимся к роковому столетию.

Как это произойдет? Нас готовят просто к идее примирения.

Примирились — и всё. И быстро перевернули страницу!

Гражданская война? Мол, всё это грустно, но очень просто. Каждый, как твердят нам, воевал за свою правду.

Так что давай теперь примиримся. А это нужно тем, которым до сих пор неудобно напоминать всю драму, которую потерпела Россия скоро сто лет тому назад.

Какое примирение? Тут извините! Примирение кого с кем?

Как писал Куприн о гражданской войне: «одни воевали за Россию, другие за Интернационал».

При такой постановке вопроса понятно, что не может быть примирения в той форме, в которой нас готовят.

Не может быть примирения, пока в России не будет общего покаяния! Покаянием Россия должна признать историческую роковую ошибку и этим прийти в себя.

Напомню, что в России после смутного времени Церковь служила чин не примирения, а общего покаяния.

Только покаяние приведет Россию к примирению. Вот о чем я всех призываю подумать со смирением.

О покаянии

Часто слово покаяние понимается как прошение простить грехи. На самом деле покаяние в христианском смысле означает переосмысление, то есть прийти в себя.

Говоря о покаянии России, я имею в виду призыв, чтобы Россия переосмыслила ту катастрофу, которая произошла в 1917 году.

Только это переосмысление или осознание, которое я называю покаянием, приведет к тому, чтобы мы пришли в себя. К этому церковь призывала народ и власть после смутного времени. Почему бы церкви не призвать бы россиян осознать, переосмыслить, и только тогда произойдет примирение не красных и белых или их потомков, а примирение России с собой.

Русский мир без границ

Берега Литвы

Эляна Суодене

Эляна Суодене родилась в 1958 году в Минске, выпускница Вильнюсского университета, защитила диссертацию «Анафора в поэзии М. Цветаевой (стилистический аспект)» в Белорусском университете в 1990 году, руководитель литературной студии «Поэтоград» в Каунасе (Литва)

Осень... Музыка... Этюды...

* * *

Аккорд дивертисмента
Наигрывает осень,
Соединив мгновенно
Смолу и кроны сосен,

Дыхание прибоя
И капли янтаря,
И листьев хороводы,
Меняющих наряд...

* * *

У каждой берёзки есть имя,
У каждой рябины алой...
Растворены в эфире
Имена светозарные...

Только в сердце господнем
Названы поимённо
Все травиночки тонкие,
Все при дороге клёны...

* * *

Последний лета слог
Как будто «аллилуйя» —
Распев чуть удлинен,
Восторг неопишем...

Ах, бабье лето стало,
Словно аллелуарий
При чтении евангелия —
Настоль благоуханно...

Футетта, даже fuga
Причастного стиха —
Звучит так «аллилуйя»
Полей, деревьев, трав...

All' ottava bassa

Октавой выше,
Октавой ниже
Играем жизни,
Чем нам предписано...

Но есть скрижали,
И текст там ясен —
Выше октавой
Играть обязан...

Выше октавой —
По декалогу...
Так мы в финале
Приходим к богу...

* * *

Душа стремится к воспарению,
К преодолению всех линий...
Чтобы, как в сотворения мгновения,
Быть с господом единой...

Быть импульсом, потенцией,
Быть светом золотым...
Как бабье лето девственно
В свечении долин...

* * *

Росинки, как звёзды вселенной –
Не счесть их, не пересчитать...
Свеченье продлённого лета
В начальной поре сентября...

Как будто звучит «аллилуйя»,
Торжественно гласные для...
Я небо в блаженстве целую,
Землёй на мгновение став...

* * *

Лето продлится в свечении
Первых сентябрьских недель...
Бога благоволение,
Благословенье земле...

Ах, паутинки тончайшие
Словно берёзок вуаль...
Лето как долгая гласная
Первых недель сентября...

* * *

Интродукции, фуги, прелюды...
Как мне нравятся эти слова...
Как их звуки божественно любы...
Словно капельки янтаря...

* * *

Упасть и плакать, и молиться
От перводенной красоты...
Так эта музыка лучиста,
Так совершен её язык
Всенотной шуберта палитры,
А Рихтер — словно полубог...

Бессмертие нельзя исчислить,
Только почувствовать дано...

* * *

Rondo gracioso
Осень нам дарует...
Ляжет грациозно
Лист на мостовую...

Ионийским ладом
Веет от настурций...
Перед листопадом
Нам сентябрь отпущен...

* * *

Когда предчувствовались формы
Ещё не созданных стихов,
Когда ещё не назван Богом,
Кто света слог произнесёт,

Когда в блаженстве всеедином
Ещё не созданы миры,
Уже превосущались ритмы,
Уже был нежен дебюсси...

* * *

Интродукция (эмболада)
Из какого реестра, ряда,
Электрического разряда,
Светоносной силы заряда?

Подношу к губам эти звуки...
Их целую самозабвенно...
Эмпирея лучи в прелюдах
Искромётных, самозабвенных...

* * *

А, может, музыка была мне колыбелью,
Пока душа не родилась,
Пока не воплотилась в тело,
Форм чувствуя каркас?

Она сформировала такт,
И ритм, войдя в моё дыхание...
«Зачем мне тело?» — Спросит Мандельштам...
Отвечу: «Чтобы музыка жила в нём...»

* * *

По канту, за чертой мы будем теми,
Чем оставались до конца...
Совсем неплохо: за беседой
Мы вечность будем коротать...

В блаженстве будем пребывать,
Таким неизъяснимом...
Как светится сентябрь
Рябинной сонатиной...

* * *

Осень — женщина, конечно,
Оттого столько нарядов...
Шаль легла на плечи
Цвета винограда...

Отчего так ало
Не было весной?
Губы подставляет,
Не закрыв фатой...

Платица венчальные,
Бел воротничок —
Яблони сияли
Ночи напролёт...

И сирени в мае
Не давали спать...

В утреннем тумане
Счастья исполать...

А теперь пронзительней,
Чем псалтыри строчка,
Алым цветом вышита
Осени сорочка...

* * *

Напою вам осень,
Словно колыбельную...
Утреннее солнце
Согревает землю,

А в сентябрьском небе,
Стаей разлиненном,
Ноты колыбельной,
Сладостной, вечерней...

Русский мир без границ

Берега Болгарии

Антонина Димитрова

Это — Россия!

Отрывок из рассказа.

Красавец-самолёт «Аэрофлота» стремительно взмыл в небо над раскалённой жарким полуденным солнцем Софией. Я и моя племянница Велина подсели поближе к иллюминаторам, чтобы иметь возможность насладиться во время полёта красивыми пейзажами. Мы летели в Россию. Нас пригласили для участия в ставшем традиционным международном фестивале поэзии «Мир без границ», который проводился в городе Вязьма Смоленской области. Но перед началом фестиваля нам предстояла другая важная духовная миссия — участие в ежегодном Крестном ходе по Нило-Столобенской пустоши, расположенной в русской глубинке на берегах озера Селигер.

Много слышала я об этом месте от организатора конкурса поэтических переводов Ольги Мальцевой. Ольга Павловна — исключительная личность! Православный поэт, переводчик, музыкант, преподаватель, владеющий несколькими иностранными языками — её деятельность уникальна в своём роде! Потому что она помогает сближению народов с разных концов света, превращает людей в одну большую интернациональную семью, сплочённую любовью к ближнему и к Богу. Недавно Ольга Павловна прислала мне фотографии этого чудесного места. Взгляд невозможно оторвать от красоты пейзажей!

В отличие от меня, Велина первый раз летела в Россию, и душу её переполняли эмоции: огромное волнение от предстоящего путешествия, неопишуемая радость от осознания того, что сбывается давняя и сокровенная мечта. Нетрудно было понять её настрой, отгадать все тайные мысли; все те же чувства о первого подобного путешествия оставили и у меня яркий след в памяти на всю жизнь.

Самолёт грациозно плыл над облаками. Велине было бесконечно интересно всё! Её фотоаппарат едва успевал запечатлеть яркие моменты этого незабываемого полёта: и оставшуюся позади Болгарию, и облака, над которыми мы местами, казалось, плыли, а не летели, и сияющее во всё небо летнее солнце, и бескрайнюю ширь России, и... наикрасивейший аэропорт Европы Шереметьево. Всё там было видно, как на ладони! Пёстрая многоликая смесь людей, прилетевших из разных стран и континентов, спешила разойтись кто куда: одни — на деловые встречи, другие — на поиски новых впечатлений, а кто-то и приключений. К сожалению, совсем не было времени для того, чтобы полюбоваться на этот пёстрый людской поток; надо было добираться до автоэкспресса, а с него до знаменитого Белорусского вокзала. А уж оттуда, разместившись в поезде ярко-красного цвета, до цели нашего путешествия — города Вязьмы.

Добрались до Вязьмы мы уже за полночь. Но нас там ждали! И нас встречала моя русская подруга — Светлана Трагоцкая — хозяйка и организатор предстоящего фестиваля. Какая же замечательная и волнующая была эта встреча! На сон уже почти не оставалось времени — так хотелось поскорее поделиться всем увиденным и уже пережитым.

Весь следующий день был посвящён знакомству с литературным салоном, где и должен был проводиться фестиваль. Расположенный в бывшем женском монастыре, салон оказался очень уютным и красивым местом. Повсюду висели картины местных художников, с одним из которых нам удалось встретиться и пообщаться. Были там и уникальные керамические изделия, выполненные и изукрашенные детьми из местной художественной школы. Заведующая литературным салоном Елена Александровна встречала нас исключительно тепло и радушно. За чашкой тра-

диционного русского чая с вкуснейшими пирожками и бисквитами мы многое узнали о истории этого уголка России. О его памятниках и достопримечательностях, о его защитниках и освободителях от вражеского нашествия. Ведь Вязьма — город воинской славы.

На следующий день мы снова собрались в дорогу. Наш путь лежал на север Тверской области в город Вышний Волочёк, откуда начинался Крестный ход до Нило-Столобенской пустоши, расположенной на берегу озера Селигер.

Что такое Крестный ход? Это уникальная традиция православного русского народа — переход, в котором участвуют многие сотни и тысячи верующих христиан. Переход пеший, через деревни и сёла, с молебнами и песнопениями, ночёвками в спартанских условиях, походом к Богу, покаянием и очищением души.

На автобусном вокзале в Вышнем Волочке нас ожидали и другие крестоходцы. Там мы познакомилась с Инной, Ринатой, Татьяной Бабаевой и её прекрасными внучатами. Там же встретились и с нашей проводницей Еленой, которую все называли «Селигерочка». Называли так потому, что глаза у неё синие, словно озеро Селигер, а душа её, как позже выяснилось, чиста, как вода святого источника, встретившегося на нашем пути.

Сам ход начался от села Фирово, где возле новостроящегося храма и был совершён первый молебен. Там же мы получили возможность прикоснуться к святому ковчегу, который принёс отец Лаврентий и в котором лежали частицы от мощей преподобного Нила Столобенского. Наша дорога проходила через леса и поля, и во мне постоянно звучала песня: «Здравствуй, русское поле! Я твой тонкий колосок...» К нам постоянно присоединялись всё новые и новые люди, и всем им батюшка (так обращаются на Руси к священнику) подносил святыне мощи. На всём пути Крестного хода нас встречали жители из окрестных деревень и сёл, пели и прославляли святыми песнопениями и тропарями. Ход останавливался, чтобы дать возможность всем желающим помолиться и прикоснуться к святым мощам, становиться сопричастным к нашему Ходу. По пути посетили Дом престарелых в Казаково, где помолились вместе с тамошними обитателями и тем самым дали им возможность ощутить благодать от молитвенного общения. Осветили источник с холодной, как лёд, водой, утолили жажду свою, что придало сил на продолжение нашего пути вперёд, вопреки помехам надоедливых насекомых и мошек. Часто в проповедях своих священники делились верой в глубокий смысл Крестных ходов. Что в результате этого на добровольные пожертвования мирян благоустраиваются храмы и монастыри, восстанавливаются разрушенные во время войны, строятся новые.

В селе Жабны — родине Нила Столобенского — полюбовались видом обновлённой колокольни, уже освящённой к нашему приходу, порадовались ходу реставрационных работ в храме святого Николая Чудотворца. Они близки к завершению, и священники выразили надежду, что уже в следующий Крестный ход ночная литургия может быть совершена в этом храме.

В Домкино мы увидели разрушенный во время войны храм святой Параскевы, в котором уже выросли деревца, а в стенах зияли огромные дыры — следы от снарядов. Показали нам и место, откуда стреляла пушка гитлеровцев, но там тоже идут реставрационные работы, и есть надежда, что храм будет восстановлен. Там же расположен и женский монастырь — район возвращается к полноценной жизни.

В Великооктябрьском, где мы остановились на отдых, прошёл молебен, в котором участвовали местные жители. Они с трепетом ожидали прохождение Крестного хода, молились вместе с нами и благоговейно прикасались к святыням. Совместная молитва, жертвования, прикосновение к мощам, — всё это одаривало нас — крестоходцев — необыкновенным чувством единения, волнения, взаимной любви, приобщению к чему-то большому, важному и нужному. Нужному и для людей, и для России.

Можно было бы ещё много перечислять событий и встреч свершившихся на нашем пути к конечной цели — встречей в селе Покровском с малым Крестным ходом, например — но главное было впереди. Главное — это село Трестино, последнее село на нашем пути, а за ним Нило-Столобенская пустошь. Необыкновенно красивое и живописное место! Нежно ласкающие берега волны озера Селигер, тишина, безбрежность озёрной глади, сияющий обновлёнными золотыми куполами и крестами храм, величие окружающей природы — неопишимо! Сказочное место для успокоения, покаяния и очищения души.

Тожественная литургия в Богоявленском соборе сопровождалась исповедью и принятием причастия. Впервые в своей жизни я принимала святое таинство исповедания и причастия. Долго готовилась к этому и ожидала с сильнейшим желанием и верой. Никогда до этого я не обращалась со священником так, как с отцом Лаврентием, который отнёсся ко мне с любовью, пониманием, сопричастностью. Слушал меня внимательно, советовал с благостью прощение за грехи, которые старался обнаружить в исповеди. Литургия завершилась обходом вокруг храма с иконой Святой Богородицы и святых мощей Нила Столобенского, которые несли несколько священников. На этом почти четырехдневный Крестный ход завершился.

Пришло время расставаться с теми прекрасными людьми из русской глубинки, с которыми мы уже по-настоящему сроднились. Живут честно, просто и даже примитивно по сравнению с современными условиями городов, а души и лица их светятся! Умеют радоваться даже маленьким радостям жизни, простым, казалось бы, вещам. Не требуют многого, не страдают гордыней, скромны, смиренны, добры и с верой в Бога. Душевно богаты и в любое время готовы прийти на помощь. Успокоят и утешат. Во время всего хода волновались за нас, спрашивали: «Как чувствуют себя наши болгарские гости?» И вообще, во время Крестного хода русские люди живо интересовались Болгарией, и я с удовольствием подолгу рассказывала им о своей Родине. Невозможно забыть широкое русское гостеприимство Шуры и Лены, её очаровательной дочери, которые приняли нас сердечно, как родных, в благословенном Богом доме. Попарили в настоящей русской бане и угостили от сердца! Эти люди всё время перед моими глазами, а когда я думаю о них, на моей душе становится тепло. Они заставляют меня вернуться в моё детство, в мой родной город Пазарджик, к моей бабушке, которая была искренней христианкой, в мир наших соседей, которые никогда не закрывали на замок свои дома. Это было одно поселение, в котором люди всегда готовы прийти на помощь друг другу, движимые одним лишь выражением любви к ближнему, сопричастности к чужому горю или радости. Я исключительно счастлива от того, что встретила в России точно таких же людей и человеческие отношения на молитвенное объединение и христианское общение! К сожалению, в современной Болгарии уже почти не рождаются такие люди... Стремление ко всё большему материальным приобретениям, роскоши, ненужной вещицизмании, алчность и зависть всё дальше отделяют нас от Бога.

На прощанье обнимаемся..., плачем и обещаем, что снова будем вместе.

Некоторые сегодня будут поглядывать на меня с усмешкой, другие с презрением, упрёком и даже ненавистью за всё написанное тут. Прости их, Господи, за то, что они ничего не понимают! Не понимают и, вероятно, никогда не поймут!

А я честно хочу признаться: сегодня, в повседневной жизни, многого мне не хватает. Не хватает этого душевного единения, которое как-то исчезло из жизни у нас — болгар. Не хватает этой спонтанной, импульсивной человеческой любви, которую уже не могу увидеть тут, на Родине. Не хватает Москвы, русской глубинки, не хватает Ольги Борисовой, «Селигерочки», Любы Сердечной, Инны, Ринаты, Татьяны с её очаровательными внуками, отца Лаврентия. Там, на Руси, я ощутила, что наконец-то вернулась к себе, к своим духовным корням, и нахожусь не на чужой, а на своей родной земле. Я постоянно тоскую о великой, незабвенной и незаменимой России, которую обожаю! России, в которую влюбилась однажды и на всю жизнь!

«До свиданья, Москва, до свиданья!..» — звучит в моей душе, и я чувствую, как крупная горячая слеза катится по моей щеке.

*Перевод с болгарского Александра Борисова,
редактура и подготовка к печати Сергея Кириллова.*

Прощание с Россией

Раскрыли крылья облака,
Чтоб ласково обнять Россию.
В моей душе шумит тоска
Расстаться нет с тобою силы.

И рвётся шёпот в небеса.
А в нём родным мне ставшим слово:
«О, Русь моя! Моя краса!
Увижу ли тебя я снова?!..»

Но дом я вспоминаю вновь
И жизни яркие мгновенья...
На Родине моя любовь...
Он ожидает с нетерпеньем.

Я знаю, ждёт, когда вернусь
И всё поймёт он с полуслова...
Я улетаю! Ну и пусть!
К Руси вернётся сердце снова.

Во мне бушует столько чувств!
Огонь и лёд, и гроз стихии!
Нахлынут в сердце боль и грусть
Иль лихорадка ностальгии...

Прощай, Москва! Как хороша!
Ты озарила сердце светом!
Близка мне, Русь, твоя душа,
Хоть непонятная при этом!

Эти поэтические строки написаны автором на неродном для него русском языке и потому не требуют никакого перевода.

И, наконец, финал, ради которого собран весь представленный материал — стихотворение «Трестино». Стихотворение-дипломант международного конкурса «Мир провинций...», написанное автором тоже на русском языке и тоже не требующее перевода. Да и какой тут может быть перевод?! Ведь язык души человеческой должен быть понятен такой же родственной душе и без какого-либо перевода.

Трестино

Просёлочной дорогой Крестный ход
Из года в год с молитвами шагает.
Дошли до Трестино уже. И вот
Храм сельский вновь нас ласково встречает.

Раздался колокольный звон в тиши,
Где вечный свой наряд несут солдаты.
Здесь каждый защитить страну спешил,
Бросаясь дерзко в точку невозврата...

Пришла в дом «похоронка». Мать скорбит...
И имя сына в горе прошептала.
Кричала тишь, что сын её погиб.
Всю ночь она от горя выгорала.

Стоит в металле парень молодой.
В Болгарии другой такой — Алёша.
Вернуться не сумел боец домой.
Уснул навек, нельзя его тревожить!

Прости, мать! Постою ещё чуть-чуть,
Поставлю свечку этому герою,
Поплачу, на коленях помолюсь.
И травы шелестят вослед за мною...

Я к батюшке на исповедь пойду,
И он меня услышит, не осудит.
В восторге я, как будто бы в раю!
Его совет я больше не забуду.

А купол обновлённый весь блестит.
Жива и верит русская глубинка.
Поют колокола и лес шумит...
Здесь оставляю сердца половинку....

Нахлынут на меня печаль и грусть...
Заплачет дождь — меня не отпускает.
Когда-нибудь опять сюда вернусь.
Поверь, Россия, мне! Я обещаю!

Русский мир без границ

Берега Монако

Лидия Довыденко

Русские сны Георгия Шишкина

Георгий Шишкин на благотворительном вечере в Монако в пользу детей России, 2007 г.

Сияние бытия

Полотна Георгия Шишкина вызывают к нам — вспомнить о величии человека, красоте души, о ее благородстве и щедрости. В сердце художника лежит какое-то сокровище, которое он щедро нам расточает, дарит гармонию, напоминает о нашей снисходительности, доброте, великодушии, храбрости, одаренности любовью. Своим искусством он создает сияние бытия, о котором в суете дней мы часто забываем, мелочась, дробясь на кусочки ускользающей повседневности. Герои его картин несут в себе образ Божий, внутреннюю сосредоточенность, духовную радость. Прозрачность, серебристо-жемчужные оттенки пастели говорят о хрупкости человека на земле, о его нежности и силе, несут ту мысль, которую высказал Александр

Пушкин: «Нежного слабей жестокий».

Те немногие часы, которые были дарованы судьбой для общения с Георгием и его женой Татьяной сначала в Москве, потом во время прогулки по не поздней ночной Ницце, незабываемы, проникнуты чувством бесконечной благодарности за чтение наизусть стихов Георгием русского поэта Николая Тuroверова среди огней вечернего города, под пальмами, чувствуя по свежести воздуха невидимый берег плещущего тихой волной Средиземного моря:

«В скитаньях весел будь и волен,
Терпи и жди грядущих встреч, —
Тот не со мной, кто духом болен,
Тому не встать, кто хочет лечь.
Простор морей, деревья пуши
И зреющий на ниве злак
Откроют бодрым и идущим
Благословляющий Мой знак.
В лицо пусть веет ветер встречный, —
Иди — и помни: Я велел», —
Так говорил Господь, и Млечный
На темном небе путь блестел.

Русские люди на юге Франции в пальмовом сквере слушают русские стихи, они долго еще мне приходили и приходят на память, эти удивительные строчки, выбранные потрясающим художником.

А потом в студии снова чувство благодарности — за молчаливое мое, восхищенное вглядывание, вчувствование в работы Георгия, в лица русских композиторов, поэтов, исторических персонажей, русских святых, написанных его рукой, как высший цвет человечества, признательности за пронзительно тихую и смиренную красоту женских образов, за воспоминание и погружение в чувство святости, как в храме.

Как ему это удастся? Как рождаются сюжеты? Как возникают темы, или они находят художника? Георгий отвечает, что все рождается от любви, от внимания и сочувствия, от ощущения, что все

вокруг живое и одушевленное, что учит тебя беспрестанно пониманию внутреннего смысла капельки воды, маленькой травинки, случайного взгляда. Постепенно смысл вещей начинает открываться тебе все глубже. Сюжет для него — это всегда идея выражения какого-то состояния, этот результат переживания случившегося: встречи, пусть даже мимолетной, прощания или предчувствия, ожидания, осознания их единственности, вероятной неповторимости. «Это у меня с детства, — говорит Георгий, — поэтому я так люблю утро, которое каждый раз свидетельствует о возобновлении, о том, что нечто еще может повториться».

Чувство России

Полотна Георгия Шишкина пронизаны чувством России. Такое ощущение, что сама Россия-Русь, самая нежная, сильная, прекрасная, живет в красках, линиях, национальных костюмах, жемчужных украшениях юных девушек. Вспоминается философия русского зарубежья, где сквозит линия: что относится к подлинно национальному, то принадлежит Вселенскому. Георгий Шишкин — это русский художник, много переживший и постигший некую тайну русской души, хотя нет, это не постижимо, а являющийся носителем этой тайны. Он размышляет о судьбах Родины как о страданиях и тяготах, пережитых нашими отцами и дедами, нашими родными, об их героизме, который с детства занимал воображение мальчишки послевоенных лет. Он часто видел внутренним зрением преодолевающего стихию войны своего дядю Юрия — моряка, представлял отца-скрипача, его крепкие руки, сжимавшие узду коня или ружьё. И это странно переплеталось с приключениями мушкетеров Александра Дюма, с образами Еватия Коловрата, князя Василька, отче Ратибора, видом заснеженной Рязани, звоном призывных колоколов, тревожным ожиданием женщин. «Неизбежность и необходимость, — говорит мастер, — взаимопроникновения, смешения только усиливают обязанность художника быть собой, найти свою линию, свой стиль, свой взгляд». Поэтому его национальное самоощущение выражается в стремлении к внутренней чистоте, это даже не стремление, а такой подход к жизни и творчеству, что позволяет незамутненно воспринимать новые впечатления, новые мысли, родившиеся внутри себя идеи, избегая шаблонов, заготовок. Художник мне видится неустанно задающим сам себе вопросы, ведь, как писал Ф.М. Достоевский, «рассудок примолкает, как сирота, если кончаются вопросы». При нежности и трепетности его образов чувствуется огромная мыслительная работа, интеллектуальное постижение истории России, мощное осмысление ее культуры, ее традиций. В то же время он доверяет своей интуиции, образы «приходят» и органично встраиваются в композицию картины. «И это всегда меня удивляет, — отмечает Георгий, — когда пишу, не думаю об этом», в картине мы уже читаем ответы на задаваемые вопросы, получаем утверждения, как ответы на волнующие темы. «В моих картинах, — продолжает мастер, — образный смысл России. Образы обобщенные, и чтобы подойти к этому, может быть, и стоило несколько удалиться от нее, от сиюминутной, повседневной жизни, которая сильно влияет, затягивает в быт. В творчестве много неосознанного, например, мне запомнился любопытный разговор с колумбийским художником Фернандо Ботеро, который говорил, что искусство всегда национально. Художник не может скрыть своей национальности. Например, он говорил о себе, что учился в Италии, живет в Европе, но все равно он колумбиец, все его жизневосприятие, его реакции, творческие движения — колумбийца». «К чувству России, — продолжает Георгий, — я пришел довольно поздно. В жизни я всегда считал правильным — поступать по чувству. Художник действует согласно внутреннего голоса, а не рассудка. Этот внутренний голос делает человека художником. Я не знаю, почему я так пишу и так чувствую».

Форма выражения

Смотрю на картину за спиной сидящего за столом Георгия. Николай-Чудотворец стоит с веслом в руках в лодке, наполненной людьми, сосредоточенными на своих собственных проблемах, в глазах их боль, страх, отчаяние, заботы, слезы. Люди бессильны вытереть их и спросить у сидящего рядом, не могут ли чем помочь, но Николай-Чудотворец вот-вот бережно причалит к отрадному берегу, его спутники ступят на землю спасенными, но заметят ли они это?

«Картины — это плод, вынашиваемый, который должен родиться, — считает художник. — Мне

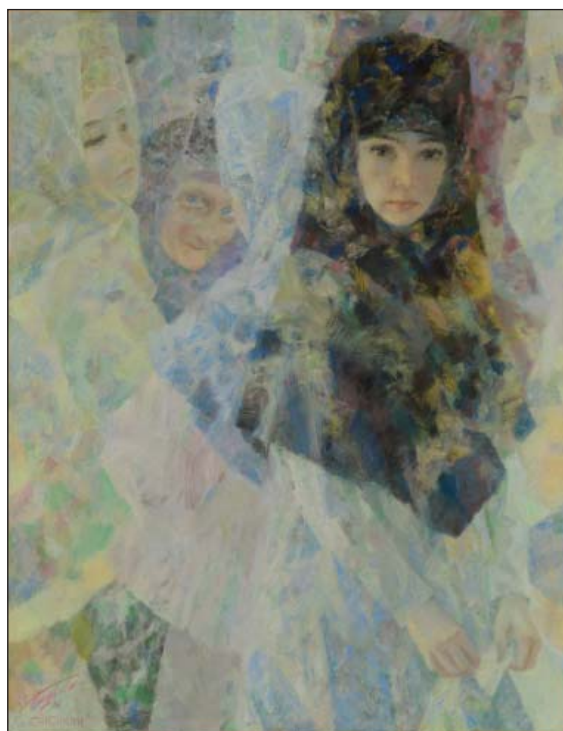
«Предчувствие», 1997 г.

«Тайна души», 1996 г.

«Ожидание», 1992 г.

«Китеж-град», 1996 г.

«Св. Николай Чудотворец», 2014—2015 гг.

кажется справедливой формула Пушкина: «...пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботах суетного света он малодушно погружен...» — Во многом форма выражения зависит от самоощущения художника в окружающей среде. Если он адаптирован к данной среде, разделяет мировоззренческие идеи общества — это одно. Если же он чувствует себя скорее в парадоксальной ситуации, он должен найти форму выражения своей позиции». А я думаю, какое же это счастье — служение искусству в лучшем смысле этого слова, когда пробивается сквозь нагромождение чужеродных явлений и влияний выражение именно национальной сущности художника, даже если это не специальный программный выбор, он не преднамеренный, и это чувствуется.

«Сюжет картины для меня — это не литературное содержание, — уточняет Георгий, — объяснение видимого. Как я понимаю, жизнь художника — вся! — проходит в ожидании встреч в их художественном переживании. Это и есть творчество. Это встречи с образами, качествами характера, формами природы. Мужские образы в моем представлении всегда были конкретны, персональны. Женские образы — всегда невольно меня привлекают именно воплощением вселенского охвата, в каждом я вижу всеобщность. Мой язык — живопись. Вряд ли смогу сказать больше словами, чем красками. Есть ли тайна? Конечно, есть. Но это тайна Несказанная! Я к ней пытаюсь всякий раз прикоснуться. Ее можно почувствовать, но нельзя объяснить. Когда, участвуя в больших международных выставках, например, в Париже, в Центре искусств, я увидел себя среди столпотворения, смешения стилей, форм, идей, я осознал, что я — русский художник. Меня воспринимают как представителя русской живописи. Важна индивидуальность художника».

Творчество художника Георгия Шишкина пронизано философией всеединства, столь значимого для отечественного мировоззрения, оно метафизично, оно говорит о русском космизме, рассматривающем мир как единое целое, человека — в неразрывной связи с космосом, творческую активность — с преображением человека.

«Мои духовные поиски, — замечает Георгий, — были интуитивны. Но художник работает с материалом. И поэтому я также интуитивно искал материал, соответствующий, подходящий к этому способу выражения. Я работал разными материалами (акварелью, маслом, многими графическими техниками), прежде чем натолкнуться на пастель, которая, мне показалось, больше всего соответствует моему внутреннему чувству. И этот многосторонний опыт меня подготовил к той степени свободы восприятия тонких материй уже без посредников. Это меня привело к пониманию абстрактной основы картины, как сущности мироздания. Таким образом, я подошёл к осознанию «динамики пятна», как основы композиции, и понял, что имею дело с духовной материей».

Выставки и встречи

На вопрос о самой запоминающейся его выставке, Георгий отвечает: «Одна из таких — первая выставка в Москве в Центральном Доме работников искусств, которая состоялась в 1987 году. И не только потому, что на вернисаже оказали мне честь своим присутствием выдающиеся деятели искусств: Елена Гоголева, Юрий Соломин, Нелли Корниенко, Татьяна Шмыга, портреты которых я писал незадолго перед этим, но еще и потому что это была разлука с Уралом, это было начало моего долгого странствования по выставочным залам мира, потому что в дорогу меня провожала бабушка, замечательная женщина, воспитавшая меня, воплотившая в себе все лучшие черты русского характера. Царствие ей Небесное! Вечная Память! Ее глубокий, проникновенный и строгий взгляд сопровождает меня сквозь все годы моей жизни.

В Свердловске, где я родился и жил до 40 лет, у меня не было мастерской и, хотя я стал членом Союза художников СССР с 1985 года, мне негде было работать. Не появилось мастерской и в Москве. И я стал ездить работать за рубеж».

Масштабной была выставка 2015 года в Монако, в год России в Монако, выставка 2010 года, года России во Франции, выставка Георгия Шишкина в Париже в 2009 году в честь 100-летнего юбилея Русских балетных сезонов Дягилева. Они имели огромный успех. Достаточно сказать о посещении выставки Александром Авдеевым, послом РФ во Франции, Жераром Депардьё, удивительно гармоничный портрет которого позже будет написан Георгием Шишкиным, русскими аристократами за границей, профессионалами в области различных видов искусств.

«Посвящение Русскому балету Дягилева», триптих, 1997 г.

*Художник Георгий Шишкин перед картиной «Смутное время» («Борис Годунов», 2006 г.)
на своей выставке в Париже в Год России во Франции, 2010 г.*

Из отзывов:

— «Художник улавливающий загадку России. ...Эта живопись волнует мою память. Это, поистине, русская живопись. В том, что пишет Георгий Шишкин, есть часть его русского наследия и часть его собственной души. Его картины содержат в себе загадку, что есть Россия» – лорд Алистер МакАльпайн, «The European magazine», Лондон, 21—27. IX. 1995 г.

— «Искусство пастели Георгия Шишкина достигает вершины. Интуитивный и, без сомнения, высокой чувствительности, этот художник не следует ни моде, ни влияниям рынка искусств. Он идёт своим путём, в поиске своих корней, и желает принести глоток кислорода в нашу современность, которая в этом очень нуждается» – французская журналистка Николь Лафон, «Nice-Matin», Ницца, 16. IX. 2000 г.

Стало традицией участие художника Георгия Шишкина со своими картинами в благотворительных вечерах, например, в пользу детей России, в вечерах, посвящённых Рождеству, Пасхе, Мариусу Петипа, Сержу Лифарю...

Почтовые марки Георгия Шишкина, а он их создал двадцать пять, требуют отдельного рассказа, лишь замечу, что в 2005 году он выиграл конкурс на создание почтовой марки с портретом правящего князя Монако Альбера Второго. За марки, посвящённые столетию Русских балетных сезонов Дягилева, Георгий Шишкин получил поздравление лично от Джеффри Марша, директора департамента балета Музея Виктории и Альберта Лондона.

Потрясает цикл работ «Русские сны», в котором чувствуется «живая связь времен». Над полотнами из этого цикла Георгий Шишкин начал работать еще в Москве, но, оказавшись во Франции, а затем в Монако, он «прикоснулся к реальным корням русской культуры». Это были встречи с удивительными людьми: с основательницей Академии классического танца имени принцессы Грейс Марикой Безобразовой, с Ириной Степановой, звездой балета Монте-Карло, которая работала под руководством Жоржа Баланчина, танцевала с Сержем Лифарем; с Татьяной Васильчиковой. Ее прапрадед был директором Эрмитажа в эпоху Александра III, в имении Васильчиковых преподавал историю Н.В. Гоголь. «Эти одаренные женщины, — говорит Георгий, — вдохновили меня на продолжение работы над циклом «Русские сны».

Картины говорят зрителю то, что выразил в поэтических строчках Николай Гумилев:

Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

В работах Георгия Шишкина — художника, поэта и философа — «золотое сердце России». Он слышит «глас Бога» и «Божьими зовет свои дороги». Нельзя не восхититься триптихом «Посвящение Русскому балету Дягилева», 1997; картинами: «Посвящение Нижинскому» (1999-2001), «Петрушка», 2009; «Карнавал», 2013; «Отдающие украшения» 1998, «Предчувствие», 1997, диптих «Прощание» и «Рождение», «Вечерний звон», «Ожидание», «Китеж-град» из цикла «Русские сны». Какая-то особенная в этом цикле работа «Гайна души», написанная в 1996 году. «Для этой картины, — рассказывает Георгий, — мне позировала удивительная женщина Ирина Ивановна Туроверова (урождённая Попова), её прадед — герой Отечественной войны 1812 года Иван Алексеевич Орлов, который чуть не взял в плен Наполеона под Малоярославцем, ему досталась его сабля, а Наполеон успел скрыться. За её прабабушкой ухаживал Лермонтов (в их семье хранилась ташка поэта). Реликвии семьи она отдала в музей русского казачества под Парижем. Младшая сестра её Мария Ивановна была замужем за младшим братом Сергея Лифаря. Ирина Ивановна — большой знаток русской поэзии и литературы. Поэт Николай Туроверов (старший брат её мужа) именно ей присылал свои новые стихи для прочтения. Она воспитала трёх сыновей, младший из которых погиб в автомобильной катастрофе, когда ему было 30 лет. Ирина Ивановна, пережив эту трагедию, искала русского художника, который смог бы написать портрет сына. В Париже она увидела одну из моих работ и ждала меня более трёх лет. Когда я первый раз приехал во Францию, мне передали её телефон. Мы встретились и вскоре стали друзьями. Она мне многое рассказывала, читала стихи... Вдохновила меня на ряд работ. Её дед генерал Попов был одним из разработчиков Брусиловского прорыва, обозначившего успешный перелом в ходе военных действий Первой мировой войны».

О художнике Георгии Шишкине написано десятки статей, сделаны теле и радиопередачи и короткие сюжеты о его выставках, он написал портреты сотен известных и малоизвестных людей, у него масса наград, в основном, к сожалению, пока — вне Родины. Я думаю, что, как и мне, дорого зрителю картин Шишкина сияние красок и глубина взглядов его образов, утверждение человеческого в людях. Я разделяю оптимизм художника в том, что слово человек звучит не гордо, не горько, а благородно и свято при всей его хрупкости и уязвимости. Очень хочу бывать на его выставках, чтобы снова встретиться с искренностью творчества, какая свойственна именно русским творцам, с очень сильным чувством любви, с трогательным взглядом непосредственности и гармонии жены художника Татьяны, с традицией человеколюбия, служения, внутреннего равновесия, просветленности, неподражаемого обаяния, радости и иногда безмятежности. Картины Георгия Шишкина несут в себе надежду на воскресение, на преодоление зла в скоротечности жизни, они звучат таинственностью человеческой души, светлой мелодией красок поверх жизненного хаоса.

История и современность

Сергей Кириллов

Слово о Рутмане.

К 90-летию со дня рождения.

Исаак Яковлевич Рутман...

Наверное, вряд ли найдётся среди жителей Советска, проживших в городе более сорока лет, хоть один, кто не слышал бы имени этого человека. Как же: Почётный гражданин города, центральная городская библиотека его имени, огромная коллекция монет и различных знаков, книга о истории города, наконец. Нет; такого человека — не слышавшего о Рутмане — в городе среди его возрастных жителей вряд ли найдёшь. Ведь они ходили с ним по одним и тем же улицам, слушали его запоминающиеся лекции по истории города и другим темам, ездили с ним на интереснейшие экскурсии по всей Прибалтике, дышали, наконец, одним и тем же воздухом. Они просто жили вместе с ним.

А молодёжь? Знает ли она о человеке, воспевшем наш город в своей книге — настоящем научном труде, если по сути? Какой он был — человек, которому нынче исполнилось бы 90 лет? Конечно, любой желающий узнать об Исааке Яковлевиче может поучаствовать в Рутманских чтениях, проводимых библиотекой его имени ежегодно в начале октября. Я же попытаюсь рассказать об этом человеке более просто — языком слова. Поделиться личными впечатлениями, произведёнными им на меня в результате многолетнего тесного общения. Впечатлениями очень разными по тематике, но всегда очень запоминающимися.

Первое моё знакомство с Исааком Яковлевичем произошло почти 50 лет назад — в 1967 году, когда я приехал на учёбу в ГПТУ-4. Именно тогда я впервые услышал о человеке, который очень энергично и темпераментно вёл свои уроки в кабинете на втором этаже и которые с таким же успехом можно было слушать и воспринимать на первом. Это было знакомство с учителем. Первое и краткое.

Второй раз мы познакомились с Исааком Яковлевичем пять лет спустя, когда я вернулся в то же самое училище, но уже в качестве мастера производственного обучения. Так состоялось знакомство с ним уже как с коллегой по работе. Вместе нам доводилось работать и на одной группе, вместе «вытаскивать» двоечников из их провалов.

Ещё через четыре года я познакомился с Исааком Яковлевичем в третий раз. Тогда, в 1976-м, начало прочно заявлять о себе экскурсионное бюро, и по городу буквально ходили легенды об экскурсиях, проведённых Рутманом. Тогда и произошло моё знакомство с ним уже как с экскурсоводом. В том же 1976-м году состоялось и четвёртое моё знакомство с этим человеком. Осенью того года я, как начинающий экскурсовод, пожелал и поучиться у своего опытного коллеги, и просто посмотреть как он это делает. Мы поехали по городу, и я очень много открыл для себя неожиданного о знакомых, казалось бы, местах. И вот экскурсия подошла к концу. Автобус зарулил в какой-то зачуханный переулок, из которого иначе как задним ходом выехать было невозможно, остановился возле какого-то ржавого ящика, переполненного мусором, и Исаак Яковлевич, завершая экскурсию, заговорил, вдруг, каким-то странным речетативом. Сначала я даже не понял, что это стихи, потом обнаружил, что это не просто стихи, а очень пронзительные по своей откровенности строчки, которые буквально заорожили меня, и уже после этого я понял, что это стихи авторские. Это, последнее обстоятельство, настолько потрясло меня, что я даже после окончания их чтения остался сидеть, как окаменелый! По моим тогдашним понятиям стихи не мог написать простой, да ещё и знакомый мне человек. Мне казалось тогда, что это могут сделать только специальные люди, которые, конечно же, не могут проживать в одном с нами городе (а, кстати, где именно должны проживать такие люди мне как-то и не приходило в голову!) и которых можно увидеть разве что по телевизору. И тут вдруг такое. Да ещё и потрясающее по содержанию!

Да ещё и возле бака с мусором... Я дождался когда Исаак Яковлевич попрощается с группой, вышел из автобуса и, нисколько не смущаясь, заявил:

«А сейчас, Исаак Яковлевич, я Вас буду драть, как Сидорову козу!»

Вообще-то Рутман по возрасту годится мне и в отцы, но я нисколько не смущался, когда сделал своё заявление в такой форме. Одной из граней разностороннего таланта Исаака Яковлевича является очень хорошо развитое чувство юмора, а я просто не мог иначе выразить своё восхищение от услышанного, особенно в связи с соседством мусорного ящика, возле которого были прочитаны столь потрясающие меня стихи! Именно поэтому, а не почему-либо ещё, мой восторг был выражен в столь нестандартной форме, совершенно нормально, кстати, воспринятой автором. Мы тут же, не отходя от злополучного ящика, пришли к выводу, что маршрут городской экскурсии нужно менять. Что такие стихи в заключение рассказа о городе нельзя читать возле ящика с мусором да ещё и без подвода к ним группы, без подготовки её. В дальнейшей своей работе экскурсовода я полностью изменил маршрут городской экскурсии и всегда заканчивал её стихами И.Я. Рутмана.

Черепичные крыши красны и покаты, —
Здесь прошли победители — наши солдаты!
На костёлах и кирхах торчащие шпили
Ржавый крест кое-где до сих пор сохранили.
Вдоль дорог зеленеют рядами каштаны,
Упираются в высь стреловидные краны...
Рядом с ними бульдозер фырчит деловито,
Зарывая следы от войны незабытой.
От войны незабытой, войны распроклятой, —
ЗДЕСЬ прошли победители — наши солдаты!
...Сыну шесть. Он спросил, инвалида увидев:
«Пап, а, пап? Кто так дядю обидел?»
Я ответил ему, что весной в «сорок пятом»
Здесь ПРОШЛИ победители — наши солдаты!
Сын ладошкой слезу растирал по щекам:
«Пап, вот я подрасту, — худо будет врагам!»
А потом позабыл про войну и бомбёжки,
По двору побежали мальчишечьи ножки,
Черепичные крыши в закате горели,
Я смотрел на детей: мальчик мой, неужели?
Неужели опять? И кому это надо?
Дорогой мой сынок, и любовь, и отрада...
Там, за далью земель, позабыли пираты,
Что ЖИВУТ победители — наши солдаты?!
Не хотим воевать! Но уж коли придётся,
Чёрным гробом пиратам земля обернётся!

Выделение слов в тексте сделано мной для того, чтобы подчеркнуть место логического ударения, которое я лично делал при прочтении этих стихов. Считаю и считаю, что столь выразительные стихи — прекрасная концовка для экскурсии по городу, имеющему столь сложную и многогранную историю. Это мнение разделяют со мной многие мои слушатели из Сибири, Подмосковья, Украины и других регионов бывшего СССР, и концовка эта стала возможной благодаря творчеству И.Я. Рутмана.

Конечно, опытный взгляд человека, занимающегося стихосложением, заметит некоторые технические шероховатости в тексте стиха, но содержание-то! Содержание-то каково?!? Тема-то какая?!? И уж совсем гениально — не побоюсь этого слова — звучит рефрен-строчка: «...здесь прошли (живут) победители...»! Какие тут ещё технические шероховатости?! Они — ничто по сравнению с текстом! И на них я никогда не обращал внимания в своей работе экскурсовода. Как не обращали внимания и мои слушатели.

3 декабря 1977 года в небольшом, тогда ещё легко доступном, городке Пагегяй на территории современной Литвы состоялось открытие мемориального комплекса «Офлаг-53». Этот мемориал был построен на месте бывшего 53-го филиала Бухенвальдского лагеря смерти. Это страшное место в окрестностях нашего города служило некой пересылкой многих сотен и тысяч военнопленных, как

говорится, из пункта «А» — жизнь в пункт «Б» — смерть. Здесь просто не думали, чтоб кого-то сохранять; цель стояла только в том, чтобы уничтожать. Этой цели в лагере было подчинено всё: никаких строений или укрытий, чтобы люди сильнее мёрзли, никаких водоёмов, чтобы люди сильнее мучились от жажды, никуда не годное питание, которое скорее отбирало силы, чем их восполняло. И люди гибли в огромном количестве практически без какого-либо вмешательства! До 200 человек в день — такое количество погибавших (точнее — уничтоженных!) обозначено в истории этого страшного места. На открытии мемориала называлась цифра более 10 тысяч человек погибших, а несколько позднее прозвучала уточнённая — более 25 тысяч человек.

Мемориал включил в себя несколько основных фрагментов, каждый из которых — символ! Большой гранитный камень у входа с высеченной на нём военнопленными надписью «Гитлер капут!» — символ стойкости духа и несломленности воли узников лагеря. Большой бронзовый барельеф — символ лишений и мук, перенесённых военнопленными в этом страшном месте. Четыре надгробных плиты, установленные на месте рвов, где были найдены тела замученных узников — символы братских могил. На них слова двух антифашистов, обессмертивших свои имена в борьбе с коричневой чумой: Юлиуса Фучика — «Люди! Будьте бдительными!» и Мусы Джалиля — «Лишь в свободе жизни красота».

Мемориал расположен в молодом сосновом лесочке, где все деревья имеют возраст 10—15 лет. Все, кроме одного: одна сосна в центре мемориала, огороженная символическим бетонным барьером, символизирующим границу между жизнью и смертью, явно выделяется из общего ряда своими размерами и возрастом. Она была совсем маленьким деревцем в то страшное время существования лагеря и осталась жить лишь потому, что росла в самом центре лагеря и простреливалась со всех сторожевых вышек. По этой причине её не выкопали и не съели узники, хотя вся остальная растительность была выкопана на глубину до полуметра и употреблена военнопленными в пищу. Сколько смельчаков, готовых выкопать и её, погибло на подступах к ней, сражённых фашистскими пулями — не знает никто.

Некоторое время спустя, мемориал был включён в одну из экскурсий нашего экскурсионного бюро. Перед пробным проездом по новому маршруту было высказано пожелание, что хорошо бы ещё и стихи иметь, посвящённые мемориалу, и на это предложение откликнулся Исаак Яковлевич. Разговор состоялся днём накануне пробной экскурсии, а уже утром следующего дня Исаак Яковлевич читал нам свои стихи:

«Когда земля от грохота стонала,
Когда страна на смертный бой вставала,
Когда мы шли с винтовкой на весу,
Охрана наших пленных ожидала,
Тянула сеть колючего металла
В теперешнем Пагегенском лесу.

Всё было приготовлено заранее,
Здесь не было ни крыши и ни зданий,
Ни речки, и колодца, ни травы!
Одна сосна — свидетель испытаний,
Сырой песок — участник всех восстаний
Людей, не опустивших головы!

Их ждали жёны, матери и дети.
Им даже и не снились муки эти!
Они на бой пошли, страну любя.
И вот попали в это лихолетье
На голод, издевательства и плети
И рвы они копали для себя!

...Отгрохотали выстрелы орудий,
Умолкли речи Нюренбергских судей,
Молчат могил безмолвные уста.
Но будьте, будьте бдительными, люди!
И мир спасённый берегите, люди!
Ведь лишь в свободе жизни красота!

Как и первые стихи Рутмана, приведённые здесь, эти я тоже использовал на своих экскурсиях сразу после Минуты молчания, объявляемой мной как раз возле могильных плит с приведёнными выше надписями, и по отзывам своих слушателей это производило сильнейшее эмоциональное воздействие и очень хорошо помогало восприятию темы. Хочу отметить чисто профессиональную деталь: даже в этих двух произведениях можно увидеть разнообразие автора в поэтическом творчестве. Если первое приведённое здесь стихотворение написано довольно сложным «анapestом» с парной рифмовкой, то второе ещё более сложным шестистроичником, имеющим сонетную форму. А это один из признаков высокого профессионального мастерства автора, ибо начинающие поэты дальше банальных «ямба» и «хорея», как правило, не уходят.

Кстати, я побывал на этом месте много лет спустя. Уже в наши дни, можно так сказать. 20 лет спустя после последней проведённой мной экскурсии по Литве. Летом 2011-го года во время подготовки к изданию совместного с литовскими авторами литературного сборника я был в Пагегяе. И, конечно же, сразу стал искать место мемориала, чтобы поглядеть на его нынешнее состояние. Это было нелегко; поднявшиеся за прошедшие годы сосенки превратились в мощные деревья, изменившие облик местности, и я довольно долго плутал вокруг в поисках нужного мне места. Но нашёл. На площадке для стоянки автомобилей стояло два «микрика» с прицепами-домиками, на которых красовались голландские номера, а рядом с ними толпились их хозяева — туристы из Европы. Они читали вывески на английском (литовском, конечно, тоже), говорящие об истории этого места, но разве всё напишешь в кратких вывесках? А туристов без малого полтора десятка... А я — экскурсовод... Разумеется, я подошёл к ним и представился. Они поняли, что я — гид, но на этом их познания русского языка заканчивались, и от моего рассказа они были вынуждены отказаться, сопроводив этот отказ немного виноватыми улыбками — дескать, не сильны мы в языкознании. Но пошли за мной по территории мемориала. Просто по маршруту, который я мог бы пройти и с закрытыми глазами.

Сказать, что увиденное удивило меня — это значит ничего не сказать. Увиденное просто потрясло!!! Мемориал был в великолепном состоянии!!! Дорожки почищены и подметены, трава обкошена, памятники освежены! Точно таким же, кстати, я встретил и памятник на братской могиле воинов Красной Армии, освободившей Пагегяй от фашистов осенью 1944-го года. В идеальном состоянии всех его составляющих!!! Шляпу хотелось снять в знак благодарности тем, кто такой уход и сохранение истории осуществляет — жаль не ношу! Ибо там — на могильных плитах — русские фамилии русских же парней и мужиков, погибших за свободу этого уголка земли! Сотни фамилий, из которых 6 (шесть!) Героев Советского Союза!

Конечно, поэтическое творчество Рутмана не ограничивалось только приведёнными выше стихами. Из-под его пера вышло и немало прекрасных лирических стихов, но это всё-таки не было главным в творчестве автора вообще. Главное из того, что написано Исааком Яковлевичем, это, конечно же, его проза. Ещё в семидесятые годы мне довелось читать его повесть, в которой говорилось о трагической судьбе юноши, попавшего под влияние религиозной секты. Я прочитал её, что называется, «взахлёб», на одном дыхании, всё время удивляясь при этом, что написанное принадлежит человеку, с которым я каждый день встречаюсь и делаю общее дело. Повесть, правда, по неизвестным мне причинам так и не была опубликована, хотя и получила блестящую оценку Калининградского писателя Сергея Снегова, сказавшего в своём резюме: «Я приветствую факт рождения в Калининградской области нового писателя!»

Но и это не было главным в литературном творчестве Исаака Яковлевича. Не художественная проза. Главным для него было краеведение и всё, что с этим связано.

Первый раз о сокровенном замысле — написать книгу о Калининградской области — я услышал в 1984 году, когда сманил-таки будущего автора в северную глушь — свою родину в Архангельской области. Для меня это была очередная поездка в отпуск и свидание с родиной, для него — сплошные открытия. Хотя Исаак Яковлевич и бывал уже к тому времени на Севере, и бывал не раз, но в этот раз поездка была совершенно особой. Главная её особенность заключалась в том, что мы жили в совершенной глуши без каких-либо признаков цивилизации. (Следствием этого, между прочим, стало появление весьма колоритной бороды у Рутмана по возвращению на «Большую землю», т.к. там — на «малой» — эту самую бороду просто нечем было сбрить, и она основательно отросла, сразу изменив внешний облик Исаака Яковлевича. Он стал похож на Хэмингуэя, я, естественно это

отметил и одобрил, и Исаак Яковлевич решил больше бороду не брить, коль она его так украшает.) В ту поездку я взял с собой своих маленьких дочерей — 8 и 12 лет, чтобы познакомить их с родовыми, так сказать, корнями. Все вместе мы прожили в «краю грибов и комаров», как выражались мои дочери, две недели начала августа и вкусили особенности полного единения с дикой природой в полной мере. Нашей пищей было только то, что мы находили в лесу или в бездонных отделах необъятного рюкзака Исаака Яковлевича, главными находками в которых был... кисель в брикетах! Мы научились солить рыбу впрок, чего мои многочисленные предки не делали никогда на протяжении десятилетий и веков, предпочитая употреблять в пищу только свежину, благо, что её было всегда в изобилии в лесной речке моего детства. Мы варили вкуснейшую уху на костре прямо на берегу красивейшей лесной речки с чистой водой, и даже мои маленькие «спиногрызы» умудрялись «уписывать» по литру(!) этого блюда за один присест! Мы пили ароматнейший чай, заваренный на смородиновых черенках, и объедались ягодами, которых в тот год было всяких и в изобилии, непривычном для жителя Прибалтики. Но, пожалуй, главнейшим блюдом для всех нас неожиданно оказался тот самый кисель из брикетов, который захватил с собой запасливый Исаак Яковлевич. Вечером, во время ужина, мы заваривали его в большом блюде, которое нашлось в доме, где наша семья когда-то жила, а с наступлением сумерек садились вокруг стола, на котором стояло блюдо, и «швыркали» остывший уже напиток большими ложками прямо из этого самого блюда. И вот представьте: солнце закатилось, смеркается с каждой минутой всё сильнее и сильнее..., тишина..., звон комаров..., всё более и более усиливающаяся (с усилением темноты) таинственность, — всё это вместе взятое подталкивало всех участников этих «тайных вечере́й» к полной откровенности и открытости. Младшие участники этих романтических собраний в конце концов укладывались спать, потому что вставали по утрам, как птички, вместе с солнышком, а мы, оставшись одни во всём белом, как казалось, свете, обсуждали вполне взрослые темы. Причём касались таких потаённых сторон жизни, что в любой другой (привычной) обстановке такое было бы невозможным ни при каких обстоятельствах! Вот тогда-то, в полной темноте позднего августовского вечера, я и услышал о сокровенном замысле Исаака Яковлевича — написать книгу о Советске и о Калининградской области вообще. В 1993 году, т.е. спустя девять лет, эта книга увидела свет. Любой из нас сейчас может прочитать её, и, я полагаю, что могу сейчас поведать слушателям о содержании (пусть и очень кратком) тайных тогда ещё откровений её автора. Говорили мы очень много, Исаак Яковлевич делился материалами, которые уже были в его распоряжении, сетовал на то, что материалов этих ещё маловато, но чувствовалось, что уже эта тема овладела им, что называется, до мозга костей. Сколько он пережил тяжких и горьких минут, пока эта задумка получила материальное воплощение, сказать бы мог только он сам, но поверьте мне сейчас на слово, что горечи на этом пути было испытано столько, что, в итоге, она отравила дальнейший замысел автора на продолжение написанного. А ведь к моменту выхода книги «Из Советска в Тильзит» в свет уже был собран материал для второй части этой же книги, который имел рабочее название «Бегство», и который должен был бы рассказать о последних днях проживания коренного населения на этой земле. Было уже даже начало рукописи, причем на сей раз в электронном виде на компьютере. Практически был собран и систематизирован материал и для третьей части трилогии, которая тоже имела вполне устоявшееся и логичное название «Возрождение» — это уже о становлении Калининградской области, но сил на выход первой части было потрачено слишком много. Но годы уже безжалостно давили и на плечи, и на мысли, и мы, увы, уже никогда не сможем увидеть этот материал воочию. Материал, реализованный в строчках в авторском исполнении. А материал, скажу я вам, богатейший!!! Остаётся только пожалеть, что талант в нашей недавней жизни не ценился по его достоинству, и на его пробивание к свету тратилось так много драгоценных человеческих сил. И даже если дети Исаака Яковлевича когда-нибудь продолжат начатое отцом дело (а сын его — Михаил — очень талантливый автор, причём разноплановый), то всё-таки это будет уже не совсем авторский текст, пропущенный автором через душу и многократно им переработанный.

Можно было бы очень много говорить ещё об этом удивительном человеке. О его разносторонней увлечённости, о его удивительной коллекции монет и знаков, которой позавидуют и многие музеи, о его признании в Европе, где он не однажды участвовал в различных дискуссиях по приглашению учёных советов университетов, об истории получения им высокого научного звания — профессор и ещё о многом и многом другом. Ибо Рутман — символ! Символ города Советска и его

современной истории, столь ярко рассказанной им в его книге. И не только города, как думается, но и культуры региона вообще. Но... но «...нельзя объять необъятное», — как говорил Козьма Прутков. О каждом таком увлечении удивительного человека, коим был Исаак Яковлевич, надо говорить отдельно. Даже о его увлечении анекдотами. Он знал их столько, что только разве что Юрию Никулину — признанному знатоку и авторитету этого жанра словесности — было бы под силу тягаться с Рутманом в этом вопросе! И разговор обо всех увлечениях этого человека подробно занял бы, наверное, весь объём очередного номера журнала. И потому, заканчивая свой рассказ, я хочу прочитать ещё одно стихотворение Исаака Яковлевича. Вообще-то, по хронологии написания, его надо было бы прочитать первым, но я намеренно хочу закончить им свой рассказ. И вы сразу же поймёте, почему я это сделал. Стихотворение было написано автором ещё в студенческие годы, когда, кстати, он и познакомился со своей будущей женой. Сразу хочу сделать пояснение: аббревиатура ТОЭ, встречающаяся в тексте, расшифровывается как Теоретические Основы Электротехники. Итак:

Сие грустное ТОЭ —
И надежда, и муки —
Вспомнят со слезою
Мои дети и внуки.
А когда и у них
Будут новые дети,
Будут знать и они:
Жил И. Рутман на свете.
Он пыхтел и старался,
Но ОДНАЖДЫ ВЕСНОЮ
Он случайно скончался
Над тетрадкой тою
В год ДВЕ ТЫСЯЧИ ТРЕТИЙ...
...И от этой тетрадки
Рутман И. на том свете
До сих пор в лихорадке.

Это стихотворение было написано в год смерти Сталина. Прошло ровно 50 лет, наступил год ДВЕ ТЫСЯЧИ ТРЕТИЙ, весна.., и 14 марта в 18 часов 30 минут автора этих строк не стало...

Мир праху его, и да будет память о нём и его добрых делах вечной в народе! Он это заслужил всей прожитой жизнью, ибо действительно жил для людей!..

Критика

Григорий Блехман

Григорий Блехман — поэт, прозаик, публицист, литературный критик. Родился 11 августа 1945 года на Кубани в казачьей станице Бескоробная. Доктор биологических наук, профессор.

Автор пяти сборников — стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательстве «Российский писатель». Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.Гумилёва и премии МГО СПР «Лучшая книга 2012-2014» в номинации «эссе» за книгу «Когда строку диктует чувство»

Как хорошо идти по свету...

(Русские смыслы Владимира Скифа)

Разговор о поэзии Владимира Скифа начну со стихотворения, которое, на мой взгляд, рассказывает о его человеческой сути — поэта и гражданина:

Как хорошо идти по свету,
По краю звёздного пути
И славу русского поэта
Державной поступью нести,

Как хорошо служить России
И знамя чести поднимать,
Как горестно своё бессилье
В служенье этом понимать...

Привёл это стихотворение первым потому, что для меня суть одного из ярчайших современных поэтов состоит в его постоянной потребности сделать максимум для страны, где родился, вырос и живёт. Поэтому позволю себе не согласиться с двумя заключительными строчками восьмистишия. Скорее всего, они продиктованы тем, что Владимир Скиф всегда ставит перед собой самую высокую планку гражданина. Ведь всё, о чём он пишет — это служение России своим словом. Разве может человек, не впитавший «с молоком матери» любовь к России написать:

Столбы гудят и мчатся вдаль,
На горизонте пропадая.
Жнёт перезревшую печаль
В полях бескрайних Русь святая.

Берёза плачет над крестом,
Ей ветер косы расплетает.
И в поле чёрном и пустом
Ворона мёртвая летает.

Здесь дом стоял. И от плетня
Меня влекли — судьба и воля.
Теперь в разверстой пасти дня
Калитка хлыбает средь поля.

В ночную копоть скрылся лес,
Господь с России мглу сметает.
Звезда срывается с небес —
И до земли недолетает.

А ведь этим стихотворением поэт открывает свою новую книгу «ГДЕ РУССКИЕ СМЫСЛЫ СОШЛИСЬ». Значит оно для него программное, центральное. И задаёт интонацию сборнику. Причём, сборнику избранных стихов, т.е. тех, которые он считает для себя главными. И здесь, действительно, «русские смыслы сошлись», потому что только русский может в такой степени почувствовать как «Берёза плачет над крестом, / Ей ветер косы расплетает...» или как «В ночную копоть скрылся лес, / Господь с России мглу сметает. / Звезда срывается с небес — / И до земли не долетает». Это ведь именно русские образы, и заполнить «до дрожи» они могут только русскую душу, которая в этом родилась и продолжает жить в веках.

Конечно, созвучие такие строки вызовут не только у русского, но и у любого, кто наделён способностью ощутить магию поэзии. Но «до оснований, до корней, до сердцевины» их может чувствовать только человек с русской душой.

И эта задумчивая печаль «среди осенней немоты» — тоже исконно русская:

Свет родины, хлеба созревшие
Простёрлись вдоль моей души.
Осенние, остекленевшие
Молчат болота, камыши.

Берёзы голые, опавшие,
Среди сырых, пустынных дней,
Как девы, замерли над пашнями
В немой стыдливости своей.

Топчу былинки жухлых крошево,
Деревьев волглые листья.
Ищу себя, своё ли прошлое
Среди осенней немоты.

А за ручьём, за тихой рощицей,
Где я влюблялся молодым,
Ещё не выгорел, полощется
Моих печалей горький дым.

И так страдать от того, что происходит в России уже почти три десятилетия, может лишь русская душа:

Милая Русь, ты была оживлённою,
Пела, крестила детей,
Тщила остаться живой, обновлённою
В мире жестоких идей.

Русских людей без идей не оставили
И без кровавой войны.
Сердце народа напалмом оплавил,
Кол принесли для страны.

Где наши песни, надежды вчерашние?
В душах — сомненье, раскол.
В тело России вошёл телебашнею
Страшный Останкинский кол.

Конечно, любой крупный поэт, оставаясь Художником национальным, невольно выходит из этих пределов и становится интернациональным, потому что есть нечто, объединяющее людей всех национальностей и вероисповеданий. Например, неподдающееся никакому рациональному определению, возвышенное состояние, именуемое вдохновением:

Оно явилось, распростёрло
Свои крыла — издалека,
Перехватив от счастья горло,
Мир поднимая в облака.

Оно несло мне вольнодумство,
Глубин достигло и высот.
Оно свалилось, как безумство,
Как полдень, рухнувший в осот.

В нём были сила и движенье,
И лёгкость чудной высоты.
И бездна слёз, и утешенье,
И рядом — ты и только ты!

Причины этого возвышенного состояния для каждого из нас в разные моменты могут быть разными, но само состояние, дающее *«душе полёт и озаренье»*, у всех одинаково.

Именно поэтому, когда крупный поэт пишет о чём-то личном, в конечном счёте, оказывается, что он написал о нашем общем. Казалось бы, каждому знакомо состояние тоски. Но когда оно выливается в строках Мастера, то его личное сразу становится и твоим — будто тобою поведанным, но сказанным так, как ты этого не умеешь:

Журавли поплыли в просини
Над осеннею рекой.
Что мне делать этой осенью,
С этой жадною тоской?

С жизнью, в крошево порубленной
Мной самим среди потерь.
И с тобою, мной погубленной,
Что же делать мне теперь?

Тучи тёмные стараются
Над землёй слезами стать.
Мои годы собираются
Журавлями улетать.

Вот и сны меня забросили...
Не хочу я в поздний час
Оставаться в этой осени
Без твоих бездонных глаз.

Но, конечно, поэт испытывает и такое состояние, какое природой дано испытывать лишь Художнику в самом ёмком понятии этого слова. Эти мгновения называются муками творчества, которые, нередко, вызывают внутренние страдания, вплоть до отчаяния:

Ах, Боже мой! Исчезло лето.
Я просыпаюсь в темноте.
Ищу застывшие предметы,
Шепчу себе: — Не то, не те,

С которыми так просто было
Творить и приникать к листу,
Их что-то ночью изменило,
Они впитали темноту.

Тьма съела дом, калитку, рощу,
А в доме — книги и цветы.
Пытаюсь их найти на ощупь,
Извлечь из плотной темноты.

Но мне предметы не даются:
Ни карандаш, ни плоть листа.
Никак стихи не удаются,
Их поглотила темнота.

Недаром, поэтов издавна называют людьми *«без кожи»*. Именно это и обрекает их на обострённое восприятие всего, что происходит вокруг. У поэта оно постоянно просится на бумагу. А когда, порой, *«Никак стихи не удаются, / Их поглотила темнота»*, переживает он это болезненно.

И потому хочу пожелать моему товарищу, чтобы такие периоды в его жизни были как можно реже, и состояние *«Творить и прикипать к листу»* возвращалось всегда.

В замечательной поэме «Месяцеслов», вошедшей в эту книгу, Владимир Скиф написал:

... Как хочется парить, воскрыльями сверкая,
И сеять зёрна слов в родную почву, май!

Хочу добавить: пусть это происходит и во все остальные месяцы года, поскольку в одухотворённых великой любовью и высокой печалью строках замечательного русского поэта Владимира Скифа, действительно, *«русские смыслы сошлись»*.

Поэтому желаю Мастеру — нашему глубинному поэту — и дальше *«сеять зёрна слов в родную почву»*, так как всходы от таких *«посевов»* — самого высокого качества.

Наши друзья

Советуем почитать:

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistского-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.rusklina.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru